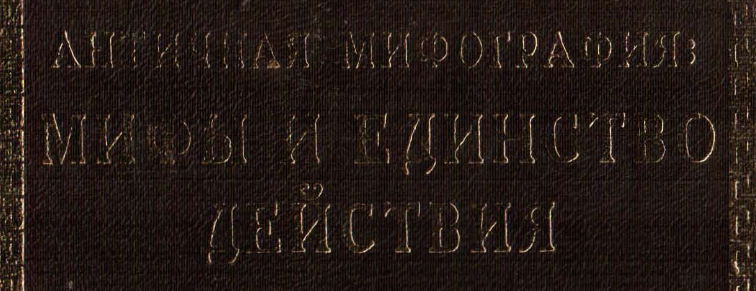
АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Д. О. ТОРШИЛОВ

СЕРИЯ

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. О. ТОРШИЛОВ

АНТИЧНАЯ МИФОГРАФИЯ: МИФЫ И ЕДИНСТВО ДЕЙСТВИЯ

СЕРИЯ

АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1999

Д. О. ТОРШИЛОВ

АНТИЧНАЯ МИФОГРАФИЯ: МИФЫ И ЕДИНСТВО ДЕЙСТВИЯ

с приложением

аргументов Аристофана Византийского и «О реках» Лжеплутарха

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1999

ББК Ш3(0)32-60
УДК 130.1(38)

Основатель и руководитель серии:
О. Л. Абышко

Книга посвящена тому, какими способами греческие и римские поэты и ученые собирали, систематизировали и излагали мифы. Ее центральная часть рассказывает об одном из таких способов — фабульном; он основан на тех объективных принципах всякого связного и законченного повествования, о которых говорит Аристотель в «Поэтике» и которые потом стали называть «единством действия».

В приложении к книге помещается трактат Лжеплутарха «О реках» (оригинальный текст, перевод и комментарий), редкий для античности образец своего рода «научной фантастики», использующий, наряду с другими, и принципы фабульной мифографии.

Для всех интересующихся античной культурой.

ISBN 5-89329-142-5

Nam qui omnis etiam indignas lectione scidas excutit, anilibus quoque fabulis accommodare operam potest...

Quint. Inst. orat., I, 9, 18.

ВВЕДЕНИЕ

Мифология и мифография

ЕМА этой книги — античная мифография, то есть древние сочинения, в которых собраны и изложены мифы. История мифографии есть одна из глав истории античной литературы; и все же говорить о мифографии только как о литературе, отмежевываясь от содержания этой литературы, т. е. от мифологии, вряд ли возможно. Отношение к мифографии всегда будет зависеть от отношения к мифологии, и изменение одного невозможно без изменения другого. Распространенное отношение к мифографии как к *источнику* по мифологии, т. е. к тому, что отбрасывается, как только из него извлечена нужная информация, связано с определенным отношением к мифологии, сводящимся, грубо говоря, к тому, что суть мифов, то, на что прежде всего устремлен взгляд размышляющего о них, лежит далеко за границами

письменных памятников исторической эпохи (в особенности лишенных вдохновения прозаических памятников): они лишь сохраняют (и искажают) некоторые следы этой сути.

Греческие мифы были первым предметом европейской науки о мифологии; они передали верованиям и рассказам сотен народов мира свое греческое имя, а потом постепенно затерялись среди них и оказались в конце концов не только не образцом мифов вообще, но чуть ли не наименее типичными их представителями — ведь они не соответствовали критериям той первозданности и естественности, которых XIX–XX века требовали от настоящих, «народных», «живых» мифов. Тогда их *первозданное и естественное* состояние стали реконструировать согласно принципам, вычлененным из мифов других, прежде всего первобытных, т. е. «варварских», с точки зрения греков, народов[1]. Эти народы не сделали их такими, как греки; они так и не стали «эллинами» из «варваров». Антропология — «философия XX века», как ее называют, или, во всяком случае, самая модная из гуманитарных наук этого века — привлекала многих именно тем, что искала (и с успехом находила) в человеке эту его варварскую, не-эллинизированную природу; в греческих же мифах подчеркивалось все, свидетельствующее об их варварском происхождении: все они, как выяснилось, говорят о ритуальных убийствах и кровосмешениях, о подсознательных страхах и страстях, и при этом обнаруживают алогичный ассоциативный ход мысли.

Излюбленным греческим богом стал Дионис, затмевающий разум и пробуждающий кровожадные страсти. О его светлом антиподе — Аполлоне — вспомина-

---

[1] Частью описанного процесса был и переход занятий мифологией из рук филологов-классиков в руки представителей многочисленных других специальностей.

ли преимущественно то, как он насылал чуму и расхаживал, «ночи подобный»: : он, дескать, в древности был злобным и мрачным демоном, а весь свет разума — сплошное *искажение* первозданного мифа. Другой покровительнице разума и порядка, Афине, сразу припоминали, как она превратила талантливую девушку в кошмарную паучиху (а значит, согласно превосходной логической фигуре мифологов, *и сама была паучихой*). В любых рассуждениях о мифах и их истолкованиях обязательно рано или поздно всплывало *подземное царство* (но никогда — *поздние* и *надуманные* Острова Блаженных, ни даже просто Олимп с дворцами богов). Постоянно говорилось о *чудовищных порождениях Земли*, никогда — о сыновьях Неба. Геракла характеризовали прежде всего теми деяниями, что он совершил в безумии; ведь так наскучило то, что он делал в здравом уме. Эдип и Орест символизировали неизбежность для человека совершить самые ужасные преступления (или хотя бы желать их), а не его способность за них расплатиться: Эриннии воспринимались как реальность, а Эвмениды как способные лишь чуть-чуть прикрыть их боязливый эвфемизм — толкователь мифологии в последние века был *«не столько вдохновен Музами, сколько одержим Фуриями»*[1].

Поиск варварской архаики производился любыми путями (так что даже эпитет «архаический» стал звучать своего рода ценностной, отнюдь не просто временной характеристикой). С одной стороны, следы архаики постоянно выявлялись в классических произведениях греческой поэзии (тем более что поэзия, согласно распространенному представлению, зафиксированному в термине «мифопоэтический», имеет привилегированные отношения с мифом), с другой — любые неожиданные детали, найденные у поздних авторов,

[1] Как сказал по другому поводу Жан-Батист Бальзак.

преимущественно писавших прозой античных эрудитов (и, добавим, лжеэрудитов), также могли свидетельствовать о долитературной древности. Сами же собиравшие мифы древние ученые[1] не вызывали интереса (ведь трудно представить себе нечто «мифопрозаическое»); их «исследование» рассматривалось как «источниковедение», а предмет интереса лежал не в самих памятниках, а где-то за ними.

При таком подходе изучение мифографии и в самом деле способно сыграть лишь роль критики источников (хотя и она важна — когда нет ясного представления о данном мифографе, иногда получается, что сведения, очевидным образом восходящие к вполне определенному времени, используются как свидетельства о состоянии мифологии в неопределенно-архаическую эпоху[2]). Если же не считать, что мифы бесписьменные есть мифы «живые» и «первозданные», а записанные — «мертвые» и «искаженные», мифография способна сказать больше.

* * *

[1] Слово «ученый» применительно к мифографам вызывает сомнения (получается, что мифография — это «наука», на чем мы нисколько не настаиваем), но как нам еще назвать людей, которые читают одни скучные книги и делают из них другие?

[2] Например, уникальные сведения, почерпнутые из произведений, причастных к эвгемеризму или Schwindelliteratur, или же из книг, источниками которых были такие произведения, не свидетельствуют решительно ни о чем, кроме воображения их авторов. Эти вымышленные сведения часто бывают особенно эффектны и могут поражать воображение не только древнего читателя, но и новейшего исследователя — ведь именно с целью быть эффектными они и вымышлены. Необходимо представлять себе и степень сохранности текста данного мифографа (для Гигина, например, низкую), и количество возможных ошибок его самого; последнее зависит от понимания его методов работы и вообще его индивидуальности.

Весь предпринятый последними веками поиск дикой архаики отнюдь не был безуспешным[1]; и все же, залетев далеко в одну сторону, маятник всегда поворачивает назад: в XX веке много и убедительно было сказано о том, какими же греки, в сущности, были варварами; не исключено, что скоро снова вызовет интерес то, как они попытались быть эллинами и сделать Эринний Эвменидами. Для классициста в этом их непреходящая заслуга, для романтика — оригинальность, отличающая от прочих народов. Эта оригинальность «эллинского», как известно, состоит, в частности, в желании и умении видеть соразмерность и пропорциональность вещей; в настоящей работе и говорится о том, какие пропорции соблюдали древние при изложении своих мифов и как соразмеряли их друг с другом. Пропорциональность — выражение единства; пропорциональность изложения — выражение единства содержания, а если содержание состоит из событий, то пропорции их описания выражают единство действия.

Нам не кажется, что те принципы пропорциональности и соразмерности, которые обнаруживаются в книгах мифографов, есть лишь насилие над материалом и перекраивание его по чуждым ему меркам. Конечно, это презумпция, а не вывод: но любой ответ на вопрос, *свойственны* ли данной вещи данные мерки, исходит из презумпции относительно ее природы. Если

---

[1] Ведь и «эллинизация» греческой мифологии никогда не стала полной. «Варварские» рассказы о пожирании богами своих детей или кастрировании ими родителей шокировали не только враждебных «эллинству» христианских авторов, но и таких поклонников Эллады, как Павсаний, и чуть ли не в каждом греческом мифе можно найти хоть одно из тяжких преступлений: убийство, членовредительство, изнасилование.

природа мифов хаотична и иррациональна, всякие принципы упорядочения ей не свойственны; если же она не такова или не только такова, то мерки мифографов вполне могут быть укоренены в материале, а их книги перестают быть *источниками* по мифам и становятся чем-то другим, допустим, их *носителями*, или *отражениями*, или даже *воплощениями* — воплощениями пусть и не всего, что есть в мифологии, но уж во всяком случае некоторых из ее сторон. Мифография с такой точки зрения — не *источник* по мифологии, но реализация одной из ее потенций, ее *отражение* в литературе, ее *воплощение* в книгах, а строение этих книг — отражение принципов, организующих саму мифологию, ее пропорциональности и меры.

Но все сказанное — лишь неминуемое обратное движение маятника. Закончить же можно тем, что ниточка ученых занятий мифологией не прерывалась от Гесиода до наших дней. Книжник, занимающийся мифами, вначале был собирателем и систематизатором, затем стал собирателем и истолкователем, затем, наконец, собирателем и «исследователем», ученым в нынешнем смысле слова. Ближе всего к тому, чтоб порваться, эта ниточка была в Средние века, но все же не порвалась: позднеримские мифографы (Сервий, Гигин, Фульгенций) были авторитетами и источниками для Ватиканских мифографов, Третий Ватиканский мифограф — для Петрарки и Боккаччо, Боккаччо — для Лилия Гиральда и Наталиса Комеса. Это уже мифография Ренессанса, и с тех пор с каждым веком количество книг о мифологии — то спорящих с предшествующими, то соглашающихся — все возрастает. Если древняя мифография показывает некоторые принципы самой мифологии, то она оказывается сродни мифологическим изысканиям последующих времен, стремящимся сделать это нарочно. История понимания мифо-

логии, ее Forschungsgeschichte становится все более любопытной[1]; ее первая глава — история античной мифографии.

История мифографии в XIX–XX веках

Описание мифографических сочинений — в контексте тщательного описания всех явлений античной литературы — было весьма распространенным в германской науке XIX — начала XX веков. Во-первых, описывалась судьба отдельных мифов в греческой литературе (иногда — литературе и искусстве): этот вид изысканий можно себе представить по работе Г. Пиллинга «Как древние писатели и живописцы трактовали миф о Телефе»[2]. Из работ этого направления, ставших классическими, можно назвать книгу К. Роберта об эволюции в греческой поэзии мифа об Эдипе[3]. Работами такого рода являются и многие статьи фундаментального мифологического словаря Рошера[4], не только дающие

[1] Существующие очерки: *Gruppe O.* Geschichte der klassischen Mythologie und Religionsgeschichte während des Mittelalters im Abendland und während der Neuzeit. Leipzig, Teubner, 1921; *Vries, J. de*. Forschungsgeschichte der Mythologie. München — Freiburg, 1961.

[2] *Pilling G.* Quomodo Telephi fabulam et scriptores et artifices veteri tractaverunt. Diss. Halis Sax., 1886.

[3] *Robert C.* Oidipus. Geschichte eines poetisches Stoffs im griechischen Altertum. Berlin, 1915.

[4] *Roscher W. H. D.* Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Bd I–VII, 1884–1937; repr. 1965.

сумму сохранившихся о мифе сведений, но часто и рисующие их развитие постольку, поскольку оно отразилось в сохранившихся источниках.

Другой вид обычных для германской науки изысканий — описание наследия отдельных мифографов; здесь также нельзя не назвать труды Карла Роберта, проанализировавшего «Библиотеку» Лжеаполлодора и «Описание Эллады» Павсания, т. е. две книги, являющиеся основными источниками мифографических сведений[1]. Анализу наследия отдельных мифографов, как дошедших полностью, так и сохранившихся отрывочно, весьма часто посвящались латинские диссертации, озаглавленные «de ...» или «quaestiones ...»[2].

Отрывочность и запутанность сведений о развитии мифографии требовала реконструкций и порождала не менее запутанные споры. Особо следует отметить продолжавшуюся десятки лет дискуссию об источниках мифографической части «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского[3]; эта дискуссия была связана с реконструкцией творчества Дионисия Скитобрахиона (всегда путающего карты филологов своими вымыслами и мистификациями), с проблемой эпического кикла и с другими вопросами развития мифографии в эллинистический период. Еще одним долго дебатировавшимся вопросом был вопрос о так называемой «аутопсии» Павсания, т. е. о том, видел ли он сам всё, что описывает, или же компилировал литературные источники (а если так, то какие и насколько

---

[1] *Robert C.* De Apollodori Bibliotheca. Diss., Berlin, 1873; *idem*. Pausanias als Schriftsteller. Berlin, 1909.

[2] *Oder E.* De Antonino Liberali. Diss., B., 1886; *Wipprecht F.* Quaestiones Palaephateae. Diss., Bonnae, 1892; *Jungmann E.* Quaestiones Fulgentianae. Lips., 1870; *Wellmann M.* De Istro Callimacheo. Diss., Greifswald, 1886 etc.

[3] Подробнее о ней см. ниже, в главе о Дионисии Скитобрахионе; там же указаны работы участников дискуссии.

добросовестно)[1]; применительно к мифографии дебаты об «аутопсии» Павсания означают важнейший вопрос о том, как существовала та местная мифология, драгоценные сведения о которой сохранены в его труде: в живой ли традиции, в достоверных ли книгах местных уроженцев или в изысканиях, предположениях и домыслах александрийских эрудитов. Все упомянутые изыскания на протяжении XX века практически сошли на нет, хотя обобщающих работ так и не появилось[2].

Особая область, связанная с историей мифографии, — логография. Неразрывно связанная с изложением мифов, логография является началом греческой историографии, географии и вообще всей греческой прозы. Этим обусловлено большее внимание ученых к логографии, чем к другим «мифографическим» предметам; однако и логографические изыскания стихли в середине XX века. Ясная и сдержанная книга Лайонела Пирсона «Ранние ионийские историки»[3] — кажется, последняя посвященная логографам монография.

Теснейшая связь мифографии и историографии закономерным образом привела к тому, что основная работа по реконструкции путей мифографии была совершена учеными, работавшими над изданием и комментированием фрагментов греческих историков. В XIX веке это были Фридрих Крейцер[4] и Карл

---

[1] *Kalkmann A.* Pausanias der Perieget. Diss., B., 1886; *Gurlitt W.* Über Pausanias. Graz, 1890; работу Роберта см. выше.

[2] В какой-то степени может считаться таковой глава «Мифография» в: *Susemihl F.* Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit. Bd. 2. Leipzig, 1892.

[3] *Pearson L.* Early Ionian Historians. Oxford, 1939.

[4] Historicorum Graecorum antiquissimorum fragmenta / Ed. F. Creuzer. Heidelberg, 1806.

Мюллер[1]; в XX труд десятилетий посвятил этому Феликс Якоби[2]. Его «Фрагменты греческих историков», точнее, их первая (так и озаглавленная «Генеалогия и мифография») и третья («Хорография») части — необходимейшая база всякого осмысления мифографии[3].

В русской науке изучение мифографии никогда не было активным. Пожалуй, первым на русском языке сложность вопросов развития мифографии осветил В. Г. Борухович в послесловии к переводу «Библиотеки» Лжеаполлодора[4], разбирая историю и предысторию этой книги. Перевод и обстоятельный разбор некоторых других мифографов осуществлен В. Н. Ярхо[5]. Единственная теоретическая работа, посвященная именно античной мифографии и только ей, принадлежит Г. Ч. Гусейнову[6]. Поставленные в ней вопросы — *«как они* (т. е. мифографы) *систематизировали свой материал? как*

---

[1] Fragmenta historicorum Graecorum / Ed. C. et Th. Mulleri. Parisiis, Didot, 1848. Vol. I–V.

[2] Die Fragmente der Griechischer Historiker / Von F. Jacoby. Leiden, Brill, 1934–1957. T. IA–IIIC.

[3] Труд Якоби не был закончен: для тех историков, которые должны были войти в его неосуществленные IV–VI части, последним остается издание Мюллера (если они не вошли в какое-нибудь другое собрание, например, Paradoxographorum graecorum fragmenta). В 1978 году Х. Й. Метте опубликовал указатель современного состояния фрагментов историков, включивший неизвестные Якоби папирусные фрагменты и др. — Die «Kleinen» griechischen Historiker heute / Ed. H. J. Mette // Lustrum, 21, 1978.

[4] Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 99 сл.

[5] *Палефат.* О невероятном // ВДИ. 1988. № 3–4; *Парфений.* О любовных страстях // ВДИ. 1992. № 2–3; *Антонин Либерал.* Метаморфозы // ВДИ. 1997. № 3–4.

[6] *Гусейнов Г. Ч.* Типология античной мифографии // «Античная поэтика». М., 1991, с. 237–255.

они его излагали? на какие источники они опирались и что было источниками этих источников?[1]» — актуальны и для нас. «*В целом необходимо будет охватить разветвленную мифографическую традицию от Гесиода до Фотия*»[2], — продолжает автор и оставляет эту задачу будущему, начиная исторический обзор мифографии с эпического кикла. Чтобы решить, откуда же — с Гесиода, с кикла или откуда-нибудь еще — нужно начинать такой разбор и где нужно его кончать, надо определить, что мы понимаем под «мифографией», а для этого следует посмотреть, как понималось само слово «мифограф» в древнее и в новое время.

Слова «мифограф» и «мифография» в древнегреческом языке

Самые ранние из известных примеров употребления слова «мифограф», *μυθογράφος*, содержатся у Полибия[3]. Рассуждая об истинных и ложных причинах того, почему воды Понта Эвксинского изливаются через Босфор в Средиземное море, историк замечает: «*Ведь это свойственно нынешнему времени, когда всем уже доступны плавания и путешествия, и уже не следовало бы относительно вещей неизвестных искать свидетельств у поэтов и мифографов, как это делали прежде нас*»[4]. Две особенности, присутствующие в этом

[1] Цит. соч., с. 237.

[2] Скорее до Иоанна Малалы; Фотий только конспектировал мифографов.

[3] Polyb. IV, 40, 2; III, 91, 7.

[4] *Τοῦτο γὰρ ἴδιόν ἐστι τῶν νῦν καιρῶν ἐν οἷς πάντων πλωτῶν καὶ πορευτῶν γεγονότων οὐκ ἂν ἔτι πρέπον εἴη ποιηταῖς καὶ μυθογράφοις χρῆσθαι μάρτυσι περὶ τῶν ἀγνοουμένων ὅπερ οἱ πρὸ ἡμῶν πεποιήκασι* (здесь и далее подстрочники автора).

замечании Полибия, сохраняются в большинстве древних сочинений, в которых встречаются производные от корня *μυθογραφ-* (т. е. *μυθογράφος*, значительно реже *μυθογραφία* и *μυθογραφέω*). Первая из этих особенностей — сопложение «поэтов и мифографов» (это выражение, *ποιηταὶ καὶ μυθογράφοι*, часто с эпитетами *παλαιοί* или *ἀρχαῖοι*, *древние*, становится у Диодора Сицилийского[1] и Дионисия Галикарнасского[2] устойчивым оборотом, почти «гендиадисом»); вторая — противопоставление этих прибегающих в своих сочинениях к недостоверным вымыслам *поэтов и мифографов* другим писателям, руководствующимся опытом и здравым смыслом и сообщающим в силу этого достоверное и правдоподобное. От отрицательного или положительного чувства, вкладываемого различными авторами в это противопоставление, зависит и дополняющее смысл оценочное звучание *μυθογράφος*, колеблющееся от «говорящий мудрыми иносказаниями» (у Страбона о Гомере[3]) до «выдумывающий лживые басни» (у Фотия о Птолемее Гефестионе[4]).

Слово *μυθογράφος* обычно означает никак не конкретизируемого субъекта литературной мифологии; так происходит обычно у Диодора и Дионисия Галикарнасского или, например, у Феофила Антиохийского: мифографы — это те, кто приписывает героям происхождение от языческих богов и смертных женщин[5]. Если разобраться, окажется, что этот неопределенный субъект примерно равен классике греческой поэзии. Одно место из Дионисия Галикарнасского особенно отчетливо показывает, что «поэты» и «мифографы» —

---

[1] Diod. Sic. I, 23, 8, III, 62, 2, III, 62, 7, III, 66, 4.

[2] Dion. Hal. Ant. Rom. I, 13, 2, I, 34, 4; то же Plut. Thes. 1, 3.

[3] Str. III, 4, 4.

[4] Phot. Bibl. cod. 190, p. 151B Bekker.

[5] Ad Autolycum, II, 22.

это одни и те же лица: «*Эвксен, древний поэт, и некоторые другие из италийских мифографов*»[1]. У Диодора «мифографы» — это Алкман, Гомер и Гесиод[2].

Часто словом *μυθογράφος* автор пользуется, чтобы назвать тех, еще менее определенных, рассказчиков, которые привлекают божественное или чудесное таким образом, что здравый смысл оказывается в замешательстве; например, у Плутарха *μυθογράφοι* — это те, кто считает, что Аполлон превратился в дельфина, спасшего Ариона, тогда как на самом деле животное само проявило способность к разумным действиям[3], а у Филона Александрийского — те, кто называет планеты именами богов[4]. Когда этот неопределенный субъект определяется, им оказываются или всё те же поэты (Гомер — у Страбона[5]), или любые авторы, говорящие о чудесном и невероятном; так, Фемистий называет «мифографом» Геродота за рассказ о Фениксе[6].

Согласно Евстафию, о том, что муравьи превратились в мирмидонцев, «*пишут те, кто отдает дань мифографии, в том числе и Ликофрон, называя мирмидонцев "шестиногим муравьиным воинством"*[7]*; те же, кто исцеляет миф историей...* (следует рационалистическое толкование)». «*Отдающими дань мифографии*», «*мифографствующими*» (*οἱ μυθογραφοῦντες*), Евстафий называет этих неопределенных лиц не за то, что они излагают мифы, а за то, что они сохраняют

---

[1] *Εὔξενος δὲ ποιητὴς ἀρχαῖος καὶ ἄλλοι τινὲς τῶν Ἰταλικῶν μυθογράφων* — Ant. Rom. I, 34, 4.

[2] Diod. Sic. IV, 7, 1.

[3] Plut. De sollertia animalium, 984A.

[4] Philo Alex. De decalogo, 55, l. 6.

[5] III, 4, 4.

[6] Themist. p. 367C Harduin.

[7] *...καὶ τοιαῦτα μὲν οἱ μυθογραφοῦντες ἐν οἷς καὶ ὁ Λυκόφρων στρατὸν μύρμων ἑξάπεζον τοὺς Μυρμιδόνας εἰπών. οἱ δὲ τὸν μῦθον ἱστορικῶς θεραπεύοντες...* — I, 122.

имеющееся в них чудесное и неправдоподобное; в переводе подошло бы употреблявшееся по-русски в XVIII веке слово «баснословящие». Когда же он определяет одного из неопределенных «мифографствующих», им опять-таки оказывается поэт — Ликофрон.

Словом «мифографы» греческие писатели пользовались не для того, чтобы указать на конкретные книги определенных авторов, а для того, чтобы охарактеризовать сведения, которые может сообщить любой; «мифография», *μυθογραφία* — это использование писателем, постоянно или время от времени, «мифических» (либо в буквальном, либо в переносном смысле, т. е. «чудесных и невероятных») сведений. Трактат императора Юлиана *«Против киника Ираклия о том, как следует заниматься кинической философией, и можно ли кинику использовать мифы»*[1] посвящен как раз тому, позволительна ли для философа такая «мифография»: *«... какой же философии приличествует мифография...»*[2] или: *«... ни логику не приличествует мифография, ни физику, ни математику...»*[3]; среди философов, доказавших своим примером, что *«мифография»* им *«приличествует»*, Юлиан называет Ксенофонта, Антисфена и Платона, и называет в качестве их «мифов» не только рассказы Платона о загробном мире, но и *«кое-какие нравоучительные рассказы»*[4], имея в виду уже не столько *μῦθοι*-мифы, сколько *μῦθοι*-басни.

Именно применительно к басням *μυθογράφος* и *μυθογραφία* получили в античной и византийской научной традиции терминологическое значение и стали обо-

---

[1] *Πρὸς Ἡράκλειον κυνικὸν περὶ τοῦ πῶς κυνιστέον καὶ εἰ πρέπει τῷ κυνὶ μύθους πλάττειν.*

[2] *...ὁποίᾳ τινὶ φιλοσοφίᾳ προσήκει ἡ μυθογραφία...* — 10.

[3] *...οὔτε τῷ λογικῷ προσήκει τῆς μυθογραφίας οὔτε τῷ φυσικῷ οὔτε τῷ μαθηματικῷ* — 11.

[4] *Ἠθικάς τινας ὑποθέσεις.*

значать конкретных авторов и конкретный вид литературы, а именно эзоповскую басню. *Μυθογράφος* названы в «Суде» только Бабрий[1] и Эзоп[2]; торжественное *ὁ μυθογράφος*, «Мифограф», т. е. «Баснописец», у риторов и грамматиков обозначает Эзопа[3], так же как *ὁ ποιητής*, «Поэт» — Гомера, а *ὁ γεωγράφος*, «Географ» — Страбона. Именно эзоповская басня была осознана греческими и византийскими теоретиками как жанр «мифографии», а не те сочинения, которые называются этим словом сейчас.

Даже тогда, когда византийский автор называет «мифографом» одного из тех, кого мы называем так сейчас, он имеет в виду другое: например, Фотий говорит о Птолемее Гефестионе: «*как болтает этот мифограф, Моисей, законодатель евреев, имел прозвище "альфа" из-за того, что у него были белые пятна на коже*»[4]. Фотий использует слово «мифограф» не в терминологическом значении, а в том расплывчатом, о котором говорилось выше, указывая не на жанр его книги, а на лживость и легковесность автора, клевещущего в данном месте Фотиева пересказа на Моисея; можно было бы перевести «*болтает этот сочинитель <лживых и несуразных> басен*».

Таким образом, слово *μυθογράφος* имеет в древнегреческом языке три значения:

1) прямое значение: некая авторитетная сумма литературных изложений мифов, в принципе равная произведениям основоположников греческой поэзии (неважно, реальных или легендарных: *ποιηταὶ καὶ μυθογράφοι* = Гомер, Гесиод, «Орфей» и другие);

---

[1] Suda s. v. *στελεός*.

[2] Suda s. v. *εἰ τὸ μέσον κτήσαιο Κορίνθου καὶ Σικυῶνος*.

[3] Ael. Theon, Progymn. p. 77 l. 13, p. 78 l. 2 Spengel.

[4] *Ὅτι φλυαρῶν οὗτος ὁ μυθογράφος Μωσῆς φησίν ὁ τῶν Ἑβραίων νομοθέτης ἄλφα ἐκαλεῖτο διὰ τὸ ἀλφοὺς ἔχειν ἐπὶ τοῦ σώματος* — 190, p. 151B Bekker.

2) расширительное значение: всякий писатель, в произведениях которого постоянно или хотя бы иногда встречаются мифы, или даже не мифы, а шире — всякие чудеса и неправдоподобные сведения, или же, наконец, нравственные иносказания басенного типа;

3) терминологическое значение: баснописец.

«Мифография» в современном понимании

В современной науке «античной мифографией» принято называть несколько прозаических сочинений эллинистического и римского времени, кратко излагающих большое количество мифов. Это, прежде всего,

– «Библиотека» Аполлодора,
– «Мифы» Гигина[1],
– «Превращения» Антонина Либерала,
– «Превращения в звезды» Лжеэратосфена,
– «О любовных страстях» Парфения,
– «Повести»[2] Конона (дошедшие в пересказе Фотия).

К ним примыкают реконструируемые по фрагментам их предшественники, такие, например, как Асклепиад из Трагила (с «Трагедуменов» которого начинаются многие современные обзоры мифографии[3]). Ослабив строгость отбора, в этот список включают и эвгемеристические книги:

– «О невероятном» Палефата;

[1] Частично — подписанная тем же именем «Астрономия».

[2] *Διηγήσεις*, narrationes.

[3] RE s. v. Mythographie (Wendell); Griechische Sagen. Eingeleitet und neu übertragen bei Ludwig Mader. Zürich, 1963, p. XVII; *Гусейнов Г. Ч.* Типология античной мифографии // Античная поэтика. М., 1991, с. 237.

– «Новые сведения для любознательных»[1] Птолемея Гефестиона;

– «Дневник Троянской войны» Диктиса Критского и «Повесть о разрушении Трои» Дарета Фригийского (вымышленные имена авторов этих «мифологических романов» тоже можно взять в кавычки).

Можно включить в этот круг произведений стоящие на рубеже средневековья христианские сочинения Фульгенция и Ватиканских мифографов.

Названные книги проще всего классифицировать по шкале «упорядочивание известного — собирание редкого — выдумывание любопытного» (не совсем совпадающей со шкалой «научность — художественность»; вместо первого лучше подставить «строгость метода» и строгость отбора собственно мифологического материала, вместо второго — «развлекательность» или «беллетристическую выдумку»). На одном конце шкалы окажется Аполлодор, на другом — Птолемей Гефестион, которого, так же как и «Дарета» и «Диктиса», мешает зачислить в «мифографы» именно откровенная выдуманность того, что он пишет. Строгость отбора собственно мифов и исключения легенд или исторических анекдотов также наиболее высока у Аполлодора, наименее — у Птолемея Гефестиона.

Перечисленные произведения в античное и византийское время не обозначались никаким общим термином и не имели стандартизированных названий — в отличие, например, от хорографической литературы, однотипность названий которой (множественное число среднего рода прилагательных на *-κά*, образованных от географических названий: *Ἀργολικά, Λυδιακά* и т. д.[2]) в известной мере демонстрирует осознание их

---

[1] *Εἰς πολυμαθίαν καινὴ ἱστορία.*

[2] Не все такие названия относятся к хорографическим сочинениям, но почти все хорографические сочинения имеют такие названия.

жанровой однотипности; их авторы не ссылаются друг на друга и не видят друг в друге предшественников, коллег или противников; книги написаны разным языком и рассчитаны на разный образовательный ценз читателя. Этот канон не совсем удовлетворителен: возникает желание его сузить, воспользовавшись каким-либо более строгим критерием.

Однако, с другой стороны, много явно мифографического материала остается за его пределами. Нельзя не назвать мифографическую часть «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, мифографию Павсания, плутарховых «Тезея» и «Ромула», изложения мифов в схолиях; время жизни указанных писателей (I век до Р. Х. — II/III от Р. Х.) также совпадает с «каноническими» мифографами.

Не менее важны дошедшие в отрывках сочинения их предшественников: генеалогический эпос Гесиода и генеалогические сочинения логографов (Гекатея, Ферекида, Гелланика и др.), которым принадлежит центральное место в «научном» осмыслении и упорядочивании мифологии (наследником которых является наш Аполлодор), а также вся необозримая хорографическая литература, из которой черпали редкие сюжеты александрийские поэты, пересказываемые Парфением или Антонином Либералом.

Ограничение предмета

Знакомство со всем множеством мифографических сочинений вызывает желание отказаться от понимания мифографии как ограниченной области литературы, «жанра» или «вида», и снова приблизиться к античному пониманию: мифограф — это всякий писатель постольку, поскольку он излагает мифы. Способы же этого изложения — способы упорядочивания ми-

фов при их последовательном изложении или способы их введения в текст при спорадическом, а также построение повествования внутри изложения отдельного мифа — различны; следовательно, нет «жанров» или «подвидов» мифографии (генеалогическая, фабульная, «романическая»), но есть «мифографические методы», принципы систематизации мифов и способы их изложения в литературе — генеалогический, хорографический, фабульно-каталогический и др. Мифография — не ограниченная область литературы, делящаяся на более мелкие «типы», каждый из которых насчитывает определенное число сочинений; мифография — процесс литературного изложения и систематизации мифов; эти изложение и систематизация происходили различными способами, с помощью различных «мифографических методов».

При таком широком понимании «мифографии» мы сразу оказываемся перед вопросом о греческой поэзии: ведь и у нее есть свои способы изложения мифа, различные для героического и дидактического эпоса, хоровой лирики, трагедии, комедии[1], александрийской поэзии. У нашего современника не повернется язык назвать Гомера «мифографом» (как делают Страбон и Диодор); однако вопрос о «мифографическом методе» Гомера, Пиндара или Эсхила, о том, как они обращаются с основными излагаемыми мифами и как вводят побочные, вполне правомерен, сколь бы он ни был труден, или, наоборот, ясен.

Таким образом, возможно три понимания термина «мифография»:

---

[1] О комедии как большом пласте мифологической литературы часто забывают, хотя известны сотни мифологических комедий, и к ним более или менее явно восходят некоторые версии у поздних мифографов — см., например, Hyg. Astr. II, 1, 2.

1) узкое: несколько кратких прозаических сочинений эллинистическо-римского времени, посвященных полностью или почти полностью пересказу мифов (Аполлодор, Гигин, Антонин Либерал и пр.);

2) расширенное: многочисленные произведения, цель или одна из целей которых — сбор и систематизация мифов (генеалогия, хорография, хронография, Диодор, Варрон, Павсаний, Плутарх, схолии и многое другое);

3) максимально широкое: любое античное сочинение (или его отрывок), содержащее мифы, включая всю поэтическую классику (которая зачастую и понималась под «мифографией» древними учеными); при таком понимании круг охваченных памятников совпадет с понятием «литературные источники по мифологии» (но не совпадает подход к этому кругу текстов).

В настоящей работе описываемые памятники отобраны согласно второму определению. В таком случае понятия «античная мифографическая литература» или «античная мифография» оказывается весьма схожим с понятиями «античная география» или «античная историография» (вспомним, что именно мифография, историография и география были объединены в творчестве логографов). Это не *жанр литературы*, но *область знания*[1], различным образом отразившаяся в весьма различных произведениях литературы.

Описывая эти различные произведения, мы неизбежно сгруппируем их тем или иным образом. Классификация же, как часто приходится слышать, есть зло (иногда добавляют: неизбежное); навязанная живому предмету, она никогда ему не соответствует и только препятствует верному восприятию. Потому-то и не следует говорить о различных ветвях мифографии — «генеалогии», «хорографии», «фабуле» — как

[1] Определение подсказано О. Л. Левинской.

о «видах», «типах» или «жанрах», но как о «методах», «принципах» или «тенденциях». Разговор о «жанрах» более обоснован при разборе античной поэзии, в которой их разграничение (тоже часто условное) покоится на простейшем и бесспорнейшем показателе — размере; а там, где больше нет арифметических критериев, литература всегда удивляет текучестью форм и способностью не повторять их, может быть, никогда. «Генеалогия», «фабула» и другие пункты классификации, на которой основана книга, реальны как принципы и как действующие силы, а как «жанры» или «типы» часто оказываются бессмысленно упрощающей абстракцией.

Менандр Лаодикейский и мифы в гимнах

То, что пункты классификации чаще являются принципами, чем «жанрами» или «поджанрами», было ясно и античным теоретикам литературы. Об этом свидетельствует редкий (возможно — единственный) сохранившийся от древности пример теоретических рассуждений об изложении мифов в литературе. Он содержится в трактате «О торжественных речах» (*Περὶ ἐπιδεικτικῶν*) ритора второй половины III века от Р. Х. Менандра Лаодикейского[1].

«Торжественные» (букв. «показательные», т. е. не имеющие практической цели — судебной или политической) речи делятся, согласно Менандру, на похвалы

[1] Перевод, комментарий и изложение основных сведений о Менандре, об атрибуции трактатов (первый, возможно, принадлежит Генетлию) см.: *Рубцова Н. А.* Менандр Лаодикейский и его сочинение «О торжественном красноречии» // Античная поэтика. М., 1991. С. 158–180.

и порицания; похвалы же, или энкомии, делятся, в свою очередь, на множество видов соответственно тому, что именно восхваляется — бессмертное или смертное, живое или неживое и т. п. Первым пунктом классификации объектов восхваления являются боги; из-за этого Менандру и приходится высказать некоторые соображения об изложении мифов в литературе (никакая «теория мифографии», конечно же, ни малейшим образом не входит в его цели). Первая часть трактата посвящена восхвалениям богов, т. е. гимнам.

Прозаические энкомии богам часто писались во времена Менандра; их сохранившимся примером являются речи Элия Аристида; писал такие энкомии и сам Менандр. Место классического образца прозаических «гимнов» в сознании Менандра занимают семь речей во славу Эрота из платоновского «Пира»; при этом они иллюстрируют разные виды гимнографии. Однако прежде всего Менандр разбирает традиционные, стихотворные гимны и ставит вопрос о том, что из практики поэтов годится для прозаиков, а что нет.

Менандр сразу оговаривается, что любой конкретный гимн вовсе не обязательно соответствует одному «виду», но может и нескольким, и всем сразу, и что первое (один гимн = один вид) скорее свойственно поэзии, а *«историку и прозаику следует использовать каждый из этих видов и все сразу»*[1]. Менандровы «виды» (они же «идеи», εἴδη) — вовсе не жанры, но принципы отбора и изложения материала. Подход лаодикейского ритора представляется нам весьма здравым: восемь названных им εἴδη — это восемь способов, которыми может воспользоваться пишущий гимн (или вставляющий в свое сочинение нечто подобное гимну), а вовсе не восемь типов сочинений, которые мо-

[1] Здесь и далее пер. Н. А. Рубцовой. *Χρηστέον γε μὴν καὶ τῷ συγγραφεῖ καὶ τῷ λογογράφῳ καὶ τούτων ἑκάστῳ εἴδει καὶ ὁμοῦ πᾶσιν.*

гут у него получиться. В согласии с этим принципом Менандр и при подборе примеров из поэзии не пытается ограничить себя гимнами в узком смысле слова, но упоминает и большие поэмы — Гомера, Гесиода, Эмпедокла.

Восемь (точнее, семь) менандровых «видов» это:

1) «Призывательный» (*κλητικός*) — когда бога призывают явиться;

2) «Напутственный» (*ἀποπεμπτικός*) — когда бога провожают;

3) «Физический» (*φυσικός*) — толкующий природу данного бога, содержащий, говоря по-современному, физическую аллегорию;

4) «Мифологический» (*μυθικός*) — излагающий миф о боге;

5) «Генеалогический» (*γενεαλογικός*) — содержащий генеалогию бога;

6) «Вымышленный» (*πεπλασμένος*) — говоря несколько упрощенно, содержащий этическую аллегорию;

7) «Молитвенный» (*προσευκτικός*), т. е. содержащий просьбу сделать что-то;

8) «Отмаливающий» (*ἀπευκτικός*), т. е. содержащий просьбу не делать чего-то.

Классификация строго симметрична и осмысленна, и эти симметрия и осмысленность, безусловно, внесены Менандром (или, скорее, кем-то из предшествующих теоретиков) сознательно. По краям, в начале и в конце, стоят две пары «гимнов», связь которых не нуждается в комментарии; между ними, обрамляя центр, — физическая и этическая аллегории, и в самом центре, наконец, изложение мифа («генеалогические» гимны Менандр, по собственному признанию, сам отделяет от «мифических», вопреки другим риторам, и не до конца настаивает на этом разделении).

Такую «триаду» (развернутую подразделениями в «гептаду») представляет собой эта классификация,

если рассматривать ее статически, «синхронно»; но ведь всякая «триада», как известно, есть три стадии развития чего-то одного[1], и если читать менандров список обычным способом, от начала к концу, «диахронно», то он оказывается вовсе даже не классификацией, но осмысленным планом композиции гимна: сначала бога следует приветствовать, призвав его или выразив сожаление о его отбытии. Затем нужно рассказать о нем — начав с того, какова его природа («физический» гимн), продолжив рассказом о том, что он совершил и какие блага принес людям («мифический»), а затем украсив речь неким поучительным иносказанием («вымышленный»). В конце же можно обратиться к богу с просьбой. В реальном гимне любая из «частей», конечно, может быть пропущена.

С мифографической точки зрения нас, естественно, больше всего интересует четвертый из менандровых «видов», «мифический». Менандр не дает определений своим «видам», подразумевая, что природа каждого из них понятна из названия, и сразу переходит к примерам. Примеры «мифических» гимнов следующие: *«о Дионисе, гостеприимно принятом Икарием, о Лето, развязавшей пояс на Зостере, о Деметре, гостеприимно принятой Келеем, и все в этом роде»*[2]. Менандр никак не характеризует эти три истории,

---

[1] Менандр был современником Порфирия, и сходство его образа мыслей с неоплатоническим не подлежит сомнению; вопрос о конкретных связях вряд ли может быть разрешен.

[2] ... *ὅτι Διόνυσος Ἰκαρίῳ ἐπεξενώθη· ἢ ὅτι ἐν Ζωστῆρι τὴν ζώνην ἐλύσατο ἡ Λητώ· ἢ ὅτι ἡ Δημήτηρ παρὰ Κελεῷ ἐπεξενώθη· ἢ ὅσα ἕτερα τοιαῦτα.* Первый и последний мифы не нуждаются в комментариях, а о том, как беременная Лето, странствуя, собиралась разрешиться от бремени в Зостере в Аттике и даже сняла пояс, но родить не смогла, см. Paus. I, 31, 1, St. Byz. s. v. *Ζωστήρ*, и в особенности Hyperid. F 67 Jensen.

констатируя только, что это не генеалогия, но *«некий иной мифологический рассказ»*[1]. Первым бросается в глаза то, что все три мифа — аттические; все три говорят о земных странствиях богов, а два из них — о даровании смертным земледелия; предпочтительно, конечно же, в энкомиях говорить о благодеяниях богов.

В менандровом разборе «генеалогических» гимнов любопытно отметить то, что Менандр не различает собственно генеалогию, т. е. рассказ о *происхождении* бога, перечисление его предков, от куда более свойственного гимнической литературе рассказа о его *рождении* (ср. гомеровские гимны к Аполлону и Гермесу). Начав с собственно генеалогии и заметив мимоходом, что теогонические поэмы — это, конечно же, не гимны в собственном смысле, Менандр сразу переходит к рассказам о *рождении* бога и приводит примеры только из этой области, однако заканчивает все же тем, что лучший (ἀρετὴν ποιήσατο) в этой области — Гесиод. Это наводит на размышления о природе и происхождении генеалогической поэзии; ведь Гесиод и в самом деле часто описывает именно *рождение* богов, а не просто их *происхождение*[2].

Однако самые любопытные наблюдения о том, как Менандр классифицирует встречающиеся в литературе мифы, можно сделать над главкой о «вымышленных» гимнах. Можно по-разному понять, что это такое; первым приходит в голову, что «вымышленные» гимны — это выдуманные ad hoc аллегории и персонификации (вроде придуманного Платоном в «Пире» «мифа», будто Эрот — сын Богатства и Бедности), иногда почти фигуры речи, вроде выдумки самого Менандра (которой он, как кажется, весьма гордился),

[1] ... μυθικὴν δέ τινα ἄλλην ἱστορίαν.

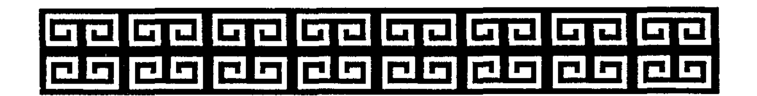
[2] О Музах — Theog. 53 sqq., об Афродите — Theog. 188 sqq., о Зевсе — Theog. 457 sqq.

будто Логос — брат Зевса. Однако большинство из приводимых Менандром примеров — мифы, которые современный читатель отнес бы к вполне «традиционным», к тем, в которые древнему греку положено «верить», а вовсе не считать «вымышленными», например, что Сон — брат Смерти (об этом говорит Гомер), что Музы — дочери Памяти-Мнемосины (об этом говорит Гесиод), и даже то, что *«Афина выпрыгнула из головы Зевса»*. Последнее, по Менандру, не просто «вымысел», но вымысел плохой, «неприятный» (ἀηδής)[1], хоть Менандр и готов согласиться, что в аллегорическом смысле это неплохо и даже может быть верно[2]. «Вымышленные» мифы для Менандра — не только те, которые в самом деле вымышлены в историческое время с целью дать этическую аллегорию, но и сколько угодно древние, но более или менее очевидным образом содержащие ее. Менандр делит мифы на «настоящие» и «вымышленные» по смыслу, современность же — по дате: «настоящие» — это те, что сочинены в доисторический период, а «ненастоящие» — те, что после него. Само же основанное на здравом смысле различение мифов, претендующих на историзм, и мифов, откровенно являющихся аллегориями, было Менандру вполне ясно. Миф как история и миф как аллегория — две самые простые трактовки мифа; в данной работе речь пойдет преимущественно об истории первой из них.

---

[1] Н. А. Рубцова переводит «безвкусный».

[2] ... εἰ καὲθ' ὑπόνοιαν εἴρηται, καὶ πρὸς ἄλλο τι ἔχει ὀρθῶς... Комическая сторона этого мифа, была, вероятно, обыграна в комедии Гермиппа «Рождение Афины» (F 1–6 Kock); поставивший ее не где-нибудь, а в Афинах Гермипп не только не подвергся обвинению в нечестии, но даже сам обвинял в нем Аспазию (Plut. Per. 32).

ВИДЫ МИФОГРАФИИ

ИЖЕСЛЕДУЮЩИЙ очерк истории мифографии не обладает ни полнотой, ни равномерностью. Он почти не касается многих сохранившихся полностью произведений (прежде всего двух главных — Аполлодора и Павсания). Напротив, много внимания уделяется недошедшим сочинениям, разбор которых помогает понять происхождение этих хорошо известных книг и их место в общей картине развития мифографии. Полностью за пределами очерка остаются все аллегорические изложения мифов.

Но и в оставшейся части обзор, данный в первой главе, в высшей степени неравномерен: эта неравномерность вызвана желанием сказать больше о том, что менее известно, например, о «Каталоге женщин» Гесиода, входящем в науку как вновь обретенное и важное (для мифографии — важнейшее) сочинение только в XX веке, или об эвгемеристах, которых ученые никогда не жаловали вниманием, а из них — прежде всего о Дионисии Скитобрахионе, своеобразном и практически неизвестном в отечественной науке писателе. Вторая глава посвящена фабульной мифографии, и бóльшую часть ее занимает разбор Гигина. На его материале описывается то, что мы называем логикой фабулы, то есть отражение

в ней единства действия. Лжеплутарх, которому посвящена последняя глава, хочется надеяться, своей комичностью уравновесит эти сухие построения.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ МИФОГРАФИЯ

Начать обзор развития мифографии следует с генеалогического способа систсматизации мифов; во-первых, он появился ранее других; во-вторых, он и был более других нацелен на такую систематизацию, и при его помощи древние ученые добились в ней наибольших успехов, соединив в одно целое практически все известные мифы. Для прочих мифографических методов такая система — лишь возможность; для генеалогии — осуществленный результат.

Мифология и история

Причина этого — связь мифологии и истории. Греческий миф обычно рассказывается так, как будто это просто рассказ о прошлом, история: употребляются глаголы прошедшего времени изъявительного наклонения (в крайнем случае настоящее *историческое*), указывается место и время действия, описываются следы этого действия в настоящем. Понимание мифа как истории есть самое простое его понимание[1]. Его часто, но неточно на-

---

[1] Приятно отметить заявленную сэром Фрэзером в предисловии к его изданию Аполлодора убежденность, что большинство воевавших под Фивами и под Троей героев воевало там на самом деле (*Apollodorus*. The Library. With an engl. transl. by sir J. G. Frazer, 1921. P. XXII). Немногие из ученых, занимавшихся мифологией после него, осмелились бы печатно высказать столь простую и понятную мысль.

зывают «эвгемеризмом»; неточно, во-первых, потому, что суть эвгемеризма не в этом, а во-вторых, потому, что это понимание существовало задолго до Эвгемера.

«Где?» и «когда?»

Система координат истории имеет две оси: географию и хронологию, «где» и «когда»: всякий исторический деятель действует в определенном месте в определенное время. Мифология, разрабатываемая систематически, получает те же измерения. При этом функции хронологии берет на себя именно генеалогия — возникает счет по поколениям.

Всякое действующее лицо греческой мифологии имеет не только собственное имя, но и имя отца, и указание родного города, «этникон»; первое отвечает на вопрос «когда», хоть и несовершенным образом, второе — на вопрос «где». Из первого вопроса следует генеалогический метод систематизации мифологии, из второго — хорографический.

При этом мифография старше истории, старше по крайней мере настолько, насколько Гесиод, «отец мифографии», старше логографов и «отца истории» Геродота. Эти свойства — указывать время и место — первоначально принадлежали именно ей.

Наличие этих «паспортных данных» (кто? чей сын? откуда?) является и самым простым признаком отличия греческих мифов от близких к ним рассказов о чудесных случаях[1] или от обозначавшихся тем же словом *μῦθος* басен. Встретивший Гермеса дровосек не имеет ни имени, ни генеалогии, ни родного города — в мифе такая безымянность немыслима, и дело не только в том, что дровосек — простолюдин, а персонаж мифа

[1] Например, амфиклейская история о младенце, которого охранял дракон (Paus. X, 33, 5).

2 Зак. 3209

по определению знатен и знаменит (героям и даже богам тоже приходилось иногда пребывать в безвестности и нищенском состоянии), а в том, что басня показывает случай типический, такой, который всегда мог бы произойти, а миф — уникальный и притязающий на не меньшую конкретность, чем та, которую имеет историческое событие.

Граница мифологии и истории

Однако мифология — это все-таки не история; мифологическое повествование чем-то неуловимо отличается от рассказа о сегодняшних или вчерашних событиях. Первый и самый простой способ сформулировать это отличие — сказать, что мифология есть особо старая история, достаточно старая, чтобы быть качественно иной, потому что с той поры с миром и человеком произошли некие принципиальные изменения; это *история доисторического* времени. В греческой литературе это качественное изменение, лежащее между мифологической эпохой и современной (которую потом, по мере ее накопления, станет описывать история), сформулировано Гесиодом, сказавшим о смене «племени героев» «племенем людей», о начале железного века. Позднее, когда мифография и историография стали достаточно развитыми, это событие даже было датировано: *мифология кончается*, а *история начинается* с возвращением Гераклидов в Пелопоннес, которое было через 80 лет после Троянской войны, т. е. в 1104 году до Р. Х. (по датировке Эратосфена)[1]. Эфор, первым решивший написать общегреческую *историю*, отказался описывать мифологический

[1] Или другие даты, в зависимости от датировки Троянской войны — см. *Jacoby F.* Das Marmor Parium. Berlin, 1904, FGrHist IIA 239.

период и начал книгу с возвращения Гераклидов и вызванной им ионийской и эолийской колонизации малоазиатского побережья[1].

Те, для кого такое простое разделение мифа и истории было неудовлетворительно, пытались разделить их иначе. Возможно, миф — это просто ложь, пустая *басня* (принято считать, что первым об этом заявил Ксенофан); а если все-таки не ложь, то мифологические сказания следует понимать совсем не так, как исторические; эти сказания следует понимать как-то иначе: *иносказательно, аллегорически*. Отсюда вытекает весьма многое, но это уже не касается генеалогической мифографии.

Генеалогический эпос

Генеалогия предков, наверно, вообще является первой формой исторической памяти. Однако историческое, тем более хронологическое значение есть скорее неизбежный побочный эффект генеалогизирования; прямая функция генеалогии — показать родовую и племенную принадлежность, «породу» ее носителя. Мифологическая генеалогия указывает прежде всего на сверхъестественность природы богов и героев.

Этим и определяется строение гесиодовских генеалогий, с которых начинается история генеалогической мифографии; они показывают происхождение племени «полубогов» от богов через союзы со смертными женщинами и причастность этого племени божественной природе:

Общими трапезы были тогда (т. е. в мифическую эпоху) *и общими ложа*

---

[1] FGrHist IIA 70 F 1.

Роду бессмертных богов и смертному роду людскому[1].

Многочисленность, разработанность собранных Гесиодом генеалогий свидетельствует, что у него были предшественники, о формах деятельности которых можно только гадать; гесиодовский эпос — не первый опыт мифологической генеалогии, но лишь первый известный.

Основные сведения о генеалогических поэмах

Реконструкция корпуса генеалогических поэм началась с собирания фрагментов Гесиода; в эльзевировском издании Гревия (1667) их уже больше семидесяти. В XIX веке этим занимались издатели фрагментов эпиков — Маркшеффель[2] и Кинкель[3]; тогда же начали появляться папирусные находки, некоторые из которых были изданы Виламовицемом-Мёллендорфом[4]. На рубеже веков появилось долго остававшееся итоговым издание Рцаха[5], затем — издание Ивлин-Уайта в Loeb Classical Library[6]. Однако папирусы продолжали и продолжают появляться. Они были собраны Р. Меркельбахом и М. Вестом в последнем издании фрагментов Гесиода[7].

---

[1] *Ξυναὶ γὰρ τότε δαῖτες ἔσαν, ξυνοὶ δὲ θόωκοι / ἀθανάτοις τε θεοῖσι καταθνητοῖς τ' ἀνθρώποις* F 1, l. 6–7 MW.

[2] Hesiodi fragmenta. Lips. 1840, p. 119 sqq.

[3] Epicorum Graecorum fragmenta / Ed. F. Kinkel. Lips. 1877. Pp. 78–184.

[4] *Wilamowitz-Möllendorf U. von,* Neue bruchstücke des hesiodische Katalog // Sitzungsberichte der k. preussichen Akademie für Wissenschaft. 1900. S. 839–851.

[5] Hesiodi opera / Ed. Rzach. Lips. 1902 (сокращенное переиздание — 1913).

[6] Hesiod, Homeric Hymns & Homerica. With an engl. transl. by H. G. Evelyn-White. LCL, 1914.

[7] Fragmenta Hesiodea / Ed. R. Merkelbach and M. L. West. Oxford, Clarendon Press, 1967; значительные дополнения

Генеалогический корпус начинается с дошедшей «Теогонии»; описав генеалогию богов и сверхъестественных существ, в конце поэмы Гесиод без видимого порядка перечисляет богинь, родивших детей от смертных[1]; после формульного зачина, вводящего очередной каталог[2], Гесиод переходил к перечислению смертных женщин, родивших детей от богов. Это непосредственное продолжение «Теогонии» рассматривалось как отдельная поэма, *Κατάλογος γυναικῶν*, вероятно, в пяти песнях. Поэму также называли иногда «Эойями», а ее продолжение — «Большими Эойями» (*Μεγάλαι Ἠοῖαι*), поскольку она членилась на отрывки, посвященные отдельным героиням, каждый из которых начинался со слов *ἢ οἵη*, «или как...» Одна из «эой» — эойя Алкмены — всегда была известна: она является началом «Щита Геракла». Во многих случаях Гесиод не ограничивался перечислением героинь и их детей; генеалогия могла развиваться и дальше, к их внукам и правнукам (или, что характерно для Гесиода, но не для позднейших генеалогов, внучкам и правнучкам). Помимо этого, связанные с перечисляющимися героями

(в том числе обширный F 10a) сделаны во втором издании 1983 года, в составе полного издания Гесиода Ф. Сольмсена. Литература о «Каталоге женщин»: *West M. L.* The Hesiodic Catalogue of Women. Its Nature, Structure and Origins. Oxford, 1985; *Dräger P.* Untersuchungen zu den Frauenkatalogen Hesiods. Stuttgart, 1997.

[1] Hes. Theog. 963–1020; в число «богинь, сочетавшихся со смертными», входят Гармония и Медея, Семела же и Алкмена перечисляются выше, среди «богинь, сочетавшихся с богами».

[2] *Νῦν δὲ θεάων φῦλον ἀείσατε ἡδυέπειαι*
Μοῦσαι Ὀλυμπιάδες κοῦραι Διὸς αἰγιόχοιο — начало «Каталога богинь»;
Νῦν δὲ γυναικῶν φῦλον ἀείσατε ἡδυέπειαι
Μοῦσαι Ὀλυμπιάδες κοῦραι Διὸς αἰγιόχοιο — начало «Каталога женщин».

мифы могли излагаться подробно, образуя вставные эпиллии. Такими эпиллиями, на которые древние авторы иногда ссылаются как на отдельные поэмы, были (с разной степенью вероятности): первое известное описание плавания аргонавтов, «Женихи Елены», «Свадьба Пелея и Фетиды», «Левкиппиды», «Свадьба Кеика» и др. Подобная пестрота композиции делала естественной как выделение частей генеалогического корпуса в отдельные поэмы, так и интерполяцию в него новых эпиллиев. Весь генеалогический корпус Гесиода в целом, от «Теогонии» до вставных эпиллиев «Больших Эой» — уже не поэма и не несколько поэм, но мифологическая энциклопедия, «библиотека», как позднее называли похожие книги (Диодора или Аполлодора), изложенная эпическим языком и стихом.

Гесиод имел и последователей, эпиков-генеалогов VII–VI веков; значительнее всего сохраненные Павсанием и схолиастами Аполлония Родосского фрагменты «Навпактики» (или «Навпактской поэмы»[1]), которая была построена, вероятно, так же, как гесиодовский «Каталог женщин»[2], и содержала, в частности, подробное описание плавания аргонавтов. Интересу Павсания к генеалогическому эпосу, который он вполне здраво рассматривал как первоисточник по мифологической генеалогии[3], мы обязаны и почти всеми све-

---

[1] *Ναυπακτικά* или *Ναυπάκτια ἔπη*, EGF pp. 145–149 Davies, 198–202 Kinkel.

[2] *Ἔπεα πεποιημένα εἰς γυναίκας* — терминология Павсания (X, 38, 11, F 1 Davies).

[3] *Πυθέσθαι δὲ σπουδῇ πάνυ ἐθελήσας οἵ τινες παῖδες Πολυκάονι ἐγένοντο ἐκ Μεσσήνης ἐπελεξάμην τάς τε Ἠοίας καλουμένας καὶ τὰ ἔπη τὰ Ναυπάκτια πρὸς δὲ αὐτοῖς ὁπόσα Κιναίθων καὶ Ἄσιος ἐγενεαλόγησαν. οὐ μὴν ἔς γε ταῦτα ἦν σφισιν οὐδὲν πεποιημένον ἀλλὰ Ὕλλου μὲν τοῦ Ἡρακλέους θυγατρὶ Εὐαίχμῃ συνοικῆσαι Πολυκάονα υἱὸν Βούτου λεγούσας τὰς μεγάλας οἶδα Ἠοίας τὰ δὲ ἐς τὸν Μεσσήνης ἄνδρα καὶ τὰ ἐς αὐτὴν Μεσσήνην παρεῖταί σφισι* («*весьма желая узнать, ка-*

дениями о других поэтах, которые, по его выражению, ἔπεσι ἐγενεαλόγησαν — Кинефоне Лаконском и Асии Самосском; от них сохранилось несколько генеалогий, противоречащих устоявшимся версиям[1].

Генеалогическому эпосу не было суждено второго расцвета, подобного тому, который пережил героический эпос в первой половине V века в творчестве Паниасида и Херила Самосского; стихотворные генеалогии были вытеснены к тому времени прозаическими.

Всеведение Муз и поэтов

Музы, как говорит Гесиод во вступлении к «Теогонии», т. е. ко всему генеалогическому корпусу, знают всё — прошедшее, настоящее и будущее (τά τ᾽ ἐόντα τά τ᾽ ἐσσόμενα πρό τ᾽ ἐόντα)[2]— и услаждают песней об этом слух Зевса, причем эта песня говорит о трех предметах: во-первых, Музы воспевают богов, бывших до Зевса, во-вторых — его самого и олимпийцев, в третьих — «род людей и суровых гигантов». Этому всеведению и этой песне они научили и Гесиода[3]: первые две ее части содержатся в «Теогонии», третья, воспевающая

кие же дети родились у Поликаона от Мессены, я перечитал так называемые "Эойи" и "Навпактскую поэму", а также генеалогии Кинефона и Асия; однако у этих поэтов ничего о них нет. "Большие Эойи", насколько я знаю, говорят о Поликаоне, сыне Бута, который женился на Эвехме, дочери Гилла, сына Геракла, а о муже Мессены и о самой Мессене там не говорится» — Paus. IV, 2, 1).

[1] К генеалогическому эпосу примыкает эпос теогонический, содержавший достаточное количество генеалогий богов и их смертных потомков (Эпименид, Ферекид Сиросский, так называемый Мусей и орфические теогонии); однако там излагаются либо предфилософские фантазии о первоначалах космоса, либо нечто орфическое.

[2] Hes. Theog. 38 sqq.

[3] Hes. Theog. 32.

«род людей» (постольку, поскольку и он генеалогически причастен божествам), — в примыкающих к ней генеалогических поэмах.

Генеалогический корпус в целом — изложение полного знания, пророческого всеведения, совпадающее с описанием выявляющихся в генеалогических цепочках метаморфоз божественной природы: от Земли и титанов — к богам, от богов — к полубогам-героям. Всеведение поэта и пророка — не в последнюю очередь умение исчислить трудноисчислимое: так, например, согласно гесиодовской «Меламподии», посвященной именно искусству пророков, когда Калхант, который также ведал *τά τ᾽ ἐόντα τά τ᾽ ἐσσόμενα πρό τ᾽ ἐόντα*[1], состязался с Мопсом, тот доказал превосходство своего знания, исчислив все смоквы на смоковнице[2]. Подобна этому и каталогическая поэзия Гесиода: подлинный ученик Муз может исчислить все, назвав число и имена всех богов, и всех Нереид, и всех героинь, сочетавшихся с богами, и их сыновей, внуков и правнуков; генеалогический каталог — способ точного познания проникающей мир божественной природы.

«Божественная эра»

Таким образом, для Гесиода осью мифологической эпохи было происхождение героев от богов, а не обратный отсчет от Троянской войны, как для позднейших гомеровских комментариев и для хронографической традиции, и даже не патрилинейная схема, производящая героев друг от друга, представленная в прозаической генеалогии от Гелланика до Лжеаполлодора. Боги, как не устает повторять Гесиод, бессмертны; их «поколение» всегда живо, «поколение» титанов всег-

---

[1] *A* 70.
[2] F 278 MW.

да ему предшествует, а «поколение» героев всегда является последующим по отношению к нему, независимо от того, родился ли данный герой за одно или за пять поколений до Троянской войны. Генеалогия здесь уже выполняет свою распределяющую время, хронологическую функцию, но точкой отсчета, «эрой» является вечное время олимпийских богов, а не историческое время людей, отсчитывающееся от однократного события.

При пересчете с божественной, гесиодовской «эры» на человеческую, «гелланиковскую», т. е. при переходе с прямого матрилинейного счета Гесиода на обратный патрилинейный позднейших генеалогий неизбежно возникают противоречия: так, Тиро жила за четыре поколения до Троянской войны, если считать через ее сына Ферета, внуком которого был Эвмел, воевавший под Троей, и за семь, если считать через ее другого сына Амифаона, праправнуком которого был погибший незадолго до войны Алкмеон[1]; из трех сестер, дочерей Фестия[2], Леда, мать Елены, жила за одно поколение до Троянской войны, Гиперместра же, бабка Алкмеона, и Алфея, жена Ойнея, деда Диомеда — за два. Хотя место Тиро (в четырех коленах от Эвмела и в восьми от Алкмеона) противоречиво относительно «эры Троянской войны», не может быть противоречивым ее место возлюбленной Посейдона относительно «эры богов»; так же непротиворечиво относительно нее и место дочерей Фестия — внучек Ареса. Все «эойи», единицы гесиодовской мифологии, равны, «одновременны» с точки зрения этой качественной, а не количественной хроногенеалогии: сын бога — всегда сын бога, в этом и состоит для него необходимое место в мусическом знании «сущего, будущего и сущего прежде».

---

[1] F 30–33 MW.
[2] F 23a MW.

Взаимное расположение «эой»

О взаимном расположении отдельных «эой», т. е. о композиции поэм в целом, не всегда можно судить с уверенностью. Традиционные воззрения гласят, что порядок генеалогий был подобен тому, который сохранен Аполлодором (то есть сначала потомки Девкалиона, потом потомки Инаха и Агенора, потом отдельные роды — аркадские потомки Пеласга, потомки Плеяд, Эакиды, Пелопиды, генеалогия которых вводит рассказ о Троянской войне); эти предположения основаны, с одной стороны, на весьма немногочисленных указаниях в сохранившихся отрывках[1], с другой — на общей презумпции сохранности генеалогической системы, копировавшейся поздними прозаиками, составлявшими пересказы и «эксцерпты» сделанного поэтами.

Сохранившиеся отрывки вступления к «Каталогу»[2] позволяют предположить, что сам Гесиод заявлял о другом принципе композиции — перечислении героинь и их потомства «по богам», от которых они произвели детей, т. е. сначала возлюбленных Зевса, затем Посейдона, Ареса, Гермеса, Геракла (среди несо-

---

[1] Например, F 2 MW (=Sch. Ap. Rhod. III, 1086), сообщающий, что о Девкалионе и Эллине говорилось именно в *первой* песни «Каталога женщин».

[2] F 1 MW.

τάων ἔσπετε Μ[οῦσαι
ὅσσ[αι]ς δὴ παρελ[έξατ' Ὀλύμπιος εὐρύοπα Ζεὺς
σπερμαίνων τὰ πρῶτα γένος κυδρῶν βασιλήων,
]ς τε Π[ο]σειδάω[ν
]ν τ' Ἄρης [
]-ηι-ιντ[
]-ςτοσπ[
Ἑ]ρμῆς -[
] βίη Ἡ[ρακλῆος

хранившихся в папирусе имен наверняка стояло еще имя Аполлона и, возможно, Гефеста). Подобные каталоги составлялись на протяжении всей античности, от «Илиады», где сам Зевс перечисляет своих возлюбленных[1], до обличавших распутство языческих богов христианских писателей[2]. В пользу именно такого строения «Каталога» говорит один из немногочисленных отрывков, пересекающих границу между «эойями», то есть содержащих конец одной и начало следующей[3]: первая посвящена Местре, дочери Эрисихтона, родившей от Посейдона Эврипила, вторая — не связанной с ней генеалогически Эвримеде, дочери Ниса, родившей от него же Беллерофонта. Перечисление героинь «по богам» больше соответствовало бы и тому принципу «божественной эры», который лежит в основе гесиодовского изложения мифов.

Матрилинейная и патрилинейная генеалогия: их чередование и совмещение

Однако фрагменты несомненно свидетельствуют и о том, что в «Каталоге» имелись и длинные нисходящие генеалогии; в частности, как показывает недавно реконструированный фрагмент[4], Гесиод в самом деле излагал ставшее впоследствии традиционным начало генеалогии Девкалионидов, перечисляя сыновей Эллина — Дора, Ксуфа и Эола, и их сыновей, потом же переходил к родословию дочерей Эола, и из-за Калики, вышедших за Аэтлия, и Перимеды, бабки Эвриты, жены Портаона и матери Ойнея, дважды оказывался

[1] *Ξ* 317 sqq.

[2] Например, Clem. Al. Protr. p. 27 Potter, Arnob. IV, 26, Jul. Firm., de erroribus, 16.

[3] F 43a MW.

[4] F 10a MW.

посредине генеалогии этолийских царей, о которой говорил довольно подробно, но потом вновь возвращался к дочерям Эола — Алкионе и Перимеде.

Это предпочтение материнской линии приводило Гесиода к многочисленным «прыжкам» из одного рода в другой: так, в упомянутом фрагменте, начинающемся с родословия дочерей Фестия, Гесиод из этолийской династии через Леду переходит к роду Периэра, потом через Елену и Клитемнестру — к Пелопидам[1], через Алфею и ее дочь Деяниру — к Гераклидам, через Гиперместру, мать Амфиарая — к Амифаонидам. Через трех дочерей Пелопса, вышедшей за сыновей Персея, Гесиод переходил от Пелопидов — к Персеидам[2].

Такой способ изложения, свободно сочетающий патрилинейные генеалогии с матрилинейными, приводил к тому, что один и тот же герой мог появляться у Гесиода значительно больше одного раза; так, Алкмена (с ее сыном Гераклом) появлялась в генеалогическом корпусе не менее трех раз: во-первых, еще в «Теогонии», где из-за божественного статуса своего сына и она попала в «каталог богинь»[3]; во-вторых, по матрилинейному принципу, в своей собственной «эойе», находившейся в рассказе о потомстве дочерей Пелопса; в-третьих, на своем «патрилинейном» месте, то есть в рассказе о Персеидах (в «эойе» Данаи). Такие примеры нетрудно умножить.

Признание ведущей роли матрилинейного принципа (который сам по себе является отражением «божественной эры», всеобщего происхождения героев от богов)

---

[1] Вероятно, об этой гесиодовской генеалогии напоминает Ликофрон (Alex. 143), называя Елену *«плевронийской фиадой»* из-за ее матери-этолиянки, хотя Цец объясняет это тем, что еще один Плеврон находился в Лакедемоне.

[2] F 193 MW.

[3] Hes. Theog. 943.

в гесиодовских генеалогиях заставляет, как нам кажется, иначе взглянуть на многие детали сохранившихся, преимущественно патрилинейных, генеалогий, а именно на постоянные попытки мифографов и схолиастов назвать мать или жену того, о ком говорится (хотя сколько ни приводи вариантов имени, она остается столь же неизвестной, сколь была и безымянной)[1], или на целые «кусты» славных генеалогий, происходящие от сестер — от Плеяд, или от дочерей Асопа, или от дочерей Пенея, схожие с упомянутыми в сохранившихся фрагментах Гесиода «кустами» дочерей Фестия и дочерей Эола. Патрилинейный принцип так и не сумел возобладать полностью: генеалогия, например, потомков Инаха, т. е. вторая основная линия мифогенеалогической системы, состоит, вообще говоря, из трех «эой» — Ио, Данаи и Алкмены[2], а примыкающая к ней генеалогия критской и фиванской династий — из «эой» Европы и Гармонии. У Гесиода, возможно, «эой» было больше — папирус позволяет догадываться, что он считал Акрисия и Прета сыновьями Зевса от жены Абанта, имя которой в папирусе не сохранилось (вероятно, ее звали Аглаей, дочерью Мантинея[3]) — так же, как ее праправнучка Алкмена и как Леда, она родила близнецов — одного от Зевса, другого от мужа; «эойя» Аглаи встраивается в нисходящую генеалогию между «эойями» Ио и Данаи.

Сама идея рождения братьев от двух отцов, смертного и бессмертного, является с генеалогической точки зрения способом совмещения патрилинейного, «человеческого», и матрилинейного, «божественного» принципов; другой такой прием — когда герой «по имени» (ἐπίκλησιν) рожден от смертного, а на деле —

---

[1] Император Тиберий, издеваясь над грамматиками, велел назвать им имя матери Гекубы (Suet. Tib. 70).

[2] F 129 MW.

[3] Так называет ее Аполлодор (II, 11, 1).

от бессмертного, как Беллерофонт у Гесиода от Главка и Посейдона[1] или у Гомера Менесфий от Сперхия и Бора[2]. Однако чаще происходит просто «встраивание», как в случаях с Ио, Данаей и т. п., в результате которого герой оказывается в земном роду наследником своего деда по матери.

Век полубогов

Гесиодовская генеалогия, отсчитывающаяся от вечной жизни богов, а не от сменяющихся поколений смертных, и непрерывно совершающая матрилинейные переходы из одного рода в другой и из одной области Греции в другую, не только не могла дать хронологически непротиворечивой картины мифологической эпохи, но и не стремилась к этому (в отличие от позднейшей генеалогической традиции, которая к этому стремилась, хотя все равно не могла). Но именно нарушающие хронологическую непротиворечивость матрилинейные переходы из рода в род, из области в область придавали гесиодовскому изображению поколения героев то единство, ту взаимосвязанность, которой оно лишилось при переходе к более строгим генеалогиям. Совместная, пронизанная многочисленными внутренними связями жизнь богов и полубогов в героический век, качественно отличный от нынешнего железного — предмет описания гесиодовского генеалогического эпоса; количественно (числом поколений или лет) отличная от современности древность — предмет описания прозаических генеалогий и хронографий.

---

[1] F 43a MW.
[2] *П* 173.

Классика прозаической генеалогии

Трудно судить, в какой именно степени прозаические генеалогии Гекатея и его последователей опирались на материал генеалогического эпоса; известное свидетельство Страбона — *«ведь самой первой поэзия приобрела известность и общее одобрение; а потом, подражая ей, составили свои сочинения Кадм, Ферекид, Гекатей и прочие, устранив размер и сохранив остальное»*[1] — можно понимать либо как общее суждение о путях литературного процесса, либо как утверждение сходства материала эпиков и первых логографов. Свидетельство Климента Александрийского — *«Гесиода же пересказали прозой историографы Эвмел и Акусилай и выдали это за собственные произведения»*[2] — ошибочное в деталях (Эвмел Коринфский не был прозаиком) и тенденциозное по цели (плагиат, дескать, обычная вещь для язычников), демонстрирует, что мнение, считающее книги логографов прозаическим пересказом генеалогического эпоса, было расхожим. В общих чертах оно было и верным.

Гекатей Милетский и критика традиции

Страбоновское *τἆλλα*, «остальное», которое сохранили логографы, устранив из своих книг гекзаметр, — это, конечно, как раз то, что объединяет «поэтов и мифографов» обсуждавшейся выше формулы, то есть

---

[1] *Πρώτιστα γὰρ ἡ ποιητικὴ κατασκευὴ παρῆλθεν εἰς τὸ μέσον καὶ εὐδοκίμησεν· εἶτα ἐκείνην μιμούμενοι λύσαντες τὸ μέτρον τἆλλα δὲ φυλάξαντες τὰ ποιητικά συνέγραψαν οἱ περὶ Κάδμον καὶ Φερεκύδη καὶ Ἑκαταῖον* — Str. I, 2, 6.

[2] *Τὰ δὲ Ἡσιόδου μετήλλαξαν εἰς πεζὸν λόγον καὶ ὡς ἴδια ἐξήνεγκαν Εὔμηλός τε καὶ Ἀκουσίλαος οἱ ἱστοριογράφοι* — Strom. VI, 2, 26, p. 443 Stäh.

изложение мифов, заставляющее писателя говорить о непроверенном и неправдоподобном. Однако сам Гекатей, основоположник ионийской прозы[1], в первой же строке своего труда (которую формально можно считать первой строкой европейской науки) гордо заявлял о принципиально критическом отношении к традиции: *«Гекатей Милетский говорит так: я пишу то, что считаю правдой; ведь рассказы эллинов многочисленны и, по моему мнению, смехотворны»*[2].

Гекатей следовал заявленному принципу, и в его книге было много рационалистических объяснений чудес, таких, которые позднее стали называть «эвгемеристическими». Так, тщательной ревизии, как можно судить по фрагментам, Гекатей подверг рассказы о подвигах Геракла (уже канонизированные к тому времени в поэме Писандра Камирейского): Герион правил не в Иберии и не на таинственном острове в Океане, но в Эпире около Амбракии — ведь в Иберии слыхом не слыхивали об Эврисфее и там нет хороших коров[3]; Геракл не выводил Цербера из Аида через Тенар: просто на Тенаре жила большая змея, которую звали «псом Аида»[4].

Иногда Гекатей прямо исправляет конкретные места в мифологических поэмах: *«Не сам Египт прибыл в Аргос, а его сыновья, числом, как сказано в сти-*

---

[1] Отдельное издание фрагментов Гекатея (помимо FGrHist IA 1): Hecataei Milesii Fragmente. Testo, Introduzione, Appendici e Indici / A cura di Giuseppe Nenci // Biblioteca di Studi Superiori, XXII. Firenze, 1954. См. также *Pearson L.* Early Ionian Historians. Oxford, 1939 (книга о четырех логографах: Гекатее, Ксанфе, Хароне, Гелланике).

[2] *Ἑκαταῖος Μιλήσιος ὧδε μυθεῖται· τάδε γράφω ὥς μοι δοκεῖ ἀληθέα εἶναι· οἱ γὰρ Ἑλλήνων λόγοι πολλοί τε καὶ γελοῖοι ὡς ἐμοὶ φαίνονται εἰσίν* — F 1 Jac.

[3] F 26 Jac.

[4] F 27 Jac.

хах Гесиода, пятьдесят, по-моему же, едва ли двадцать»[1] — фрагмент, свидетельствующий об осознанном восприятии Гекатеем Гесиода как своего предшественника. То, что деятельность логографов мыслилась как исправление, «диортоза» Гесиода, подтверждают и слова Иосифа Флавия: *«Было бы неуместно, если бы я учил знающих больше меня, в чем генеалогии Гелланика расходятся с Акусилаем или в каких местах Акусилай исправляет Гесиода»*[2].

Два сочинения Гекатея были посвящены именно генеалогии и географии, тем двум осям систематизации мифологии, о которых говорилось выше. Одно, «Описание земли», было посвящено географии ойкумены; оно содержало громадное количество географических названий и, предположительно, карту мира. Другое, которое цитирующие его называют «Генеалогиями» или «Историями»[3], вероятно, было написано позже «Географии»[4], состояло не менее чем из четырех книг и излагало генеалогии героев, причем, похоже, не касалось теогонии и начиналось с Девкалионидов, а затем переходило к потомкам Инаха. Так как перечисляемые в «Географии» географические названия часто сопровождались указанием на мифологического эпонима, иногда даже с его краткой генеалогией[5], переход Гекатея к работе над генеалогиями

---

[1] *Ὁ δὲ Αἴγυπτος αὐτὸς μὲν οὐκ ἦλθεν εἰς Ἄργος, παῖδες δέ ἐόντες, ὡς μὲν Ἡσίοδος ἐποίησε, πεντήκοντα, ὡς ἐγὼ δέ, οὐδὲ εἴκοσι* — F 19 Jac.

[2] *Περίεργος δ' ἂν εἴην ἐγὼ τοὺς ἐμοῦ μᾶλλον ἐπισταμένους διδάσκων ὅσα μὲν Ἑλλάνικος Ἀκουσιλάωι περὶ τῶν γενεαλογιῶν διαπεφώνηκεν, ὅσα δὲ διορθοῦται τὸν Ἡσίοδον Ἀκουσίλαος* — FGrHist IA 2 T 6.

[3] Один раз «Героологией» — F 8 Jac.

[4] *Meyer E.* Forschungen. I 157ff. 170 ff.

[5] St. Byz. s. v. *Μοτύη* (F 76 Jac.) *Μοτύη· πόλις Σικελίας ἀπὸ Μοτύης γυναικὸς μηνυσάσης Ἡρακλεῖ τοὺς ἐλάσαντας τοὺς αὐτοῦ βοῦς. Ἑκαταῖος Εὐρώπηι* (*«Мотия — город в Сицилии, [названный]*

был вполне логичен: эпонимия оказалась для него скрещением синхронного (географического) и диахронного (генеалогического) измерений знания о мире.

Акусилай Аргосский

Все сведения о другом «классике» прозаической генеалогии, Акусилае — его собственное имя и имя его отца, родной город, время жизни — таинственны, если не сказать темны и ненадежны. Его иногда причисляли к числу семи мудрецов (из чего не следует делать слишком уверенных выводов о времени его жизни)[1]. Источником его генеалогий послужили, согласно «Суде»[2], некие бронзовые таблицы, которые его отец нашел в земле; возможно, именно ложность этой легенды, а не более поздний подлог, имеет в виду «Суда», говоря о подложности сочинений Акусилая[3]. Эта легенда — первый в истории мифографической прозы пример приписывания собственного сочинения древнему и таинственному источнику, которое стало столь распространено в ней позже, от Эвгемера до Дарета Фригийского. В эпоху Акусилая, возможно, так же подделывались стихи Орфея или Мусея, а также связанные с тайнами и чудесами поэмы вроде аристеевой «Аримаспеи».

Значительная часть сочинения Акусилая была посвящена теогонии, и его, в отличие от других логографов, вспоминают иногда именно в этом контексте, вмес-

---

по имени Мотии, женщины, показавшей Гераклу, кто угнал его быков, [как говорит] Гекатей в "Европе"»); Eust. B 520 (F 115b Jac.): *Κρίσσα δὲ πεδίον καὶ πόλις ἐν Λοκροῖς ... ἀπὸ Κρίσσου τινὸς τυράννου ... ἢ ὡς Ἑκαταῖός φησι παιδὸς Φώκου* (*«Крисса — равнина и город ... в области Дельф, [названный] по имени Крисса, некоего тиранна, или, как говорит Гекатей, сына Фока»)*; etc.

[1] Diog. Laert. I, 41.

[2] S. v. *Ἀκουσίλαος*.

[3] *Τὰ γὰρ Ἀκουσιλάου νοθεύεται* — s. v. *Ἑκαταῖος*.

те с Гесиодом и Орфеем[1] или вместе с Ферекидом Сиросским, также причислявшимся к семи мудрецам[2]. О дальнейшем плане его сочинения, насчитывавшего не менее трех книг, можно сказать, что генеалогия Инахидов излагалась в нем прежде Девкалионидов, т. е. как у Ферекида, но не как у Гекатея.

Ферекид Афинский, «не уступающий никому из генеалогов»

Продолжатели Гекатея в составлении прозаических генеалогий, Ферекид и Гелланик, отнюдь не унаследовали рационалистического пафоса, характерного для его эпохи, — Гекатей умер примерно в те же годы (75–76 Олимпиада, 480–470 гг. до Р. Х.), что и Ксенофан, прославившийся критикой мифологии поэтов. Этот пафос был одним из проявлений того же процесса, что и переход античной науки (в том числе мифологической генеалогии) от поэзии к прозе. «Расцвет» Ферекида Афинского и Гелланика приходился на середину V века, а умерли они, возможно, уже после 400 года до Р. Х. (то есть одновременно с Сократом), и в их время критика наивной веры в мифы уже утратила актуальность.

Ферекид Афинский, «не уступающий никому из генеалогов»[3], по выражению Дионисия Галикарнасского, цитируется древними учеными чаще своих соратников и удостаивается похвал даже от новейших: Фрэзер сожалел об утрате этого кладезя мифологической учености, изложенной с очаровывающей простотой

[1] *Ὅσα γε Ἀκουσίλεως καὶ Ἡσίοδος καὶ Ὀρφεὺς ἐν ταῖς Θεογονίαις εἰρήκασιν* (что сказали Акусилай, Гесиод и Орфей в «Теогониях») — FGrHist IA 2 T 4.

[2] Clem. Al. Strom. I, p. 38 Stäh. (FGrHist IA 2 T 11b).

[3] *Γενεαλόγων οὐδενὸς δεύτερος* — Ant. Rom. I, 13, 1.

и искренностью[1]. Путаница с Ферекидом Сиросским, автором «Теогонии», и с Ферекидом Леросским, упомянутым «Судой», затемнила сведения о нем: в прошлом веке была популярна выдвинутая впервые Фоссием гипотеза, что Ферекид родился на Леросе, поблизости от Милета, центра раннегреческой прозы, но жил в Афинах. Его сочинение состояло не менее чем из десяти книг. В первых полутора, по реконструкции Якоби[2], говорилось о теогонии и, вероятно, перечислялись, как у Гесиода, сыновья богов и богинь. Со второй по пятую излагалась генеалогия потомков Инаха, значительно превосходящая Девкалионидов древностью и поэтому вынесенная Ферекидом на первое место. Во второй–третьей речь шла о потомках Бела вплоть до Гераклидов, в четвертой–пятой — о потомках Агенора вплоть до фиванских войн. Книги с пятой по восьмую занимало родословие Девкалионидов: сначала его элейско-этолийские и локрийские потомки, затем — потомки Эллина вплоть до плавания аргонавтов. Последние книги, вероятно, занимали генеалогии Атлантидов, Асопидов и Танталидов. Язык Ферекида имеет черты ионийского диалекта[3]; стиль ясен и уравновешен, лишен подчеркнутой субъективности, свойственной Геродоту и Гекатею, часто ставящим

---

[1] It is unfortunate that the writings of Pherecydes have perished, for, if we may judge of them by the few fragments which survive, they appear to have been a treasure-house of Greek mythical and legendary lore, set forth with that air of simplicity and sincerity which charm us in Herodotus (*Apollodorus*. The Library. With an engl. transl. by sir J. G. Frazer, 1921. P. XIX).

[2] *Jacoby F.* The First Athenian Prose Wrighter // Mnemosyne. Ser. III, vol. 12. 1947. P. 13 (=*Jacoby F.* Abhandlungen zur Griechischen Geschichtsschreibung. Leiden, 1956. P. 100 ff., 359 ff.).

[3] *Lütke*. Pherecydea. Diss., Göttingen, 1893.

акцент на собственном мнении и личном опыте. Гекатей, как и Геродот и позднейшие историки, вводил в свои генеалогии даже речи персонажей[1]; Ферекид, кажется, этого не делал, в чем ему следовали позднейшие мифографы.

Гелланик Лесбосский и рождение всемирной хронологии

Гелланик Лесбосский, вероятно, был несколько младше Ферекида. Он родился, согласно «Суде», около 480 года (т. е. примерно в год смерти Гекатея). Так как он упоминает битву при Аргинуссах (408 г. до Р. Х.), его смерть случилась не ранее последних лет V века. Сочинения его чрезвычайно многочисленны: этим он напоминает уже не своих предшественников, ионийских прозаиков, но скорее Аристотеля и его учеников или даже александрийских ученых.

Основным генеалогическим линиям он, в отличие от генеалогов, работавших до и после него, посвящал отдельные произведения: «Форониду» (о потомках Инаха), «Девкалионию», «Атлантиду», «Асопиду». Из двух книг, составлявших его *Τρωικά*, первая, вероятно, была посвящена родословию троянских царей (которое поэтому, возможно, отсутствовало на своем генеалогическом месте, т. е. в «Атлантиде»), вторая — событиям Троянской войны. Часто трудно судить, каковы были книги Гелланика, имеющие «хорографические» названия; так, «чисто» хорографическими, вероятно, были его *Ἀργωλικά* (если предположить, что Гелланик избегал повторений — ведь мифологическая история Арголиды описывалась в «Форониде»), *Βοιωτιακά* и *Θετταλικά*; книги о варварских странах — *Αἰγυπτιακά, Περσικά, Λυδιακά, Σκυθικά* — содержали и элементы мифологии,

[1] Речь Кеика к Гераклидам — F 30.

и истории, и периэгезы, и описания обычаев; последним была посвящена и отдельная книга — «Обычаи варваров» (*Βαρβαρικά νόμιμα*). *Αἰολικά*, вероятно, посвящались не столько описанию городов малоазийской Эолии, сколько истории их основания — эолийской колонизации. Другой образец «основания», «ктисиса» среди сочинений Гелланика — «Об основании Хиоса»; имеются также ссылки на целый сборник «Оснований» или «Названий народов», в котором изложение иногда, как свидетельствуют фрагменты, становилось чисто периэгетическим[1]. Зато «Аттида» и «Об Аркадии» Гелланика, несомненно, были скорее мифогенеалогическими книгами, построенными по родословию афинских и аркадских царей, чем хорографическими.

С «Аттидой», возможно, связано и другое, весьма важное, направление научной работы Гелланика, а именно хронография. Именно шкала годов правления аттических царей и архонтов являлась стержнем позднейшей хронографии, от Паросского мрамора до Евсевия. Правда, свидетельства о связи этой шкалы именно с «Аттидой» Гелланика ненадежны[2]; возможно, она восходит к более поздним «Аттидам», прежде всего к Филохору. Главным же хронографическим трудом Гелланика были «Жрицы Геры Аргосской» в трех книгах, закономерный итог всех научных занятий Гелланика, синхронизация суммы исторических знаний, вбирающая в себя, как показывают фрагменты, и генеалогии, и «ктисисы», и сведения о варварских

---

[1] *Βόσπορον διαπλεύσαντι Σίνδοι ἄνω δὲ τούτων Μαιῶται Σκύθαι («если переплыть Боспор, то [там живут] синды, а за ними скифы-меоты»)* — FGrHist IA 4 F 69; *Κερκεταίων δ' ἄνω οἰκοῦσι Μόσχοι καὶ Χαριμάται κάτω δ' Ἡνίοχοι ἄνω δὲ Κοραξοί («выше керкетейцев живут мосхи и хариматы, а дальше кораксы»)* — F 70 Jac.

[2] F 47 Jac.

странах. В основе ее лежал, вероятно, обратный счет поколений от Троянской войны (*πρὸ τῶν Τρωικῶν*). Датировка по годам служения жриц Геры Аргосской применялась в Аргосе, так же как датировка по эфорам — в Спарте, а по архонтам — в Афинах[1]. Геллаником она была выбрана стержнем его хронографии потому, что аргосская генеалогия Форонидов (и, следовательно, аргосская история) — самая древняя из генеалогий[2], а храм Геры Аргосской, построенный Форонеем, часто считался вообще самым древним храмом на земле[3]. В датировках совмещались поколения от Троянской войны и годы служения жриц Геры: «*Вот так племя сикелов оставило Италию, как говорит Гелланик Лесбосский, за три поколения до Троянской войны, на двадцать шестой год жречества Алкионы в Аргосе*»[4]. Иногда приводились и указания на числа месяца, например, дата падения Трои (по Гелланику, 12 фаргелиона, т. е. в одну из самых коротких летних ночей)[5].

Так как во второй книге «Жриц Геры» шла речь уже о Троянской войне и «возвращениях», а существовала еще и третья, естественно предположить, что труд Гелланика охватывал и исторический период и даже продолжался вплоть до времени его жизни (если из него

---

[1] Либо этим, либо влиянием труда Гелланика объясняется то, что однажды такая датировка приведена Фукидидом — II, 2, 1.

[2] Не считая сикионского царского списка, который, вероятно, еще не был оформлен во время Гелланика.

[3] См., напр., Hyg. Fab. 143, 225.

[4] *Τὸ μὲν δὴ Σικελικὸν γένος οὕτως ἐξέλιπεν Ἰταλίαν ὡς μὲν Ἑλλάνικος ὁ Λέσβιός φησι τρίτηι γενεᾶι πρότερον τῶν Τρωικῶν Ἀλκυόνης ἱερωμένης ἐν Ἄργει κατὰ τὸ ἕκτον καὶ εἰκοστὸν ἔτος* — F 79b. Алкиона (ср. Diod. Sic. IV, 12, 7, Apld. II, 4, 5) — старшая сестра Эврисфея.

[5] F 152 Jac.

Фукидид взял рассказ о случившемся в 423 г. до Р. Х. пожаре в храме Геры Аргосской, нечаянной виновницей которого была жрица Хрисида[1]). В таком случае это была первая попытка всемирной хронологии.

Другая работа Гелланика, имеющая косвенное отношение к хронологии, «Карнеоники» (т. е. «победители на Карнейских играх»), была посвящена истории греческой музыки и лирики, большое значение для развития которых имели состязания поэтов в Спарте в честь Аполлона Карнейского. Первым победителем на них, согласно Гелланику, был Терпандр, одним из последующих — Арион; как замечает Якоби, оба поэта были лесбосцами, патриотически прославленными своим соотечественником Геллаником. «Карнеоников» Гелланик написал дважды — в прозе и в стихах[2]; это единственные сведения о занятиях лесбосского энциклопедиста поэзией.

Логография и софистика

Таковы основные сведения о классиках генеалогической мифографии; они относились к тому поколению греческих ученых, которое называют «логографами». Их произведения имели широкую и благодарную аудиторию до тех пор, пока ранне-ионийская наука и логография не были вытеснены софистикой, составившей следующую эпоху греческой образованности. Софист Гиппий у Платона говорит Сократу, что вынужден был изучить все «*о генеалогиях героев и людей, и о заселении [земель] — как в древности были основаны города, — и вообще о всякой древности*»[3],

---

[1] IV, 133, 2.

[2] T 1, F 85 Jac.

[3] *Περὶ τῶν γενῶν τῶν τε ἡρώων καὶ τῶν ἀνθρώπων καὶ τῶν κατοικίσεων, ὡς τὸ ἀρχαῖον ἐκτίσθησαν αἱ πόλεις, καὶ συλλήβδην πάσης τῆς ἀρχαιολογίας* — Plat. Hipp. Mai. 285D.

потому что отсталые (как подразумевают Гиппий и Сократ) спартанцы с наибольшим удовольствием слушают именно эти, «логографические» речи, а не пифагорейские уроки астрономии и геометрии и не разборы «значения букв и слогов», которыми блистали софисты.

Двуединство генеалогии и географии

Гиппий точно очерчивает своими словами круг занятий логографов — генеалогии, периэгезы, «ктисисы». Двуединство генеалогии и периэгезы, хорошо видное у Гекатея и Гелланика, — стержень логографической учености; «типично логографическую» единицу информации, сведение, камешек, из которых складывается мозаика сочинений логографов, можно описать формулой «*такой-то, сын такого-то и такой-то, дочери такого-то, основал такой-то город* (или: «*дал свое имя такому-то городу*» *), находящемуся там-то*». Если порядок расположения множества подобных сведений определен первой частью формулы, мы получаем генеалогию; если второй — периэгезу. Имя собственное, являющееся одновременно географическим названием и личным именем героя, объединяющее топонимику и ономастику («*город Крисса назван по имени Крисса*»), — зерно формулы, центр, из которого расходятся лучи логографического знания.

Скрещение пространственного и временного знания об ойкумене, еще не распавшегося на отдельные науки, — наследство эпического целостного знания о мире, которое передают поэту дочери Памяти; в творчестве логографов и происходит этот распад, разделение истории и географии, параллельно с попытками изложить непротиворечиво ту и другую.

Пылкий рационалист Гекатей, таинственный мудрец Акусилай, уравновешенный Ферекид, скрупулезный Гелланик — четыре классика генеалогической

мифографии. Их трудами был построен фундамент систематизированной мифологии, понятой как организованная генеалогически и географически праистория, как сумма причин, обусловивших нынешнее состояние Эллады и населенного мира, ойкумены.

При этом гесиодовский принцип сочетания генеалогий, подчеркивающий происхождение героев от богов, его «божественная эра», приводящая к матрилинейному принципу и попустительствующая несогласованности числа поколений в параллельных генеалогиях, уступила место обратному отсчету поколений, подобному современному обратному счету веков и тысячелетий «до нашей эры». Хотя многочисленные генеалогии доводились от мифологических героев до эпохи, современной логографам (в частности, Гекатей возводил и самого себя к богу в шестнадцатом колене, как сообщает, посмеиваясь над ним, Геродот[1]), «эрой» обратного отсчета постепенно стала Троянская война, бывшая, благодаря гомеровским поэмам, осью греческой образованности; в мифологическом смысле она знаменовала конец героической эпохи. Способствовало этому и наличие в составе гомеровского эпоса уникального памятника «мифографической» учености — «Каталога кораблей», представляющего собой как бы итоговый — на момент Троянской войны — срез генеалогическо-географической системы сведений о героическом веке. Комментарий к «Каталогу» и стал наследником генеалогической литературы в работе Дамаста Сигейского и последующих ученых.

Способы упорядочивания генеалогий

Наиболее бросающийся в глаза способ выравнивания генеалогий относительно друг друга, приведения их к непротиворечивости состоит во введении «соимен-

[1] FGrHist 1A 1 T 4.

ников», происходящих друг от друга (чего никогда не бывает в «натуральных» генеалогиях). Например, Европа была сестрой Кадма, однако от нее до Троянской войны четыре поколения (Европа — Минос — Девкалион — Идоменей), а от Кадма — шесть или семь (Кадм — Полидор — Лабдак — Лай — Эдип — Полиник — Ферсандр); о том, что Минос был еще жив в первом поколении до Троянской войны, свидетельствуют мифы о Дедале и Тезее; следовательно, было два Миноса: один древний, сын Европы, другой — его внук, который мог в старости застать Тезея, а между ними вставляется Ликаст, эпоним известного критского города (географические названия — шире всего используемый материал для заполнения пробелов генеалогических списков); получается искомая цифра в шесть поколений.

Эту генеалогию приводит Диодор Сицилийский в «Исторической библиотеке»[1]; в другой главе «Библиотеки»[2], восходящей, очевидно, к тому же «источнику усложненных генеалогий», Диодор цитирует еще одно родословие, представляющее собой шедевр искусственных генеалогий. Она выстраивает друг за другом трех различных известных мифографии Эолов (сына Эллина, сына героини трагедии Меланиппы и властителя ветров из «Одиссеи») и неожиданно выводит к пяти вождям беотийцев под Троей, имена которых известны всякому эллину из первых строк «Каталога кораблей» (который так и называли иногда «Беотией»)[3], родословная же — никому, кроме специально занимавшихся этим схолиастов.

Примечательно, что и эта генеалогия, и родословие двух Миносов (старший из которых был пасынком Астерия, земного мужа Европы, сына Тектама,

---

[1] IV, 60.
[2] IV, 67.
[3] *Βοιωτῶν μὲν Πηνέλεως καὶ Λήϊτος ἦρχον*
Ἀρκεσίλαός τε Προθοήνωρ τε Κλονίος τε — *B* 494–495.

сына Дора) доведены «вверх» до сыновей Эллина, родоначальников греческих племен Дора и Эола, а «вниз» — до Троянской войны, т. е. специально протянуты через всю героическую эпоху, от потопа до истребления рода героев, являясь частями ее сознательно возводимой непротиворечивой и не имеющей пробелов генеалогической системы. Эти генеалогии не закрепились в традиции; закрепление «соименников» — Пандионов и Кекропов «Первого» и «Второго» — произошло только в генеалогии афинских царей, часто использовавшейся как шкала для хронографических выкладок уже с эпохи Паросского мрамора.

Наследники классической генеалогии: хронография и комментарий к Гомеру

Возможности чисто генеалогического сочинения были, похоже, исчерпаны Ферекидом и Геллаником; после Гелланика он приходит в упадок. Хронография и гомеровский комментарий — два наследника классической генеалогии, две формы научной работы, логически вытекающие из ее принципа.

Комментарий к «Каталогу кораблей»

Почти не сохранилось фрагментов от генеалогий Симонида Кеосского[1] (внука одноименного лирического поэта) и Анаксимандра Милетского[2] (тезки философа), живших в конце V — начале IV века. Труднее определить время жизни другого генеалога, Андрона Галикарнасского[3]. Дамаст Сигейский[4], которого

[1] FGrHist IA 8.
[2] FGrHist IA 9.
[3] FGrHist IA 10.
[4] FGrHist IA 5.

«Суда» называет учеником Гелланика, продолжает традиции логографии, занимаясь генеалогией и географией. Тема его генеалогического труда — «О родителях и предках тех, кто воевал под Илионом» — показывает дальнейшее развитие заложенных в методе тенденций. Гелланик выстраивал систему генеалогий при помощи обратного отсчета поколений от Троянской войны; то, что для Гелланика было средством, — изыскание генеалогий тех героев, которые упомянуты Гомером, ради отсчета от них по поколениям — для Дамаста становится целью: вместо создания систематической картины мифологической эпохи генеалогия становится у Дамаста и его последователей комментарием к Гомеру.

Знаменитые комментарии на «Каталог» написали Деметрий из Скепсиса[1] и Аполлодор Афинский[2]; на них опирается Страбон в описании географии Греции, уделяющий внимание не столько тем городам, которые на самом деле были в Греции в его время, сколько тем, которые должны были там быть согласно «Каталогу» и его комментаторам[3].

Хронография

Хронография созрела уже в творчестве Гелланика, в его «Жрицах Геры». Примечательно, что именно в мифографических штудиях родилась та идея всеобщей хронологии, единой временно́й шкалы для всего происходившего в мире, без которой немыслима историческая наука: только мифология давала во времена

---

[1] Demetrii Scepsii quae supersunt / Ed. R. Gäde. Diss., Greifswald, 1880.

[2] FGrHist 2B 244; pp. 20–22 Mette; *Theodoridis C.* Vier neue Bruchstücke des Apollodoros von Athen // Rheinisches Museum, 122, 1979, SS. 9–16.

[3] См. *Aly W.* Strabon von Amaseia. München, 1960, S. 334.

Гелланика достаточный временной масштаб для рождения такой идеи, а противоречивость мифов требовала ее появления. От Гелланика до конца античной эпохи хронографические таблицы всегда начинались с мифологической древности и кончались временем жизни автора. В эллинистическое время хронографией занимались десятки ученых, от самых знаменитых, как Эратосфен[1] и Дурис Самосский, а позднее — Порфирий[2], до значительно менее известных Кастора Родосского, Эрета, Птолемея из Мендеса, Талла Самаританского (датировавшего даже титаномахию[3]), Ксенагора Гераклейского и др.

В исторической «части» хронографии, как известно, распространенной эрой стала, благодаря Тимею, датировка по Олимпиадам; в мифологической части, благодаря многочисленным трудам аттидографов, датировки по годам афинских царей. Вообще царские списки, по аналогии с историческим периодом, быстро вытеснили в хронологии мифологической эпохи генеалогический счет по поколениям. Весьма любопытен вопрос о способах «восстановления» числа лет правления мифических царей, в особенности о возникновении и вхождении в научную литературу сикионского царского списка, неожиданно оказавшегося самым

---

[1] FGrHist IIA 241; также: Eratosthenica / Ed. G. Bernhardy. Berlin, Reimer, 1822; repr. Osnabrück, Biblio Verlag, 1968. Эратосфена считает основоположником хронографии как научной дисциплины А. И. Немировский (*Немировский А. И.* Основы античной хронографии // Вестник истории, 1987, № 5, с. 83).

[2] FHG III p. 689.

[3] Вместе с титанами, согласно Таллу, против Зевса сражались Огиг, царь Аттики, тогда называвшейся Актой, и Бел, основатель Вавилона; затем побежденные бежали в Тартесс в Иберии; это было в 1515 году до Р. Х. (Theophil. Ad Autolyc. III, 29, Lact. I,23).

древним — древнее не только афинского, но и аргосского, начало которого было началом «населенного» времени, «временнóй ойкумены» классической генеалогии.

Ключевая дата мифологической хронологии — дата Троянской войны и привязанная к ней дата возвращения Гераклидов; расстояние между ними оценивалось в 80 лет, и переносились они не относительно друг друга, но относительно первой Олимпиады или другой даты исторического периода. С хронологией связано и представление о трех потопах — при Огиге, при Девкалионе, при Дардане — своеобразный вариант принципа введения соименников для приведения системы к непротиворечивости.

Целиком сохранившимся — хотя конспективным, представляющим собой «эпитому» по сути — памятником хронографии эллинистической эпохи является «Паросский мрамор», выбитый в 264–263 гг. до Р. Х.[1]; остальные полностью дошедшие хроники относятся к римскому времени и составлены христианами — Ипполитом Римским[2] и Евсевием Кесарийским[3], опиравшимися на Юлия Африкана[4]; многочисленные сведения

---

[1] FGrHist IIA 239. Отдельное издание: Jacoby F. Das Marmor Parium. Berlin, 1904.

[2] Chronicon // Hippolytus Werke / Ed. R. Helm post A. Bauer, vol. 4 // Die griechischen christlichen Schriftsteller 46. Berlin, Akademie-Verlag, 1955; Chronicon fragmentum — P. Oxy. 6870 // The Oxyrhynchus papyri, pt. 6 / Ed. B. P. Grenfell & A. S. Hunt. Egypt Exploration Fund, 1908.

[3] Eusebi chronicorum canonum quae supersunt / Ed. A. Schöne. 2 vols. Berlin, Weidmann, 1866–1875; repr. 1967.

[4] Julii Africani chronographiae fragmenta / Ed. M. J. Routh // Reliquiae sacrae, vol. 2. Oxford University Press, 1846; repr. Hildesheim, Olms, 1974; Les «Cestes» de Julius Africanus / Ed. J. R. Vieillefond. Florence, Sansoni, 1970.

о древней хронографии черпаются из византийской хронографии Георгия Синкелла (VIII–IX вв. от Р. Х.)[1].

Событие как мифографическая веха; каталоги «открытий»

Излагая мифологию, хронография сосредоточивается на *событии*, понятом по аналогии с событием историческим. Самый обыденный тип «исторического события» в мифологии, истолкованной хронографией, — это начало или конец правления царя. Другие типы событий можно выделить, просмотрев Паросский мрамор (в котором уже отсутствует счет поколений); это, во-первых,

– упомянутые потопы, затем

– войны (во главе с Троянской),

– основания городов (совпавшие для хронографии с началом царского списка данного города), и, наконец, чаще всего

– так называемые «изобретения» или «открытия» (*εὑρήματα*) — хлеба Деметрой, железа идейскими дактилями, игры на флейте Гиагнидом, колесницы Эрихтонием; сюда относится и

– учреждение главных греческих игр и праздников — Немейских, Истмийских, Панафинейских и других, основание Ареопага и т. п.

---

[1] *Georgius Syncellus*. Ecloga chronographica / Ed. A. A. Mosshammer. Leipzig, Teubner, 1984. В византийское время хронография продолжает существовать в чистом виде и смешивается с парадоксографией в творчестве Малалы, или с анналистикой в работе многочисленных византийских историков; кроме Синкелла, известны хронографии Георгия Монаха (он же Георгий Амартол, IX в.; Georgii monachi chronicon lib. 1–4 / Ed. C. de Boor. 2 vols. Leipzig, Teubner, 1904; repr. Stuttgart, 1978), Георгия Кедрена (XI–XII вв.; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope / Ed. I. Bekker // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. 2 vols. Bonn, Weber, 1838–1839) и др.

Первые каталоги «открытий» (*Περὶ εὑρημάτων*) писали в IV веке до Р. Х. историк Эфор, аттидографы Филохор и Филарх; их составлению отдали дань Аристотель и его ученики; из учеников Каллимаха такой трактат принадлежал Филостефану Киренскому. Их сохранившиеся пересказы находятся у Гигина, Плиния, Климента и Кассиодора[1]. Близки им по теме «Основания святилищ» (*Κτίσεις ἱερῶν*) перипатетика Гераклида Понтийского (написавшего и *Περὶ εὑρημάτων*)[2]. Хотя предположение Шнейдера, издателя Каллимаха, что три книги его «Причин» (которым отвечали бы тогда три гигиновские фабулы 273–275) были посвящены соответственно основанию игр, «открытиям» и основанию городов, отвергнуто[3], оно ценно верным восприятием логики подобного рода научных сочинений: к напоминающему о логографической старине списку «ктисисов», оснований городов, присоединяются в IV веке книги об основании игр и святилищ и об изобретении полезных (или «бесполезных», как игра в кости) вещей, создавая вместе единый пласт литературы, вычленяющий из мифологии сведения об «основании» или «открытии» того образа жизни, который имеет место ныне, т. е. ее «этиологическую» (в смысле названия поэмы Каллимаха) сторону.

Хронография, таким образом, оформляет мифологию как историю, превращая ее в перечень царей и войн, и одновременно — как этиологическую «предысторию»;

---

[1] Hyg. Fab. 274, 277; Plin. Hist. Nat. VII, 191; Clem. Al. Strom. I, 74, p. 132 Sylb. (с многочисленными ссылками); Cassiod. Var. IV, 34. Ср. также: *Kremmer M.* De catalogis heurematon. Lips., 1900.

[2] Clem. Al. Protr. II, p. 11 Sylb. Ср. Hyg. Fab. 225; Die Schule des Aristoteles / Ed. F. Wehrli. Vol. 7, Basel, Schwabe, 21969, F 152–155.

[3] *Cahen E.* Callimaque et son oeuvre poétique..., p. 102.

3 Зак. 3209

обычный миф для хронографа — воцарение царя, основание или разрушение города, этиологическое «открытие» или «учреждение».

Аполлодор Афинский, «не уступающий никому из хронографов»

Особое место в истории хронографии принадлежит Аполлодору Афинскому, тому, чьим именем подписана «Мифологическая библиотека». Как сообщает «Суда», Аполлодор был учеником стоика Панэция и великого грамматика Аристарха; его ἀκμή приходилось на середину II века до Р. Х., время так называемого «окончательного завоевания» Греции Римом.

Содержание энциклопедической образованности, наполнявшей его книги, превосходно показывает эволюцию той науки, которой занимались логографы: так же, как Гекатей и Гелланик, Аполлодор составил всемирную периэгезу, а генеалогия распалась в его творчестве на две книги:

– упоминавшийся комментарий на «Каталог кораблей», в котором также были использованы многочисленные географические сведения, и

– «Хронику», датировавшую события от потопа до современного автору времени.

Но эти две наследницы классической генеалогии решительно недостаточны для хоть сколько-то полного изложения мифологии, и Аполлодор написал еще одно сочинение — «О богах», *Περὶ θεῶν*, в 24-х книгах, исключительную, как показывают фрагменты, энциклопедию греческого мифа и ритуала, не имеющую аналогий в истории греческой науки и стоящую особняком в истории мифографии, всегда обращавшей внимание более на героев, чем на богов[1]. Значитель-

[1] Существует папирусный фрагмент, демонстрирующий, возможно, методы Аполлодора в *Περὶ θεῶν* (F 354 bis Mette).

ная, если не решающая часть материала относилась к местным культам и традициям, что придавало сочинению близость к хорографической мифографии, послужившей, вероятно, Аполлодору источником, но отнюдь не образцом: композиция книги, как кажется, не имела в себе ничего географического. Кроме этого, Аполлодор написал «Этимологии» (этимологиям имен богов отводилось место и в *Περὶ θεῶν*) и другие трактаты, например, «Об афинских гетерах».

«Хроника» Аполлодора существовала, как показывают противоречивые свидетельства, в двух вариантах — кратком, стихотворном, начинавшемся с Троянской войны, и подробном, прозаическом, включавшем как потоп, так и «допотопные» события; при этом «хроника» Аполлодора была первым или одним из первых хронографических сочинений, в котором к греческому материалу были добавлены взятые, вероятно, из Беросса и Манефона списки египетских фараонов и вавилонских («ассирийских») царей, уходящих далеко в «допотопную» эпоху; присутствовал у Аполлодора и сикионский царский список. Однако наибольший интерес аполлодоровой «Хроники» для истории мифографии даже не в этом, а в той рассчитанной по годам картине жизни мифических героев, которая, как дает возможность предположить свидетельство Климента Александрийского, в ней содержалась: «*... если, конечно, он* (Дионис) *стал богом на тридцать второй год царствования Персея, как говорит Аполлодор в “Хронике”. От Диониса до Геракла и до героев, отправившихся с Ясоном в плавание на “Арго”, шестьдесят три года; ведь Асклепий и Диоскуры плавали вместе с ними, как свидетельствует Аполлоний Родосский в “Аргонавтике”. От воцарения же Геракла в Аргосе до того, как он сам и Асклепий стали богами, тридцать восемь лет, согласно хронографу Аполлодору. От этого до того, как стали богами Кастор*

и Полидевк, пятьдесят три года, а вскоре после этого и взятие Илиона»[1]. Последняя фраза отсылает к словам Елены в «Илиаде»: находясь в Трое, она не знает, что Диоскуры уже погибли, из чего следует, что это произошло совсем незадолго до войны, уже после ее похищения[2]. Это, а также ссылка на Аполлония — пример тех предпосылок, из которых исходил Аполлодор в работе по хронологическому согласованию мифов; не мог не учитывать он и опыт классической генеалогии. Нетрудно себе представить, какое количество противоречий вставало перед ним при подобной работе и какое количество мифологических версий он должен был объявлять ошибочными или перетолковывать.

Как видно из приведенного фрагмента, цель согласования сведений о различных героях, создания единой картины их жизни была важна для Аполлодора, и в этом отличие его хронографии от Паросского мрамора, цель которого — датировать отдельные события, преимущественно имеющие важность для будущего. «Историзм», присущий хронографической идее, стремление к непротиворечивости и достоверности, доведенной на Паросском мраморе до степени школьной хронологической таблицы (перечень не связанных дат), у Аполлодора доходит до степени биографизма, вос-

[1] *Εἴ γε τῆς Περσέως βασιλείας τῷ τριακοστῷ δευτέρῳ ἔτει ἐκθεοῦται, ὥς φησιν Ἀπολλόδωρος ἐν τοῖς Χρονικοῖς. ἀπὸ δὲ Διονύσου ἐπὶ Ἡρακλέα καὶ τοὺς περὶ Ἰάσονα ἀριστεῖς τοὺς ἐν τῇ Ἀργοῖ πλεύσαντας συνάγεται ἔτη ἑξήκοντα τρία· Ἀσκληπιός τε καὶ Διόσκουροι συνέπλεον αὐτοῖς ὡς μαρτυρεῖ ὁ Ῥόδιος Ἀπολλώνιος ἐν τοῖς Ἀργοναυτικοῖς. ἀπὸ δὲ τῆς Ηρακλέους ἐν Ἄργει βασιλείας ἐπὶ τὴν Ηρακλέους αὐτοῦ καὶ Ἀσκληπιοῦ ἀποθέωσιν ἔτη συνάγεται τριάκοντα ὀκτὼ κατὰ τὸν χρονογράφον Ἀπολλόδωρον. ἐντεῦθεν δὲ ἐπὶ τὴν Κάστορος καὶ Πολυδεύκους ἀποθέωσιν ἔτη πεντήκοντα τρία. ἐνταῦθά που καὶ ἡ Ἰλίου κατάληψις* (Clem. Al. Strom. I, 21, 105 p. 139 Sylb. = Euseb. Pr. Ev. X, 12).

[2] *Г* 236–245.

становления как бы реальных отношений героев, перерастая таким образом историю и возвращаясь к своеобразию, присущему именно мифологическому материалу, к тому единству героической эпохи, которое присутствовало только у Гесиода и было утеряно классической генеалогией и хронографией; подобная картина жизни героического поколения является одним из самых неожиданных созданий научного гения.

Одной из главных хронографических вех для Аполлодора являются «апофеозы», превращения в богов, не играющие такой роли ни в Паросском мраморе, ни в последующей хронографии: так скрупулезный анализ, нащупывающий природу материала, вновь выявляет в нем гесиодовское «поколение полубогов», имевших общие с богами трапезы и ложа. Потому, перифразируя слова Дионисия о Ферекиде, мы и назвали Аполлодора лучшим из хронографов.

Христианская хронография

Христианскими хронографами, прежде всего Ипполитом Римским и Евсевием Кесарийским в его «Хронологических канонах» (дошедших в армянском переводе), греческие таблицы были сопоставлены с той развитой хронологической традицией, которая представлена в Библии: так эллинская хроногенеалогическая наука скрестилась с иудейской, долгое время развивавшейся сходным образом параллельно с ней и достигшей значительно большей унификации: христианские авторы могли теперь рассуждать о том, на сколько лет Моисей, например, старше Диониса. Для простоты совмещения греческих и библейских событий и датировок по разным эрам Евсевий считал годы «от Авраама»: «первый год Авраама» — это, по Евсевию, «за 1241 год до первой Олимпиады», т. е. 2017 г. до Р. Х., раньше Кекропа, Девкалионова потопа

и вообще всей греческой мифологии. Пересчет же христианских хронологических таблиц на «эру Дионисия» (от Рождества Христова) привел к современной хронологии: ее научная «генеалогия» восходит через Гелланика к генеалогическому эпосу Гесиода.

ХОРОГРАФИЧЕСКАЯ МИФОГРАФИЯ

Высохшие до окаменения остатки той глины, из которой Прометей вылепил людей, во времена Павсания (который жил через столько же веков после Прометея, через сколько мы после него) еще лежали в овраге около Панопея в Фокиде[1]; быть может, лежат и сейчас — трудно только найти именно этот овраг.

Хорография и генеалогия имеют дело с противоположными сторонами мифологии: первая указывает древностью и сверхъестественностью ее действующих лиц, а вторая — со следами, свидетельствами и результатами их действий в современности и повседневности. Генеалогия говорит о причастности героя сверхъестественному, небесному и заодно определяет его во времени; хорография говорит о его причастности обыденному и земному и определяет его в пространстве.

Вся Греция была испещрена всевозможными материальными следами мифов; эти следы, с одной стороны, и постоянные изложения и упоминания мифов в литературе, с другой, являлись двумя основными формами существования мифологии. Обе они были столь распространены и привычны, что воспринимались как должное, и сакраментальный вопрос о *вере* в мифы (по крайней мере, в мифы о героях) возникал крайне

---

[1] Paus. X, 4, 4.

редко: практически ни у кого из мифографов мы не встречаем не только ответа на него, но и самой постановки вопроса.

Информацию об этих материальных следах мифа (наряду со всевозможными другими сведениями) собирали авторы сочинений, которые называют хорографическими[1] (т. е. «страноописательными»).

Хорографический эпос

Хорографическая проза, как и генеалогическая, имела свою предшественницу в эпосе; это был, так сказать, «хорографический эпос».

Древнейшим известным его представителем является Эвмел Коринфский, младший, а может быть, даже и старший современник Гесиода, время жизни которого датируется либо началом, либо концом VIII века; время же жизни Эвмела — если верить свидетельству Климента Александрийского[2], что он был современником Архия, основавшего Сиракузы в 735 году до Р. Х., — приходится на середину или вторую половину этого века, эпоху торгового и художественного расцвета Коринфа. В число известных сочинений Эвмела входит, наряду с «Титаномахией», «Европией» и «Бугонией», поэма *Κορινθιακά*, описывавшая мифологические древности Коринфа.

Образованное от географического имени заглавие на *-κά* является, начиная с Эвмела, приметой, по которой легко узнать хорографическое сочинение (хотя

[1] В древности слово *χωρογραφία* и однокоренные употреблялись обычно применительно к измерениям расстояний, длины стен и т. п. Современное употребление появляется в византийское время, например, у Евстафия (vol. I, p. 123), в схолиях к Пиндару (Ol. VIII, 32) или в схолиях к Дионисию Периэгету (в начале которых мы находим нечто вроде определения).

[2] Clem. Al. Strom. I, 31, 8 (T 1 Davies).

иногда, достаточно редко, можно ошибиться: так, например, Ἰσαυρικά, писавшиеся в ранневизантийское время, были посвящены не древностям и не обычаям Исаврии, а войнам с исаврами императоров).

В Κορινθιακά Эвмела, в частности, говорилось о коринфском происхождении уехавшего в Колхиду Ээта; из всех поэтов, писавших в классическую эпоху об аргонавтах (Гесиод, автор «Навпактики», Пиндар в IV Пифийской оде), об этой, после Аполлония вообще забытой версии помнил только Эпименид[1]; когда же о ней забывают, становится непонятным возвращение Медеи из Иолка именно в Коринф и ослабляется трагизм несчастий, постигших ее именно тогда, когда она вернулась, наконец, на родину предков[2].

Можно привести и другие примеры хорографических поэм. Так, Асий Самосский, упоминавшийся выше в числе эпиков-генеалогов, написал также поэму Σαμιακά, использованную позднее, согласно Афинею, Дурисом Самосским в таком же, но прозаическом сочинении: речь в сохранившемся отрывке идет о ритуальной процессии самиянок, посвящающих свои остриженные волосы в святилище Геры[3]. Существовали также эпические Ὀρχομενιακά Херсия Орхоменского и «Аттида» Гегесина[4], неизвестно, предшествовавшая ли по времени прозаическим «Аттидам»[5]. Сведения об

---

[1] F 13 Diels — Kranz.

[2] В «Навпактике» Медея и Ясон уезжают из Иолка не в Коринф, а на Керкиру, коринфскую колонию (F 9 Davies).

[3] F 13 Davies.

[4] Она, возможно, была героической поэмой о войне с амазонками (см. *Welcker F. G.* Der epische Cyclus. Bonn, 1835, 1865, p. 292 ff.). Позже поэмы об этом назывались обычно «Тезеидами» (ср. Juv. Sat. I, 1).

[5] Κρητικὰ ἔπη Эпименида (FGrHist IIIB 457, Diels — Kranz, S. 27–37) были не хорографической, а мифоастрономической поэмой, название же получили по родине автора, так же, как «Киприи», «Навпактика» и др.

этих двух поэмах сообщаются лишь Павсанием (выше говорилось о его интересе к эпической мифографии) и подвергаются сомнению Дэвисом.

Таким образом, хорографические поэмы уступали по распространенности другим видам эпоса; эта традиция не была возобновлена в эллинистическое и римское время (за исключением стихотворных «ктисисов» Аполлония Родосского), однако любопытно заметить, что такое возобновление совершилось в ранневизантийское время, когда Христодор из Коптоса написал гекзаметром *Λυδιακά* и возник новый вид поэм — так называемые *Πάτρια* городов, причем зачастую новых, расцветших только в это время, таких, как Константинополь или Фессалоника[1]; возрождения же генеалогического эпоса не произошло в античности никогда[2].

«Кадм Милетский» и ктисисы

Хорографическая проза возникла одновременно с генеалогической и сразу получила большое распространение. Согласно традиции, ее первым представителем был Кадм Милетский[3], написавший «Ктисис Ионии». Реальность этого Кадма, имя которого подозрительно совпадает с именем мифического изобретателя греческой письменности, подвергал сомнению еще Мюллер.

---

[1] Христодор, кроме этих двух, написал *Πάτρια* Наклы (города около Гелиополя), Милета, Тралл и Афродисиады; Ульпиан Эмесский — Эмесы, Гелиополя и Боспора; Диогениан Кизикский — Кизика.

[2] В конце XV века генеалогии богов и героев изложил латинскими элегическими дистихами итальянский гуманист Джованни Франческо Боккардо, называвший себя Пиладом (Hesiodi ... opera ... & Genealogiae deorum a Pylade Brixiano uiro doctissimo descriptae Libris V ... Basileae, 1542).

[3] FGrHist IIIB 389.

Якоби, опираясь на слова Климента Александрийского[1], считает Кадма вымыслом более позднего хорографа, Биона Проконнесского, объявившего одно из своих сочинений пересказом древнейшего греческого прозаика. Однако, как показывают достаточно частые упоминания о Кадме, бионова легенда была весьма распространена; объявляя Милет родиной греческой прозы, а книгу об его основании — ее первым произведением, она чрезвычайно весьма вписывалась в историю греческой литературы.

Ктисис Ионии, т. е. основание греческих городов на малоазиатском побережье (оно же «ионийская колонизация»), вызванное, согласно традиции, дорийским нашествием («возвращением Гераклидов») и стоящее вместе с ним на рубеже мифологии и истории, всегда оставалось важной темой греческой историографии: его касается Геродот[2], о нем весьма подробно говорил в третьей книге своей истории Эфор[3]; обширное отступление посвящает ему Павсаний[4], во многом, как кажется, опирающийся на Эфора.

При этом «ктисис» представляет собой изобретение прозаиков; поэтических ктисисов до Кадма не было. Напротив, стихотворные ктисисы появляются в александрийское время под влиянием прозаических; Аполлоний Родосский написал не менее шести ктисисов: Александрии, Навкратиса, Кавна, Книда, Лесбоса и Родоса[5].

«Ктисис» и любимая логографами периэгеза — два вида сочинений, тесно смыкающиеся с хорографией в узком смысле слова (т. е. с сочинениями с названиями

[1] Clem. Al. Strom. VI, 26, 8 (T 6)

[2] I, 147.

[3] FGrHist IIA 21 F 32–33.

[4] Paus. VII, 2–5.

[5] Collectanea Alexandrina / Ed. J. U. Powell. Oxford, Clarendon Press, 1925 (repr. 1970). P. 4–8.

на -*κά*, образованными от географических имен). Ктисис должен сказать о мифологическом начале города или области, дать его «этиологию»; периэгеза — перечислить города и области, весьма часто привлекая их мифологические «причины»; сумма ктисисов, выстроенных географически, потенциально складывается в периэгезу (реально мифологические основатели были известны не для всех городов).

Местные мифологические реалии

Идеальная хорография — это и ктисис, и периэгеза, потому что в ней есть и мифологическая предыстория области, и перечисление ее населенных пунктов «по дорогам» (*καθ᾽ ὁδόν*), обогащенное тем, что и составляет специфику хорографической мифографии и ее только ей присущую ценность — местными реалиями, являющимися зримыми следами мифа, вещественной формой его существования. Из числа таких реалий следует назвать:

– многочисленные, покрывавшие всю Грецию могилы мифологических героев (*τάφος* или *μνῆμα*; Павсаний упоминает несколько сотен их);

– многочисленные «места действия» мифов (например, место, где жила Кроммионская свинья[1], или место, где семеро вождей поклялись идти на Фивы[2]), часто связанные с ними эпонимией, в том числе:

– скалы и утесы, связанные с мифами (например, скала, с которой сбрасывал путников Скирон[3]);

– родники, забившие в результате мифических событий (те, что выбил трезубцем Посейдон);

---

[1] Paus. II, 1, 3. Все примеры (которые нетрудно умножить) взяты из первых книг Павсания.

[2] Paus. II, 19, 8.

[3] Paus. I, 44, 8.

– пещеры, упоминаемые в мифах (например, та, в которой Ино кормила Диониса[1]).

Другие материальные следы мифологической эпохи это:

– циклопические постройки (в Тиринфе, Микенах и Орхомене, а также на Сардинии);

– бывшие в руках богов и героев предметы, в изобилии хранившиеся в греческих святилищах (например, та самая колесница, на которой Пелопс обогнал Эномая[2]);

– алтари, сооруженные в мифологическую эпоху (например, тот, который воздвиг Сизиф, найдя тело Меликерта[3]);

– посвященные героями в храмы дары или поставленные ими статуи богов, часто работы Дедала или его учеников; замечательным образцом статуй, дошедших от мифической древности, являются ксоаны Артемиды и Диониса, вытесанные из того самого дерева, на котором сидел Пенфей перед своей ужасной кончиной[4];

– изредка даже выбитые в мифологическую эпоху надписи (например, та надпись в Эпидавре, которая сообщала, что Ипполит посвящает Асклепию двадцать коней за свое воскрешение из мертвых[5]).

Наконец, нельзя не упомянуть местные ритуалы и эпиклезы божеств, связанные с редкими мифами.

Все эти вещи говорят о внелитературном, внепоэтическом существовании мифологии, о ее внедренности не только в греческие книги, но и в греческую действительность, о тесной связи с повседневностью гре-

---

[1] Paus. III, 24, 4.
[2] Paus. II, 14, 4.
[3] Paus. II, 1, 3.
[4] Paus. II, 2, 6.
[5] Paus. II, 27, 4.

ческой религии: хорография — литература, говорящая о нелитературном. Конечно, местные мифологические сведения взаимодействовали с литературной традиции: иначе в число мифологических реалий не могли попасть, например, предметы из гомеровских поэм, такие, как щит Эвфорба, посвященный его победителем Менелаем в храм Геры в Аргосе, где его видел Павсаний[1]. Иногда местные мифы согласуются с литературными, иногда даже обязаны им своим существованием; но часто независимы от них или даже противоречат им.

Дошедшие образцы хорографии

Крупнейшим и наилучшим из сохранившихся хорографических произведений является незаконченное «Описание Эллады» Павсания, охватывающее Аттику, весь Пелопоннес, Беотию, Фокиду и обрывающееся в начале описания Локриды; кроме книг Павсания, каждая из которых носит традиционное хорографическое название на *-κά*[2], не сохранилось полностью ни одного такого сочинения. Близки хорографии «Римские древности» Дионисия Галикарнасского; несколько подробных пересказов хорографических отрывков

---

[1] *P* 59–60; Paus. II, 17, 3.

[2] Перевод названий этого рода на русский затруднен. Для эпических поэм стала по-русски традиционной форма женского рода («Аргонавтика», «Навпактика»). Для хорографических сочинений иногда применяется перевод названия вроде «Древности Фригии», «Аргосские древности» (т. е. по аналогии с книгой Дионисия Галикарнасского), который не совсем верен. Самым точным и простым представляется перевод типа «О Фригии», «Об Арголиде» и т. п., всё же в последующем тексте названия на *-κά* приводятся по-гречески, чтобы можно было отличить их от названий вроде *Περὶ Κυζικοῦ*.

из Тимея имеются у Диодора Сицилийского[1]; Диодор же пересказывает *Ῥοδιακά* Зенона Родосского[2], *Ναξιακά* неизвестного автора[3], а также некоторые образцы эвгемеристической «лжехорографии»[4].

Хорографы VI–IV веков

Большинство известных хорографических сочинений датируется с трудом или не датируется вообще. Самыми ранними из них, относящимися к концу VI — началу V века до Р. Х., ранее считались *Λυδιακά* Ксанфа Лидийского[5] (являющиеся, вероятно, подделкой, выпущенной Дионисием Скитобрахионом, известным своими литературными мистификациями[6]), а также *Ὧροι Λαμψακηνῶν* и *Κρητικά* Харона из Лампсака[7], датировка которых перенесена Якоби на век позднее. К V веку относятся:

Ἀργολικά и *Σικελικά* Гиппия из Регия (ок. 480 г.)[8],
«Ктисис Хиоса» знаменитого трагика Иона Хиосского[9],
Σαμιακά Эвагона и, может быть, Аэтлия Самосских[10],
Λεσβιακά, *Βοιωτιακά*, *Θεσσαλικά*, «Аттида» и «Об Аркадии» Гелланика,

[1] Diod. Sic. IV, 21–24 (возвращение Геракла с коровами Гериона), 29–30 (Феспиады), 82–85 (Эрик, Дафнис, Орион).
[2] Diod. Sic. V, 53–63.
[3] Diod. Sic. V, 50–52.
[4] Diod. Sic. V, 47–49 (Самофракия), 81–84 (Лесбос, Тенедос).
[5] FGrHist IIIC 319.
[6] Ath. XII, 515 DE; о дискуссии по этому поводу филологов прошлого века см. прим. 1 на с. 105.
[7] FGrHist IIIA 262.
[8] FGrHist IIIB 554.
[9] FGrHist IIIB 392.
[10] FGrHist IIIB 535, 536.

Σικελικά Антиоха Сиракузского[1],
«О Кеосе» (?) Ксеномеда Кеосского[2],
Ἐφεσίων ὧροι Креофила Эфесского[3],
«О Кизике» Деиоха (или Деилоха) Проконнесского[4];

К четвертому веку относятся:

«Аттиды» Клидема, Андротиона, Фанодема, Меланфия и Демона[5],
не менее многочисленные *Σικελικά* (в том числе тиранна Дионисия Старшего),
Μεγαρικά Праксиона и Диэвхида Мегарских[6],
Σικυωνικά Менехма Сикионского[7],
«Об Эвбее» Аристотеля Халкидского[8],
«О родине» Эргия Родосского[9],
Ὧροι Κλαζομενίων Артемона Клазоменского[10],
«О Кирене» Акесандра Киренского[11],
«О Лесбосе» Скамона, сына Гелланика[12],
Παλληνιακά Гегесиппа из Мекиберны[13] и многие другие.

В третьем и втором веках хорографические сочинения стали еще многочисленнее.

Географическая статистика

Разные города и области удостаивались описания с различной частотой. «Лидером», конечно, являлась

[1] FGrHist IIIB 555.
[2] FGrHist IIIB 442.
[3] FGrHist IIIB 417.
[4] FGrHist IIIB 471.
[5] FGrHist IIIB 323–327.
[6] FGrHist IIIB 484–485.
[7] FGrHist IIB 131.
[8] FGrHist IIIB 423.
[9] FGrHist IIIB 513.
[10] FGrHist IIIB 443.
[11] FGrHist IIIB 469.
[12] FGrHist IIIB 476.
[13] FGrHist IIIB 391.

Аттика: аттидография — отдельная научная дисциплина, достигшая расцвета в трудах Филохора[1] и Истра[2], ученика Каллимаха[3]. Всего известно более дюжины «Аттид», несколько книг «О демах Аттики», десятки трактатов по отдельным вопросам, связанным с Афинами; аттидография была и стержнем хронографии, как уже говорилось.

Из других областей материковой Греции наибольшее внимание привлекали:

– богатая мифологическим прошлым Арголида (не менее 12 известных сочинений),

– Беотия (не менее десятка, включая книги о Фивах, Орхомене и других городах),

– Аркадия (не менее 8),

– Фессалия (7, плюс отдельное сочинение о Магнезии),

– Коринф и Элида (по 5, если не считать многочисленной литературы, связанной с Олимпией).

Хотя большое число сочинений посвящалось Лакедемону, они не совсем обычны для хорографии; внимание концентрировалось преимущественно на уникальности законов Ликурга и спартанского режима.

На окраине хорографии, таким образом, оказываются:

– Мессения (не имевшая независимости в историческое время; поэмы *Μεσσηνιακά* Риана Критского и Эсхила Александрийского посвящались Мессенским войнам; Риана и пересказывает Павсаний в своих *Μεσσηνιακά*),

– Ахайя (только одно надежное сочинение плюс, возможно, поэма того же Риана),

– Фокида (известны только книги о Дельфах),

---

[1] FGrHist IIIB 328.

[2] См. *Wellmann M*. De Istro Callimacheo. Diss., Greifswald, 1886.

[3] FGrHist IIIB 329.

– дикая Этолия (надежна только поэма Никандра),

– Локрида (ни одного сочинения, несмотря на ее мифологию, связанную с Девкалионом и Девкалионидами).

Маленькие Мегара и Сикион, учитывая их размеры, обследованы хорографией достаточно хорошо (2–3 сочинения).

Сицилия, лидирующая среди островов (не менее 16 *Σικελικά*, значительная часть, возможно, чисто исторического, не хорографического содержания), сопоставима не столько с отдельной областью, сколько с целым Пелопоннесом или Средней Грецией.

Из городов Великой Греции известны сочинения о Сибарисе и Кумах.

Среди островов Эгейского моря впереди прочих Крит и Родос (не менее десятка сочинений о каждом), затем:

– Самос (9),
– Делос (8),
– Самофракия (6),
– Эвбея (5, включая книги об Эретрии и Халкиде),
– Хиос и Наксос (по 4),
– Лесбос (3),
– Эгина (2).

Все это либо сильные и богатые полисы, либо крупные культовые центры. Известны книги и об отдельных Кикладах — Кеосе, Сифносе, Паросе, Теносе; также об Икарии, Фасосе, Леросе. Сведения о Косе и других дорийских островах могли входить в *Ῥοδιακά*, как известно на примере Зенона Родосского; о Кифере — в *Λακωνικά*, о Саламине — в «Аттиды». Неизвестны книги о тирренском Лемносе.

Из малоазиатских колоний первое место по многочисленности занимают сочинения о Милете и вообще Ионии, родине греческой прозы и науки (не менее 8 плюс не менее 4 об Ионии, 3 об Эфесе, также о Колофоне,

Смирне, Эрифрах, о святилище Диониса в Теосе). Затем следуют Гераклея Понтийская (не менее 6 книг), Книд и Кизик[1] (5). Сведения о малоазийской Эолии могли входить в сочинения о Троаде.

Политии

В IV же веке трудами Аристотеля и его учеников, прежде всего Гераклида Понтийского, было написано несметное количество «политий» греческих полисов, часто таких, о которых не существовало хорографических сочинений (Стагирит описал государственное устройства даже Икоса и Пепарефа). «Политии», конечно, являются еще более далекими от чистой мифографии сочинениями, чем хорография; однако они не могли не содержать в себе отдельных мифологических сведений, связанных с учреждением в древности тех или иных полисных традиций, обнаруживая «политическую» сторону мифологии: Тезей не только убил Минотавра, но и усовершенствовал государственное устройство Афин. Волна «политий» спала так же быстро, как и поднялась.

Хорография в александрийское время

Для александрийских ученых и поэтов хорография становится одним из главных источников их мифографической, географической и парадоксографической премудрости; они использовались Каллимахом и его

---

[1] Большинство «кизикографов» цитируется в схолиях к Аполлонию Родосскому в связи с приключениями аргонавтов на Кизике, чем и может объясняться высокий уровень сохранности сведений об этом малопримечательном городе на Пропонтиде; однако возможна и обратная зависимость: «кизикография» была так развита, что Аполлоний и схолиасты не могли не уделить ей внимание.

учениками и последователями как при выборе сюжетов, так и при оснащении своего изложения редкими деталями. С другой стороны, каллимахова школа внесла свой вклад и в прозаическую хорографию.

Как показывают приведенные выше перечни, для ранних хорографов было характерным составление книг о родном городе (которые иногда даже назывались *Περὶ πατρίδος*), по собственноручно собранным местным материалам; в эллинистическое время на смену подобной «отечествоведческой» хорографии приходит хорография «книжная», научно-компиляционная: так, из аттидографов Филохор еще был афинянином (хотя несомненно пользовался и книгами предшественников), а каллимахианец Истр уже работал только по книгам. В эллинистическое время появляются, с одной стороны, хорографические своды, как *Πελοποννησιακά* Диогена Сикионского или Апеллы Понтийского[1] или *Νησιακά* Гермогена Смирнского[2], объединяющие хорографические книги, с другой — выборки из них любопытного материала, например, *Περὶ παραδοξῶν ποταμῶν* Филостефана Киренского[3]. Такого рода выборкой, а не полноценным хорографическим сочинением, была и знаменитая книга Неанфа Кизикского *Τὰ κατὰ πόλεις μυθικά*[4] (при этом Неанф написал и традиционные *Ὧροι Κυζικηνῶν*): она состояла из отдельных редких

---

[1] FGrHist IIIB 503, IIIA 266.

[2] FGrHist IIIC p. 288.

[3] FHG III, pp. 28–34; также: De mirabilibus fluviis // Paradoxographorum Graecorum reliquiae / Ed. A. Giannini. Milan, Istituto Editoriale Italiano, 1965, pp. 21–23; также: Supplementum Hellenisticum / Ed. H. Lloyd-Jones & P. Parsons. Berlin, De Gruyter, 1983, p. 335, F 691, 693.

[4] FGrHist IIA 84. Другую книгу с таким названием, подписанную именем Акесторида (FGrHist 28), читал Фотий; еще на одну, возможно вымышленную, ссылался Птолемей Гефестион (FGrHist 29).

мифов, вводившихся «хорографической» формулой *Ἀρκάδες λέγουσιν* или *Κυπριῶται λέγουσιν*, и напоминала скорее Парфения или Антонина Либерала, только стержнем сборника была не тема (любовь или превращения), а приуроченность к определенной области и новизна: Неанф, кажется, первым ввел в литературу миф о Пигмалионе и Галатее, а о Ниобе он сообщал сведения, полностью отличные от обычных. Для Парфения же и Антонина Либерала источниками служили уже не столько хорографы, сколько опиравшиеся на них эллинистические поэты[1].

Композиция хорографических книг

Те композиционные принципы, которые мы видим у Павсания, — сначала вступление, посвященное мифологической предыстории области («ктисис»), потом ее описание «по дорогам» («периэгеза») с многочисленными мифологическими, историческими и прочими отступлениями, — было, вероятно, самым распространенным, но все же не единственным в хорографии. «Хронографической хорографией», «местной хронографией» можно назвать книги, озаглавленные *Ὧροι* — «Годы» (*Ὧροι Σαμίων* — анонимные[2] и Дуриса Самосского[3], упоминавшиеся *Ὧροι Λαμψακηνῶν* Харона Лампсакского, *Ἐφεσίων ὧροι* Креофила Эфесского, *Ὧροι Κλαζομενίων* Артемона Клазоменского и другие). Сильна была хронографическая тенденция и в «Аттидах».

Были и другие композиционные принципы: так, если доверять Цецу[4], Ксенион[5] в своих *Κρητικά* пере-

---

[1] См. *Sellheim R.* De Parthenii et Antonini Liberalis fontium indiculorum auctoribus. Diss., Halis Saxonum, 1930.

[2] FGrHist IIIB 544.

[3] FGrHist IIA 76.

[4] Tzetz. Sch. Lyc. 1214.

[5] FGrHist IIIB 460.

числял поименно все сто городов Крита (знаменитое место из Гомера[1] гласит, что их должно быть именно столько) с более или менее пространными описаниями; принципы хорографии, таким образом, смыкались у Ксениона с принципом комментария к Гомеру.

Весьма редко встречались и сочинения, посвященные специально мифологии, например, *Αἱ περὶ Κρήτην μυθολογίαι* Динарха[2], бывшие библиографической редкостью уже во время Дионисия Галикарнасского, «Кикл о Крите и о бывших на Крите богах и героях»[3] Менекла Теосского[4], являвшийся «сводом многочисленных поэтов и историографов».

«Лжехорография»

В эллинистическое время появляются и «лжехорографические» сочинения, связанные с эвгемеристической традицией; пример таких сочинений можно найти в главах Диодора, посвященных Самофракии, Лесбосу и Тенедосу[5]; в них налицо характерные для эвгемеризма элементы: самостоятельное «мифотворчество», направленное как к рационализации мифа (богиня Кибела получает свое имя по имени смертной, жены Иасиона), так и к беллетристическим трюкам (лира Ахилла, известная из «Илиады», оказывается подарком Гермеса на свадьбе Кадма и Гармонии); изображение мифологических героев (Макара и Тенеса) как монархов, с подчеркиванием их справедливости

---

[1] B 649: *ἄλλοι θ' οἳ Κρήτην ἑκατόμπολιν ἀμφενέμοντο* (ср.: *Κρήτη τις γαῖ' ἔστι μέσῳ ἐνὶ οἴνοπι πόντῳ / καλὴ καὶ πίειρα περίρρυτος· ἐν δ' ἄνθρωποι / πολλοὶ ἀπειρέσιοι καὶ ἐννήκοντα πόληες — τ* 172–174).

[2] FGrHist IIIB 465.

[3] *Κύκλος ὑπὲρ Κρήτης καὶ τῶν ἐν Κρήτηι γεγονότων θεῶν τε καὶ ἡρώων.*

[4] FGrHist IIIB 466.

[5] Diod. Sic. V, 47–49, 81–84.

и благоденствия подданных. Мюллер[1] предполагал, что одним из источников пятой книги могут быть «Местные истории», названные «Судой» в числе книг Дионисия Самосского, а на самом деле, возможно, принадлежавшие Дионисию Скитобрахиону, о котором пойдет речь ниже.

Лжеэпименид

К эвгемеристической «лжехорографии» можно причислить и пересказанную Диодором книгу, представлявшую собой пересказ трех вымышленных поэм Эпименида — «Теологии», «О происхождении куретов и корибантов» и «О Миносе и Радаманфе»[2].

Диодор называет четырех авторов, использованных им при изложении мифологии Крита: Эпименида, названного им «Теологом», Досиада, Сосикрата и Лаосфенида[3]. «Теология» или «Теогония» Эпименида, т. е. эвгемеристическое сочинение, отчетливо видное в главах о титанах, Зевсе и богах[4], не имеет ничего общего с фрагментами настоящей эпименидовой теогонии[5] и не вызывает сомнения в своей подложности (тогда как для той, фрагменты которой собраны у Дильса, вопрос остается открытым). О ее эллинистическом происхож-

---

[1] FHG II, 11.

[2] Diod. Sic. V, 64–80; ср. Diog. Laert. I, 112. Лобон, который является здесь источником Лаэрция, жил в конце III века, что устанавливает terminus ante quem.

[3] Фрагменты Досиада: FGrHist IIIB s. 394, Сосикрата: FGrHist IIIB s. 398; Лаосфенид неизвестен, но отождествлен К. Робертом с Аглаосфеном (FGrHist IIIB 470), писавшим не о Крите, а о Наксосе, но касавшимся Крита, так как Зевс, согласно его версии, родившись на Крите, сразу был перенесен на Наксос.

[4] Diod. Sic. V, 66–77.

[5] Diels — Krantz, I, 37 (1951).

дении свидетельствует вычурная риторичность изложения, полный комплект эвгемеристической идеологии и фразеологии, а также две переклички со Скитобрахионом (возможно, но не обязательно, внесенные самим Диодором) — имя Титеи, матери титанов[1] и история восстановления музыкального строя лиры, разбитой Аполлоном после состязания с Марсием[2]. Древнее и таинственное имя Эпименида было использовано неким эвгемеристом так же, как Дионисием Скитобрахионом имена Фимета и Ксанфа, а Эвгемером — самих Зевса и Гермеса.

В отличие от других эвгемеристов (Эвгемера и Скитобрахиона) автор «Теогонии Эпименида» не прибегает к генеалогическому творчеству, довольствуясь разработкой в эвгемеристическом духе традиционной гомеровско-гесиодовской генеалогии богов. В главах, посвященных пересказу этого сочинения, обнаруживаются и черты мифографии совсем иного рода, а именно детали, говорящие о знакомстве с мифологической географией и местными реалиями Крита (брак Зевса и Геры на реке Ферен,[3] фундамент дома Реи и кипарисовая роща в кносской хоре,[4] река Тритон,[5] пещера Зевса на Иде,[6] открытие идейскими дактилями железа на горе Берекинф в области аптерейцев[7]). Либо фальсифицированные так же, как имя критянина Эпименида, либо внесенные из других названных Диодором авторов, эти традиционные детали получают в эвгемеристическом контексте новое звучание: если прежде

[1] Diod. Sic. V, 66, 2 = III, 57, 2.
[2] Diod. Sic. V, 75, 3 = IV, 59, 6.
[3] Diod. Sic. V, 72, 2.
[4] Diod. Sic. V, 66, 1.
[5] Diod. Sic. V, 72, 3; 70, 4.
[6] Diod. Sic. V, 72, 4.
[7] Diod. Sic. V, 64, 5.

они служили конкретным, сфокусированным на одном предмете доказательством связи окружающего со сверхъестественным, перенося в сферу божественного упомянутые рощи и реки и через них все остальное, то теперь они действуют «в обратную сторону», аргументируя эвгемерову посюсторонность божественного, теми же самыми объектами втягиваемого в сферу лжеисторической реальности.

Главы о куретах и идейских дактилях[1] и о сыновьях Европы[2], хотя и не могут — из-за своего содержания — относиться к «Теогонии Эпименида», также полны эвгемеризма; дактили и куреты описываются прежде всего как культурные реформаторы, за свои «благодеяния человеческому роду» «удостоившиеся бессмертных почестей»; острова Эгейского моря, преклоняясь перед справедливостью Радаманфа, добровольно вверяют себя его власти; Минос также освещается исключительно со стороны его справедливости и благоденствия подданных, причем вся прочая его мифология опускается, а получение им законов от Зевса рационалистически толкуется как мистификация с благими целями, столь свойственная самим эвгемеристам, приписывающим свое творчество авторитетному и таинственному источнику. Именно поэтому можно заключить, что эти главы происходят из того же прозаического сочинения, в котором пересказывалась вымышленная «Теогония Эпименида»; тем более у Диогена Лаэрция[3] среди приписываемых Эпимениду поэм названы, помимо «Теогонии», еще поэмы «О Куретах» и «О Миносе и Радаманфе». Лобон, который является здесь источником Лаэрция, жил в конце III века; таким образом, «Лжеэпименид» может быть датирован тем же временем, что и Скитобрахион и Эвгемер.

---

[1] Diod. Sic. V, 64–65.
[2] Diod. Sic. V, 78–79.
[3] Diog. Laert. I, 112.

Памятником эвгемеристической «лжепериэгезы» является описание ойкумены Мнасеи из Патр[1].

Хорография в римское и византийское время

Затишье, наступившее в греческой литературе в I веке до Р. Х. — I веке от Р. Х. (если не считать авторов, работавших в Риме — Страбона, Диодора, Дионисия Галикарнасского), коснулось и хорографии; из сочинений, близких к хорографическим, в это время пишутся многочисленные книги, посвященные Востоку — *Αἰγυπτιακά, Λιβυκά, Φοινικικά*; к ним же относятся и *Ἰουδαϊκά* Иосифа Флавия. Одинокой выглядит фигура жившего на рубеже эр Лисимаха Александрийского[2], автора *Θηβαϊκά* (или *Συναγωγὴ τῶν Θηβαϊκῶν Παραδόξων*, по меньшей мере в тринадцати книгах) и «Возвращений» (по меньшей мере в трех). Лисимах, по выражению схолий[3], собирал в своих сочинениях *πολλὴν τὴν ὕλην διαφωνοῦσαν*, «множество разноречивого материала», т. е. составлял перечни версий со ссылками на авторов, «мифографический аппарат». Его работа, таким образом, была сродни работе схолиастов: сами схолии, например, схолии к Аполлонию Родосскому, в каком-то виде уже существовали во II веке до Р. Х., как доказывают папирусы[4]. С точки же зрения собственно хорографии его *Θηβαϊκά* — книжная компиляция вроде Неанфа; от «натуральной» хорографии, когда автор описывает древности родного города, через хорографический компендиум путь развития метода вел к схолиям.

---

[1] P. 39–40 Mette.

[2] FGrHist IIIB 382; p. 27–28 Mette; *Radtke W*. De Lysimacho Alexandrino. Diss., Strassburg, 1893.

[3] Sch. Ap. Rhod. III, 1177; F 1 Jacoby.

[4] Например, Pap. Hibeh 2, 186.

Возрождение греческой образованности в век Антонинов принесло хорографии труд Павсания. В ранневизантийское время, как уже говорилось, хорография возрождается в сочинениях, которым давалось название *Πάτρια*.

«ЭПИЧЕСКИЙ КИКЛ»

Понятие «эпического кикла» получило распространение в филологической науке благодаря известной книге Ф. Велькера[1], которую нельзя назвать полностью устаревшей и сегодня. Мы постараемся сказать лишь о значении «кикла» для развития мифографии.

Что такое кикл

Эпическая поэзия была первым литературным изложением греческой мифологии; важность эпического кикла для мифографии в том, что сумма множества эпических поэм, представлявшая целостную картину мифологической эпохи, определяла для позднейших попыток описать эту эпоху в целом ее содержание, ее границы и внутреннее членение.

Название одной из глав книги Велькера — «*Кикл как соположение, включение, выдержки, система, справочник*»[2] — афористически изображает процесс, приводящий от эпоса к мифографии, от десятков больших поэм к тому, что немецкие ученые называют «*учебником*» или «*справочником* (Handbuch) *по мифологии*». *Сопоставление* эпических поэм друг с другом показывало взаимосвязь их содержания, а соединение их,

---

[1] *Welcker F. G.* Der epische Cyclus. Bonn, 1835, 1865.

[2] «Cyclus als Zusammenstellung, Inbegriff, Auszug, System, Handbuch».

включение в единое целое «эпического кикла» давало некую целостную картину; книги, содержавшие *выдержки* из них, пересказы, наводили на мысль о *системе* преданий, костяком которой является простой перечень исходных поэм. Следуя этой системе, обогащая пересказы поэм всевозможными мифографическими сведениями, выполнявшими поначалу роль комментариев к ним, можно было составить претендующее на полноту изложение мифологии, *Handbuch*. Из сохранившихся полностью книг наиболее близка к такому Handbuch'у «Библиотека» Лжеаполлодора, синтезирующая принцип «эпического кикла» с генеалогическим, ферекидовским.

Поэмы кикла

Перечень поэм, лежащих в основе «эпического кикла», может сильно варьироваться: разные грамматики, составлявшие киклы, могли менять его состав. Пытаясь перечислить эти поэмы, можно отвлечься от дискуссий об авторах многих из них, начавшихся уже в Александрии (даже вопрос об авторстве таких важнейших для «кикла» поэм, как «Киприи» и «Малая Илиада», был неясен уже тогда): ведь для эпического кикла как системы важна не столько конкретная поэма конкретного автора, сколько некий тип поэм, характеризующийся стабильным заглавием и более-менее стабильным кругом содержания; такой тип и становится одной из «категорий», составляющих «систему» эпического кикла.

Так, «нижняя» веха кикла, «Теогония» — это не обязательно именно поэма Гесиода (хотя в большинстве случаев пересказывалась, вероятно, именно она; она пересказывается и у Аполлодора). К ней примыкает и, частично, соперничает с ней «Титаномахия» Эвмела Коринфского или Арктина, также начинавшаяся

с родословия Неба и Земли, производимых, в противоречии с Гесиодом, от Эфира и Гемеры[1].

Верхняя веха кикла — выросший вокруг Гомера круг поэм, говорящих о *Τρωϊκά* (событиях Троянской войны, ее причинах и последствиях): «Киприи», «Илиада», «Эфиопида», «Малая Илиада», «Разрушение Илиона», «Возвращения», «Одиссея», «Феспротида», «Телегония». Именно эти поэмы пересказаны в известном эксцерпте византийского грамматика Прокла, именно их обычно называют «киклическими» в узком смысле слова.

Происхождение богов и миропорядка, «Теогония» и «Титаномахия» — не подлежащее сомнению начало кикла; *Τρωϊκά* — его не подлежащий сомнению конец. Пространство между ними может заполняться двумя способами: во-первых, отдельными героическими поэмами, самыми знаменитыми из которых являются приписывавшиеся самому Гомеру поэмы фиванского «кикла» — «Эдиподия», «Фиваида», «Эпигоны» (в неясных отношениях с последней находится «Алкмеонида», говорившая, возможно, и о походе Эпигонов, и о войне Алкмеона и Диомеда с Агрием, и о дальнейшей судьбе Алкмеона). О Геракле говорилось не только в «Гераклиях» Писандра и Паниасида: война с Орхоменом, взятым им до начала канонических *ἆθλα*, описывалась в «Миниаде», а в «Эгимии» и «Взятии Эхалии» — войны, которые он вел после их свершения. «Тезеида» или «Аттида» говорили прежде всего о войне Тезея с амазонками, но, возможно, и о прочих событиях его жизни; «Данаида» — о Данае и Данаидах; «Европия» — о Европе и, скорей всего, Кадме. Можно привести и другие примеры; Велькер включал

---

[1] Именно к «Титаномахии» восходят, вероятно, противоречащие Гесиоду генеалогии в начале книги Гигина (ср. Cic. Nat. Deor. III, 44, со ссылкой на Карнеада).

в число поэм кикла не только героические, но даже и хорографические — *Κορινθιακά* Эвмела с преданиями о Сизифе и об аргонавтах. Однако и таким образом нельзя связать воедино все эпические предания и заполнить все лакуны: мощным средством их заполнения является привлечение генеалогического эпоса и, шире, генеалогической традиции.

Дионисий Киклограф и другие

Именно так, сочетая рамки эпического кикла — от «Теогонии» до «Телегонии» — с генеалогическим принципом изложения внутри этих рамок (причем *Τρωϊκά* привязывались к генеалогии Пелопидов), построил свою «Библиотеку» тот, кого называют Аполлодором; трудно судить, как сочетались принципы кикла и генеалогии в книгах его предшественников. К ним относятся Дионисий Самосский[1] (которого так и называли Киклографом); путаница между ним и другими Дионисиями была проанализирована Велькером; Шварц, оспаривавший его выводы, впоследствии признал его правоту[2]. Его книга, вероятно, строилась как пересказ поэм и комментарий к отдельным непонятным местам; генеалогический принцип, вероятно, был ей чужд.

Зато книга некого Писандра[3], название которой неизвестно, но в которой довольно многочисленные фрагменты позволяют видеть некое подобие пресловутого «Handbuch'a по мифологии», вполне возможно, была построена генеалогически. Известно еще несколько авторов, писавших книги под названиями *Μύθων Συναγωγή* или *Μυθική Συναγωγή*, но фрагменты их или ничтожны, или ненадежны. Основное же, что заставляло филологов

[1] FGrHist IA 15.
[2] См. подробнее ниже, с. 108.
[3] FGrHist IA 16.

предполагать существование «руководства по мифологии», — это выявление общей традиции из сочинений Аполлодора и Диодора, схолий к Аполлонию и Еврипиду.

Эпический кикл является одной из основ композиции и для Гигина: в основной части книги фабулы, хотя и сбиваясь, и путаясь, все же пытаются заполнить собой рамку «*от Теогонии до Телегонии*»[1].

ЭВГЕМЕРИЗМ И *SCHWINDELLITERATUR*

Генеалогия, хронография, хорография, «кикл» собирали мифы и сводили их — каждая постольку, поскольку этого требовали и это позволяли ее принципы — в систему, но при этом почти никогда не имели целью собственно их изложение, тем более изложение в увлекательной форме, и тем более изложение, нарочито подчиненное некой содержательной *идее*. Это процесс собирания и сведения был более-менее исчерпан в александрийский период, когда началось составление сводов и компендиумов, когда, как считает Пирсон[2], и были извлечены из-под спуда труды логографов, неизвестные аттическому периоду греческой литературы. Генеалогия и хорография работали, по крайней мере в начале, еще с внелитературными источниками; «кикл» и александрийские своды — кодификация мифологии, родившейся вне литературы, по литературным источникам; следующим шагом должно было стать создание собственно литературной, «книжной», «подложной» мифологии; ею и является эвгемеристи-

[1] См. ниже, с. 157.
[2] *Pearson L.* Op. cit. P. 10.

ческая и постэвгемеристическая литература, возвращающая мифологии — ценой подлинности — увлекательность.

При этом, что самое важное, именно в полных легковесной лжи книгах эвгемеристов появляется то, что можно, говоря по-современному, назвать *идеей произведения* или даже *концепцией*; ведь наличие красивой концепции увлекательней ее отсутствия. У порядочных греческих ученых, будь то Гесиод, Павсаний, Аполлодор, *концепции* нет — есть стиль, есть материал, есть принципы его сбора и изложения. У лгунов же эвгемеристов — Эвгемера, Скитобрахиона, Лжеплутарха — обнаруживаются именно нарочитые и подчиняющие себе изложение отдельных мифов *концепции*, о которых мы скажем в посвященных им главах[1]. Эти концепции сами по себе всегда красивы и благородны; однако они всегда аргументированы фантазиями, вульгарными и наивными настолько, что почти не остается возможности относиться к ним всерьез.

Геродор из Гераклеи

Авторы книг, не слишком удачно называемых «мифологическими романами»[2], имели, как и представители других ветвей мифографии, своих предшественников в поэзии: темы книг Геродора из Гераклеи[3],

---

[1] Прежде всего это относится к основной *концепции* эвгемеризма — ἐξημέρωσις τῆς οἰκουμένης.

[2] Термин употреблялся, в частности, Эрихом Бете (*Bethe E.* Quaestiones Diodoreae mythographae. Diss., Gottingae 1887, p. 4 etc.), Зуземилем (*Susemihl F.* Geschichte der Griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit. Leipz., I, S. 345) и др.; Якоби называет эти книги «Monographien».

[3] FGrHist IA 31.

который, как кажется, первым построил прозаическое мифографическое сочинение не по генеалогическому или хорографическому принципу, а по тематическому, посвятив одну Гераклу (*Ὁ καθ' Ἡρακλέα λόγος*, не менее чем в 17 книгах), а другую аргонавтам[1], совпадали с темами эпических поэм: жизнь Геракла «монографическим» образом описывали Писандр и Паниасид, плавание аргонавтов (прежде Аполлония) — Эпименид и Клеон из Сол. Следует добавить, что обе темы были связаны с родным городом Геродора: Геракл основал Гераклею, а поход аргонавтов также проходил через его родные места. Немифографическая проза уже пришла ко времени Геродора к идее биографии, биографического панегирика («Киропедия» и «Агесилай» Ксенофонта).

Отличительной чертой «монографической мифографии» с самого начала (т. е. с Геродора) оказалась склонность не просто к изложению мифа, но к его ревизии: с одной стороны, традиционно наличествующее в мифе чудесное объясняется рационалистически (золотой барашек Атрея был чашей с инкрустированным золотым изображением барашка[2], Геракл не подставил свои плечи вместо Атланта под небесный свод, но научился у него астрономии[3] и т. п.); с другой — автор не стесняется компенсировать эти чудеса, являющиеся важнейшей частью занимательности традиционного мифа, новыми фантастическими и экзотическими деталями (у Геракла было три ряда зубов; женщины на Луне рождают яйца, а из них вылупляются селениты ростом в 15 раз выше людей, и такими были сиамские близнецы Молиониды[4]). Если учиты-

---

[1] Третья, «Пелопия», была всё же построена генеалогически, хотя сама генеалогия в данном случае была скреплена темой родового проклятья.

[2] F 57 Jac.

[3] F 13 Jac.

[4] F 21 Jac.

вать и эти детали, становится ясным, что и цель так называемых «рационалистических» толкований отнюдь не в скучном правдоподобии, но, напротив, в новизне и занимательности: объяснить надоевшего золотого ягненка «рационалистически» — значит привлечь читателя новизной и остроумием, а не убедить его «реалистичностью».

Подобные приемы в изложении мифов[1] часто не слишком точно называют «эвгемеризмом»; Геродора в таком случае следовало бы назвать «протоэвгемеристом». Проявляющаяся же в подобных деталях (и вообще в установке на ревизию привычного мифа) высокая степень авторской свободы и использование этой свободы ради беллетристической занимательности хоть сколько-то оправдывает применение слова «роман» к книгам Геродора и его последователей.

Эвгемер

Диодор и эвгемеризм

Главный источник по «эвгемеризму» — «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского, единственного «эвгемериста», чье сочинение дошло в достаточно целостном виде. Диодор — автор всемирной истории — вполне последователен в своей любви к эвгемеризму. Справедливо ли или нет, Диодор считал идею всемирной истории впервые воплощенной именно им[2], причем включение мифической эпохи в картину мирового развития было для него принципиально важным, специально подчеркиваемым моментом[3]. Эвгемеристическая

[1] Сборником таких приемов является дошедшая книга Палефата.
[2] Diod. Sic. I, 3, 3.
[3] Diod. Sic. I, 3, 2, IV, 1, 2–4.

4 Зак. 3209

концепция исторического божества как творца человеческой культуры не только дает ему возможность не отказываться от богов и вообще от мифологии, соблюдая при этом свои критерии историзма (ведь для Диодора эвгемеристический бог был реальной современностью в лице Цезаря[1]), но и отвечает на самый важный для автора всемирной истории вопрос — о движущей силе всемирно-исторического процесса, о толчке, результатом которого явилось то культурное человеческое общество, существование которого он описывает. Эвгемеризм давал всемирной истории в понимании Диодора ее начало, в отсутствии которого он упрекал Эфора, и одновременно божественную санкцию.

Основные сведения об Эвгемере

Поэтому именно Диодор сохранил пересказы стольких эвгемеристических сочинений, в том числе и самой «Священной надписи» Эвгемера, давшего имя этому роду литературы. Самый ранний из говорящих об Эвгемере авторов — Каллимах[2]; упоминания о нем Полибия и Эратосфена известны только по ссылке Страбона[3]. Диодор же — единственный содержательный (а не оценивающий) из говорящих о нем. Диодор обращается к Эвгемеру дважды: пересказывая в пятой книге, среди реальных островов, описание вымышленной Панхеи, и в недошедшей шестой, фрагмент которой выписан Евсевием.

В самой книге Эвгемера содержалось указание, что он был придворным Кассандра (правившего в 306–297 гг.). Якоби определяет время выхода его книги примерно 280 годом. Родной город его неизвестен:

---

[1] Diod. Sic. IV, 19, 2.
[2] Callim. F 191, 10–11 Pfeiffer.
[3] I, 104.

обычно его называют мессенцем, потому что так называл его Полибий; встречаются также этниконы акрагантинец и тегеат.

Теология Эвгемера

Литература по Эвгемеру обширна[1]; в настоящее время Эвгемер воспринимается обычно либо как социальный утопист, написавший одну из первых коммунистических утопий, либо в свете современной ему истории и политики, т. е. в связи с обожествлением эллинистических и римских монархов, ставшим после Александра постоянно действующим институтом. Однако ни социальный строй Панхеи, ни обожествление монарха не являются сутью эвгемеризма самого по себе: царская власть для эвгемеристического божества лишь средство, помогающее ему осуществить свою миссию — принести вселенной цивилизацию и порядок. Социальная же утопия, равно как и картины райской природы, украшенной божественными произведениями искусства — логически лишь следствие, а композиционно в книге Эвгемера лишь прелюдия к самой написанной Зевсом «священной надписи», содержавшей теологическую доктрину эвгемеризма и давшую название всей книге.

Почти дословное сходство в пересказе Диодора разных авторов-эвгемеристов (т. е. прежде всего Дионисия Скитобрахиона и так называемой «Теогонии Эпименида»)

---

[1] Обзор старой литературы см. *Susemihl F.* Geschichte der Griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit. Leipz., I. S. 345; новой: *Трофимова М. К.* Утопия Эвгемера // История социалистических учений. М., 1986. См. также *Гуторов В. А.* Античная социальная утопия. Л., 1989. С. 220–234. Последнее издание фрагментов: *Euhemerus.* Testimonianze e framment / A cura di G. Vallauri, 1956, также: FGrHist IA S. 300.

позволяет сформулировать эту теорию по крайней мере в том виде, в котором ее представлял Диодор (или Скитобрахион?). Она основана на отсечении космоса от социума, природы от культуры: у первого свои боги, такие как солнце, луна, ветер («силы природы»), а у второго свои, которыми и занимается Эвгемер[1]. Но жизнь космоса — вечное повторение сезонов, вращения светил и поколений живых существ, поэтому его боги вечны, а жизнь социума — история, т. е. однократность, поэтому его боги рождаются и умирают. Родившись, они совершают в человеческом обществе радикальную перемену, а умерев, именно по его санкции и именно для него становятся богами, о чем говорит настойчиво повторяющаяся формула «по всеобщему согласию удостоился бессмертных почестей». Перемена, совершаемая эвгемеристическим божеством, есть переход от дикости — к культуре, от случайного собирательства — к земледелию, от нечестия и беззакония — к закону и благочестию, т. е., в конечном счете, от социального хаоса к социальному космосу (образцом которого является утопический строй Панхеи), так же, как природный хаос упорядочивается традиционным богом в космогоническом процессе. Но божество — всеобще, и совершаемая им перемена, чтобы быть божественной, должна быть всеобщей; средством достижения этой всеобщности являются всемирные походы, так часто и любовно описываемые эвгемеристами, и их следствие — всемирная монархия.

Это действие эвгемеристического божества обозначается словами ἡμερόω и ἡμέρωσις, обозначающими как одомашнивание диких растений, так и «одомашнивание» вообще всей ойкумены, ее умиротворение и водворение законов справедливости: природа становится благодаря этому действию гармоничной частью обще-

[1] Diod. Sic. VI, 2, 2.

ства, божественным садом (сказочные пейзажи Эвгемера и Скитобрахиона), а само общество, после «обуздания нечестивых» — счастливым и справедливым. А если вспомнить и неясность происхождения Эвгемера, и крайнюю необычность его имени в ономастическом плане, нельзя удержаться от искушения увидеть в этом имени значащий псевдоним (неважно, Скитобрахиона или другого мистификатора), образованный от ключевого слова теории. Взятое как прилагательное, слово εὐήμερος как нельзя лучше характеризует жизнь на Панхее — чистый, идеальный результат божественного действия.

Разделив богов на космических и социальных, эвгемеризм на деле вообще отказался от первых; уже «Священная надпись» включает в число своих персонажей Урана, Скитобрахион — также солнце и луну (Гипериона и Селену), а в «Теогонии Эпименида» в эвгемеристический пантеон включены вообще все традиционные боги, получившие каждый свою долю в творении — не мира, а человеческой культуры — и утратившие все остальное. Уран становится у эвгемеристов богом неба потому, что он создал и распространил благие и истинные знания о нем; божеством, таким образом, является уже не само небо, а знание о небе, которым обладает социум; не объект, а знание о нем субъекта-социума — таково божество эвгемеризма.

Обожествив культуру, эвгемеристы отнюдь не проповедовали безбожия или нечестия; напротив, и «Священная надпись», и Скитобрахион, и «Теогония Эпименида» полны подчеркнутого благочестия по отношению к своим книжным богам. Царящий на Панхее идеальный строй — не просто социализм (там налицо даже социалистическое соревнование), но теократический социализм, где правит каста жрецов, служащих эвгемеровым богам. Панхея даже является единственным местом, из которого по всему свету развозится ладан — внешний показатель благочестия.

Неприятие и непонимание эвгемеризма

Диодор, любящий эвгемеризм и понимающий его суть, является редким исключением. В эллинистическое время имя (точнее, как мы показали, псевдоним) Эвгемера употреблялось почти как нарицательное со значением «известный враль» (так употребляет его Полибий[1]), в римское — со значением «известный безбожник» (так употребляют его Секст Эмпирик[2], Аэций[3] и христианские авторы). Для филологов прошлого века слово «эвгемерист» означало практически «вульгарная бездарность». В современном языке «эвгемеризм» значит обычно «сведение мифа к лжеистории», хотя далеко не все рационалистические толкования мифов восходят к Эвгемеру и эвгемеристам, для которых устранение из мифов того, что невозможно в истории, являлось лишь одним из следствий эвгемеризма в собственном смысле слова, т. е. концепции исторического божества: название книги «Эвгемера» — *Ἱερὰ ἀναγραφή* — Лактанций переводил как *Sacra historia*, *«Священная история»*, «неточно, но не неверно», по выражению Зуземиля.

Суть «Священной надписи», таким образом, теология и историософия, а уже потом утопия. Мифографическое же значение эвгемеризма в том, что именно мифология становится у Эвгемера теологией и историософией, точнее, пытается вернуть себе эти давно утраченные функции. Логографы сделали мифологию скучной суммой сведений, а поэты — собранием пустых фантазий; эвгемеризм пытается вернуть ей и увлекательность, и сакральную значимость, делая ее «романом» и «священной историей».

---

[1] У Страбона, см. выше.
[2] Adv. Math. IX, 17.
[3] Plac. I, 7, 1, p. 297 Diels.

Дионисий Скитобрахион

Авторская свобода, необходимая для подобной ревизии мифа, приводит к расшатыванию в эвгемеристической литературе самого понятия авторства: имена «авторов»-эвгемеристов — «Эвгемера», «Эпименида» и др. — нужно брать в кавычки так же, как заглавия книг. Где псевдонимы, там и литературная мистификация, и подлог; всеми этими проявлениями авторской свободы насыщена деятельность Дионисия Скитобрахиона, одного из самых темных и дискуссионных персонажей истории греческой литературы.

Основные сведения о Скитобрахионе

Традиционная датировка времени жизни Скитобрахиона была основана на свидетельстве Светония[1]; получалось, Скитобрахион жил во второй половине II века. Благодаря папирусу[2], еще неизвестному во время работы Якоби, датируемому по археологическим и палеографическим данным 250–220 гг. до Р. Х. и содержащему восходящее к Скитобрахиону толкование огнедышащих быков Ээта как стражников из племени тавров, а также упоминание о пребывании Геракла вместе с аргонавтами в Колхиде (о чем тоже говорилось у Скитобрахиона), Дж. Растен[3] определяет terminus ante quem для сочинений Дионисия. Terminus post

---

[1] M. Antonius Gnipho ... institutusque Alexandriae quidem, ut aliqui tradunt, in contubernio Dionysii Scytobrachionis; quod equidem non temere crediderim, cum temporum ratio vix congruat (*«Марк Антоний Гнифон... учившийся также в Александрии, как сообщают некоторые, где был приятелем Дионисия Скитобрахиона, чему я, поразмыслив, поверил бы, хотя расчет времени едва сходится»*) — De Gramm. 7.

[2] Pap. Hibeh 2, 186, col. 1, l. 8 sqq.

[3] *Rusten J. S.* Dionysius Scytobrachio. 1982.

quem он ищет, сопоставляя брак Василии и ее брата Гипериона в книге Дионисия[1] с установлением в птолемеевском Египте культа Богов-Адельфов около 270 года. Тогда время жизни Скитобрахиона перемещается в первую половину III века, и Светоний был более прав, когда сомневался в знакомстве с ним Гнифона, чем когда все-таки соглашался с его возможностью.

Две книги Скитобрахиона пересказывает Диодор; это «Поход Диониса и Афины»[2] (название сообщает «Суда[3]») и «Аргонавтика»[4]. Существование третьей, о Троянской войне, известной из «Суды», подтверждается схолиями к Илиаде, из которых следует, что Скитобрахион не только комментировал, но и интерполировал Гомера[5]. Кроме этого, Скитобрахион, вероятно,

---

[1] Diod. Sic. III, 57, 3; FGrHist IA 32 F 7 Jac.

[2] Diod. Sic. III, 52–61, 67–74, IV, 17–19, 26–28.

[3] *Διονύσιος Μιτυληναῖος ἐποποιός. οὗτος ἐκλήθη Σκυτοβραχίων καὶ Σκυτεύς. τὴν Διονύσου καὶ Ἀθηνᾶς στρατιάν Ἀργοναῦται ἐν βιβλίοις ϛ'· ταῦτα δέ ἐστι πεζά· Μυθικὰ πρὸς Παρμένοντα.* — *«Дионисий Митиленский, эпический поэт. Его прозвище Скитобрахион* (букв. «Кожерукий» — возможно, из-за нарукавников или протеза) *или Скитей* («Кожевник», «Сапожник»). *[Написал] “Поход Диониса и Афины”, “Аргонавтов” в шести книгах. Эти [сочинения] в прозе. [Также] “Мифы”, посвященные Пармемону»*.

[4] Diod. Sic. IV, 40–55.

[5] *Γ* 40: *Διονύσιός φησιν ὁ Σκυτοβραχίων Δάρδανον ἀπὸ Ἑλένης καὶ Πάριδος γενέσθαι* (*«Дионисий Скитобрахион говорит, что у Париса и Елены был сын Дардан»* — F 11 Jac., F 39 Rusten). Скитобрахион утверждал это, чтобы объяснить стих, который, вполне возможно, он сам вставлял в этом месте после слов Гектора, обращенных к Парису:

αἴθ' ὄφελες ἄγονός τ' ἔμεναι ἄγαμός τ' ἀπολέσθαι (традиционный текст)

μήδε τι γούνασιν οἷσιν ἐφέσσασθαι φίλον υἱόν (добавление Скитобрахиона).

Добавление, спровоцированное двусмысленностью *ἄγονος* («нерожденный» — «не рождавший»), не очень увязывается с контекстом речи Гектора.

подделал *Λυδιακά* Ксанфа Лидийского[1]. Вымышленные авторы фигурировали и в других книгах Дионисия: «Поход Диониса и Афины» автор объявлял пересказом «Фригийской поэмы» Фимета, сына Фимета[2], сына Лаомедонта, современника Троянской войны, в которой, в свою очередь, пересказывалась книга Лина, учителя

---

[1] Ath. XII, 515DE: *Λυδοι δὲ εἰς τοσοῦτον ἦλθον τρυφῆς ὡς καὶ πρῶτοι γυναῖκας εὐνουχίσαι ὡς ἱστορεῖ Ξάνθος ὁ Λυδὸς ἢ ὁ τὰς εἰς αὐτὸν ἀναφερομένας ἱστορίας συγγεγραφὼς Διονύσιος δ' ὁ Σκυτοβραχίων ὡς Ἀρτέμων φησὶν ὁ Κασανδρεὺς ἐν τῷ περὶ Συναγωγῆς Βιβλίων, ἀγνοῶν ὅτι Ἔφορος ὁ συγγραφεὺς μνημονεύει αὐτοῦ ὡς παλαιοτέρου ὄντος καὶ Ἡροδότῳ τὰς ἀφορμὰς δεδωκότος* (*«Лидийцы же дошли до такой степени развращенности, что стали оскоплять женщин, как рассказывает Ксанф Лидийский или же Дионисий Скитобрахион, который, как утверждает Артемон из Кассандреи в трактате "О принадлежности книг", написал приписываемые тому сочинения, не зная, что историк Эфор упоминает о Ксанфе, как о жившем весьма давно и послужившем отправной точкой Геродоту»*). Велькер (Seebold. Archiv, 1830, S. 77 ff.) настаивал на правоте Артемона, утверждая если и не полную фальсификацию Дионисием сочинений Ксанфа, то, во всяком случае, внесение им значительных дополнений и искажений. Мюллер (FHG I, XXI) поддержал Велькера, указывая на фрагменты Ксанфа 23 (генеалогия, делающая Тантала и Аскала сыновьями Гименея и весьма похожая на вымышленную) и 19 (Кандавл, покупающий картину Бурарха на вес золота — характерный для Скитобрахиона романический момент). Контраргумент Липсиуса (*Lipsius K.* Quaestiones Logographicae, Lips. 1876), указывавшего, что такое позднее появление книг «Лжексанфа» делало бы хронологически невозможным их цитирование Мнасеей из Патр, учеником Эратосфена, опровергнут новой, более ранней датировкой времени жизни Скитобрахиона. Виламовиц (Homerische Untersuchungen, S. 361) и Якоби склоняются к тому, что Скитобрахион выпустил «вторoe, переработанное издание» Ксанфа.

[2] Имя сына, повторяющее имя отца, — уникальный случай в мифологической генеалогии; возможно, ошибка традиции.

Геракла, изобретателя древнейшей письменности; неизвестно, кому была приписана «Аргонавтика», возможно, одному из участников плавания[1].

Слово «Скитобрахион», таким образом, упоминается в античной литературе четыре раза. Подытоживая эти четыре «тестимонии» о Скитобрахионе, нельзя не заметить парадоксальности каждой из них:

1) Скитобрахион был эпическим поэтом, писавшим прозаические книги («Суда»);

2) Скитобрахион комментировал стих из «Илиады», которого там нет (схолии к Гомеру);

3) Скитобрахион подделал книгу, которую не мог подделать (Афиней);

4) со Скитобрахионом был знаком человек, который не мог быть с ним знаком (Светоний).

Такова сумма наших знаний о Скитобрахионе.

Дискуссии о Скитобрахионе

Литературная мистификация, мастером которой был Скитобрахион, путает карты филологов и лишает их мнения устойчивости. Показателен в этом отношении путь Э. Шварца, который начал с максимального доверия Скитобрахиону, доказывая в своей диссертации, что его книги были всеобъемлющим вместилищем подлинной мифографической учености, а кончил тотальным недоверием к нему, предположив, что даже «Дионисий Митиленский» — то имя Скитобрахиона, которое претендует быть настоящим, — не что иное, как один из вымышленных им авторов, одна из его мистификаций[2]. Это мнение разделял Пирсон[3]; Якоби

---

[1] От пересказа вымышленных древних поэм греческая литература пришла и к созданию самого текста подобных поэм: так называемая «Орфическая аргонавтика» написана Орфеем от первого лица.

[2] RE V 932.

[3] *Pearson L.* Op. cit. p. 114.

всё же допускал, что Митилена — реальная родина Скитобрахиона. Основание этого города амазонками описывалось в «Походе Диониса и Афины»[1]; настоящему или мистифицированному патриотизму принесена эта дань?

Было ли или нет «Дионисий» настоящим именем Скитобрахиона, это одно из самых распространенных греческих имен, что не может не усугубить путаницы. Скитобрахиона, «Дионисия Митиленского», трудно отличить от двух других Дионисиев — Милетского и Самосского.

Милетцем несколько раз называют Дионисия, автора «Аргонавтики», схолии к Аполлонию. «Суда» приписывает логографу Дионисию Милетскому, младшему современнику Гекатея, писавшему о персидской истории, «четыре книги о Троянской войне», т. е., по-видимому, сочинение Скитобрахиона. Велькер[2] и Хахтманн[3] предполагали, что Скитобрахион воспользовался именем своего древнего тезки таким же образом, как и именем Ксанфа, либо подделав, либо интерполировав его сочинения. Растен предложил другую версию происхождения путаницы: поначалу ссылки на Дионисия в схолиях к Аполлонию вообще не были снабжены указанием его родного города, так как это имеет место в обнаруженных папирусах, или у Аполлодора[4], или у самого Диодора; впоследствии схолиасты стали проставлять этникон, отчасти верно, отчасти ошибочно.

Во всяком случае, само различие между логографом-милетцем и митиленцем Скитобрахионом никем

---

[1] F 7 Jac. (Diod. Sic. III, 55, 7).

[2] *Welcker F. G.* Der epische Cyclus. I, S. 79.

[3] *Hachtmann G.* De Dionysio Mytilenaeo seu Scytobrachione, Bonn, 1865.

[4] Apld. I, 9, 19.

не подвергалось сомнению, чего нельзя сказать о другом Дионисии — Самосском, или «Киклографе». «Суда» сообщает о нем следующее:

«Дионисий, сын Мусония, родосец или самосец. Был жрецом местного храма Гелиоса. [Написал:] “Местные истории” в шести книгах, “Описание ойкумены”, “Пайдевтическую историю” в десяти книгах».[1]

О первом из указанных сочинений нельзя сказать ничего определенного; второе, вероятно, попало к Дионисию Самосскому по ошибке вместо Дионисия Периэгета; зато третье Велькер, опираясь на Афинея, ссылающегося на «третью книгу Кикла Дионисия Самосского»[2], отождествил с «Историческим киклом», попавшим в «Суде» к Дионисию Милетскому (туда же, куда книга Скитобрахиона о Троянской войне). Ссылки на «Кикл» Дионисия содержатся в схолиях к Еврипиду и Пиндару, а также у Климента Александрийского[3]. Содержащиеся в этих фрагментах комментированные цитаты из различных эпических поэм («Эгимий», «Алкмеонида», «Малая Илиада») позволили Велькеру соотнести содержание «исторического кикла» с «эпическим», которому он посвятил свою книгу. Велькер же первым стал настаивать на различении Скитобрахиона и Киклографа, которых смешивал уже Цец, называвший «Киклографом» того Дионисия, который послужил источником Диодору[4]. Это различение поддерживали Мюллер[5], Отто Зирока[6], Эрих

---

[1] *Διονύσιος Μουσωνίου Ῥόδιος ἢ Σάμιος ἱστορικός· ἦν δὲ καὶ ἱερεὺς τοῦ ἐκεῖσε ἱεροῦ τοῦ ἡλίου. Ἱστορίας τοπικὰς ἐν βιβλίοις ϛʹ Οἰκουμένης περιήγησιν Ἱστορίας παιδευτικῆς βιβλία ιʹ.*

[2] XI, 481 E, также 477 E.

[3] Sch. Eur. Phoen. 670, 1116, Or. 872, 995, Hec. 123, Rhes. 823; Sch. Pind. Nem. III, 109, Isthm. IV, 104; Clem. Al. Protr. IV, 47, 6. Издание фрагментов: FGrHist IA 15, s. 178.

[4] Chil. XII, 184.

[5] FHG II, 10.

[6] *Sieroka O.* Die mythographische Quellen für Diodoros' III und IV Buch, 1878.

Бете, Якоби и Растен. Против него в прошлом веке выступал Хахтманн[1], считавший, что «Кикл» вначале был написан Дионисием Милетским (в статье о котором его упоминает «Суда»), а затем переработан Скитобрахионом так же, как сочинения Ксанфа. Возникновение в конце VI века, когда жил милетский логограф, прозаического пересказа эпических поэм настолько противоречит обычным представлениям о раннем периоде греческой прозы, что Эдуард Шварц[2], также выступавший против Велькера с доводами в пользу тождественности Скитобрахиона с Киклографом, даже не упоминает о Хахтманне.

Шварц о Скитобрахионе

Следуя представлению о Скитобрахионе как об ученом грамматике и понимая слова Диодора о том, что он «ссылался на поэмы древних мифологов и поэтов»[3] в том смысле, что труды Дионисия были пересыпаны изложением различных мифологических версий, снабженных ссылками на многочисленных авторов, Шварц путем сравнения текстов вычленял из схолий к произведениям, посвященным походу аргонавтов (поэма Аполлония, IV Пифийская ода Пиндара, «Медея» Еврипида), громадный мифографический аппарат Скитобрахиона, отсеченный в кратком (*ἐν κεφαλαίοις*) пересказе Диодора. Гесиод, Симонид, Софокл, Антимах, Никандр, Деилох, Ферекид, Акусилай, Скимн, Эратосфен, Тимей, «Навпактика», Эвмел, Эпименид, Гелланик, Асклепиад, Эфор, Истр, Антиклид, Эсхил, Гекатей и Геродор — минимальный, согласно Шварцу,

---

[1] *Hachtmann G.* De Dionysio Mytilenaeo seu Scytobrachione, Bonn, 1865.

[2] *Schwartz E.* De Dionysio Scytobrachione, Bonn, 1880.

[3] *Παρατιθεὶς τὰ ποιήματα τῶν ἀρχαίων τῶν τε μυθολόγων καὶ τῶν ποιητῶν.*

перечень авторов (перечисленных в порядке убывания уверенности в использовании их Скитобрахионом), ссылки на которых в схолиях к указанным выше книгам Шварц считал восходящими к «Аргонавтике» Скитобрахиона.[1]

Внутри текста Диодора Шварц также максимально раздвигал границы пересказа Дионисия, включая в него не только рассказ об аргонавтах, пересказ поэмы Фимета о ливийском Дионисе и непосредственно связанных с ним ливийских амазонках и атлантиях, но и все остальные говорящие о Дионисе главы III и IV книг[2], а также главы из первой книги, касающиеся египетского Диониса-Осириса[3], и даже натурфилософскую космогонию, содержащуюся в седьмой главе первой книги Диодора. Для последнего, по собственному признанию Шварца, он не находил строгих аргументов[4]. Аргументами для Шварца являлось прежде всего текстуальное сходство; однако оно часто может объясняться обработкой своих источников Диодором, стиль которого не чужд штампованности. Сам Шварц впоследствии[5] отказался от атрибуции Скитобрахиону глав об Осирисе, отнеся их теперь к Гекатею Абдерскому, из *Αἰγυπτιακά* которого Диодор заимствовал другие части I-й книги[6], и тому же Гекатею приписал и упомянутые «лишние» главы о Дионисе III и IV книг. Текстуальные сближения, которыми он опять руководствовался, относятся к области эвгемеристической

[1] *Schwartz E.* Op. cit. P. 31.

[2] Diod. Sic. III, 62–66, IV, 1–5.

[3] Diod. Sic. I, 14–23.

[4] *Ibid.*, p. 46. Вальтер Шпёрри, посвятивший книгу комментарию этой и последующих глав Диодора (*Spörry W.* Späthellenistische Berichte über Welt, Kultur und Götter. Basel, 1959), также не поддерживает эту атрибуцию.

[5] Rheinisches Museum, 40 (1885).

[6] Diod. Sic. I, 46, 6 sqq.

фразеологии и становятся у Диодора почти идиомами (*«пройти всю ойкумену», «облагодетельствовать»* или *«сделать культурной жизнь людей», «за величие благодеяний по общему согласию удостоиться почестей бессмертного»*[1] и т. п.). Очень возможно, что Диодор и заимствовал эту фразеологию у Скитобрахиона, но применяет он ее даже к своему современнику Цезарю[2]. Важнее содержательные «скитобрахионовские» характеристики рассказа об Осирисе — прославление культурной миссии бога, его всемирный поход и невероятная перетасовка традиционных персонажей пополам с вымышленными (Осирис завоевывает Македонию, делает ее царем своего сына Македона и посылает Триптолема в Аттику; братом Македона является Анубис и т. п.). Эти черты чужды Гекатею, насколько можно судить по его фрагментам[3], зато весьма близки Скитобрахиону.

Продолжая увеличивать объем восходящих к Скитобрахиону текстов, Шварц отождествлял его с Киклографом, причем дошедшие фрагменты «Кикла» с цитатами из эпических поэм оказывались деталями мифографического аппарата Скитобрахиона, брак Неба и Земли, с которого, согласно Проклу, должен начинаться «Кикл», обнаруживался либо в «теогонии атлантиев», либо в упомянутой космогонии Диодора, а все три книги Скитобрахиона — о Дионисе, аргонавтах и Троянской войне — связывались воедино через Фимета, внука встреченного аргонавтами Лаомедонта, автора поэмы о Дионисе и современнике Троянской войны[4]. Таким образом Шварц подменял единство

---

[1] *Πᾶσαν τὴν οἰκουμένην ἐπελθεῖν, τὸν κοινὸν βίον εὐεργετῆσαι* или *ἐξημερῶσαι, διὰ τὸ μέγεθος τῶν εὐεργεσιῶν συμπεφωνημένως ἠξιοῦσθαι τῶν ἀθανάτων τιμῶν.*

[2] Diod. Sic. IV, 19, 2.

[3] FGrHist IIIA S. 11.

[4] RE V, 933.

конкретного произведения единством всей historiae fabulosae, мифологической системы; если бы, к примеру, трагедии Еврипида дошли бы лишь в пересказах, причем не имевших целью дать представление именно о них и о жанре трагедии, то не составило бы труда по сюжетным и тем более генеалогическим связям обнаружить в них части единого произведения — такова искусно имитируемая Скитобрахионом взаимосвязанность мифической эпохи. Ни в известных по Диодору книгах Скитобрахиона нет оснований видеть части «Кикла», ни считать «Кикл», известный по Афинею и схолиям к Еврипиду и Пиндару, его отдельным произведением. Фрагменты «Кикла» не содержат ничего характерного для Скитобрахиона, причем речь идет не о переделке традиционной фабулы или теологической концепции, о которых трудно судить по фрагментам, но именно о таких вещах, которые, как рационалистическое толкование мифа или вымышленная и потому уникальная генеалогия, вполне могут быть замечены в узкое окошко приводимой схолиастом цитаты; во фрагментах Скитобрахиона такие вещи сразу заметны[1]. Наконец, в схолиях к Аполлонию, использовавших «Аргонавтику» Скитобрахиона, наличествуют и редкие версии, заимствованные из другой его книги[2], но ничего подобного нет в схолиях к Еврипиду и Пиндару, где использовано сочинение Киклографа. Скитобрахион использовал ссылки на различных авторов, в том числе и на эпических поэтов (как реальных, так и вымышленных), разнообразя их версиями тот круг преданий, на котором строил данную свою книгу; Киклограф же саму книгу строил на пересказе эпических поэм (всегда реальных), комментируя их фрагменты.

---

[1] Sch. Ap. Rhod. I, 1116, III, 200, IV, 119.
[2] Sch. Ap. Rhod. II, 904, 965.

Бете о Скитобрахионе

Эрих Бете, полемизируя со Шварцем[1], не только вновь решительно разделил митиленца и самосца, но и полностью отверг представление о Скитобрахионе как о мифографе-ученом, считая «древними поэтами и мифологами», на которых он опирался, лишь вымышленных авторов вроде Фимета. Настаивая на невозможности одному и тому же автору совмещать романический вымысел с ученым аппаратом, а рационализм толкований с противоречивостью ученых версий, разрушающих создаваемую этими толкованиями иллюзию реальности, Бете настаивал на двух критериях вычленения из Диодора «подлинного Скитобрахиона»: во-первых, в его сочинениях не должно оказаться никакой свойственной мифу фантастики, во-вторых, изложение всегда должно быть строго последовательным, как в настоящем романе, и не включать никогда более одной версии. Скитобрахион для Бете вообще не мифограф, а «мифологический романист» вроде Диктиса Критского (только, добавим, на полтысячи лет раньше, что делает это значительно менее вероятным). Следуя названным принципам, Бете отсекает от сочинений Дионисия все сведения о других Дионисах, кроме ливийского, а также внутри «Аргонавтики» и «Фригийской поэмы» считает вставками Диодора все места, где налицо чудесная или, тем более, двойная версия: сначала чудесная, потом рационализированная.

Двойные версии Скитобрахиона

Однако все это не способно привести Бете к непротиворечивым результатам: даже он не может выбросить из книги о ливийском Дионисе совершенно фантастическое

---

[1] *Bethe E.* Quaestiones Diodoreae mythographae. Diss., Gottingae 1887, p. 4 sqq.

чудище Эгиду или из «Аргонавтики» волшебное действие зелий Медеи. А если Скитобрахион мог допустить в свои книги огнедышащих чудовищ Эгиду и Кампу, то нет оснований вычеркивать из его сочинений огнедышащих быков или летающего овна, как делал Бете. Главы из четвертой книги о прочих, кроме ливийского, Дионисах вполне могут принадлежать Скитобрахиону: во-первых, они основаны на том приеме умножения одноименных мифологических персонажей, использование которого Скитобрахионом не мог отрицать и сам Бете[1] (а Шварц даже приписывал влиянию книг митиленца его распространение), во-вторых, содержат весьма сходную с вымыслами Скитобрахиона историю о Дионисе, Ликурге и Харопе (Дионис предстает полководцем и в миф вводятся военно-тактические перипетии, вымышленная генеалогия связывает излагаемый миф с Орфеем, который оказывается царевичем ввиду эвгемеристической склонности к монархам, и с основанием мистерий). Наличие же в тексте сразу после обычной, чудесной версии ее рационалистического толкования, дающее Бете повод для отсечения мнимых интерполяций, с одной стороны, является весьма распространенным в эллинистической литературе приемом (так же, как и некоторые конкретные толкования[2]), причем без изложения самих чудес толкование теряло бы всякий интерес; ведь весь «рационализм» Скитобрахиона служит отнюдь не приведению мифов к стандарту реалистического правдоподобия, но стремлению заинтриговать читателя обновлением привычного. Литературные достоинства вооруженных факелами стражей из племени тавров отнюдь не в их правдоподобности сравнительно с огнедышащими быками, а в неожиданности, в остро-

---

[1] Ср. о двух Зевсах в теогонии атлантиев — III, 61, 1.

[2] Например, воспитатель Фрикса по имени «Баран» — у Палефата, De Incred. 30.

умии каламбура, в заморской экзотике, которая позволяет Медее обратиться к ним на неизвестном аргонавтам «таврском» языке, что придает повествованию почти детективный оттенок. Равноправие же («некоторые считают... а некоторые...») всей этой версии с традиционными быками уравнивает реформированный миф с традиционным в его полуреальности, снова ставя на место прозаической достоверности правдоподобного и тем самым как бы действительного мифическую достоверность удивительного и всего лишь только возможного; удерживая каждую версию в области только возможного, двойное повествование и старому мифу возвращает обновленную силу пробуждать интерес.

Эволюция Скитобрахиона

Как любой писатель, Скитобрахион не мог не эволюционировать: о его эволюции свидетельствует различный подход к традиционным сюжетам в «Аргонавтике» и в «Походе Диониса и Афины»: в первой костяк мифа остается нетронутым, лишь его части варьируются и теснее сплетаются друг с другом и с другими сюжетами (Гесиона и война аргонавтов с Лаомедонтом), в книге же о Дионисе, частями которой являются поход амазонок и теогония атлантиев, нетронутыми остаются лишь имена и свойства персонажей, а генеалогии и сюжеты выстраиваются совершенно по-новому: свернувшись до отдельного персонажа, миф разворачивается заново новой сетью сюжетов и генеалогий.

Развитие эвгемеристической идеи у Скитобрахиона

Различен и пафос двух книг Скитобрахиона: в «Аргонавтике» это не просто «установление справедливых законов в варварских странах», как пишет Растен,

а вполне конкретного закона, а именно закона гостеприимства — *δίκαια τηρεῖν τὰ πρὸς ξένους*[1] — этой единственной нравственной заповеди мифологической эпохи. Неприятие чужеземцев всеми племенами, населяющими берега Понта, специально подчеркнутое еще в самом начале сочинения[2], выражается либо в крайних формах «ксеноктонии», «убийства чужеземцев», как у Ээта и тавров, либо в отсутствии необходимости держать данное им слово, как у Лаомедонта; скитобрахионовская Медея расходится с отцом именно в вопросе об отношении к чужеземцам[3], а в результате плавания Арго ксеноктония на Понте уничтожается, а в Трое царем становится тот самый Приам, в уста которого вложено процитированное выше кредо гостеприимства.

В «Походе Диониса» этот пафос перехода от дикости к культуре перерастает в эвгемеристическую теологию, делающую основной функцией или даже сущностью божества «окультуривание» (*ἐξημέρωσις*) ойкумены. Очевидное различие между двумя книгами Скитобрахиона могло выразиться и в наличии *ὕλη διαφωνοῦσα*, мифографического аппарата, в «Аргонавтике» (для которой его и восстановил Шварц), и в его отсутствии или значительном уменьшении его объема в «Походе Диониса и Афины», под впечатлением которого Бете и составил свое мнение о чуждости Скитобрахиону мифографической учености, перенесенное им потом на «Аргонавтику».

Из Скитобрахиона Диодор заимствовал также часть глав, посвященных десятому и двенадцатому (по его нумерации) подвигам Геракла[4]. Насыщенные характерными приметами мифографического стиля Скито-

[1] Diod. Sic. IV, 49, 3.
[2] Diod. Sic. IV, 40, 4.
[3] Diod. Sic. IV, 46, 1.
[4] Diod. Sic. IV, 17–19, 27–29.

брахиона (герой предстает во главе огромного войска, несущего в дикие страны земледельческую цивилизацию и «обуздывающего нечестивых»; сюжет развивается авантюрными приемами вроде похищения девушек пиратами; налицо рационалистические толкования, географическая фантазия и экзотика, а также связывание различных преданий друг с другом — отсутствие Геракла провоцирует поход амазонок на Грецию), эти отрывки несомненно восходят к «Походу Диониса и Афины»: первый из них (поход против Гериона) относился к тому месту, где говорилось об окончательном истреблении Гераклом ливийских амазонок и Горгон[1] и воздвижении Геракловых Столпов, упоминание Скитобрахионом которых Диодор сохранил и в третьей, и в четвертой книге; второй (о Плеядах и яблоках Гесперид), также содержащий общее для III и IV книг упоминание сферической астрономии, переданной Атлантом Гераклу, был связан с теогонией атлантиев. Двойная расправа над Бусирисом (во время обоих походов) может быть результатом невнимательности как Диодора, так и самого Скитобрахиона, отнюдь не чуждавшегося, как уже говорилось, противоречий.

Плавание в Колхиду и семь всемирных походов

Атрибуция Скитобрахиону этих фрагментов иллюстрирует еще одно различие между «Аргонавтикой» и «Походом Диониса и Афины»: если в первой изложение было выстроено вдоль одной прямолинейно исчерпывавшейся фабулы, то «Поход Диониса» представлял собой беспрецедентное нагромождение друг на друга отступлений: присоединение к Дионису ливийских амазонок вызывало рассказ об их всемирном походе,

[1] Diod. Sic. III, 55, 3.

внутрь которого победа над атлантиями вводила теогонию атлантиев, в которую, с одной стороны, вводилась иная версия рассказа о Кибеле, а с другой — поход Геракла за яблоками Гесперид; другая победа амазонок, над Горгонами, вводила рассказ о его походе против Гериона, к которому присоединялся экскурс о нашествии других, кавказских амазонок на Элладу; союз Диониса с Афиной вызывал предысторию Афины и рассказ о всемирном походе убитой ею Эгиды; бегство Аммона на Крит вводило предысторию Крита и т. д. «Всемирных» (или около того) походов было в этой книге по меньшей мере семь: Диониса, Зевса, ливийских амазонок, Эгиды, два похода Геракла и один малоазиатских амазонок. Все эти вымышленные части были скреплены не только указанными повествовательными связками, но и событийной согласованностью: в теогонии атлантиев, например, упоминался первый, древнейший Зевс, царствовавший на Крите, назвавший его Идеей в честь своей супруги и оставивший 10 сыновей-куретов; в истории же ливийского Диониса[1] Аммон, бежав на Крит, женится на Крите, дочери одного из упомянутых куретов, и дает ее имя острову, до этого называвшемуся Идеей. Рея, названная в теогонии атлантиев супругой Крона, стала ею уже после того, как побывала замужем за Аммоном в начале истории ливийского Диониса. Противоречия возникают в связи с восшествием на престол Зевса, по-разному описанным в этих двух частях; как решал и решал ли их Скитобрахион, неизвестно.

Резюме

Таким образом, мифографические принципы Скитобрахиона заключаются:

– во-первых, в изобретении цельного мифологического повествования, «романа»;

---

[1] Diod. Sic. III, 71, 2.

– во-вторых, в мистификации, вкладывающей это цельное мифологическое повествование в уста мифологического же автора;

– в-третьих, в придании этому повествованию подобающего, сказочного и романтического фона (идиллические пейзажи, экзотика дальних стран, мелодраматические перипетии и приключения);

– в-четвертых, в свободе перетолковывания традиционных сюжетов при помощи так называемой «рационализации» (т. е. на самом деле «беллетризации», пытающейся придать наскучившему новизну и занимательность); в подделке многочисленных деталей «научной» мифографии (ссылок, генеалогий, эпонимий);

– в-пятых, в свободе перекраивания всей мифологической эпохи (в «Походе Диониса и Афины»), становящейся воплощением исторической теологии эвгемеризма.

Все это отражает основную задачу эвгемеристической литературы — вернуть мифу утерянные им сакральность и увлекательность одновременно. Чудесное становится у Скитобрахиона экзотическим, благодатное — идиллическим, трагическое — мелодраматическим, героическое — авантюрным, но все это вместе оказывается увлекательным рассказом об эпохе священного устроения ойкумены, когда деяниями мифологических персонажей явились на свет боготворимые эвгемеристами культура и благозаконие.

«Постэвгемеризм»

Многое, присутствовавшее в творчестве Скитобрахиона, ушло из книг его последователей; исчезла эвгемеристическая идеология, всемирные походы, фантастические родословные и идиллические пейзажи; осталась свобода перетолковывания привычных и наскучивших

сюжетов, обеспечивающая книге занимательность, и приписывание ее авторства мифологическому персонажу, обычно участнику описываемых событий: мифологическая эпоха будто бы сама рассказывает о себе и оказывается при этом не такой, какой ее привыкли считать.

«Романы» о Троянской войне, «Палефаты» и др.

Главной темой этой литературы (Schwindelliteratur, по формулировке Якоби) была Троянская война, события которой были известны каждому греку из Гомера; книгу о ней, с противоречившими Гомеру деталями, написал, как уже говорилось, и сам Скитобрахион, а еще до него Гелланик в своих *Τρωϊκά* пытался, вероятно, выяснить, что же было под Троей «на самом деле»[1].

Кроме книги Скитобрахиона, Якоби относит к Schwindelliteratur девять *Τρωϊκά* (или книг похожего названия): Метродора Хиосского[2], Палефата[3], Гегесианакса Александрийского[4], Абанта[5], Сервия[6], Феодора Илионского[7], Диктиса Критского[8], Сизифаа Косского[9], Дарета Фригийского[10]. Этим списком не исчерпываются подобные сочинения: «Суда»[11] упоминает

---

[1] *Pearson*. Op. cit., p. 192.
[2] FGrHist IA 43.
[3] FGrHist IA 44.
[4] FGrHist IA 45.
[5] FGrHist IA 46.
[6] FGrHist IA 47.
[7] FGrHist IA 48.
[8] FGrHist IA 49.
[9] FGrHist IA 50.
[10] FGrHist IA 51.
[11] S. v. *Κόριννος*.

Коринна, ученика Паламеда, первым написавшего «Илиаду» дорическими буквами, а в другом месте[1] сообщает, что первую поэму о Троянской войне написал сам изобретатель алфавита Паламед, и Гомер из зависти не упомянул его ни разу в своих поэмах.

Две из перечисленных книг (Диктис и Дарет) дошли в латинском переводе или пересказе, фрагменты еще двух — Сизифа и Гегесианакса — достаточно значительны, чтоб о них можно было судить. Некоторые из оставшихся, возможно, были «порядочными» хорографическими книгами о Троаде, а не подложными романами (например, *Τρωϊκά* Феодора Илионского, если счесть неподлинной ссылку в «Даниэлевых» схолиях к Вергилию[2]). Только для одной из перечисленных книг известно как имя настоящего автора — Гегесианакс Александрийский, так и имя автора вымышленного — участника Троянской войны Кефалона из Гергифа. Для большинства известны лишь имена вымышленных авторов, имена, которые сами по себе служат названиями — «Дарет», «Диктис», «Сизиф Косский». Сюда же, возможно, относится «Абант»; зато «Метродор» и «Сервий» похожи на настоящие имена. «Палефат», *Παλαίφατος*, т. е. «Древлереченный» — это, конечно, как и «Эвгемер», говорящий псевдоним, выражающий основной принцип постэвгемеристической беллетристики: мифологическая древность говорит о себе сама. Все четыре Палефата, перечисленные «Судой», вероятно, вымышлены; троим из них приписывается сочинение, эпитомой которого может быть дошедший до нас под именем Палефата сборник так называемых «рационалистических», т. е. авантюрных или каламбурных, объяснений мифов. Четвертый «Палефат» «Суды» — эпический поэт, сын Гермеса и дельфийской жрицы, явно лжемифологический персонаж;

[1] S. v. *Παλαμήδης*.
[2] F 2 Jac.

«Палефатом» называли даже одного из сыновей Муз[1]. Таким образом, если «Диктис» или «Эвгемер» — не столько имена авторов, сколько заголовки книг, то «Палефат» — уже не просто заголовок книги, но и обозначение литературного направления, к которому она относится.

Schwindelliteratur, «постэвгемеристическая литература», как обычно полагают, пользовалась скорее популярностью, чем уважением; Филострат, обратившись к популярным формам литературы, написал, наряду с «Жизнью Аполлония Тианского», и диалог «О героях», точно воспроизведя в нем приметы Schwindelliteratur: о Троянской войне рассказывает ее участник, Протесилай, и все оказывается не так, как в наскучившем Гомере — и реалистичней, и увлекательней.

Иоанн Малала

Сохраняя традиционную форму «романа» в «Дарете» и «Диктисе», Schwindelliteratur приняла форму «пересказанного диалога» у Филострата, форму «пестрых заметок» — у Птолемея Гефестиона, сблизилась с парадоксографией, представлявшей другую разновидность популярной литературы, в трактате «О реках». Наконец, в «Хронографии» Иоанна Малалы[2], лежащей уже за пределами античности в узком смысле слова, она слилась с традицией научной систематизации мифа, идущей от Гесиода через логографов-генеалогов к хронографии; с одной стороны, книга Малалы — наследница Гелланика и Аполлодора Афинского (ведь она представляет собой всемирную хронику от сотворения мира до дней жизни автора); с другой —

[1] Apld. in sch. Eur. Rhes. 346.

[2] Кажется, не переиздавалась после: Ioannis Malalae chronographia / Ed. L. Dindorf // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonn, Weber, 1831, pp. 23–496.

мифологическая эпоха описана в ней приемами пост-эвгемеристической литературы, как «роман», но уже не как «сакрально-авантюрный» роман Скитобрахиона, а как роман «плутовской» — ведь боги и герои, согласно Малале, это обычно воры, многоженцы и колдуны-шарлатаны, устраивавшие ловкие представления, принимавшиеся наивными древними язычниками за чудеса и подвиги. При этом цель Малалы, конечно, не в совершенно неактуальном в VI веке от Р. Х. развенчании язычества (как цель «Палефата» — не в рационализации мифа), а всего лишь в увлекательности, с которой некогда начинались и изыскания логографов (если доверять свидетельству платоновского Гиппия о лакедемонянах[1]) и которая, девальвировавшая в популярной литературе времен Империи, возвращается через тысячу лет в созданную логографами скучную форму всемирной хроники.

[1] См. с. 56.

ФАБУЛЬНАЯ МИФОГРАФИЯ

СНОВНАЯ часть данной работы посвящена фабульной мифографии. Она возникла в эллинистическое время; в отличие от ранней генеалогии и ранней хорографии, имевших еще какие-то отношения с мифологией вне литературы, она принадлежит к тем разновидностям мифографии, которые извлекали миф из книг.

С логической точки зрения фабульная мифография есть результат оформления мифологии принципом единства действия. Единство действия, согласно Аристотелю (и здравому смыслу), подразумевает, во-первых, возможность охватить все действие одним взглядом; во-вторых, внутреннюю закономерность действия, развитие его самого из себя и законченность; последнее же подразумевает наличие завязки и развязки, т. е. вызывающих некое событие обстоятельств и самого события, вызванного этими обстоятельствами. Все прочее, все, чего не требует причинно-следственная связь завязки и развязки, является лишним с точки зрения единства действия.

Драма, прежде всего — трагедия, первой применившая к мифологии принцип единства действия, сыграла решающую роль в возникновении фабульной мифографии, в привычке понимать миф как сюжет,

«фабулу». Трагедия была не просто источником некоторых мифографов в некоторых случаях; ее строение, ее внутренняя необходимость заставили увидеть миф как законченный, имеющий завязку и вытекающую из нее развязку рассказ о неком персонаже, именем которого и обозначается («называется») данная трагедия и данный миф («Орест», «миф об Оресте»). Эту единицу мифологического содержания мы называем «трагической мифопеей»: ее можно изложить в виде трагедии, а можно в виде фабулы. Более или менее осознанное понимание «мифа» таким «фабульным» образом, отсутствовавшее, как показал предыдущий очерк, до этого, неизменно присутствует с тех пор[1].

Сам термин «фабульный» произведен от названия книги Гигина «Fabulae» («Мифы»), которая является главным предметом разбора в этой главе, но одновременно — от смысла фабульной мифографии, приравнивающей мифы к фабулам, организованным единством действия. Книга Гигина в древности, возможно, называлась вовсе не «Фабулами»[2], а «Генеалогиями»; тем ценней тот факт, что традиция заменила неточный и неудачный заголовок таким, который отвечает сути озаглавленного. Книга Гигина в конечном счете является переработкой греческих источников[3]; в ней

---

[1] Фабульный метод используется для изложения мифологии до сих пор: на нем основаны и мифологические словари, и изложения в книгах вроде Куна или Грейвса.

[2] Достаточно распространено предположение, что «Фабулами» она была названа только в editio princeps.

[3] Роуз считал ее переводом одной греческой книги; в последнее время непосредственная, текстуальная близость нашего текста Гигина к греческим источникам оспаривается (*Huys J.* Euripides & the «Tales from Euripides»: sources of the *Fabulae* of Ps.-Hyginus? // Archiv für Papyrusforschung. Bd. 42, 1996. S. 168–178; Bd. 43, 1997. S. 11–30; за сведения об этой оставшейся недоступной ему работе автор благодарит В. Н. Ярхо).

мы застаем фабульную мифографию уже не в греческой половине империи, а в латинской; здесь она впоследствии долго развивается.

АРИСТОТЕЛЬ: «МИФ» И ЕДИНСТВО ДЕЙСТВИЯ

Одно из множества значений слов *μῦθος* и fabula прямо воплощает в себе связь «фабульного» понимания мифа с его использованием в трагедии; это терминологическое значение «фабула трагедии», «миф, положенный трагическим поэтом в основу сюжета»; в этом значении слово *μῦθος* постоянно употребляется в «Поэтике» Аристотеля[1]. В латинском fabula «драматический» оттенок еще сильнее, чем в греческом *μῦθος*: fabula сплошь и рядом просто значит «драма, спектакль».

Употребление *μῦθος* в значении «фабула, преимущественно фабула драмы» (как трагедии, так и комедии) самоочевидно для Аристотеля и не нуждается в обосновании и объяснении (во всяком случае, в «Поэтике» такого объяснения нет); он без запинки называет «мифами» и те сюжеты комедий, которые комедиографы составляют сами[2] (хотя поначалу, у Эпихарма, и их фабулы были взяты из мифологии)[3].

---

[1] Отсюда же значение русского слова «фабула» (в европейских языках его варианты обычно значат «басня»).

[2] *Ἐπὶ μὲν οὖν τῆς κωμῳδίας ἤδη τοῦτο δῆλον γέγονεν· συστήσαντες γὰρ τὸν μῦθον διὰ τῶν εἰκότων οὕτω τὰ τυχόντα ὀνόματα ὑποτιθέασιν καὶ οὐχ ὥσπερ οἱ ἰαμβοποιοὶ περὶ τὸν καθ᾽ ἕκαστον ποιοῦσιν. ἐπὶ δὲ τῆς τραγῳδίας τῶν γενομένων ὀνομάτων ἀντέχονται* — Aristot. Poet. 1451A.

[3] *Τὸ δὲ μύθους ποιεῖν [Ἐπίχαρμος καὶ Φόρμις] τὸ μὲν ἐξ ἀρχῆς ἐκ Σικελίας ἦλθε τῶν δὲ Ἀθήνησιν Κράτης πρῶτος ἦρξεν ἀφέμενος τῆς ἰαμβικῆς ἰδέας καθόλου ποιεῖν λόγους καὶ μύθους* — Aristot. Poet.

Рассуждения о «мифе» в «Поэтике» — теория трагедии, а не мифографии; однако, если на время забыть об этом, многие места из нее вполне могут быть приняты за таковую теорию, причем за теорию именно фабульной, а не какой-либо иной разновидности мифографии, или даже за практические рекомендации к написанию сборника мифографических фабул.

Μῦθος, согласно «Поэтике» — это *σύνθεσις* или *σύστασις τῶν πραγμάτων*[1], *«миф (фабула) — это склад, состав событий»*; в самом деле, в гигиновых фабулах мифы состоят только из событий (складывающихся тем или иным образом); все остальное — характеры героев и богов, их привычные черты и атрибуты, символическая или аллегорическая сторона мифа, этиология, генеалогия, хорография — отсутствует или сведено к минимуму (часто при этом ошибочному); как пишет Аристотель, *«без действия не было бы трагедии, а без характеров — была бы»*[2]; мифографическая фабула не только «была бы» без характеров и всего прочего, но и практически всегда без них обходится, довольствуясь действием. Недостаток «характеров» в гигиновском изображении мифологии ощущался наследниками Гигина, Ватиканскими мифографами, вводившими специальные «фабулы» для изображения «характеров» богов — перечисления их свойств, атрибутов и т. п.

«Миф» должен быть коротким: *«как величина предметов и живых существ должна быть легка для обозрения, так и длина мифа (фабу́лы) должна быть*

1449В (имя Эпихарма исключается издателями, но отсылка к сицилийской дорической комедии всё же остается). Аристотель еще не учитывает обилия мифологических фабул в Средней комедии.

[1] Aristot. Poet. 1450A.

[2] *Ἄνευ μὲν πράξεως οὐκ ἂν γένοιτο τραγῳδία ἄνευ δὲ ἠθῶν γένοιτ' ἄν* — ibid.

такой, чтобы он оставался легким для запоминания»[1]; это правило неукоснительно соблюдается фабульной мифографией: самая длинная из фабул Гигина[2] является, без сомнения, средневековой вставкой (как показывает ее язык, испытавший влияние Вульгаты), длина же остальных такова, что исчисляется скорее десятками, чем сотнями слов.

Далее: «*как кажется, ошибаются все те поэты, которые написали "Гераклеиду", "Тезеиду" и подобные поэмы; ведь они думают, что раз Геракл один, то и мифу (фабуле) надо быть одному»*[3]; и в самом деле, у Гигина и Гераклу, и Тезею посвящено по нескольку фабул[4]. Дальнейшие рекомендации мифографу: «*из Илиады и Одиссеи получается только одна или две трагедии* (верно — у Гигина «Илиада» пересказана в одной фабуле[5], «Одиссея» — в двух[6]), *из "Киприй" же — много, а из "Малой Илиады" — восемь*[7]: *"Суд об оружии", "Филоктет", "Неоптолем", "Эврипил", "Нищие"*[8], *"Лаконянки", "Взятие Илиона", "Отплытие", "Синон", "Троянки"»*[9]. Примерно так и об-

---

[1] *Ὥστε δεῖ καθάπερ ἐπὶ τῶν σωμάτων καὶ ἐπὶ τῶν ζῴων ἔχειν μὲν μέγεθος τοῦτο δὲ εὐσύνοπτον εἶναι οὕτω καὶ ἐπὶ τῶν μύθων ἔχειν μὲν μῆκος τοῦτο δὲ εὐμνημόνευτον εἶναι* — Aristot. Poet. 1451A.

[2] Hyg. Fab. 126.

[3] *Πάντες ἐοίκασιν ἁμαρτάνειν ὅσοι τῶν ποιητῶν Ἡρακληΐδα Θησηΐδα καὶ τὰ τοιαῦτα ποιήματα πεποιήκασιν· οἴονται γάρ ἐπεὶ εἷς ἦν ὁ Ἡρακλῆς ἕνα καὶ τὸν μῦθον εἶναι προσήκειν* — Aristot. Poet. 1451A.

[4] Hyg. Fab. 29–36; 37–38, 42–43.

[5] Hyg. Fab. 106.

[6] Hyg. Fab. 125–126.

[7] Интерполированы названия еще двух.

[8] Вероятно, о похищении Палладия переодетыми в нищих Диомедом и Одиссеем.

[9] *Τοιγαροῦν ἐκ μὲν Ἰλιάδος καὶ Ὀδυσσείας μία τραγῳδία ποιεῖται ἑκατέρας ἢ δύο μόναι ἐκ δὲ Κυπρίων πολλαὶ καὶ τῆς μικρᾶς Ἰλιάδος [[πλέον] ὀκτώ οἷον ὅπλων κρίσις Φιλοκτήτης Νεοπτόλεμος Εὐρύπυλος πτωχεία Λάκαιναι Ἰλίου πέρσις καὶ ἀπόπλους [καὶ Σίνων καὶ Τρῳάδες]]* — Aristot. Poet. 1459B.

стоит дело у Гигина: сюжетам «Киприй» посвящено несколько фабул, а из перечисленных Аристотелем фабул, долженствующих получиться из событий «posthomerica», наличествуют пять: «Суд об оружии»[1], «Филоктет»[2], «Синон (=«Троянский конь»)[3], «Отплытие (=«Поликсена», которую принесли в жертву, потому что ветры не давали отплыть)[4]; может быть, гигиновскую «Гекубу»[5] можно приравнять к упомянутым «Троянкам». Всякая фабула посвящена одному событию; «единство действия» — главный принцип, конституирующий ее.

А выражается единство действия в том, что всякая трагедия (и, следовательно, ее «миф») имеет, согласно Аристотелю, две части: «завязку» и «развязку», *δέσις* и *λύσις*; «дезис»[6] простирается *«от начала до того места, с которого начинается переход к счастью или к несчастью»*, а «лизис» — *«от начала этого перехода до конца»*[7]. Упомянутый «переход», *«перемена событий*

---

[1] Hyg. Fab. 107.

[2] Hyg. Fab. 102.

[3] Hyg. Fab. 108.

[4] Hyg. Fab. 110.

[5] Hyg. Fab. 111.

[6] Здесь и далее употребляются слова «дезис» и «лизис», потому что русские «завязка» и «развязка» имеют другое значение; между ними располагается собственно «действие», тогда как «дезис» и «лизис» вплотную прилегают друг к другу. (Ср. о *«нелепом разделении Аристотелем всей трагедии только на завязку и развязку»*: *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М. 1975. С. 462; *«... то, что до первой перипетии — это завязка; а то, что после этой перипетии и до конца трагедии, — то развязка. Это и формалистично ... и неверно (потому что если в трагедии имеется только завязка и развязка, то где же в ней сама-то основная и сама-то центральная часть?)»* — там же, с. 457.)

[7] *Λέγω δὲ δέσιν μὲν εἶναι τὴν ἀπ᾽ ἀρχῆς μέχρι τούτου τοῦ μέρους ὃ ἔσχατόν ἐστιν ἐξ οὗ μεταβαίνει εἰς εὐτυχίαν ἢ εἰς ἀτυχίαν λύσιν δὲ τὴν ἀπὸ τῆς ἀρχῆς τῆς μεταβάσεως μέχρι τέλους* — Aristot. Poet. 1455B.

5 Зак. 3209

к противоположному»[1] — это и есть *перипетия*, *περιπέτεια*, важнейшая составляющая часть «мифа»[2], часто совпадающая с *узнаванием*.

Мифографическая фабула есть, таким образом, продукт некого процесса «фабулизации» поэтического произведения, т. е. его пересказа, выделяющего необходимые части сюжета, складывающиеся в «дезис» и «лизис». Пример такой «фабулизации» дает и сам Аристотель, пересказывая фабулу Одиссеи:

Ἀποδημοῦντός τινος ἔτη πολλὰ καὶ παραφυλαττομένου ὑπὸ τοῦ Ποσειδῶνος καὶ μόνου ὄντος, ἔτι δὲ τῶν οἴκοι οὕτως ἐχόντων, ὥστε τὰ χρήματα ὑπὸ μνηστήρων ἀναλίσκεσθαι καὶ τὸν υἱὸν ἐπιβουλεύεσθαι, αὐτὸς δὲ ἀφικνεῖται χειμασθεὶς καὶ ἀναγνωρίσας τινὰς ἐπιθέμενος αὐτὸς μὲν ἐσώθη, τοὺς δ' ἐχθροὺς διέφθειρε[3].

Говоря о фабулах и аргументах трагедии, мы еще неоднократно столкнемся с подобным синтаксическим строением: нагромождение причастий (или придаточных предложений) в начале и глаголы главного предложения в конце. Это нагромождение «обстоятельственных» синтаксических оборотов описывает те «обстоятельства», которыми обусловлено действие; это и есть «дезис» — от начала фабулы до *ἐπιβουλεύεσθαι*. «*Переход от несчастья к счастью*» начинается с возвращения Одиссея; тут появляются глаголы в личной форме, и это — «лизис» (от *αὐτός* до конца).

От позднейших фабул и аргументов трагедии аристотелевский «аргумент» «Одиссеи» отличается одним

---

[1] *Ἡ εἰς τὸ ἐναντίον τῶν πραττομένων μεταβολή* — Aristot. Poet. 1451A.

[2] Aristot. Poet. 1450A.

[3] «*После того, как некто много лет скитался в одиночестве и Посейдон препятствовал ему <вернуться>, а дома дела обстояли так, что женихи истребляли его имущество и злоумышляли против его сына, он возвратился после бедствий, и, узнанный некоторыми, напав <на женихов>, сам уцелел, а врагов уничтожил*» — Aristot. Poet. 1455B.

важным обстоятельством: ни Одиссей вначале, ни кто-либо другой не названы по имени; Аристотель подчеркивает типическую сторону фабулы, ее техническое значение для построения литературного произведения; приведенная цитата — «теоретико-литературная», а не мифографическая фабула. Именно поэтому Аристотель называет эту свой аргумент не «мифом», а «логосом» Одиссеи[1].

Миф же говорит о конкретном, а не об обобщенном; мифограф обязан назвать всех по имени (даже если это 50 Данаид или десятки собак Актеона), желательно — добавив имена родителей и указание родного города (генеалогия и хорография). Имя же главного героя будет вынесено мифографом как можно ближе к началу фабулы, и этот *incipit*, который мы называем «титулом», совпадет с ее заглавием.

АРГУМЕНТЫ ТРАГЕДИЙ И ТРАГЕДУМЕНЫ

Показанные Аристотелем закономерности фабулы трагедии объективны, и они не могли не сказаться в пересказах трагедий, в так называемых «аргументах» (или «гипотезах»)[2]. Позже аргументов возник еще один вид мифографических сочинений, поневоле хранивший в себе законы трагической фабулы, «трагедумены»[3]; от них остается один шаг до фабульной мифографии в узком смысле слова.

---

[1] *Τῆς γὰρ Ὀδυσσείας οὐ μακρὸς ὁ λόγος ἐστίν· ἀποδημοῦντος* etc. (*«ведь* логос *“Одиссеи” отнюдь не длинен»)* — ibid.

[2] *Ὑπόθεσις*, argumentum.

[3] *Τραγωιδούμενα*, букв. «то, из чего делается трагедия».

Основные сведения об аргументах трагедий

Первые известия о составлении аргументов трагедий относятся ко второй половине IV века до Р. Х. Возможно, раньше других их стал составлять Дикеарх Мессенский, плодовитый ученик Аристотеля. Секст Эмпирик[1] называет некое его сочинение (как явствует из контекста, скорее просто характеризуя книгу, чем цитируя заголовок) *ὑποθέσεις τῶν Εὐριπίδου καὶ Σοφοκλέους μύθων*, *«аргументы мифов («фабул») Еврипида и Софокла»*. К тому же времени (конец IV — начало III века) относятся книга классика аттидографии Филохора *Περὶ Σοφοκλέους μύθων* (*«О мифах/фабулах Софокла»*) в пяти книгах[2] и сочинение Главка *Περὶ Αἰσχύλου μύθων* (*«О мифах/фабулах Эсхила»*)[3].

Мало вероятно, что они были посвящены такому анализу фабулы трагедии, пример которого показал в «Поэтике» Аристотель (в этом скорей всего можно заподозрить Дикеарха); неизвестно, в какой степени они имели отношение к «мифографии» в обычном смысле. Именем Дикеарха подписаны многие аргументы, сохранившиеся в схолиях к трагедиям[4]; явных сле-

---

[1] Adv. Math. III, p. 84.

[2] Suda s. v. *Φιλόχορος*, FGrHist IIIB T 1.

[3] FGrHist IIIC 843 F 1.

[4] Возможно, речь идет скорее о традиции, чем об авторстве. См. Scholia in Euripidem / Ed. E. Schwartz. Berlin, 1887–1891, repr. De Gruyter, 1966. Множество папирусных фрагментов аргументов недошедших еврипидовских трагедий собрано в Nova fragmenta Euripidea in papyris reperta / Ed. C. Austin. Berlin, De Gruyter, 1968, pp. 12, 59, 67, 88–103; см. также *Salomons R. P., Sijpestein P., Worp K.* Diegese zu Euripides Peliaden? // Die Amsterdamer Papyri 1. 1980, p. 16–17; Alexander et Andromache Euripidis hypotheses, P. Oxy. 52.3650 / Ed. R. A. Coles // The Oxyrhynchus papyri, pt. 52. L., 1984, p. 14–15 и др.

дов зависимости от теории Аристотеля в них нет. Известны фрагменты Дикеарха[1], касающиеся биографий поэтов-трагиков или содержащие сведения о постановках их произведений, т. е. относящиеся к дидаскалиям (которые собирал и сам Аристотель).

Аргументы составлял Аристофан Византийский, один из крупнейших филологов древности. Несколько аргументов, подписанных его именем, также сохранилось в составе схолий.

Папирусные находки[2] свидетельствуют о существовании сборников аргументов трагедий; в этих сборниках они даже были сгруппированы по первым буквам названия трагедии, но не в алфавитном порядке в современном смысле этого слова, а в достаточно случайном (в таком же порядке перечисляются трагедии в надписи, найденной в Пирее[3], например: *«Скирийцы», «Сфенебея»* ... *«Сизиф»* ... *«Паламед», «Пелей», «Протесилай»* ... *«Филоктет», «Феникс», «Фрикс»*...). От такого сборника остается не так много до мифографического компендиума, даже до мифологического словаря.

Авторы книг, содержавших комические «мифы», неизвестны. Секст Эмпирик упоминает о комических аргументах вместе с трагическими. Аргументы комедий сохранились в папирусах и в схолиях к Аристофану. Некоторые из них приписаны там Аристофану Византийскому; как принято считать, ошибочно. В папирусах также обнаружены аргументы комедий.

Древняя и новая аттическая комедия редко обращалась к мифическому сюжету; зато к нему весьма часто обращалась так называемая Средняя комедия IV века, а также дорическая комедия Эпихарма. Косвенными

---

[1] Die Schule des Aristoteles / Ed. F. Wehrli. Basel, 21967. Vol. I, F 73–89.

[2] P. Oxy. 27, 2455 и 2457; 52, 3563; P. S. I. 1286.

[3] IG II2 2363; цит. по TGF I Snell, p. 56.

доказательствами того, что комедия и ее аргументы также были объектом внимания мифографов, можно считать наличие у Гигина пересказа эпихармова «Гефеста»[1], а в «Поэтической Астрономии» — пересказа «Аталанты» Амфиса[2].

Виды и построение аргументов трагедий

Аристофан Византийский часто укладывал содержание трагедии в одну фразу. Предполагают, впрочем, что его аргументы, первоначально более обширные, были сокращены впоследствии. Если это так, то ниже мы употребляем имя «Аристофан» условно, имея в виду этого эпитоматора. Однако нам все-таки кажется, что в деятельности Аристофана, связанной с кодификацией многочисленных рукописей и произведений, — вспомним о множестве изданных им поэтов, о его работе в Александрийской библиотеке, о «Пинаках», которые составлял Каллимах, предшественник Аристофана на посту ее хранителя, — были весьма уместны именно такие, минимальные по объему и максимальные по содержательности аргументы, своего рода «сюжетные заголовки» к драме. Пустившись в безответственные предположения, можно вообразить, что эти аргументы — своего рода аннотации в библиотечном каталоге, предназначенные для читателя, желающего разобраться в сотнях имеющихся трагедий, часто к тому же одинаково озаглавленных; во всяком случае, «аристофановы аргументы» производят подобное впечатление. Таков, например, аргумент еврипидова «Ореста»:

[1] Hyg. Fab. 166, Epicharm. F 84–86 Kaibel.
[2] Hyg. Astr. II, 1, 2, Amphis F 47 Kock.

Ὀρέστης διὰ τὴν τῆς μητρὸς σφαγὴν ἅμα καὶ ὑπὸ τῶν Ἐρινύων δειματούμενος καὶ ὑπὸ τῶν Ἀργείων κατακριθεὶς θανάτῳ, μέλλων φονεύειν Ἑλένην καὶ Ἑρμιόνην, ἀνθ' ὧν Μενέλαος παρὼν οὐκ ἐβοήθησε, διεκωλύθη ὑπὸ Ἀπόλλωνος.

«Оресту, когда он, за убийство матери преследуемый Эринниями и приговоренный аргосцами к смерти, собирался убить Елену и Гермиону и их не смог защитить прибывший Менелай, воспрепятствовал [сделать это] Аполлон».

Все причастные обороты в начале предложения являются здесь «дезисом» и только два последних слова — *διεκωλύθη ὑπὸ Ἀπόλλωνος*, *«воспрепятствовал Аполлон»* — «лизисом»[1]. Приведем аргумент того же «Ореста»[2], составленный не «аристофановым» методом максимального сжатия, а более умеренным, «дикеарховым», и сравним с аристофановым, наглядно показав тем самым процесс «фабулизации»:

Ὀρέστης	*Ὀρέστης*
τὸν φόνον τοῦ πατρὸς μεταπορευόμενος ἀνεῖλεν Αἴγισθον καὶ Κλυταιμνήστραν· μητροκτονῆσαι δὲ τολμήσας	*διὰ τὴν τῆς μητρὸς σφαγὴν*
παραχρῆμα τὴν δίκην ἔδωκεν ἐμμανὴς γενόμενος.	*ἅμα καὶ ὑπὸ τῶν Ἐρινύων δειματούμενος*

[1] После собственно аргумента Аристофан давал не менее краткое сравнение «мифа» у данного трагика с его трактовкой двумя другими, например, в аргументе «Финикиянок»: *ἡ μυθοποιία κεῖται παρ' Αἰσχύλῳ ἐν Ἑπτὰ ἐπὶ Θήβας πλὴν τῆς Ἰοκάστης* — *«мифическое содержание — у Эсхила в “Семерых”, кроме Иокасты»* (имеется в виду, что у Эсхила она не действует, а у Еврипида кончает с собой, видя братоубийство сыновей).

[2] Scholia in Euripidem / Ed. E. Schwartz. Berlin, 1887–1891, repr. De Gruyter, 1966. Vol. I, p. 93.

*Τυνδάρεω δὲ τοῦ πατρὸς τῆς ἀνῃρημένης κατηγορήσαντος κατ᾽ αὐτοῦ ἔμελλον κοινὴν Ἀργεῖοι ψῆφον ἐκφέρεσθαι περὶ τοῦ παθεῖν τὸν ἀσεβήσαντα. κατὰ τύχην δὲ Μενέλαος ἐκ τῆς πλάνης ὑποστρέψας νυκτὸς μὲν Ἑλένην εἰσαπέστειλε μεθ᾽ ἡμέραν δὲ αὐτὸς ἦλθε. καὶ παρακαλούμενος ὑπὸ Ὀρέστου βοηθῆσαι αὐτῷ ἀντιλέγοντα Τυνδάρεων μᾶλλον ηὐλαβήθη. λεχθέντων δὲ λόγων ἐν τοῖς ὄχλοις ἐπηνέχθη τὸ πλῆθος ἀποκτείνειν Ὀρέστην. ** ἐπαγγειλάμενος αὐτὸν ἐκ τοῦ βίου προΐεσθαι·*	*καὶ ὑπὸ τῶν Ἀργείων κατακριθεὶς θανάτῳ,*
συνὼν δὲ τούτοις ὁ Πυλάδης ὁ φίλος αὐτοῦ συνεβούλευσε πρῶτον Μενελάου τιμωρίαν λαβεῖν Ἑλένην ἀποκτείναντας. αὐτοὶ μὲν οὖν ἐπὶ τούτοις ἐλθόντες διεψεύσθησαν τῆς ἐλπίδος θεῶν τὴν Ἑλένην ἁρπασάντων· Ἠλέκτρα δὲ Ἑρμιόνην ἐπιφανεῖσαν ἔδωκεν εἰς χεῖρας αὐτοῖς οἱ δὲ ταύτην φονεύειν ἔμελλον.	*μέλλων φονεύειν Ἑλένην καὶ Ἑρμιόνην,*
ἐπιφανεὶς δὲ Μενέλαος καὶ βλέπων ἑαυτὸν ἅμα γυναικὸς καὶ τέκνου στερούμενον ὑπ᾽ αὐτῶν ἐπεβάλετο τὰ βασίλεια πορθεῖν. οἱ δὲ φθάσαντες ὑφάψειν ἠπείλησαν.	*ἀνθ᾽ ὧν Μενέλαος παρὼν οὐκ ἐβοήθησε,*
ἐπιφανεὶς δὲ Ἀπόλλων Ἑλένην μὲν ἔφησεν εἰς θεοὺς διακομίζειν Ὀρέστῃ δὲ Ἑρμιόνην ἐπέταξε λαβεῖν Πυλάδῃ δὲ Ἠλέκτραν συνοικίσαι καθαρθέντι δὲ τὸν φόνον Ἄργους ἄρχειν.	*διεκωλύθη ὑπὸ Ἀπόλλωνος.*

(перевод:)

Орест,	*Оресту,*
мстя за смерть отца, убил Эгисфа и Клитемнестру; дерзнув совершить матереубийство,	*когда он, за убийство матери*

он сразу понес кару за это, впав в безумие.	*преследуемый Эринниями*
Когда Тиндарей, отец убитой, обвинил его перед судом, аргосцы собирались общим голосованием решить, как наказать нечестивца. Так случилось, что в это время Менелай, вернувшись из скитаний, ночью послал вперед Елену, а днем прибыл и сам. Когда Орест стал просить его помочь ему, выступив в суде против Тиндарея, Менелай весьма опасался <сделать это>. После того, как были произнесены речи перед народом, толпа устремилась убить Ореста.	*и приговоренный аргосцами к смерти,*
... объявив, что сам уйдет из жизни; Пилад же, его друг, бывший при этом, посоветовал ему сначала отомстить Менелаю, убив Елену. Когда они собирались сделать это, их ожидания были обмануты, потому что боги похитили Елену; Электра же отдала в их руки явившуюся Гермиону, и они собрались убить ее.	*собирался убить Елену и Гермиону*
Явившийся Менелай, увидев, что он лишился и жены, и дочери, устремился разрушить дворец; они же, опередив его, угрожали поджогом.	*и их не смог защитить прибывший Менелай,*
Явившийся Аполлон сказал, что Елена перенесена к богам, Оресту же приказал взять в жены Гермиону, Электру выдать замуж за Пилада, и, очистившись от скверны убийства, стал править в Аргосе.	*воспрепятствовал [сделать это] Аполлон.*

Трагедия безумных и бесплодных порывов страсти, «Орест» весьма мало соответствует аристотелевским требованиям закономерности фабулы, ее развития из себя самой; не вытекает из предшествующего действия ни прибытие Менелая, ни решение Ореста о мести, ни исчезновение Елены, ни явление Аполлона; похоже, Аристофану стоило немалых трудов выделить здесь «дезис» и «лизис».

Нам кажется, что аргумент Аристофана очень удачно справляется с капризной фабулой «Ореста». На ее примере можно показать, каким представляется нам идеальный процесс «фабулизации».

Анализ непонятной фразы начинается с поиска подлежащего и сказуемого; в трагедии «подлежащее» обычно уже дано: это имя главного героя, совпадающее с названием, — «Орест». Оно будет стоять в начале. Где же «сказуемое» (то есть лизис), которое мы поставим в конце? *«Фабула — состав событий, действий»* (утверждают Аристотель и здравый смысл); что же произошло в «Оресте»? Автор «дикеархова» аргумента (позволим себе дальше без оговорок называть его Дикеархом) в конце просто перечисляет веления Аполлона, не связывая их с предшествующим. Но ведь требуется не распоряжение, а *действие*, при этом действие, разрешающее некую ситуацию или вытекающее из нее; что же *сделал* Аполлон?

Сплошь и рядом лизисом в трагедии является убийство; в «Оресте» намечается убийство Елены и Гермионы, и ему-то и не дает свершиться явление «бога из машины»; помешать убийству — это и есть действие Аполлона. Так мы получаем лизис — *«воспрепятствовал Аполлон»*, а перед ним будет стоять то, чему он воспрепятствовал: *«убить Елену и Гермиону»*. Это конец аргумента, и через все его протяжение он связан с началом жесткой логической и синтакси-

ческой связью (в оригинале стоит тяжеловатая по-гречески и совсем невозможная по-русски конструкция *«Орест ... был воспрепятствован Аполлоном»*).

Эта связь — стержень аргумента; теперь нужно найти то, что он скрепляет, то, из чего вытекает лизис. Почему Орест решил убить Елену и Гермиону? У Дикеарха получается, будто просто потому, что так ему посоветовали Пилад и Электра; но ведь настоящая причина, как понятно читателю трагедии, не в этом, а том, что он был, мягко говоря, не в себе. А почему он был «не в себе»? Потому что его, во-первых, только что приговорили к смерти, а во-вторых, преследовали Эриннии (за что? за убийство матери). Так мы получаем *«...когда он, за убийство матери преследуемый Эринниями и приговоренный аргосцами к смерти...»*.

А где же место Менелая в фабуле? Дикеарх не может определить его; Аристофан же, соотнося все содержание с найденным им лизисом, определяет: Менелай не смог сделать то, что сделал Аполлон, и это было одной из причин явления бога.

Работа Аристофана с «Орестом» показывает, что «фабулизации» поддается не только «хорошая» фабула; иначе фабульная мифография и не смогла бы охватить мифологию хоть сколько-нибудь полно.

Дикеарх же в своем аргументе «Ореста» сложил руки перед нелогичностью драмы и дал чуть ли не просто перечисление выходов на сцену.

Порядок слов в аристофановом аргументе «Ореста», напоминающий латинский период (подлежащее в начале, сказуемое в конце, между ними — придаточные и причастные обороты), придает ей напряжение и подчеркивает логическую стройность. Для греческого языка такой порядок менее обычен, и Аристофан не всегда прибегал к нему. Пример этого — его аргумент «Альцесты»:

Ἄλκηστις ἡ Πελίου θυγάτηρ ὑπομείνασα ὑπὲρ τοῦ ἰδίου ἀνδρὸς τελευτῆσαι Ἡρακλέους ἐπιδημήσαντος ἐν τῇ Θετταλίᾳ διασῴζεται βιασαμένου τοὺς χθονίους θεοὺς καὶ ἀφελομένου τὴν γυναῖκα.

«Альцеста, дочь Пелия, приняв смерть вместо своего мужа, спасена Гераклом, прибывшим тогда в Фессалию, сразившимся с подземными богами и отобравшим у них женщину».

Выражающее лизис главное сказуемое — *διασῴζεται*, букв. «*спасается*», стоит в аргументе «Альцесты» в центре, перед кратким описанием обстоятельств спасения, и этим ослабляется как логическое, так и синтаксическое напряжение. Кроме этого, оно стоит в настоящем времени (а не в прошедшем, как в аргументе «Ореста»). Действие аргумента, как и действие драмы, проходит как бы перед глазами читателя. Это «драматическое» настоящее аргумента — возможно, один из предков того «настоящего исторического», которое так часто встречается в мифографических фабулах.

Иногда «аристофанов аргумент» вообще не имеет сказуемого и является назывным предложением, как, например, аргумент «Финикиянок»:

Ἐπιστρατεία τοῦ Πολυνείκους μετὰ τῶν Ἀργείων ἐπὶ Θήβας καὶ ἀπώλεια τῶν ἀδελφῶν Πολυνείκους καὶ Ἐτεοκλέους καὶ θάνατος Ἰοκάστης.

«Поход Полиника с аргосцами на Фивы и гибель братьев Полиника и Этеокла и смерть Иокасты».

При такой конструкции (особенно подходящей для воображаемой нами роли аннотации в каталоге) в аргументе вообще нет *действия* как напряженной связи предыдущего и последующего, нет никакого дезиса и лизиса.

«Дикеархов» аргумент «Альцесты», хоть и не стремится к краткости, но в чем-то лучше «аристофанова» передает логику фабулы:

Ἀπόλλων ᾐτήσατο παρὰ τῶν Μοιρῶν ὅπως ὁ Ἄδμητος τελευτᾶν μέλλων παράσχῃ τὸν ὑπὲρ ἑαυτοῦ ἑκόντα τεθνηξόμενον ἵνα ἴσον τῷ προτέρῳ χρόνον ζήσῃ. καὶ δὴ Ἄλκηστις ἡ γυνὴ τοῦ Ἀδμήτου ἐπέδωκεν ἑαυτὴν οὐδετέρου τῶν γονέων θελήσαντος ὑπὲρ τοῦ παιδὸς ἀποθανεῖν.	*Ἄλκηστις ἡ Πελίου θυγάτηρ ὑπομείνασα ὑπὲρ τοῦ ἰδίου ἀνδρὸς τελευτῆσαι*
μετ' οὐ πολὺ δὲ ταύτης τῆς συμφορᾶς γενομένης Ἡρακλῆς παραγενόμενος καὶ μαθὼν παρά τινος θεράποντος τὰ περὶ τὴν Ἄλκηστιν	*Ἡρακλέους ἐπιδημήσαντος ἐν τῇ Θετταλίᾳ*
	διασῴζεται
ἐπορεύθη ἐπὶ τὸν τάφον καὶ τὸν Θάνατον ἀποστῆναι ποιήσας ἐσθῆτι καλύπτει τὴν γυναῖκα· τὸν δὲ Ἄδμητον ἠξίου λαβόντα αὐτὴν τηρεῖν· εἰληφέναι γὰρ αὐτὴν πάλης ἆθλον ἔλεγε. μὴ βουλομένου δὲ ἐκείνου ἔδειξεν ἣν ἐπένθει.	*βιασαμένου τοὺς χθονίους θεοὺς καὶ ἀφελομένου τὴν γυναῖκα.*

(перевод:)

Аполлон попросил у Мойр, чтобы Адмет, который скоро должен был скончаться, мог бы дать вместо себя другого, добровольно согласного умереть, и прожить еще столько же времени, сколько до этого. Тогда Альцеста, жена Адмета, отдала себя, поскольку его родители не хотели умереть вместо сына.	*Альцеста, дочь Пелия, приняв смерть вместо своего мужа,*
	спасена
Геракл, прибывший вскоре после того, как это произошло, и узнавший от слуги, что случилось с Альцестой,	*Гераклом, прибывшим тогда в Фессалию,*

отправился на могилу и, заставив Таната отступить, закрыл лицо женщины одеждой, а потом попросил Адмета взять ее и хранить, сказав, что получил ее в награду, победив в борьбе. Когда же Адмет стал возражать, Геракл показал ему ту, что он оплакивал.

сразившимся с подземными богами и отобравшим у них женщину.

Во-первых, дикеархов аргумент подробнее описывает дезис, причины той странной ситуации, которую разрешило явление Геракла; это описание делает его более схожим с мифографической фабулой, чем «аристофанову». Завершается же он «узнаванием», которое Еврипид вынес в этой драме в конец. «Узнавание» Альцесты Адметом не влияет на ход событий; оно разрешает не напряжение действия, но напряжение чувств Адмета, и Аристофан просто пропустил этот «эмоциональный» лизис. В этом более «мифографичен» его аргумент, а не дикеархов.

Напоминающее Аристофана стремление изложить миф одной фразой встречается иногда и среди фабул[1]; однако средний их размер все-таки значительно больше. Более часты среди них подробные пересказы трагедии, весьма схожие с «дикеарховыми» аргументами; таков, например, пересказ Гигином «Ифигении в Тавриде» (точность которого, в отличие от многих других, можно проверить, потому что трагедия сохранилась)[2]:

«Когда Ореста преследовали Фурии, он направился в Дельфы вопросить, где же наконец предел бедам. Он получил ответ, что ему нужно отправиться в Таврическую землю к царю Фоанту, отцу Гипсипилы,

---

[1] Hyg. Fab. 1 («Фемисто»), 110 («Поликсена»).
[2] Hyg. Fab. 120.

и привезти в Аргос статую Дианы из тамошнего храма. Услышав предсказание, он вместе со своим товарищем Пиладом, сыном Строфия, взошел на корабль, и они быстро прибыли в Тавриду, у жителей которой был обычай приносить в жертву в храме Дианы всякого странника, прибывшего в их страну. Когда Орест и Пилад скрывались там в пещере и ждали удобного случая, их схватили пастухи и привели к царю Фоанту. Фоант, следуя обычаю, приказал отвести их связанными в храм Дианы и принести в жертву. Жрицей же там была сестра Ореста Ифигения. Когда по приметам и по рассказам она узнала, кто они и зачем пришли, она отбросила священные сосуды и сама стала снимать с места статую Дианы. Когда там появился царь и спросил ее, почему она это делает, она солгала и сказала, что эти преступники осквернили статую; поскольку в храм привели нечестивых и преступных людей, статую нужно нести к морю для очищения, а царь пусть запретит гражданам выходить из города. Царь послушался слов жрицы, и Ифигения, воспользовавшись удобным случаем и забрав статую, взошла вместе со своим братом Орестом и Пиладом на корабль, и попутным ветром их принесло на остров Сминфу к Хрису, жрецу Аполлона».

Незначительные детали добавлены из других мест книги: последняя фраза о Хрисе — из следующей фабулы, сведения о Фоанте — из фабулы 15[1]; опущено явление Афины ex machina, запрещающей Фоанту преследовать беглецов. Двумя этими вставками и одним

[1] В греческих источниках Фоант, отец Гипсипилы, и Фоант, царь Тавриды (не исключено, вымышленный Еврипидом), никогда не отождествлялись; Фоанта, усаженного в лодку Гипсипилой, отнесло на Ойною, позднейший Сикин, получивший это имя от сына Фоанта и местной нимфы. Так же, как у Гигина, у Валерия Флакка (II, 300).

пропуском ограничивается в данной фабуле работа мифографа по соединению мифов в систему; в остальном мы имеем дело с «дикеарховым аргументом», добросовестным пересказом Еврипида.

Асклепиад из Трагила

Самые знаменитые[1] «Трагедумены» в шести книгах составил ученик Исократа Асклепиад из Трагила[2]. В сохранившихся фрагментах Асклепиад, помимо подробного изложения мифов, бывавших фабулами трагедий, сравнивает версии различных поэтов и предпосылает сюжетам длинные генеалогии[3], ссылается на прозаических мифографов[4], перечисляет противоречивые варианты; следы перипатетического анализа фабулы в уцелевших фрагментах отсутствуют.

На этом основывалось категорическое мнение Виламовица: *«Асклепиад излагал не аргументы трагедий, но мифологию целиком* (historiam fabulosam), *которая благодаря заботам трагических поэтов стала совсем другой, чем та, которую изложил Ферекид по произведениям эпиков и лириков»*[5]. Виламовица поддержал Карл Роберт[6]. Таким образом, «Трагедумены» Асклепиада — это не собрание пересказов-аргу-

---

[1] Может быть, единственные (если Демарат вымышлен).

[2] FGrHist IA 12.

[3] F 31 Jac.

[4] На Ферекида — F 3 Jac.

[5] Asclepiades tragoediarum argumenta non narravit, sed historiam fabulosam, qualis post tragicorum curas longe alia reddita erat atque qualem ex epicis lyricisque carminibus Pherecydes narraverat — *Wilamowitz-Möllendorf U. von,* Analecta Euripidea, p. 181.

[6] *Robert C.* De Apollodori Bibliotheca. Diss., Berlin, 1873, p. 74.

ментов, а собственно мифографическое произведение, опирающееся на опыт ферекидовской школы и охватывающее цикл «трагической» мифологии, своего рода «трагический кикл». Сохранившиеся фрагменты позволяют предположить скорее слитное изложение, чем деление на отдельные фабулы или аргументы. Важнейшим для понимания места Асклепиада в развитии мифографии является вопрос о композиционном принципе этого изложения: Якоби, следуя за Виламовицем и Робертом, склоняется к традиционному, циклико-генеалогическому (в начале Девкалиониды, в конце — Троянская война), но не отрицает и возможности «филологического» (в начале Эсхил, в конце — Еврипид).

Не будучи, вероятно, предшественником Гигина в фабульном строении, Асклепиад, по-видимому, не входил и в число его источников: те мифы, изложение которых сохранилось в его фрагментах, у Гигина рассказаны иначе[1]. Однако идея воссоздания historiae fabulosae, мифологической системы, по трагедиям, быть может, воплощенная Асклепиадом, важна для становления фабульной мифографии.

Демарат

Другие «Трагедумены» принадлежали некому Демарату[2]. Сведения о нем неясны, и настораживающим обстоятельством является причастность к ним Лже-плутарха, источники которого обычно вымышлены; не исключено и существование нескольких авторов с этим именем. Почти бесспорно не является вымышленным Демарат, писавший об аргонавтах (неизвестно,

[1] О Беллерофонте (F 13 Jac. = sch. *Z* 155, Hyg. Fab. 57), о Финее (F 31 Jac. = sch. μ 69, Hyg. Fab. 19), об Ипполите (F 28 Jac. = sch. λ 321, Hyg. Fab. 47) и др.

[2] FGrHist IA 42.

в посвященной ли именно им книге), утверждавший, в частности, что Геракл был с ними в Колхиде; на этого Демарата ссылаются Аполлодор и схолии к Аполлонию[1]; этот Демарат, следовательно, жил не позднее I века от Р. Х. Почти бесспорно несуществовавшим является хорограф Демарат, автор *Φρυγιακά* и *Περὶ ποταμῶν*, поскольку ссылки на него содержатся в трактате «О реках» Лжеплутарха[2], в котором вымышлены все источники; в «Малых сравнительных жизнеописаниях», в которых вымышлены не все, а лишь большинство источников, есть ссылка на его *Ἀρκαδικά*[3]. «*Возможность того, что хотя бы один из заголовков подложной литературы — подлинный, не может быть полностью отвергнута*», — считает Якоби[4].

Выписка из третьей книги «Трагедуменов» Демарата имеется у Стобея[5]; менее подробно на то же место (относя его, правда, к первой книге) ссылается Климент Александрийский[6]. В принципе ничто, кроме подозрительного соседства Лжеплутарха, не заставляет считать «Трагедумены» несуществовавшими; быть может, к ним относятся и ссылки, говорящие об аргонавтах, а присутствие Геракла в Колхиде попало к Демарату от одного из трагиков, всегда свободно обращавшихся с традицией.

Стобеев фрагмент «Трагедуменов» Демарата таков:

Ἀθηναίων πρὸς Εὔμολπον τὸν Θρᾳκῶν βασιλέα πόλεμον ἐχόντων Ἐρεχθεὺς ὁ τῆς Ἀττικῆς προϊστάμενος χρησμὸν ἔλαβεν ὅτι νικήσει τοὺς ἐχθρούς ἐὰν τὴν πρεσβυτάτην τῶν θυγατέρων Περσεφόνῃ θύσῃ. παραγενόμενος [ὁ] δ' εἰς Ἀθήνας Πραξιθέᾳ τῇ γυναικὶ

[1] Apld. I, 9, 14, Sch. Ap. Rhod. I, 45, 1289 (также, возможно, I, 224, где он назван Демагетом; F 1–3 Jac.).
[2] Ps.-Plut. De fluv. 9, 3; 9, 4.
[3] Ps.-Plut. Par. Min. 16.
[4] FGrHist IA S. 520.
[5] Floril. III, 39, 33 (= F 4 Jac.).
[6] Clem. Al. Protr. III, 42, 6, p. 32 Stählin.

τὴν πυθόχρηστον μαντείαν ἀπήγγειλεν· εἶθ' οὕτω τὴν κόρην προσαγαγὼν τοῖς βωμοῖς ἀνεῖλεν καὶ συμβαλὼν τὸν πόλεμον ἐγκρατὴς ἐγένετο τῆς νίκης[1].

Прямым источником Гигина Демарат возможно и не являлся, во всяком случае, приводимая Гигином версия того же мифа[2] отлична от демаратовской; зато идентичность стиля и метода повествования не нуждается в комментариях: если перевести этот отрывок на латинский, получится одна из фабул Гигина. Простота языка, отсутствие как ученого аппарата ссылок и версий, так и украшающих текст риторических фигур, насыщенность фразы глаголами, а содержания — действиями, четкое противопоставление завязки (от начала до *ἀπήγγειλεν*) и развязки (последнее предложение) — всё это характеризует вполне сложившуюся фабульную форму.

Только одна деталь в рассказе Демарата является лишней с точки зрения жесткой фабульной логики: это разговор Эрехфея с Праксифеей, ненужный для развития фабулы, но бывший, вероятно, эффектным местом пересказываемой трагедии; этой трагедией, наверно, был «Эрехфей» Еврипида[3], в котором, надо полагать, именно в этом диалоге Праксифея, убежденная наконец своим супругом в необходимости жертвы, произносила знаменитый стих:

Люблю дитя, отчизну же сильней люблю[4].

---

[1] *«Когда афиняне вели войну с Эвмолпом, царем фракийцев, Эрехфей, правивший в Аттике, получил предсказание, что победит врагов, если принесет в жертву Персефоне старшую из своих дочерей. Вернувшись в Афины, он возвестил ответ дельфийского оракула своей жене Праксифее, а затем, приведя девушку к алтарям, убил ее и, выйдя на бой, одержал победу».*

[2] Hyg. Fab. 46.

[3] F 349–370 Nauck.

[4] *Φιλῶ τέκν', ἀλλὰ πατρίδ' ἐμὴν μᾶλλον φιλῶ* — TGF, Supplementum / Ed. B. Snell, Hildesheim, 1964, F 360a; ср. F 360 Nauck.

Такие «театральные» детали, иногда кажущиеся неуместными, иногда оживляющие сухость перечисления событий, встречаются изредка и в тексте Гигина (ср., например, упоминание о вестнике в фабуле 29, «Алкмена»). В аргументе «аристофановского» типа эта деталь была бы устранена; в «дикеарховом» аргументе, напротив, изложение трагедии было бы подробнее. Но и то и другое — еще пересказы конкретной трагедии; в рассказе же Демарата, цитируемом Стобеем вне всякой связи с трагедией, уже можно видеть пересказ мифа о жертвоприношении дочери Эрехфея, хотя и основанный на трагедии; первое — «аргумент», второе — «мифографическая фабула».

«МИФЫ» ГИГИНА

«Мифы» Гигина — первая (известная) попытка изложить фабулами всю мифологию; впоследствии этот способ стал общепринятым, как бы само собой разумеющимся в средневековой латинской мифографии. Из этого свода мы и извлекаем принципы фабульной мифографии.

Основные сведения о книге[1]

Известна только одна рукопись Гигина[2]; при этом она была утеряна сразу после первого издания, подготовленного в Базеле в 1535 году[3] Якобом Мицил-

[1] Более подробное изложение этого материала см.: *Торшилов Д.* Об истории книги // *Гигин.* Мифы. СПб, 1997. С. 5–43.

[2] «Фрейзингский кодекс» — Codex Frisingensis 237, IX или X века. Фрейзинг — городок в Баварии.

[3] C. Julii Hygini Augusti liberti fabularum liber ad omnium poetarum lectionem mire necessarius et antehac numquam ex-

лом[1]. Ее отдельные листы, а также несколько листов из другой рукописи были найдены в XIX–XX веках; серия фрагментов, найденная последней, учтена только в последнем издании, подготовленном П. К. Маршаллом[2].

Книга (точнее, бóльшая ее часть) является переводом с греческого (совсем не обязательно одной и той же книги). Это доказывается, во-первых, некоторыми местами текста, содержащими либо «недопереведенные» греческие слова[3], либо нелепости, могущие быть объяснены ошибками при переводе с греческого[4]; во-вторых, почти полным отсутствием в латинском сборнике собственно римских мифов[5]. Отрицательное решение вопроса о близости Гигина к тому или иному конкретному греческому источнику не влияет на то, что роль латинских источников в составлении книги была минимальной.

---

cusus. Bas. 1535. В издание вошли также «Астрономия» Гигина, латинский перевод Палефата, Фульгенций, Германик, Арат и «Сфера» Прокла.

[1] О Мицилле (1503–1558) см.: *Classen J.* Jacob Micyllus, Rektor zu Frankfurt und Professor zu Heidelberg von 1524–1558, als Schulmann, Dichter und Gelehrter dargestellt. Frankf. a/M., 1859. Его немецкая фамилия точно не известна — Мёльцер или Мёльсхейм; «Мицилл» — имя одного из персонажей Лукиана («Сон, или Петух»). К мифографическим штудиям Мицилла относится также переиздание «Генеалогий богов» Боккаччо в 1532 году.

[2] Hygini Fabulae / Ed. P. K. Marshall. Stutgardiae — Lipsiae, 1993.

[3] Hyg. Fab. 7, 12, 14.

[4] Hyg. Fab. 14 (самая забавная ошибка Гигина — «куриные крылья» Зета и Калаида — gallinaceus вместо *ὀρνίθειος*), 15, 75, 135, 165.

[5] Отсутствуют даже Эней, Ромул и Рем, Нума Помпилий; однако в процессе переделок многие пересказы латинских поэтов и цитаты из них все же попали в сборник (§ 8 «Введения», фаб. 14, 80, 108, 134, 177, 181, 220, 273).

Именно неизвестных по имени составителей греческих прототипов следует чаще всего понимать под «Гигином» в выражениях вроде «версия Гигина», «Гигин сообщает», «Гигин опирается на...» и пр.[1] Можно надеяться, что их стиль был лучше стиля перевода, что место сбивчивой краткости в оригинале занимала лаконичность, место примитивности — простота, место наивности — игра в наивность. Об учености использованных греческих мифографов свидетельствует то, что каждая третья или четвертая фабула содержит либо детали, либо целые мифические сюжеты, не сохранившиеся нигде, кроме его книги. При этом редкость и малоизвестность собираемых сведений отнюдь не входила в данном случае в число основных принципов отбора, как, например, для Антонина Либерала. Напротив, целью было изложить в простой и легковоспринимаемой форме все мифы, включая и те, которые, с одной стороны, давно стали общеизвестными и наскучившими, а с другой — запутались в паутине ученых комментариев и противоречивых версий. Изящная и лаконичная фабульная форма помогала избавиться (или даже вынуждала отказаться) от последних, и она же, а не откровенная модернизация и введение неожиданных или пикантных деталей (как в Schwindelliteratur) должна была придать свежесть избитым сюжетам. Фабула в чем-то отвечала стремлению эпохи к аттицизму — к ясной и точной речи, излагающей ясную и точную мысль, к тщательно воссоздаваемой «классичности» формы и содержания.

Однако дошли «Мифы» именно по-латински; в латинской версии (весьма далекой от идеала ясной и точной речи) они активно читались и переделывались и в латинской литературе имели «последователей» (Ватиканских мифографов).

[1] Хотя иногда «Гигином» может оказаться и средневековый переписчик.

Не исключено, что в древности книга называлась не «Фабулами», но «Генеалогиями»; так она названа во фрагментах древнего перевода Гигина обратно на греческий, сохранившихся в составе так называемых Hermeneumata Leidenses, учебной хрестоматии переводов с латинского, подписанной именем Досифея Магистра[1]. Другое место, из которого, возможно, следует, что книга называлась «Генеалогиями», содержится в «Поэтической Астрономии»[2], подписанной также именем Гигина. Это свидетельство действительно только в том случае, если «Астрономию» и «Мифы» написал один и тот же Гигин[3]. В любом случае, весьма мала вероятность, что по-гречески книга называлась *μῦθοι*; однако, назвав ее *fabulae*, история дала ей «правильное» имя, вполне соответствующее ее сути. На наш взгляд, весьма вероятно, что это произошло в раннее средневековье, в ту эпоху латинской учености, которая связана с именем Исидора Севильского[4].

Говоря о различных «Гигинах», нельзя не упомянуть первого из носителей этого имени (и единственного,

---

[1] Изданы впервые: Dosithei magistri interpretamentorum liber tertius / Ed. Böcking, Bonn, 1832. Переиздавались в изданиях Гигина (Hygini Fabulae / Ed. M. Schmidt. Jenae, 1872, p. LIV; Rose, p. 174). В хрестоматию Досифея также входили, наряду с выписками из «Мифов» Гигина, выписки из какого-то сборника басен; возможно, именно для того, чтобы отличить их друг от друга, составитель назвал книгу Гигина «генеалогиями», используя это слово как синоним «мифографии» вообще.

[2] П, 12, 2.

[3] Решительным противником этого был М. Чясны (*Tschiassny M.* Studia Hyginiana. Wien, im Selbstverlage des Verfassers, 1888; v. I; вторая часть не вышла), приводивший многочисленные примеры различия лексики двух книг (например, в «Мифах» никогда не встречается частица autem, которой пестрит текст «Астрономии»).

[4] См. с. 255.

о ком что-то известно — остальные «сохранились» в виде подписей на книгах). Это Гай Юлий Гигин, основные сведения о котором содержатся в составленных Светонием биографиях грамматиков (20): будучи родом из Иберии, он учился у Александра Полигистора[1], был отпущен Августом на волю и назначен им главою Палатинской библиотеки. Гай Юлий Гигин общался с Овидием и историком Клодием Лицинием и составил многочисленные сочинения, среди сохранившихся фрагментов которых[2] ничто не может быть связано со сборником кратких пересказов мифов. То, что «Мифы» не принадлежат ему (хотя его полное имя долго проставлялось на изданиях), практически не подлежит сомнению: глава Палатинской библиотеки и друг Овидия не мог писать таким бедным и не всегда правильным латинским языком (что подтверждают и фрагменты), как автор «Мифов», и допускать такие ошибки в переводе с греческого. Как отмечал остроумный издатель Гигина Роуз, отождествление поддерживают преимущественно те ученые, которые не занимались Гигином вплотную[3].

Таким образом, о биографии того, кто написал (точнее, перевел) «Мифы» (для простоты все же стоит называть его Гигином), ничего не известно. Признаваясь, что основанием его суждений являются лишь впечатления от внимательного чтения Гигина, Роуз представлял

---

[1] FGrHist IIIA 520.

[2] Фрагменты Гая Юлия Гигина входят в: Grammaticae Romanae Fragmenta / Ed. G. Funaioli, 1907; также Historicorum Romanorum Reliquiae / Ed. H. Peter. Vol. 2, 1906. Он комментировал Вергилия, написал «О городах Италии».

[3] Доказать, что «Мифы» являются переработкой и сокращением мифографических трудов Гая Юлия Гигина пытался Карл Ланге (*Lange C.* De nexu inter C. Iulii Hygini opera mythologica et fabularum librum. Diss., Moguntiae, 1865). Само существование у него таких трудов гипотетично.

себе его недоучившимся провинциальным юношей, почти мальчиком, смело взявшимся (возможно, по совету учителя) за работу, которая была ему не совсем по силам. Неоспоримо в этом портрете то, что Гигин не принадлежал к культурной элите своего времени.

Зато о датировке латинского текста можно судить достаточно уверенно; terminus ante quem жестко определен тем, что выписки из Гигина у Досифея Магистра датированы: они сделаны 11 сентября 207 года от Р. Х., причем книга Гигина уже была тогда, по словам переводчика, «всем известна». Terminus post quem устанавливается менее точно. Наиболее поздним из безусловных источников «Мифов» являются схолии к Аполлонию Родосскому (см. фаб. 14), составление которых датируется временем императора Тиберия или даже Клавдия и позже, т. е. серединой I века от Р. Х[1]. Таким образом, мы останавливаемся на эпохе Антонинов (конец I — середина II века от Р. Х.), или несколько более поздней, что подтверждается и данными языка «Мифов». С одной стороны, Гигин далек от правильности золотой и серебряной латыни, с другой — ему не чужда манера вставлять в текст нарочито архаические слова и формы[2], получившая распространение в латинской литературе во II веке от Р. Х. благодаря деятельности школы Фронтона. Это неумение избавиться от привычек разговорной речи в сочетании со стремлением к книжной учености характеризует как самого автора, так и аудиторию, у которой «Мифы» могли найти отклик.

---

[1] См. *Christ W., Schmid W.* Griechische Litteratur. II. P. 146.

[2] Например, Alcimena (фаб. 29), induperavit (фаб. 222), exinterare (фаб. 30). От употребления архаизмов такого рода следует отличать привычку Гигина вставлять в свое сугубо прозаическое повествование близкие к тексту цитаты из известных и неизвестных латинских поэтов или просто полюбившиеся поэтические обороты (фаб. 8, 14, 75, 123, 126, 150, 151 и др.), вызывая этим стилистический диссонанс.

Книга Гигина была популярна. Ее переводчик на греческий, назвав ее «всем известной» и стремясь сказать далее несколько похвальных слов ее пользе, невольно очерчивает круг этих «всех»: это люди, часто видящие изображения мифологических персонажей (которые были в древности повсюду), знающие (понаслышке?), что образованные «грамматики» должны украшать свою речь мифологическими примерами, но чаще всего встречающиеся с мифами на ставших во время Империи распространеннейшей формой театра представлениях танцовщиков-пантомимов, изображавших «суд Париса» или «отчаяние Ариадны»; а чтобы понимать немые картины пантомимов, весьма полезно читать Гигина[1]. Хрестоматия Досифея предназначалась, вероятно, для греков, учивших латинский, что также свидетельствует о популярности включенных в нее текстов. Конечно, Гигина читали не только для того, чтобы не скучать на мимическом спектакле, однако образовательная мотивация (или просто любопытство) была главной. Как полагает Роуз, основу его читательской аудитории составляли провинциальные школьные учителя, «magistri ludi», и их ученики. Таким образом, созданная греческой ученой традицией книга после перевода на латинский оказалась тесно связанной с бытовыми, повсеместными формами функционирования мифологии в позднеимперское вре-

---

[1] *Ζωγραφία τοιγαροῦν τούτου τοῦ κόπου πολλοῖς τόποις δίδωσιν μαρτυρίαν· ἀλλὰ καὶ οἱ γραμματικοὶ τέχνης ταύτης οὐ μόνον ἐπαινοῦσιν τὴν ευφυΐαν, ἀλλὰ καὶ χρῶνται. μῦθοι μὲν τῶν ὀρχηστῶν ἔνθεν λαμβάνουσιν ἔπαινον, καὶ μαρτυροποιοῦνται ἐν τῆι ὀρχήσει ἀληθινὰ τὰ γεγραμμένα* (*«Живопись часто представляет свидетельство всего этого, а грамматики не только хвалят благородство этого искусства, но и пользуются им. Отсюда же происходит и то, чем зарабатывают похвалу мифы танцовщиков, свидетельствующих своими танцами об истинности написанного»*).

мя — школой, риторической образованностью, театром пантомимов; это, возможно, определило ее дальнейшую судьбу и живучесть фабульной мифографии.

Об активности читателей «Мифов» свидетельствует то, что книга непрерывно видоизменялась. Все три источника текста «Мифов», т. е. Фрейзингский кодекс, Ватиканские фрагменты и выписки Досифея, не совпадают друг с другом. Вряд ли следует говорить о каком-то одном или нескольких «эпитоматорах»; изменения, возможно, вносились каждым переписчиком[1]. Податливость фабульной формы, сама мифологическая тематика, всегда взывающая к дополнениям и исправлениям, соображения практической пользы (поскольку, как уже указывалось, книга использовалась в образовательных целях) и отсутствие за именем автора славы и авторитета, сдерживавших бы исправления, — всё это толкало переписчиков к тому, чтобы в текст вносились не только новые ошибки, но и сознательные переделки. В результате этих переделок были утрачены многие фабулы (названия некоторых из них сохранились в списке Досифея[2]), уцелевшие подверглись сокращениям[3] (причем иногда сокращенный вариант оставался в рукописи рядом с полным[4]). С другой стороны, в книгу вставляли как отдельные фразы[5], так и

---

[1] Ср. *Reeve M. D.* Texts & Translations: A Survey of the Latin Classics / Ed. L. D. Reynolds, Oxf. Clarendon Press, 1983, p. 189–190.

[2] «Об Афродите и Аресе», «О создании людей», «О Зевсе и Гере», каталоги Муз, двенадцати богов, зодиакальных созвездий.

[3] Их следы отчетливо видны в фабулах 5, 30, 81, 125.

[4] Hyg. Fab. 50.

[5] Например, возмущенное замечание о Кенее в фаб. 14: quod est nunquam factum, nec fieri potest ut quisquam mortalis non posset ferro necari aut ex muliere in uirum conuerti (*«этого никогда не было и не может быть, чтобы кто-то из*

целые фабулы[1]. Вставлялись целые серии фабул[2]. Содержание вставок иногда даже не имеет отношения к мифологии, хотя входит, как и она, в круг минимальной образованности[3]. Забавные каталоги матереубийц и прочих преступников составлялись, как нетрудно заметить, по материалам самой книги, затем дополнялись читателями и переписчиками, вспоминавшими подходящие сведения[4].

смертных не мог быть убит железом или мог из женщины превратиться в мужчину»).

[1] Например, 126-ю, язык и стиль которой свидетельствуют об очень позднем происхождении; возможно, вставлены и фабулы, опирающиеся на латинские источники, см. выше.

[2] Hyg. Fab. 258–263 — выписки из комментариев Сервия к Вергилию: 258 = Serv. Aen. I, 568; 259 = ibid., I, 323; 260 = ibid., I, 570; 261 = ibid., II, 116; фаб. 262 и 263, не сохранившиеся во Фрейзингском кодексе и известные только по названию в предпосланном фабулам списке, выписаны, вероятно, из Serv. Georg. I, 403 и I, 378. Между фабулами 164 и 165 в рукописи шли две фабулы из Фульгенция: Fulg. Myth. III, 10 (Орфей и Эвридика), III, 8 (Мирра). Они отсутствуют в упомянутом оглавлении, следовательно, вставлены после его составления.

[3] Каталоги семи мудрецов, семи лириков и семи чудес света (фаб. 221–223), выписанные из «Гебдомад» Варрона (ср. A. Gell. III, 10, 16); также фабула 276 — каталог островов, поражающий географической безграмотностью (*«что поделаешь с человеком,* — пишет Роуз в комментарии к этому месту, — *который Мавританию, Египет и Сикион считает островами, а Кипр, как получается, помещает посреди материка?»*).

[4] Это относится к фаб. 234–271 или многим из них; все они вставленные в середину имевшегося в оригинале раздела каталогов, от которого уцелели фаб. 225, 272, 273. Еще более позднего происхождения каталоги 275 и 276, вставленные в середину некогда единой фаб. 274/277.

Поздние латинские мифографы заимствовали из Гигина отдельные сведения и выписывали целые отрывки[1]; но прежде всего они повторяли само фабульное строение. Так книга, вряд ли замеченная образованными людьми после ее выхода в свет, стала через 150–200 лет чуть ли не классическим образцом жанра и оставалась им и впоследствии, в Средние века[2].

Композиция книги: эпический кикл и каталогизация

Самым сложным вопросом, связанным с процессом переработки «Мифов», является вопрос о порядке фабул. Не вызывает сомнения, что фабулы во Фрейзингском кодексе перепутаны[3]; наиболее очевидным доказательством этого является то, что фабула 137 («Меропа») оказалась разорвана пополам и вторая половина ее присоединена к фабуле 184 («Пенфей и Агава»), которая сама при этом оборвана — в ней далее должно было говориться об убийстве Агавой Ликоферса, упомянутом Гигином в каталоге «мужеубийц» (фаб. 240), составленном, как говорилось выше, по материалам

---

[1] Список заимствований Ватиканских мифографов из Гигина приводится в издании Шмидта (Hygini fabulae / Ed. Mauricius Schmidt. Jenae, 1872, p. XLVII); еще более внушительный список, включающий Сервия и комментарии к Стацию, — в издании Бунте (Hygini fabulae / Ed. Bernhardus Bunte. Lips. 1856).

[2] Гигин цитируется в схолиях к Исидору Севильскому (так называемые scholia Vallicelliana, где автор назван «Эгином») и в комментариях Арнульфа Аурелийского к «Метаморфозам» (см. *Holzworth J.* A Light from a Medieval Commentary on the Text of the Fabulae & Astronomia of Hyginus // Classical Philology, 38, 1943, p. 126–131).

[3] Порядок фабул в выписках Досифея не содержит с порядком Фрейзингского кодекса ничего общего.

самой книги. За оборванным началом «Меропы» в рукописи начинается явно неуместный здесь цикл фабул о богах и ранних стадиях мифической истории.

Эти обстоятельства служили отправной точкой для работы издателей Гигина по восстановлению «исходной» композиции книги. Эта работа была начата в издании Б. Бунте, продолжена К. Бурсианом[1] и в особенности М. Шмидтом, расположившим фабулы в своем издании в совершенно новом порядке и предпославшего им многостраничное предисловие, целиком посвященное обоснованию этого порядка. Однако результаты этой работы не были убедительны[2], и новейшие издатели Гигина Роуз и Маршалл вернулись к порядку фабул Фрейзингского кодекса.

Мозаичность фабульной формы обуславливает легкость перемещения частей книги; результативность же перемещения обусловлена гибкостью мифологического содержания, элементы которого, сцепляясь друг с другом различными — сюжетными, генеалогическими, географическими, тематическими — связями, позволяют повествователю и читателю бороздить мифологию в уводящих в разные стороны направлениях. Эти обстоятельства и подталкивали к перестановкам, вставкам, сокращениям как древних, так и современных занимавшихся Гигином филологов, пробуждая в них, по выражению Роуза, ordinis mutandi libidinem, «неудержимую страсть к перестановкам».

Нам более всего важно то, что основным принципом построения сборника остается эпический кикл — от «Теогонии» до «Телегонии»; несмотря на несомнен-

---

[1] *Bursian C.* Zu Hyginus // Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik, 1866.

[2] По мнению Роуза, если Шмидту и удалось показать, как возник теперешний порядок, то всё же не удалось — каким был исконный.

но имеющуюся путаницу, он все же проглядывает в порядке фабул Фрейзингского кодекса. Шмидт в своей работе также исходил именно из «кикла», желая исправить все, что нарушало его стройность, и восстановить его в «исконной» (вероятно, воображаемой) целостности.

Другим композиционным принципом, вступающим в противоречие с киклическим, является каталогический, неизбежно вытекающий, как будет показано ниже, из самой природы фабульной мифографии. В каталоге соседствуют друг с другом не мифы, связанные сюжетно, генеалогически, «хронологически», а однотипные мифы — о превращениях, о нечестивцах, о любовных похождениях и т. п.

В существующем виде сборник состоит из четырех частей:

1) «Эпический кикл» (основные героические мифы, 1–128);
2) мифы о богах; некоторые другие героические мифы (129–185; фабулы из этой части, согласно Шмидту, должны быть так или иначе расставлены на свои места в первой «части»);
3) каталогически объединенные мифы (186–220);
4) каталоги (221–277).

Рассмотрим каждую из этих частей подробнее.

1) *«Эпический кикл»*.

Сборник открывается генеалогиями богов и сверхъестественных существ, соответствующими по содержанию *«Теогонии»* эпического кикла; они не включены в нумерацию фабул и отличаются от них строением: бессобытийные (по преимуществу) теогонические сведения оказалось невозможным изложить в фабульной форме.

Собственно собрание фабул открывается рассказом о героях старшего поколения, а среди них — циклом аргонавтов (1–27); хотя «Аргонавтика» не входит

в эпический кикл в строгом (т. е. александрийском) смысле слова, для Гигина она в него уже входила. В рассказ об аргонавтах вставлены и другие мифы, разными путями увязанные с ними.

Рассказав без видимой связи с предыдущим об Алоадах (28), повествователь переходит к циклу Геракла (29–36; «*Гераклия*» кикла), а затем Тезея (37–47; условно говоря, «*Тезеида*»). В цикл Тезея включены мифы о Дедале и Миносе (39–41, 44), а также другие аттические мифы (45–46); расширенный таким образом до пределов «аттического» цикла, он завершается списком афинских царей (48).

Дальше повествование становится свободным и фабулы объединяются преимущественно каталогически: следуют три фабулы о возлюбленных Зевса (Эгина, Астерия, Фетида — 52–54), две о наказании злодеев (Титий, Бусирис — 55–56), три о несчастной любви (Сфенебея, Смирна, Филлида — 57–59), три о богоборцах (Сизиф, Салмоней, Иксион — 60–62); затем цикл Персея (63–64), история Алкионы (65).

Закончив таким образом рассказ о героях старшего поколения, повествователь переходит к великим войнам мифологической эпохи. Фиванскому циклу («*Эдиподия*», «*Фиваида*», «*Эпигоны*» кикла) посвящены фабулы 66–76, завершаемые списком царей Фив. Внутри троянских мифов (77–127, основная часть кикла) выделяются взаимосвязанные меньшие отделы: Тиндариды (77–81), Пелопиды (83–88), предыстория Трои (89–94), приготовления к войне (95–98), цикл Телефа (99–101), собственно война (102–115), завершаемая, как и вся книга, собственным отделом каталогов (112–115); наконец, возвращение героев (116–126), причем рассказ о возвращении Агамемнона приводит к изложению всех злоключений его семьи (119–123), после которого дается список аргосских царей (124), и лишь потом внимание читателей обращается к Одиссею. Его

смертью от руки Телегона, *«Телегонией»*, завершается основная часть книги. Роль подытоживающего списка, которую в отдельных циклах исполнял список царей, при завершении этой основной части играет список великих прорицателей (128)[1].

2) «Дополнения» к основной части начинаются с фабул цикла Диониса (129–134), к последней из которых привязана генеалогически[2] фабула о Лаокооне (135). После фабул о Полииде (136) и Меропе (137) мы имеем тот несомненный обрыв рукописи, о котором говорилось выше, и начинается отдел фабул о богах, демонах и первых людях (138–167). Его внутреннее строение чрезвычайно свободно; можно сказать только, что в конце его, так же, как в конце всей книги и в конце описания Троянской войны, следуют каталоги; на этот раз это каталоги смертных сыновей богов (к которым добавлен еще список амазонок, видимо, сочтенных кем-то за существ также не совсем обычной природы — 155–163). После каталогов вписаны еще три мифа об Афине (164–166) и о Загрее (167).

Далее снова следуют мифы о героях: цикл Даная и Данаид (168–170), этолийский цикл (171–174), аркадский (176–177), Кадм и его потомство (178–184); в последний попали еще две фабулы, которые должны были относиться, вероятно, к разделу о богах (182–183); в конце цикла Кадма мы снова имеем обрыв рукописи, так что фабула об Аталанте (185) должна была бы идти после «Меропы» (137).

---

[1] О том, что здесь мы имеем дело с неким композиционным рубежом, свидетельствует и то, что с последующей фабулы (129) в рукописи перестают быть проставлены заголовки; они возобновляются только после фабулы 166, перед которой кем-то вставлены фабулы из Фульгенция.

[2] Возможно, в результате ошибки или сознательного искажения — Лаокоон назван сыном Ацета, а в предыдущей фабуле Ацет — имя добродетельного кормчего тирренских пиратов.

6 Зак. 3209

3) *Каталогически объединенные мифы.*

Возлюбленные Посейдона (186–188), катастеризмы (192–197), прочие превращения (198–205). Внутри отдела «метаморфоз» фабулы соединяются иногда по генеалогическому принципу (200–201) и даже по принципу омонимии (после мегарской Сциллы идет рассказ о Сцилле италийской — 198–199). Трудно говорить о композиционной связи утерянных фабул, листы с которыми были вырваны из Фрейзингского кодекса уже при Мицилле; однако бо́льшая их часть, кажется, относилась к метаморфозам. Завершает эту часть (и, таким образом, все собрание собственно фабул) фабула об Архелае (219), действие которой, относящееся ко времени после возвращения Гераклидов, уже как бы не относится к мифологическим временам; описывая самые поздние, с точки зрения мифологической хронологии, события, «Архелай» поставлен в сборнике последним, оказываясь симметричным с открывающей его «теогонией». Тот, кто поставил сюда Архелая, имел в виду уже не столько «киклическую», сколько просто хронологическую рамку — от начала мира до начала исторической эпохи. После «Архелая» кем-то вписана еще басня о Заботе.

4) *Каталоги.*

Они открываются выписками из Варрона (221–223); композиционное единство нарушают не являющиеся каталогами выписки из Сервия (258–263). О других подразделениях этой части, возникших, возможно, в процессе переработок, говорилось выше[1].

Таким образом, следы эпического кикла — как нуждающейся в заполнении рамки — у Гигина еще налицо; но заполняется рамка не пересказом перетекающих друг в друга поэм, но разрозненными, рассыпающимися фабулами, взывающими к другому, более сухому

[1] См. с. 156.

формальному принципу соединения. Это принцип — каталог, многократно вторгающийся в киклическую композицию, а к концу книги вытесняющий ее.

ФАБУЛА И ТРАГЕДИЯ; ЛОГИКА ФАБУЛЫ

Связь учения Аристотеля о фабуле трагедии с аргументом трагедии и с возникшей из него фабульной мифографией вряд ли следует понимать таким образом, что некие грамматики, составляя аргументы, *сознательно* следовали «Поэтике». Хотя такой возможности нельзя полностью исключить (прежде всего относительно Дикеарха, ученика Аристотеля), главное не в этом. Показанные Аристотелем закономерности фабулы объективны; именно поэтому, а не по воле грамматиков они в той или иной степени отразились в аргументах, ставших образцами для фабульного изложения мифов. «Аристофановы» аргументы часто вычленяют логику дезиса и лизиса яснее, чем «дикеарховы», хотя Аристофана куда менее можно заподозрить в сознательном следовании Аристотелю; он просто сильней стремился к выявлению этой логики и вкладывал больше энергии в процесс «фабулизации» произведения.

Эта объективная логика фабулы — дезис, перипетия, лизис — сохранилась и тогда, когда аргумент поменял цель и стал мифографической фабулой; далее оказалось, что фабульная форма годится (иногда больше, иногда меньше) и для описания многих мифов, никогда не изображавшихся в трагедии. Этим доказывается соответствие фабульной логики неким потенциям самого мифологического материала: иначе было бы невозможно изложить мифологию фабулами.

Этой объективной логике фабульной мифографии посвящены следующие разделы. Слово «логика», конечно, употребляется в этом словосочетании скорее метафорически, чем терминологически; имеются в виду те обстоятельства, что лизис *логично* вытекает из дезиса (или это вообще не лизис), что всей фабуле *логично* предпослать сведения о ее главном герое, т. е. титул, а следующим *логичным* ходом было бы классифицировать фабулы по сходству и различию. Наличие дезиса и вытекающего из него лизиса есть всего лишь необходимое проявление единства действия; титул же называет субъекта этого действия — бога или героя, и с ним фабула становится мифографической (в «фабуле вообще» вместо титула, т. е. имени собственного, стоит неопределенное местоимение: «кто-то»).

«Мифопея»: происхождение деления на фабулы

Ясность изложения, присутствующая в лучших фабулах Гигина, требует ясности излагаемого; этой ясности и служит фабульная мифография, выделяющая главное, отсекающая ненужное, но прежде всего — членящая мифологию на внутренне единые (связанные единством действия), легко обозримые и легко сочетающиеся друг с другом отрезки; эти отрезки — фабулы, озаглавленные именами мифологических персонажей. Подобного членения не имелось в мифографической литературе нигде прежде возникновения фабульной мифографии; зато с тех пор оно использовалось и используется при изложении греческой мифологии регулярно вплоть до двадцатого века[1]. Идея

[1] В том числе у Куна и Грейвса (последний специально имитирует даже особенности стиля античной мифографии).

мифологического словаря — также одно из следствий фабульного принципа; достаточно расставить в сборнике Гигина фабулы по алфавиту, чтобы получился словарь[1].

Фабулы с трагической «мифопеей»

Иллюстрируемое данной таблицей понятие — то, которое Аристофан Византийский называл в своих аргументах *μυθοποιία*, *«мифопея»:* у Еврипида в «Финикиянках», говорит Аристофан, *та же мифопея, за исключением смерти Иокасты*, что у Эсхила в «Семерых против Фив»; точно так же, например, у гигиновой фабулы «Медея» или «Орест» *та же мифопея*, что у трагедии Еврипида (и многих других), хотя вовсе не обязательно данная фабула является пересказом данной трагедии. Сумма всех *мифопей* вместе — это *мифология*, historia fabulosa, которую разделила на фабулы прежде всего трагедия в своих драматургических целях, а разделив, нарекла результаты именами героев: «Орест», «Медея».

Чтобы показать, что из трагедии происходит не только сам принцип подобного членения и именования, но и конкретные результаты этого членения, можно сравнить список фабул в книге Гигина со списком дошедших заголовков трагедий.

Из 277 фабул, имеющихся во Фрейзингском кодексе (не считая двух, вставленных из Фульгенция), 82 являются различными каталогами; из оставшихся 195 более чем две трети, около ста тридцати, посвящены сюжетам, некогда использованным трагедией. Речь идет не о фабулах, являющимися пересказами конкретных трагедий, но лишь о фабулах, охватывающих такой участок мифологической системы, который был выделен трагедией или сатировской драмой.

---

[1] За это замечание автор благодарит А. И. Солопова.

Варьируя один и тот же сюжет, древние трагики иногда писали трагедии с одинаковыми названиями десятками (с учетом неизвестных; если сохранились сведения о десяти «Эдипах» и «Медеях», то сколько же их было?). Таким образом «Филоктет» или «Медея» — имена, подразумевающие сколь угодно много варьируемый, но все же определенный сюжет — становятся своего рода категориями фабульной мифографии, элементами ее системы, как эпическая поэма — категория киклической мифографии.

Речь не обязательно идет о совпадении заголовков фабулы и трагедии (хотя такое имеет место в большинстве случаев); например, одна и та же трагедия могла называться и «Телеф» и «Мизийцы», или «Семеро против Фив» и «Финикиянки», или «Амфиарай» и «Эрифила», или «Алкмеон» и «Алфесибея». Если учесть, что каждое из указанных названий носило несколько (или много) трагедий, то становится ясно, что «Колхидянки» (так называлась трагедия Софокла) могли у другого трагика называться и «Абсиртом» (как называется фабула Гигина), а «Ойней» — «Агрием».

Сведения о всех трагиках, кроме Еврипида, приводятся по четырем томам последнего издания «Tragicorum Graecorum Fragmenta», осуществленному Снеллем, Радтом и Каннихтом, о Еврипиде — по TGF Наука. Различие собственно трагедий и сатировских драм в таблице не учитывается.

	ФАБУЛЫ ГИГИНА	*ТРАГЕДИИ*
1	Абсирт (23)	«Колхидянки» *Софокла*
2	Авга (99)	«Авга» *Софокла, Еврипида*
3	Автолик (201)	«Автолик» *Еврипида*
4	Агамемнон, который случайно убил лань Дианы (261)	«Ифигения в Авлиде» *Эсхила, Софокла, Еврипида, неизв. автора*

	ФАБУЛЫ ГИГИНА	*ТРАГЕДИИ*
5	Агрий (175)	«Ойней» *Софокла, Еврипида, Филокла, неизв. автора*
6	Адмет (50)	«Адмет» *Софокла*
7	Адраст (69)	«Адраст» *Ахея*
8	Актеон (180)	«Актеон» *Эсхила, Клеофона, Фриниха ст., Иофона*
9	Александр Парис (91)	«Александр» *Софокла, Еврипида*
10	Алет (122)	«Алет» *Ликофрона, неизв. автора*
11	Альцеста (51)	«Альцеста» *Софокла, Еврипида, Фриниха ст.*
12	Алкмена (29)	«Алкмена» *Эсхила, Еврипида, Астидаманта, Дионисия Сиракузского;* «Амфитрион» *Софокла, Эсхила Александрийского*
13	Алопа (187)	«Алопа» *Еврипида, Каркина мл., Херила*
14	Алфея (171)	«Мелеагр» *Софокла, Еврипида, Сосифана, Антифона, неизв. автора;* «Плевронянки» *Фриниха ст.*
15	Амик (17)	«Амик» *Софокла*
16	Амимона (169)	«Амимона» *Эсхила, Никомаха Афинского, неизв. автора*
17	Амфиарай, Эрифила и Алкмеон (73)	«Амфиарай» *Софокла, Клеофона, Каркина мл., неизв. автора;* «Эрифила» *Софокла, Никомаха, неизв. автора;*

	ФАБУЛЫ ГИГИНА	*ТРАГЕДИИ*
		«Алкмеон» *Софокла, Еврипида, Астидаманта, Тимофея, Феодекта, Агафона, Ахея, Никомаха, Эварета;* «Алфесибея» *Тимофея, Ахея;* «Амфилох» *Каллистрата*
18	Андромеда (64)	«Андромеда» *Софокла, Еврипида, Ликофрона, Фриниха мл.*
19	Антигона (72)	«Антигона» *Софокла, Еврипида, Астидаманта*
20	Антиопа (7)	«Антиопа» *Еврипида*
21	Антиопа, еврипидова, которую перевел Энний (8)	— « —
22	Ариадна (43)	«Тезей» *Софокла, Еврипида, Гераклида, Ахея*
23	Архелай (219)	«Архелай» *Еврипида*
24	Аталанта (185)	«Аталанта» *Эсхила, Аристия*
25	Атрей (88)	«Атрей» *Софокла, Диогена*[1]; «Фиест» *Софокла, Еврипида, Клеофона, Диогена, Аполлодора из Тарса, Агафона;* «Аэропа» *Агафона, Каркина мл.*
26	Атрей и Фиест (258)	— « —

[1] Того самого.

	ФАБУЛЫ ГИГИНА	*ТРАГЕДИИ*
27	Афамант (5)	«Афамант» *Эсхила, Софокла, Астидаманта, Ксенокла, неизв. автора*
28	Ахилл (96)	«Ахилл» *Эварета, Иофона, Аристарха Тегейского, Каркина мл., Астидаманта, Клеофона, Диогена;* «Скирийцы» *Софокла, Еврипида, неизв. автора*
29	Бусирис (56)	«Бусирис» *Еврипида*
30	Выкуп Гектора (106)	«Выкуп» *Эсхила, Дионисия Сиракузского, Тимесифея*
31	Гекуба (111)	«Гекуба» *Еврипида, неизв. автора*
32	Гипсипила (74)	«Гипсипила» *Эсхила, Еврипида*
33	Данай (168)	«Данаиды» *Эсхила, Фриниха ст., Тимесифея;* «Просительницы» *Эсхила*
34	Даная (63)	«Даная» *Софокла, Еврипида*; «Акрисий» *Софокла;* «Полидект» *Эсхила;* «Персей» *Пратина, неизв. автора;* «Форкиды» *Эсхила, Тимокла, неизв. автора*
35	Дедал (39)	«Дедал» *Софокла*
36	Деянира (36)	«Геркулес на Эте» *Спинфара, неизв. автора;* «Трахинянки» *Софокла*
37	Диана (181)	«Актеон» *Эсхила, Клеофона, Фриниха ст., Иофона*

	ФАБУЛЫ ГИГИНА	***ТРАГЕДИИ***
38	Дочери Даная (169)	«Линкей» *Феодекта*
39	Дочери Океана (182)	«Кормилицы Диониса» *Эсхила*
40	Европа (178)	«Европа» *Эсхила*
41	Елена (79)	«Пирифой» *Еврипида, Крития, Ахея, неизв. автора*
42	Икарий и Эригона (130)	«Эригона» *Софокла, Клеофона, Филокла, Фриниха мл., неизв. автора*
43	Иксион (62)	«Иксион» *Эсхила, Софокла, Каллистрата, Тимесифея, неизв. автора*
44	Илиона (109)	«Илиона» *неизв. автора (переложена Пакувием)*
45	Ино (2)	«Ино» *Софокла*
46	Ино, еврипидова (4)	«Ино» *Еврипида*
47	Ипполит (47)	«Ипполит» *Еврипида, Ликофрона;* «Федра» *Софокла*
48	Ифигения (98)	«Ифигения» *Эсхила, Софокла, Еврипида, неизв. автора*
49	Ифигения в Тавриде (120)	«Ифигения в Тавриде» *Еврипида, Полиида (?)*
50	Кадм (6)	«Кадм» *Еврипида*
51	Каллисто (177)	«Каллисто» *Эсхила*
52	Кассандра	«Кассандра» *неизв. автора*
53	Кастор (80)	«Кастор» *Тимесифея*
54	Кентавры (33)	«Дексамен» *Клеофона, Иофона*

	ФАБУЛЫ ГИГИНА	*ТРАГЕДИИ*
55	Клитемнестра (117)	«Клитемнестра» *Софокла, Полемея;* «Агамемнон» *Эсхила, неизв. автора*
56	Кокал (44)	«Камикийцы» *Софокла*
57	Куреты (139)	«Рождение Зевса» *Тимесифея*
58	Лай (66)	«Лай» *Эсхила, Ликофрона*
59	Лаодамия (104)	«Протесилай» *Еврипида, Гелиодора, Гармодия*
60	Лаокоон (135)	«Лаокоон» *Софокла*
61	Лаомедонт (89)	«Гесиона» *Деметрия (?)*
62	Леда (77)	«Леда» *Дионисия Сиракузского*
63	Лемниянки (15)	«Лемниянки» *Эсхила, Софокла*
64	Ликаон (176)	«Ликаон» *Ксенокла, Астидаманта*
65	Ликург (132)	«Ликург» *Эсхила, Полифрасмона, Тимокла*
66	Макарей (207)	«Эол» *Еврипида, Ликофрона*
67	Мегара (32)	«Геракл» *Софокла, Еврипида, Диогена, Ликофрона, Тимесифея, Астидаманта, неизв. автора*
68	Мед (27)	«Мед» *неизв. автора (переложен Пакувием)*
69	Медея (25)	«Медея» *Софокла, Еврипида, Диогена, Меланфия, Морсима, Феодорида, Биота, Помпея Макра, Неофрона, Дикеогена, Каркина мл., неизв. автора*

	ФАБУЛЫ ГИГИНА	*ТРАГЕДИИ*
70	Медея-изгнанница (26)	«Эгей» *Софокла, Еврипида*
71	Меланиппа (186)	«Меланиппа» *Еврипида*
72	Мелеагр (174)	«Мелеагр» *Софокла, Еврипида, Сосифана, Антифона, неизв. автора;* «Плевронянки» *Фриниха ст.*
73	Меропа (137)	«Кресфонт» *Еврипида*
74	Минос (41)	«Минос» *Софокла*
75	Навплий (116)	«Навплий» *Софокла, Филокла, Астидаманта, Ликофрона*
76	Неоптолем (123)	«Неоптолем» *Софокла, Никомаха, Мимнерма, неизв. автора;* «Гермиона» *Софокла, Феодора*
77	Ниоба (9)	«Ниоба» *Эсхила, Софокла, Мелитона, неизв. автора*
78	Ниоба или Ио (145)	«Ио» *неизв. автора;* «Инах» *Софокла*
79	Нис (198)	«Сцилла» *неизв. автора*
80	Одиссея (125)	«Навсикая» *Софокла;* «Цирцея» *Эсхила*
81	Ойней (129)	«Мелеагр» *Софокла, Еврипида, Сосифана, Антифона, неизв. автора;* «Плевронянки» *Фриниха ст.*
82	Орест (119)	«Орест» *Еврипида, Тимесифея, Каркина мл., Феодекта, неизв. автора;* «Электра» *Софокла, Еврипида;* «Хоэфоры» *Эсхила*

	ФАБУЛЫ ГИГИНА	*ТРАГЕДИИ*
83	Орион (195)	«Кедалион» *Софокла*
84	Паламед (105)	«Паламед» *Эсхила, Софокла, Еврипида, Астидаманта, Февдота*
85	Пандора (142)	«Пандора» *Софокла*
86	Пасифая (40)	«Минос» *Софокла*
87	Пелий (12)	«Пелий» *Софокла*
88	Пелопиды (86)	«Пелопиды» *Ликофрона;* «Плисфен» *Еврипида*
89	Пенфей и Агава (184)	«Пенфей» *Эсхила, Феспида, Ликофрона;* «Вакханки» *Эсхила, Софокла, Еврипида, Клеофона, Ксенокла, Иофона, неизв. автора*
90	Полиид (136)	«Полиид» *Софокла, Еврипида,* «Главк» *Эсхила*
91	Поликсена (110)	«Поликсена» *Софокла, Никомаха;* «Отплытие» *неизв. автора*
92	Полиник (68)	«Семеро против Фив» *Эсхила, неизв. автора;* «Финикиянки» *Еврипида, Фриниха ст., неизв. автора*
93	Прокрида (189)	«Прокрида» *Софокла*
94	Прометей (144)	«Прометей» *Эсхила, неизв. автора*
95	Протей (118)	«Протей» *Эсхила*
96	Протесилай (103)	«Протесилай» *Еврипида, Гелиодора, Гармодия*
97	Рес	«Рес» *[Еврипида], неизв. автора*

	ФАБУЛЫ ГИГИНА	***ТРАГЕДИИ***
98	Салмоней (61)	«Салмоней» *Софокла*
99	Семела (179)	«Семела» *Эсхила, Диогена, Каркина мл., Спинфара*
100	Семеро эпигонов, то есть их сыновей (71)	«Эпигоны» *Эсхила, Софокла, Астидаманта, неизв. автора*
101	Сизиф и Салмоней (60)	«Сизиф» *Эсхила, Софокла, Еврипида, Крития*
102	Смирна (58)	«Кинир» *неизв. автора*
103	Суд об оружии (107)	«Суд об оружии» *Эсхила;* «Аякс», «Фракиянки» *Эсхила, Софокла, Астидаманта, Каркина мл., Феодекта, Полемея, неизв. автора*
104	Сфенебея (57)	«Сфенебея» *Еврипида;* «Беллерофонт» *Еврипида, Астидаманта;* «Иобат» *Софокла*
105	Тантал (82)	«Тантал» *Софокла, Пратина, Аристарха Тегейского, Фриниха ст.*
106	Тевфрант (100)	«Мизийцы» *Эсхила, Софокла, Еврипида, Никомаха, Агафона, неизв. автора*
107	Телегон (127)	«Телегон» *Ликофрона*
108	Телеф (101)	«Телеф» *Эсхила, Софокла, Еврипида, Клеофона, Мосхиона, Иофона, Агафона, неизв. автора*
109	Тезей у Минотавра (42)	? «Тезей» *Софокла, Еврипида, Гераклида, Ахея*

	ФАБУЛЫ ГИГИНА	***ТРАГЕДИИ***
110	Тиндарей (78)	«Тиндарей» *Софокла, Никомаха;* «Елена» *Софокла, Еврипида, Диогена, Феодекта;* «Свадьба Елены» *Софокла*
111	Триптолем (147)	«Триптолем» *Софокла, неизв. автора*
112	Троянский конь (108)	«Синон» *Софокла;* «Взятие Илиона» *Иофона*
113	Узнавание Улисса (126)	«Итакийцы» *неизв. автора;* «Одиссей» *Софокла, Аполлодора из Тарса;* «Пенелопа» *Эсхила, Филокла*
114	Улисс (95)	«Безумный Одиссей» *Софокла*
115	Фаэтон (152a)	«Фаэтон» *Еврипида, Феодорида;* «Гелиады» *Эсхила*
116	Фаэтон, гесиодов (154)	— « —
117	Фемисто (1)	«Афамант» *Эсхила, Софокла, Астидаманта, Ксенокла, неизв. автора*
118	Феоноя (190)	*неизв. трагедия?*
119	Филоктет (102)	«Филоктет» *Эсхила, Софокла, Еврипида, Филокла, Антифона, Ахея, Феодекта, неизв. автора*
120	Филомела (45)	«Пандион» *Филокла;* «Терей» *Софокла, Филокла*
121	Финей (19)	«Финей» *Эсхила, Софокла, неизв. автора*
122	Фрикс (3)	«Фрикс» *Софокла, Еврипида, Тимокла, Ахея;* «Гелла» *неизв. автора*

	ФАБУЛЫ ГИГИНА	*ТРАГЕДИИ*
123	Хрис (121)	«Хрис» *Софокла, неизв. автора (переложена Пакувием)*
124	Хрисипп (85)	«Хрисипп» *Еврипида, Ликофрона, Диогена, неизв. автора*
125	Церера (263)	«Церера» *Аристия*
126	Эвридика (216)	«Орфей» *Аристия, неизв. автора*
127	Эгисф (87)	«Эгисф» *Софокла, неизв. автора*
128	Эдип (67)	«Эдип» *Эсхила, Софокла, Еврипида, Диогена, Никомаха, Никомаха Афинского, Филокла, Ксенокла, Тимокла, Каркина мл., Ахея, Феодекта, Ликофрона, неизв. автора;* «Эдиподия» *Мелета мл.;* «Сфинкс» *Эсхила, неизв. автора*
129	Эномай (84)	«Эномай» *Софокла, Еврипида;* «Гипподамия» *Софокла*
130	Эрехфей (46)	«Эрехфей» *Еврипида*
131	Эрихтоний (166)	«Гефест» *Ахея, неизв. автора*
132	Эскулап (49)	*?* «Асклепий» *Аристарха Тегейского*
133	Эфра (37)	*?* «Тезей» *Софокла, Еврипида, Гераклида, Ахея*
134	Ясон. Пелиады (24)	«Пелиады» *Еврипида*

Повторим, что эта таблица нисколько не подразумевает, будто фабула из левой колонки обязательно имеет своим источником трагедию из правой или ее аргумент — в подавляющем большинстве случаев недоказуемо и это утверждение, и противоположное. Цель таблицы — показать, что фабульная мифография унаследовала у трагедии стихийно созданное ею деление мифологии на участки, на «мифы» в аристотелевском смысле; а так как зерно такого «мифа» — стоящее в заголовке имя, «титул», решающее значение для нас имеет именно массовое совпадение титулов. Два значения слова «миф» — аристотелевское («фабула») и обычное («предание о герое») — оказываются тождественны на грани между трагедией и фабульной мифографией; в правой колонке «миф» значит первое, в левой — второе.

Если обратить внимание на хронологию названных трагедий, можно заметить, что трагедии Эсхила и его современников реже соответствуют гигиновским фабулам, а Еврипида и его современников — чаще. Это может приоткрыть процесс выделения в мифологии подходящих для трагедии (и для фабульной мифографии) фабул (вспомним Аристотеля: «*поэтому ... трагедии бывают о немногих родах; ведь не нарочно, но случайно был найден в мифах такой* (подходящий для трагедии — *Д. Т.*) *порядок, так что поэты поневоле стали говорить о семьях, в которых произошли подобные беды*»[1]). Но рассмотрение этого процесса увело бы нас далеко.

---

[1] *Διὰ γὰρ τοῦτο ὅπερ πάλαι εἴρηται οὐ περὶ πολλὰ γένη αἱ τραγῳδίαι εἰσίν. ζητοῦντες γὰρ οὐκ ἀπὸ τέχνης ἀλλ᾽ ἀπὸ τύχης εὗρον τὸ τοιοῦτον παρασκευάζειν ἐν τοῖς μύθοις· ἀναγκάζονται οὖν ἐπὶ ταύτας τὰς οἰκίας ἀπαντᾶν ὅσαις τὰ τοιαῦτα συμβέβηκε πάθη* — Aristot. Poet. 1454A.

Фабулы с комической «мифопеей»

Единство действия может присутствовать не только в трагедии, и *мифопея* у фабулы может быть общей не только с трагедией, но и с другим литературным произведением. Обзор известных комедий на мифологические сюжеты может добавить некоторые штрихи к картине членения мифологической системы на части-фабулы. Так, сюжеты о драчуне-Амике или о мести Гефеста своей матери рассматривались как комические, и еще прежде указанных выше сатировских драм Софокла и Ахея Эретрийского им были посвящены комедии Эпихарма[1]. Некоторые мифологические фабулы являлись скорее достоянием комедии и редко использовались трагиками: таковы несколько самых распространенных сюжетов мифологических комедий:

– «Аталанта», о которой известны две указанных выше трагедии (или сатировских драмы) и не менее шести комедий[2];

– «Бусирис» (одна драма Еврипида, пять комедий[3]);

– «Ио» («Инах» Софокла и четыре комедии[4]);

– «Лемниянки» (на излюбленную древней комедией тему женского бунта — два драмы Эсхила и Софокла, три комедии, в том числе самого Аристофана);

---

[1] F 6–8 Kaibel.

[2] Эпихарма, Страттида, Алексида, Эвтикла, Филетера, Филиллия. Фрагменты Эпихарма см.: Comicorum Graecorum Fragmenta / Ed. G. Kaibel. Berlin, 1899. Vol. I, 1; аттических комедиографов: The Fragments of Attic Comedy / By J. M. Edmonds. Leiden, 1957–1961. Vol. I–III.

[3] Эпихарма, Антифана, обоих Кратинов, Эфиппа, Мнесимаха.

[4] Саннириона, Анаксандрида, Анаксилая, Платона Афинского.

– дракам Геракла с пьяными кентаврами (известно две таких — на пирах у Фола и у Дексамена) чаще посвящались комедии, чем сатировские драмы[1].

Фабулы с «мифопеей» из других литературных произведений

Сюжеты гомеровских гимнов редко использовались трагиками, чаще — комедиографами; не существовало (насколько можно судить) трагедий о любви Афродиты к Анхизу (фаб. 94) или о рождении Аполлона (фаб. 53), но известны такие комедии[2]. Некоторые другие сюжеты, неизвестные трагедии, можно обнаружить в комедии:

– о Девкалионе и Пирре (фаб. 153, пять комедий[3]),

– «Эндимион» (фаб. 153, комедия Алкея),

– «Геката» (фаб. 210, комедии Дифила и Никострата),

– «Сирены» (фаб. 141, комедии Никофона и Феопомпа) и др.

Таким образом, выделением еще нескольких ***мифопей*** фабульная мифография обязана комедии.

Происхождение остальных 60 фабул достаточно пестро; две из них — «Юнона» (13) и «Забота» (220) — являются баснями (о которых пойдет речь особо); одна — «Арион» (194) — исторической легендой, ошибочно попавшей в мифографический сборник, пять — «Кизик» (16), «Лик» (18), «Стимфалийские птицы» (20), «Сыновья Фрикса» (21), «Ээт» (22) — эпизодами плавания аргонавтов, в описании которого Гигин следует Аполлонию, а еще две — «Иола» (35) и «Несс» (34) —

---

[1] См. комедии Эпихарма, Тимокла, Линкея Самосского, Никохара, Офелиона, Феогнета.

[2] «Анхизы» Анаксандрида и Эвбула, «Рождение Аполлона и Артемиды» Филиска Керкирского.

[3] Эпихарма, Антифана, Дифила, Эвбула, Офелиона.

эпизодами биографии Геракла. Несколько фабул — «Прозерпина» (146), «Тиррены» (134) — пересказы гомеровских гимнов (к ним можно присовокупить фабулу 148, «Вулкан», о Гефесте, Аресе и Афродите из «Одиссеи»). Две фабулы — «Нис» (131), «Фороней» (143) — несут следы эвгемеристической прозы. Многие из оставшихся посвящены превращениям[1]; есть мифы о зодиакальных созвездиях — «Аммон» (133), «Венера» (197), «Пан» (196, о Козероге) — и многое другое[2].

Фабулы и аргументы конкретных трагедий

Таким образом, прежде всего аттическая драма разобрала мифологию на скрепленные единством действия мифопеи, которые воспроизводит бо́льшая часть фабул Гигина; при этом не столь уж многие несут черты пересказа конкретной трагедии, являются ее «аргументами». То, что большинство пересказанных у Гигина трагедий не дошло — одно из обстоятельств, чаще

---

[1] «Алкиона» (65), «Арга» (205), «Гарпалик» (193), «Гиацинт» (218), «Дафна» (203), «Коронида» (202), «Линк» (259), «Нарцисс» (214), «Никтимена» (204), «Сова» (262), «Сцилла, другая» (199), «Теофана» (188), «Тиресий» (75), «Филира, которая превратилась в липу» (138), «Филлида» (59).

[2] Список оставшихся 28-и: «Атис» (213), «Афины» (164), «Гарпалика» (206), «Гермафродит» (215), «Герса» (211), «Гиант» (192), «Кассандра» (93), «Кирена» (209), «Либер» (167), «Малей» (217), «Марсий» (165), «Ойней» (172), «От и Эфиальт» (28), «Пелопс» (83), «Пифон» (140), «Родос» (208), «Суд Париса» (92), «Титаномахия» (150), «Титий» (55), «Тифон» (152), «Фетида» (54), «Хиона» (200), «Хлорида» (10), «Царь Мидас» (191), «Эгина» (52), «Эндимион» (212), «Эпаф» (149), «Эрик» (260).

всего вызывающих интерес к его книге. Например, в нее включен пересказ «Антигоны» (фаб. 72) Еврипида, разительно отличающейся от привычной софокловской версии и, возможно, именно поэтому обратившей на себя внимание составителя; не менее любопытны образцы поздних трагедий, доводящих до софизма и нелепости механизм трагических «перипетий» и «узнаваний» — фаб. 27 («Мед») или 190 («Феоноя»).

Пересказы дошедших трагедий

Особенно просто судить о близости фабулы и трагедии в тех случаях, когда трагедия дошла; кроме упоминавшейся выше[1] «Ифигении в Тавриде», к таким фабулам относятся:

– «Ипполит» (47) — пересказ «Ипполита» Еврипида;

– «Деянира» (36) — пересказ «Трахинянок» Софокла;

– «Медея» (25) — пересказ еврипидовой «Медеи»;

– «Мегара» (32), первая половина которой является пересказом «Неистового Геракла» Еврипида;

– «Альцеста» (51), в конце которой содержится настолько краткий (в духе «аристофанова аргумента») пересказ Еврипида, что можно было бы и не упоминать о нем.

Контаминациями пересказов нескольких, в том числе и дошедших, трагедий являются фабулы «Орест» (119) и «Эдип» (67), детали которой, отличные от привычной версии Софокла, могут восходить к фиванской трилогии Эсхила[2].

---

[1] См. с. 142.

[2] F 121–122 («Лай»), 235–237 («Сфинкс») Radt. См. *Robert C.* Oidipus. Geschichte eines poetisches Stoffs im griechischen Altertum. Berlin, 1915. S. 252, 278.

Критерии поиска пересказа трагедии

Труднее судить о том, является ли фабула пересказом трагедии, и какой именно, в тех случаях, когда трагедия не дошла. Реконструкции многих из недошедших трагедий трех главных трагиков посвящено достаточное количество статей, восстанавливающей ее на основании перекрестного анализа литературных источников (в том числе и Гигина), а также вазописи; поэтому утверждение о близости гигиновской фабулы к определенной трагедии Софокла или Еврипида почти всегда может быть уточнено или вообще оспорено.

Критерием происхождения конкретной гигиновской фабулы из аргумента трагедии может служить, во-первых, наличие в ней того, что Аристотель называет «частями мифа/фабулы»[1] — узнавания неузнанного героя, «перипетии» (перехода от счастья к несчастью или наоборот), *πάθος*'а — убийства, самоубийства, кровавой развязки; лучше, когда присутствуют все эти «части». Кроме того, миф и эпос избегают безымянных героев; так что участие в действии безымянных стражников, вестников, слуг, кормилиц всегда напоминает о трагедии[2]. Третий критерий — нарушение привычных мифологических версий ради требований трех единств. Наконец, в отдельных случаях можно предполагать следы диалога.

Возможные пересказы Еврипида

Чаще всего Гигин пересказывает Еврипида; не считая упомянутых «Ифигении в Тавриде», «Ипполита», «Мегары» и «Медеи», не менее двадцати фабул могут быть заподозрены в пересказе Еврипида:

---

[1] Aristot. Poet. 1450A, 1452AB.

[2] Или о подражающем ей эллинистическом эпиллии?

1) *«Автолик»* (201) — не исключено, пересказ одноименной сатировской драмы Еврипида[1].

2) *«Агрий»* (175) — быть может, пересказ «Ойнея» Еврипида[2], весьма сходным образом пересказанного схолиастом Аристофана[3]; не исключено, к Еврипиду восходит и характерное для трагедии пренебрежение к внутренней хронологии мифов[4].

3) *«Александр Парис»* (91) — не исключено, пересказ «Александра» Еврипида[5] (или Софокла[6]?); малоизвестная история о любимом быке Париса и о его победе на собственных погребальных играх, а в особенности — «узнавание» героя Кассандрой заставляют думать о трагедии, а не о поэме Нерона.

4) *«Алкмена»* (29) — возможно, пересказ «Алкмены» Еврипида[7], пародией на которую был

---

[1] F 282–284 Nauck, 282a Snell.

[2] F 558–570 Nauck; Supplementum Euripideum / Ed. J. von Arnim. Bonn, 1913. P. 38, 39–40.

[3] Sch. Aristoph. Ach. 418.

[4] Ойней еше жив после Троянской войны; в других источниках (Alcmaeonis F 4 Davies, Apld. I, 8, 6, Paus. II, 25, 2, sch. Aristoph. Ach. 418, Ant. Lib. 37) его восстановление на царстве Диомедом происходит до Троянской войны, после похода Эпигонов; ведь в этой войне Диомеда участвовал и Алкмеон, погибший до Троянской войны.

[5] F 42–64 Nauck, 42a–42c Snell; Euripides Alexandros und andere Strassburger Papyri mit Fragmenten griechischer Dichter / Ed. B. Snell // Hermes Einzelschriften, 5, 1937.

[6] F 91a–100a Radt. С Софоклом гигинову фабулу соотносил Брунк (Sophoclis quae extant omnia ... rec. R. F. P. Brunck, Argentorati 1786. По предположению Роберта, Софокл придумал историю Париса по аналогии с историей Кира у Геродота (Her. I, 108; *Robert C.* Bild und Lied / Philologische Untersuchungen, 5 (1881). S. 233).

[7] F 88–104 Nauck. *Engelmann R.* Argumentun Alcmenae Euripidis. Gymn. Progr., Berlin, 1882.

греческий прототип «Амфитриона» Плавта. Явление вестника и имитация диалога напоминают о трагедии.

5) «*Алопа*» (187) — весьма вероятно, пересказ «Алопы» или «Керкиона» Еврипида[1]; приметы трагедии — диалоги, активное участие безымянных пастухов, а также двукратное подкидывание и спасение младенца — излишества переусложненной фабулы, вряд ли вообразимые в «Алопе» Херила[2].

6) «*Антигона*» (72) — весьма оригинальный сюжет, которую считали пересказом еврипидовой «Антигоны»[3] Ф. Велькер, М. Майер[4] и К. Роберт[5]; если правы их противники, то наличие безымянных стражников, «узнавания» и максимально свободного отношения к мифографической традиции все же свидетельствуют, что мы имеем дело с пересказом именно поздней трагедии.

7) «*Антиопа, еврипидова, которую перевел Энний*» (8) — весьма вероятно, пересказ «Антиопы» Еврипида[6]. Детали еврипидовой версии (узнавание Антиопы сыновьями, явление Гермеса «ex machina») не сохранились в других источниках.

---

[1] F 105–113 Nauck. Перевод: *Ярхо В. Н.* Euripides non satis notus. Трагедии интриги и случая // ВДИ. 1995. № 4. С. 249–251.

[2] F 1 Snell; другая «Алопа» принадлежала Каркину Младшему (F 1b Snell).

[3] F 157–178 Nauck, 164a Snell.

[4] *Mayer M.* De Euripidis mythopoeia. P. 73–77.

[5] *Robert C.* Oidipus. Geschichte eines poetisches Stoffs im griechischen Altertum. Berlin, 1915. S. 381.

[6] F 179–227 Nauck, 179–185 Snell; L'Antiope d'Euripide / Par J. Kambitzis. Athènes, 1972. Перевод: *Ярхо В. Н.* Euripides non satis notus. Трагедии интриги и случая // ВДИ. 1996. № 1. С. 222–230.

Латинское переложение этой трагедии принадлежало не Эннию, а Пакувию[1].

8) *«Архелай»* (219) — первая часть фабулы, возможно, пересказ «Архелая» Еврипида[2]. К «трагическим» деталям относится, быть может, коварство царя-гостеприимца.

9) *«Гипсипила»* (74) — не исключено, пересказ «Гипсипилы» Еврипида[3].

10) *«Ино, еврипидова»* (4)[4] — несмотря на имя Еврипида в заголовке, возможно, не является пересказом еврипидовой «Ино»[5], что было заподозрено К. Бурсианом[6].

11) *«Лаодамия»* (104) — весьма возможно, пересказ части «Протесилая» Еврипида[7]; участие безымянного слуги и изображение противоестественной страсти к статуе заставляют думать о Еврипиде.

12) *«Меланиппа»* (186) — первая часть большой и богатой трагическими перипетиями фабулы — пересказ «Меланиппы-узницы» Еврипида[8], прямо происходящий из ее аргумента, как о том свидетельствует забавная ошибка латинского переводчика:

---

[1] Ср. Cic. de fin. I, 4: «Ennii Medeam aut Pacuvii Antiopam»; смутным воспоминанием об этом месте Цицерона объясняется, возможно, и ошибка Гигина.

[2] F 228–264 Nauck.

[3] F 752–770 Nauck; *Bond G. W.* Euripides' Hypsipile. Oxf. 1963. Перевод: *Ярхо В. Н.* Euripides non satis notus. Трагедии интриги и случая // ВДИ 1996 № 1. С. 211–222.

[4] То же самое в «Фемисто» (1).

[5] F 398–423 Nauck, 447a Snell.

[6] *Bursian C.* // Jahrbuch für Philologie, 93. S. 776.

[7] F 647–657 Nauck, 646a Snell; P. Oxy. 3214, 10–14.

[8] F 489–514 Nauck. Ср.: *Vysoky Z. K.* Die beide Fassungen der Melanippe-Fabel bei Euripides // LF XII (1964). S. 17–32. Перевод: *Ярхо В. Н.* Euripides non satis notus. Трагедии интриги и случая // ВДИ 1996 № 1. С. 207–211.

«Меланиппа, дочь Десмонта» (Melanippe Desmontis filia) вместо «Меланиппа-узница» (*Μελανίππη ἡ δεσμῶτις*).

13) *«Меропа»* (137) — весьма вероятно, пересказ «Кресфонта» Еврипида[1]. Приметы трагедии — участие безымянного слуги, явление незнакомца, «узнавание», неожиданная «перипетия».

14) *«Паламед»* (105) — возможно, пересказ «Паламеда» Еврипида[2].

15) *«Пелопиды»* (86) — возможно, пересказ «Плисфена» Еврипида[3]; примета трагедии — несостоявшееся «узнавание» в момент трагической развязки.

16) *«Елена»* (79) — возможно, по мнению Наука, пересказ «Пирифоя» Еврипида[4] (хотя примет трагедии не заметно).

17) *«Полиид»* (136) — вероятно, пересказ именно «Полиида» Еврипида[5], а не другого источника, так как явившееся Полииду знамение (сова и пчелы), неизвестное другим источникам, упоминается у Элиана со ссылкой на Еврипида[6].

18) *«Телеф»* (101) — вероятно, пересказ «Телефа» Еврипида[7]. Примета трагедии — диалог с участием Одиссея.

19) *«Филоктет»* (102) — по крайней мере, отчасти, пересказ «Филоктета» Еврипида[8].

---

[1] F 449–459 Nauck, 457 Snell.
[2] F 578–590 Nauck.
[3] F 625–633 Nauck.
[4] F 591–600 Nauck.
[5] F 634–646 Nauck, 645a Snell.
[6] Ael. Nat. Anim. V, 2. Элиан упрекает Еврипида в ошибке, утверждая, что совы на Крите вообще не водятся, ср. Antigon. Caryst. X, 2.
[7] F 696–727 Nauck, 705a–708a Snell; *Iahn E.* Telephos und Troilos. Kil., 1841.
[8] F 787–803 Nauck, 790a–799a Snell.

20) Недошедшая фабула «*Макарей*» (207) могла быть пересказом «Эола» Еврипида[1].

Возможные пересказы Эсхила и Софокла

Гораздо реже Гигин пересказывает старших трагиков. Кроме упомянутых выше[2] «Деяниры» и «Ореста», весьма немногие его фабулы содержат фрагменты пересказов трагедий Софокла:

1) конец «Триптолема» (147) — злоумышление Келея против неузнанного Триптолема, явление Деметры ex machina, узнавание — впервые были атрибутированы «Триптолему» Софокла[3] Велькером[4];

2) конец «Хриса» (121) — пересказ «Хриса» Софокла[5], переложенного по-латински Пакувием[6], но может быть, и неизвестной трагедии[7]; наличествует узнавание;

3) в фабуле «Ино» (2) трагическая перипетия — неожиданное спасение Фрикса стражником, а не матерью Нефелой (как обычно у мифографов[8]) — может восходить к «Афаманту» или «Фриксу» Эсхила[9] или Софокла[10] или к одному из двух «Фриксов» Еврипида, пересказы которых обнаружены среди оксиринхских папирусов[11];

---

[1] F 14–41 Nauck.

[2] См. с. 181.

[3] F 596–617a Radt.

[4] Die Griechische Tragödien mit Rücksicht auf den epischen Cyclus geordnet von F. G. Welcker // Rheinishes Museum, Suppl. 2, 1–3. Bonn, 1839–1841. S. 300.

[5] F 726–730 Radt.

[6] TRF p. 101 Ribbeck.

[7] Ср. Tragica adespota F 10c Kannicht — Snell.

[8] Apld. I, 9, 1–2, Tzetz. sch. Lyc. 22, Diod. Sic. IV, 47.

[9] F 1–4a Radt.

[10] F 1–10, 721–723a Radt.

[11] P. Oxy. 27 (1962), 2455, F 14, 17; 52 (1984), 3652, 11, 16–31, F 821a, 826a Snell.

4) психологическая деталь в «Эномае» (84) (испуг Пелопса, увидавшего водруженные на кольях головы прежних женихов Гипподамии) может, по предположению Наука, восходить к «Эномаю» Софокла[1];

5) детали «Ифигении в Авлиде» (98), не совпадающие с Еврипидом, могут восходить к «Ифигении» Софокла[2] по предположению Вагнера[3];

6) фабула «Тевфрант» (100), явно являющаяся пересказом трагедии и сочтенная Велькером[4] пересказом «Мизийцев» Софокла[5], является пересказом трагедии неизвестного, вероятно, послееврипидовского поэта[6];

7) фабула «Навплий» (116) говорит о том же, о чем говорилось в трагедии Софокла «Навплий, зажигающий огни»[7], но приметы трагедии отсутствуют;

8) в «Алеадах» Софокла[8], возможно, шла речь об убийстве Телефом своих дядей, сыновей Алея, упомянутом Гигином в одном из каталогов (244, «Кто убил своих родичей»); возможно, пересказывавшая «Алеадов» фабула, из которой были выписаны для каталога эти сведения, когда-то находилась в книге.

---

[1] F 471–477 Radt.

[2] F 305–312 Radt.

[3] Aeschyli et Sophoclis perditarum fabularum fragmenta / Ed. F. G. Wagner. Vratislaviae 1852.

[4] Die Griechische Tragödien mit Rücksicht auf den epischen Cyclus geordnet von F. G. Welcker // Rheinishes Museum, Suppl. 2, 1–3. Bonn, 1839–1841. S. 415.

[5] F 409–418 Radt.

[6] *Pilling G.* Quomodo Telephi fabulam et scriptores et artifices veteri tractaverunt. Diss. Halis Sax., 1886.

[7] F 425–438 Radt.

[8] F 77–91 Radt.

Еще реже, чем к Софоклу, Гигин обращается к Эсхилу. Наиболее вероятным претендентом на пересказ Эсхила является фабула «Амимона» (169) — быть может, пересказ одноименной сатировской драмы[1]; в «Выкупе Гектора», быть может, из одноименной трагедии Эсхила[2] заимствована уплаченная Приамом цена — вес тела золотом[3]; другие восходящие к Эсхилу детали несущественны[4].

Возможные пересказы неизвестных трагиков

Помимо фабул, могущих быть пересказами одного из великих трагиков, еще несколько фабул с большей или меньшей вероятностью являются аргументами трагедий:

1) «*Адраст*» (69) — участие безымянных стражников и диалог Адраста с Тидеем и Полиником, быть может, указывают на пересказ трагедии (трагедия «Адраст» была, например, у Ахея Эретрийского[5]); не исключено, что подобные детали являются результатом обработки в стиле «трагедуменов» материала, взятого не из трагедии.

2) «*Алет*» (122) — без сомнения, пересказ неизвестной поздней трагедии с переусложненной фабулой (ложные вести, случайные встречи, узнавания, убийства); трагедия «Алет» была у Ликофрона[6].

---

[1] F 13–15 Radt.

[2] F 263–272 Radt.

[3] Не исключено, что версия Гигина не имеет отношения к Эсхилу; она спровоцирована словами Ахилла, обращенными к умирающему Гектору, что он не отдаст его тело Приаму, даже если тот даст за него равный вес золота (*Χ* 351)

[4] Редкая информация о воскрешении Медеей кормилиц Диониса в фаб. 182 — из сатировской драмы Эсхила (F 246a Radt); ссылка на Эсхила, вероятно, ложная, в фаб. 144 (= Poet. Astr. II, 15, F 208a Radt).

[5] F 1 Snell.

[6] F 1b Snell.

3) «*Атрей*» (88) — несомненно, поздняя трагедия[1], неизвестная из других источников: неузнанная девушка, изнасилованная на ночном празднике, оказывается дочерью насильника; сын должен убить отца, не зная, что это он; похищенный во время изнасилования меч служит причиной «узнавания», ведущего к двойной кровавой развязке.

4) «*Даная*» (63) — без сомнения, пересказ неизвестной трагедии[2]; требование единства места и действия заставили привести Акрисия на Сериф и умертвить его на погребальных играх Полидекта — все это неизвестно традиционной мифографической версии[3]. О Горгоне, похоже, трагик вообще забыл: действие подобной трагедии не могло происходить ни до ее убийства Персеем, ни после.

5) «*Иксион*» (62) — фабула настолько коротка, что говорить о пересказе конкретной трагедии неуместно; однако она может быть «аристофановым аргументом» любой из многочисленных посвященных Иксиону трагедий.

6) «*Илиона*» (109) — несомненно, пересказ поздней трагедии (убийство неузнанного сына, двойное узнавание, перипетия, еще одно убийство в развязке), переложенной по-латински Пакувием.

7) «*Мед*» (27) — несомненно, пересказ неизвестной трагедии, латинская обработка которой принадлежала Пакувию. Шедевр переусложненной фабулы: ее софистическое остроумие состоит в том, что неузнанный герой выдан при помощи «ложного узнавания» именно за себя самого, так что «истин-

---

[1] «Фиест» Еврипида (F 391–391 Nauck)?

[2] Мало вероятно, что это «Даная» Еврипида (F 316–330 Nauck, 330 Snell), «Акрисий», «Даная» или, тем более, «Ларисейцы» Софокла (F 60–76, 165–170, 378–383 Radt).

[3] Ферекид в sch. Ap. Rhod. IV, 1091, 1515 и др.

ное» узнавание возводится в квадрат; совершившись, оно приводит, естественно, к перипетии и кровавой развязке.

8) *«Смирна»* (58) — вмешательство кормилицы и узнавание могут свидетельствовать о пересказе трагедии[1]; однако источником может быть и александрийский эпиллий, как и в сходном случае с аркадской Гарпаликой (фаб. 206).

9) *«Сфенебея»* (57) — только самоубийство Сфенебеи, отнесенное в самый конец фабулы, после всей истории Беллерофонта, напоминает развязку трагедии; может быть, восходит к аргументу одной из многочисленных трагедий о ней.

10) *«Тевфрант»* (100) — см. выше, с. 237.

11) *«Феоноя»* (190) — содержание фабулы совершенно неизвестно из других источников. Возможно, мы имеем дело с пересказом поздней трагедии, богатой узнаваниями; Роузу фабула напоминала приключенческий роман вроде Гелиодора.

12) *«Филомела»* (45) — несомненно, пересказ неизвестной трагедии. Мало вероятно, что это «Терей» Софокла[2]; быть может, тетралогия Филокла[3]. Ложь Терея Пандиону, узнавание Прокной Филомелы, убийство невинного Дрианта — приметы трагедии.

Пересказ комедии

Из пересказов мифологической комедии в книге Гигина имеется пересказ эпихармовых «Пирующих, или Гефеста»[4] (часть фабулы 166, «Эрихтоний»), действие

[1] Трагедии о Кинире и Смирне существовали — см. Tragica adespota, F 5d Kannicht — Snell.

[2] F 591–595b Radt. Латинский «Терей» принадлежал Акцию.

[3] F 1 Snell.

[4] F 84–86 Kaibel.

которой происходило на пиру богов на Олимпе; Дионис приводил пьяного Гефеста, и следы диалогов, последовавших за этим, быть может, просматриваются в тексте фабулы.

Дезис (завязка) и лизис (развязка) в фабулах с трагической мифопеей

Таким образом, три-четыре десятка фабул в книге Гигина являются аргументами конкретных трагедий — с разной степенью близости и вероятности. Для демонстрации того, каким образом отражаются в мифографической фабуле выделенные Аристотелем «части» (т. е. элементы строения) трагедии — «узнавание», «перипетия», πάθος, «дезис» и «лизис», — следует сначала взять фабулы именно из числа тех, которые пересказывают трагедию.

Фабулы, подобные «дикеарховым» аргументам

Сначала мы приведем примеры фабул, аналогичных подробным, «дикеарховым» аргументам. Такова, например, фабула «Алет» (122), пересказывающая неизвестную позднюю трагедию[1]. Разрядкой выделены глаголы изъявительного наклонения, выражающие действия героев; подчеркнуты же глаголы придаточных предложений, инфинитивных и причастных оборотов, выражающие определяющие эти действия обстоятельства; очевидно преобладание первых в лизисе и вторых — в дезисе; в идеальном «аристофановом аргументе» первые вообще отсутствуют в дезисе, а вторые — в лизисе[2].

---

[1] Ликофрона?

[2] См. выше, с. 134. Естественно, деление фабул на их логические части здесь и ниже не может быть «точным»: речь идет о тенденциях.

Дезис *Ad Electram, Agamemnonis et Clytaemnestrae filiam, sororem Orestis, nuntius falsus v e n i t fratrem cum Pylade in Tauricis Dianae esse immolatos. id Aletes Aegisthi filius cum rescisset, ex Atridarum genere neminem superesse, regnum Mycenis obtinere coepit. at Electra de fratris nece Delphos sciscitatum est profecta; quo cum venisset, eodem die Iphigenia cum Oreste venit eo. idem nuntius qui de Oreste dixerat, dixit Iphigeniam fratris interfectricem esse. Electra ubi audivit id, truncum ardentem ex ara sustulit voluitque inscia sorori Iphigeniae oculos eruere, nisi Orestes intervenisset.*

Узнавание *cognitione itaque facta,*

Лизис *Mycenas venerunt et Aleten Aegisthi filium Orestes interfecit et Erigonam ex Clytaemnestra et Aegistho natam voluit interficere, sed Diana eam rapuit et in terram Atticam sacerdotem fecit.*

Замечание мифографа *Orestes autem Neoptolemo interfecto Hermionen Menelai et Helenae filiam adductam coniugem duxit; Pylades autem Electram Agamemnonis et Clytaemnestrae filiam duxit*[1].

---

[1] (Дезис:) «*К Электре, дочери Агамемнона и Клитемнестры, сестре Ореста, пришел ложный вестник и сказал, что ее брат и Пилад принесены в Тавриде в жертву Диане. Когда Алет, сын Эгисфа, узнал это и понял, что больше никого не остается в живых из рода Атрея, он захватил царскую власть в Микенах. А Электра отправилась в Дельфы узнать о смерти брата. Когда она прибыла туда, в тот же самый день туда пришли Ифигения с Орестом. Тот же вестник, который сказал ей об Оресте, сказал,*

7 Зак. 3209

Переусложненный «дезис» обусловлен двумя ложными вестями и случайностью, приведшей двух сестер и брата в Дельфы в один и тот же день; «узнавание» приводит к «перипетии» — гнев Электры обращается на истинных злодеев, — за которой следует лизис, также усложненный, так как к прямой развязке — убийству Алета — трагик, подражая «Ифигении в Авлиде», добавил спасение не участвовавшей в действии Эригоны Артемидой ex machina. Последние фразы, весьма вероятно, являются припиской мифографа, заимствованной из других фабул, но могут быть и заключавшими трагедию повелениями Артемиды.

Другая такая фабула, с еще более усложненной завязкой (о которой говорилось выше[2]), «Мед» (27):

Дезис *Persi Solis filio, fratri Aeetae, responsum fuit ab Aeetae progenie mortem cauere: ad quem Medus dum matrem persequitur tempestate est delatus, quem satellites comprehensum ad regem Persen perduxerunt. Medus Aegei et Medeae filius ut uidit se in inimici potestatem uenisse, Hippoten Creontis filium se esse mentitus est. rex diligentius quaerit et in custodia eum conici iussit; ubi sterilitas et penuria frugum dicitur fuisse. quo Medea*

что Ифигения убийца ее брата. Услышав это, Электра схватила с алтаря горящую головню и хотела выжечь глаза Ифигении, не зная, что это ее сестра, если бы не появился Орест. (Узнавание:) *Узнав таким образом друг друга,* (лизис:) *они пришли в Микены, и Орест убил Алета, сына Эгисфа, а когда собирался убить Эригону, дочь Эгисфа и Клитемнестры, Диана похитила ее и сделала в аттической земле жрицей.* (Замечание мифографа:) *Орест же, убив Неоптолема, забрал Гермиону, дочь Менелая и Елены, и сделал своей супругой. Пилад женился на Электре, дочери Агамемнона и Клитемнестры».*

[2] См. с. 190.

	in curru iunctis draconibus cum uenisset, regi se sacerdotem Dianae ementita est; dixit sterilitatem se expiare posse, et cum a rege audisset Hippoten Creontis filium in custodia haberi, arbitrans eum patris iniuriam exsequi uenisse, ibique ...... imprudens filium prodidit. nam regi persuadet eum Hippoten non esse sed Medum Aegei filium a matre missum ut regem interficeret, petitque ab eo ut interficiendus sibi traderetur, aestimans Hippoten esse. itaque Medus cum productus esset ut mendacium morte puniret,
Узнавание	*ut illa aliter esse uidit quam putauit, dixit se cum eo colloqui uelle atque ensem ei tradidit iussitque aui sui iniurias exsequi. Medus re audita*
Лизис	*Persen interfecit regnumque auitum possedit;*
Замечание мифографа	*ex suo nomine terram Mediam cognominauit*[1].

[1] «(Дезис:) *Персу, сыну Солнца, брату Ээта, было предсказано, чтобы он опасался смерти от потомства Ээта. Когда Мед отправился вслед за матерью, он был принесен бурей к царю Персу. Стражники взяли его и привели к царю. Увидев, что он попал в руки врага, Мед, сын Эгея и Медеи, солгал, что он Гиппот, сын Креонта. Царь тщательно допросил его и приказал посадить под стражу. Тогда, говорят, началось бесплодие и недостаток хлеба. Когда Медея прибыла туда на колеснице, запряженной драконами, она солгала царю, что она жрица Дианы. Она сказала, что может прекратить бесплодие, а когда услышала от царя, что у него под стражей Гиппот, сын Креонта, сочла, что судьба послала его сюда, чтобы искупить обиду, нанесенную ей его отцом, и тут же выдала сына, сама не зная этого: она убедила царя, что это не Гиппот, а Мед, сын Эгея, посланный матерью убить его, и попросила, чтобы*

Так как все три героя трагедии поражены неведением, и при этом по-разному, то и узнавание растянуто, совершаясь поочередно для каждого из троих — сначала для Медеи, потом для Меда, наконец для Перса (увы, совпадая для него с развязкой); зато сама развязка классически проста, а после нее приписано хорографическое сведение.

Фабулы с «прологом»

Конечно, гигиновская фабула не всегда столь просто делится на структурные элементы трагедии. Пример несколько иного строения — «Даная» (63):

Титул *Danae Acrisii et Aganippes filia.*

(Пролог) *huic fuit fatum ut quod peperisset Acrisium interficeret; quod timens Acrisius, eam in muro lapideo praeclusit. Iouis autem in imbrem aureum conuersus cum Danae concubuit, ex quo compressu natus est Perseus. quam pater ob stuprum inclusam in arca cum Perseo in mare deiecit. ea uoluntate Iouis delata est in insulam Seriphum, quam piscator Dictys cum inuenisset, effracta ea uidit mulierem cum infante, quos ad regem Polydectem perduxit, qui eam in coniugio habuit et Perseum educauit in templo Mineruae. quod*

Дезис *cum Acrisius rescisset eos ad Polydectem*

ей разрешили убить Меда, думая, что это Гиппот. И вот когда привели Меда, чтобы наказать смертью за ложь, (узнавание:) *а Медея увидела, что все иначе, чем она думала, она сказала, что хочет поговорить с ним и дала ему меч, велев искупить обиду, нанесенные его деду. Услышав это,* (лизис:) *Мед убил Перса и овладел дедовским царством.* (замечание мифографа:) *По своему имени он назвал страну Мидией».*

	morari, repetitum eos profectus est; quo cum uenisset, Polydectes pro eis deprecatus est, Perseus Acrisio auo suo fidem dedit se eum numquam interfecturum. qui cum tempestate retineretur, Polydectes moritur; cui cum funebres ludos facerent, Perseus disco misso quem uentus distulit in caput Acrisii [et]
Лизис	*eum interfecit. (ita quod uoluntate sua noluit, deorum factum est;) sepulto autem eo Argos profectus est regnaque auita possedit*[1].
Замечание мифографа	*ita quod uoluntate sua noluit, deorum factum est;*

Первые слова фабулы, «титул» — назывное предложение, указывающее имя и генеалогию (реже — родной город) героя, — любопытный элемент фабульной

[1] «(Титул:) *Даная, дочь Акрисия и Аганиппы.* (Пролог:) *Ей было предсказано, что тот, кто родится у нее, убьет Акрисия. Боясь этого, Акрисий заключил ее в каменную темницу. Юпитер же, превратившись в золотой дождь, возлег с Данаей. От этого родился Персей. За прелюбодеяние отец запер Данаю вместе с Персеем в сундук и бросил его в море. По воле Юпитера сундук принесло на остров Сериф, где его нашел рыбак Диктис, разломал и, увидев женщину с ребенком, отвел их царю Полидекту, который взял Данаю в супруги, а Персея воспитал в храме Минервы. Когда Акрисий узнал, что они остаются у Полидекта, он отправился потребовать их назад.* (Дезис:) *Когда он прибыл туда, Полидект просил за них, а Персей поклялся своему деду Акрисию никогда не убивать его. Пока Акрисия удерживала непогода, Полидект умер. Когда в его честь справляли погребальные игры, Персей бросил диск, который отнесло ветром так, что он попал в голову Акрисия и* (лизис:) *убил его. Поскольку сам Персей не хотел этого, значит, это совершилось по воле богов. Похоронив его, он отправился в Аргос и стал править дедовским царством».*

формы, о котором будет говориться ниже. «Дезис» делится на две части: собственно изложение трагедии начинается с намерения Акрисия прибыть на Сериф; хотя предыдущие события — миф о золотом дожде и ларце Данаи — входят, с логической точки зрения, в «завязку», в трагедии их место могло быть только в речи-прологе (или в предыдущих частях трилогии). Именно об этом делении дезиса на «пролог» и «собственно дезис» говорит Аристотель: *«то, что вне [драмы] и, часто, часть того, что в ней — дезис»*[1].

Изложение этого «пролога» отличается от изложения собственно «дезиса»; в нем больше глаголов изъявительного наклонения, меньше подчиненных оборотов, указывающих на сплетения причин и следствий; это в большей степени narratio, чем explicatio, скорее традиционная, ферекидовская, повествовательная мифография, чем изъясняющий хитросплетения судеб аргумент.

Лаконичность лизиса фабулы нарушена неожиданным замечанием этического порядка, оправдывающим Персея: если бы не неумелость латинского переводчика, оно должно было бы выполнять ту же функцию, что и обычное для развязки inscius или imprudens (*«убил, ... не зная, что это он/она»*)[2]: отсылать назад, к сплетению обстоятельств «дезиса», обусловивших то действие, которое выражает сопровождаемый inscius глагол.

Еще один пример такого же строения — «Меропа» (137, пересказ «Кресфонта» Еврипида):

(Пролог) *Polyphontes Messeniae rex Cresphontem Aristomachi filium cum interfecisset, eius*

---

[1] *Τὰ μὲν ἔξωθεν καὶ ἔνια τῶν ἔσωθεν πολλάκις ἡ δέσις* — Aristot. Poet. 1455B.

[2] Hyg. Fab. 1, 27, 67, 86, 100, 109, 121, 137, 187, 190, 241, 273.

	imperium et Meropen uxorem possedit. filium autem eius infantem Merope mater quem ex Cresphonte habebat absconse ad hospitem in Aetoliam mandauit. hunc Polyphontes maxima cum industria quaerebat, aurumque pollicebatur si quis eum necasset. qui postquam ad puberem aetatem uenit, capit consilium ut exsequatur patris et fratrum mortem.
Дезис	*itaque uenit ad regem Polyphontem aurum petitum, dicens se Cresphontis interfecisse filium et Meropes, Telephontem. interim rex eum iussit in hospitio manere, ut amplius de eo perquireret. qui cum per lassitudinem obdormisset, senex qui inter matrem et filium internuntius erat flens ad Meropen uenit, negans eum apud hospitem esse nec comparere. Merope credens eum esse filii sui interfectorem qui dormiebat, in chalcidicum cum securi uenit inscia ut filium suum interficeret.*
Узнавание; перипетия[1]	*quem senex cognouit et matrem ab scelere retraxit. Merope postquam uidit occasionem sibi datam esse ab inimico se ulciscendi, redit cum Polyphonte in gratiam.*
Лизис	*rex laetus cum rem diuinam faceret, hospes falso simulauit se hostiam percussisse, eumque interfecit, patriumque regnum adeptus est*[2].

[1] Эту перипетию хвалит Аристотель в «Поэтике» (1454А).

[2] «(Пролог:) *Полифонт, царь Мессении, убил Кресфонта, сына Аристомаха, и завладел его царством и женой Меропой. Меропа отправила своего маленького сына, которого она родила от Кресфонта, к некому этолийцу, связанному с ней узами гостеприимства. Полифонт очень старался найти его и обещал золото тому, кто его убьет.*

Действие трагедии начинается с прибытия Телефонта в Мессению с ложной вестью о собственной смерти (фабульный ход, аналогичный «Хоэфорам»); логическое место предшествующих событий — в прологе. Речь идет не о реконструкции конкретного пролога конкретной трагедии, а о конструктивном месте пролога подобного рода в сюжетном строении трагедии; пролог, сжато пересказывающий предшествующие действия, необходимые для «дезиса» сплетения событий, сам по себе уже является своего рода мифографическим произведением, предтечей аргумента и мифографической фабулы.

Фабулы, подобные «аристофановым» аргументам

Такова, например, фабула «Пелопиды» (86), являющаяся, возможно, пересказом «Плисфена» Еврипида:

Дезис *Thyestes Pelopis et Hippodamiae filius quod cum Aeropa Atrei uxore* <u>*concubuit*</u> *a fratre Atreo de regno est eiectus; at is Atrei filium*

Когда тот достиг зрелости, он решил отомстить за смерть отца и братьев. (Дезис:) *Поэтому он пришел к царю Полифонту и потребовал золото, говоря, что он убил Телефонта, сына Кресфонта и Меропы. Тогда царь приказал ему оставаться у него в гостях, чтобы он мог подробнее расспросить его. Когда тот, утомленный, заснул, старик, который был вестником между матерью и сыном, со слезами пришел к Меропе и сказал, что ее сына нет в Этолии. Меропа, поверив, что спавший чужеземец убил ее сына, пошла с секирой в портик, чтобы убить его, не зная, что это ее сын.* (Узнавание, перипетия:) *Старик узнал его и удержал мать от преступления. Когда Меропа увидела, что ей представился случай отомстить врагу, она помирилась с Полифонтом.* (Лизис:) *Когда царь, радуясь, совершал жертвоприношение, чужеземец, притворившись, будто собирается зарубить жертву, убил его и вернул себе отцовское царство».*

	Plisthenem, quem pro suo educauerat, ad Atreum interficiendum misit, quem Atreus credens fratris filium esse
Лизис	*imprudens filium suum occidit*[1].

Другая фабула, оставляющая лишь необходимейшие элементы дезиса и схожая этим с «аристофановым аргументом», — «Поликсена» (110):

Дезис	*Danai uictores cum ab Ilio classem conscenderent et uellent in patriam suam quisque reuerti et praedam quisque sibi duceret, ex sepulcro uox Achillis dicitur praedae partem expostulasse. itaque Danai Polyxenam Priami filiam, quae uirgo fuit formosissima, propter quam Achilles cum eam peteret et ad colloquium uenisset ab Alexandro et Deiphobo est occisus,*
Лизис	*ad sepulcrum eius eam immolauerunt*[2].

В дезисе этой фабулы нет ни одного глагола в изъявительном наклонении (тот, который должен был быть им — *expostulasse* — поставлен в зависимость от *dicitur*,

---

[1] «(Дезис:) *Фиест, сын Пелопса и Гипподамии, был лишен царства своим братом Атреем за то, что возлег с женой Атрея Аэропой. Тогда он послал убить Атрея его сына Плисфена, которого воспитал как своего. Думая, что это сын его брата,* (лизис:) *Атрей убил собственного сына, не зная этого*».

[2] «(Дезис:) *Когда данайцы, собираясь с победой отплыть от Илиона и возвращаться каждый на свою родину, делили добычу, голос Ахилла из могилы, как говорят, потребовал свою часть. Тогда Поликсену, дочь Приама, которая была очень красивой девушкой и из-за которой Ахилл и был убит Александром и Деифобом, когда он добивался ее и пришел на переговоры,* (лизис:) *данайцы принесли в жертву на его могиле*».

которое само вообще не относится ни к обстоятельствам фабулы, ни к действиям героев). Это почти совершенный «аристофанов аргумент».

Соотношение дезиса и лизиса подобно, в известном смысле, соотношению обстоятельственных придаточных и главного предложений; это видно, например, в фабуле «Гекуба» (111):

Дезис	*Ulixes Hecubam Cissei filiam, uel ut alii auctores dicunt Dymantis, Priami uxorem, Hectoris matrem, in seruitutem cum duceret,*
Лизис	*illa in Hellespontum mare se praecipitauit et canis dicitur facta esse, unde et Cyneum est appellatum*[1].

Cum первой фразы, cum historicum, по смыслу фабулы, если можно так выразиться, cum causale: Гекуба утопилась потому, что город пал и Одиссей уводил ее в рабство. Как придаточное времени в этой фабуле, так и любые другие в синтаксическом отношении придаточные и даже не придаточные предложения, входя в состав дезиса, оказываются придаточными *причины* по отношению к тому главному (в смысловом, а часто и в синтаксическом смысле) предложению фабулы, в котором изложен лизис.

Три глагола лизиса фабулы «Гекуба» — три вида лизисов вообще: смерть, то есть аристотелев πάθος, одна из «частей мифа/фабулы»[2], превращение, хорографическая «причина» (айтия).

---

[1] «(Дезис:) *Когда Улисс уводил в рабство Гекубу, дочь Киссея или, как говорят другие писавшие, Диманта, жену Приама, мать Гектора,* (лизис:) *она бросилась в море Геллеспонт и, как говорят, стала собакой; от чего получил свое название Киней».*

[2] Aristot. Poet. 1452B.

Сокращение дезиса

Чем короче фабула, тем яснее отношения причины и следствия между дезисом и лизисом; при этом частью, размеры которой могут варьироваться, которая подвергается сокращению или расширению, является именно дезис. Фабула «Афамант» (5), стоящая в сборнике после четырех фабул, подробно рассказывающих о несчастьях его семьи и удивлявшая комментаторов краткостью и неуместностью, является результатом чрезмерного сокращения дезиса:

Дезис *Semele quod cum Ioue concubuerat, ob id Iuno toto generi eius fuit infesta;*

Лизис *itaque Athamas Aeoli filius per insaniam in uenatione filium suum interfecit sagittis*[1].

Гнев Геры за Семелу являлся причиной всех несчастий семьи Афаманта, одним из последних в череде которых было убийство безумным отцом принятого им за оленя Леарха; однако дезис сокращен настолько, что из самой фабулы даже неясно, какое отношение к Семеле имел Афамант (муж ее сестры Ино). Роуз предполагает, что фабула является сокращением более распространенного рассказа; можно предположить и другое, а именно, что, найдя в каталоге «Какие отцы убили своих сыновей» (237) Афаманта, средневековый мифограф не нашел в сборнике посвященной специально этому фабулы (ведь каталоги являются своего рода тематическими указателями фабул) и составил ее сам, добавив минимальный дезис и создав таким образом любопытный образец результатов оголения

[1] «(Дезис:) *Поскольку Семела разделила ложе с Юпитером, за это Юнона сделалась враждебна всему ее роду.* (Лизис:) *Поэтому Афамант, сын Эола, пораженный безумием, на охоте убил стрелами своего сына*».

логического костяка фабулы: «Почему Афамант убил сына?» — «Потому что Юнона гневалась из-за Семелы». Верно, но выглядит нелепостью или загадкой.

Лизис же является несокращаемой, и, следовательно, главной частью фабулы, ее зерном, что оказывается принципиально важным для классификации фабул мифографом и для превращения их в каталоги.

Дезис и лизис в фабулах с не-трагической мифопеей

Есть различные степени близости мифографической фабулы к трагедии; выше говорилось о фабулах, почти наверняка восходящих к конкретным аргументам, и о фабулах, которые, может быть, и не восходят к аргументам, а просто излагают миф, обработанный трагиками. Далее будет говориться о фабулах, излагающих мифы, которые никогда (если исходить из сохранившихся сведений), не были сюжетом трагедии.

По мере удаления фабулы от трагедии предпринимаемое нами выделение дезиса и лизиса приобретает иной смысл, более многообразный и более расплывчатый, иногда почти теряет его — ведь фабула вовсе не идеальна.

Фабулы-пересказы эпиллиев

Прежде всего следует сказать о том, что трагедийная фабула с узнаванием и *πάθος*'ом могла иногда встретиться не только в трагедии, но и в других книгах, например, в гекзаметрической поэзии эллинизма. Так, содержание насыщенной трагическими ужасами (беременность от отца и поедание им плода кощунственной связи) фабулы «Гарпалика» (206), восходит, надо полагать, к эллинистическому эпиллию (хотя и не пря-

мо к Эвфориону Халкидскому[1], как о том свидетельствуют отличия от фабулы Гигина пересказа Эвфориона у Парфения[2]):

Дезис	*Clymenus Schoenei filius rex Arcadiae amore captus cum Harpalyce filia sua concubuit. ea cum peperisset, in epulis filium apposuit patri;*
Узнавание	*Clymenus pater re cognita*
Лизис	*Harpalycen interfecit*[3].

Сходна с историей Гарпалики судьба Смирны (фаб. 58), миф о которой вообще не зарегистрирован ранее эллинистического периода[4]. Возможно, механизм узнаваний и перипетий применялся и в неких прозаических произведениях эллинизма, пересказом одного из которых может являться фабула «Феоноя» (190, см. с. 191).

Добавление лизиса

Во множестве мифов, никогда не обрабатывавшихся трагедией или в духе трагедии, бессмысленно искать узнавание и перипетию; однако изложение их в виде фабулы часто приводит к выявлению в них дезиса и лизиса. Такова, например, фабула «Анхиз» (94), пересказ гомеровского гимна к Афродите:

---

[1] F 27 Powell.

[2] Parth. 13.

[3] «(Дезис:) *Климен, сын Схойнея, царь Аркадии, охваченный любовью к своей дочери Гарпалике, возлег с ней. Когда она родила, то подала ребенка на трапезу отцу.* (Узнавание:) *Узнав это,* (лизис:) *отец Климен убил свою дочь Гарпалику».*

[4] Ovid. Met. X, 298; Apld. III, 14, 4; Ant. Lib. 34; Plut. Qu. Conv. IV, 5, 3; Serv. Aen. V, 672; Buc. X, 18; Macr. Sat. I, 21, 4; Tzetz. sch. Lyc. 831

Дезис	*Venus Anchisam Assaraci filium amasse et cum eo concubuisse dicitur, ex quo procreauit Aeneam eique praecepit ne id apud homines enuntiaret. quod Anchises inter sodales per uinum est elocutus.*
Лизис	*ob id a Ioue fulmine est ictus.*
Замечание латинского переводчика?	*quidam dicunt eum sua morte obisse*[1].

«Некоторые», которые говорят, что *«Анхиз умер своей смертью»*, — это, конечно, Вергилий; судьбу Анхиза в «Энеиде» не мог забыть латинский переводчик или позднейший редактор (ведь книга Гигина, вероятно, часто использовалась в латинской школе, в которой читали и «Энеиду»)[2]. Последней фразы наверняка не было в греческом оригинале; книга вообще скупа на «мифографический аппарат» (подборки противоречивых версий) — ведь принципы фабулы противоречат накапливанию в ней *ὕλη διαφωνοῦσα.*

Гомеровский гимн содержит только веление Афродиты Анхизу не разглашать их встречу и ничего не говорит о его смерти; в нем нет лизиса. Не содержит лизиса и вергилиевская версия судьбы Анхиза; фабула же выбирает версию с лизисом[3], и миф с помощью

---

[1] «(Дезис:) *Венера, говорят, полюбила Анхиза, сына Ассарака, и возлегла с ним. От него она родила Энея и велела ему не разглашать это людям. А Анхиз, выпив вина, рассказал это товарищам.* (Лизис:) *За это Юпитер поразил его молнией.* (Замечание латинского мифографа:) *Некоторые говорят, что он умер своей смертью»*.

[2] Ср. также фабулу 260 (выписанную из Сервия).

[3] Частично, возможно, восходящую к комедиям об Анхизе Анаксандрида (F 4–5 Kock) и Эвбула (F 5–6 Kock). Бахвальство пьяного Анхиза своими победами нетрудно вообразить на комической сцене; труднее — его трагические последствия.

этого лизиса попадает в классификационный ряд мифов о пораженных перуном: их каталог содержался в книге Гигина (264).

Такое же добавление лизиса происходит при пересказе песни Демодока[1] о Гефесте и Афродите (фаб. 148): его роль выполняет гнев Венеры на потомство сообщившего Гефесту Гелиоса. Иногда гомеровский рассказ не нуждается в расширении: так, для пересказа гимна к Деметре лизисом, дающим фабуле достаточную степень завершенности, оказывается решение Зевса о дальнейшей судьбе Персефоны (фаб. 146).

Отношение лизиса к дезису в данном случае напоминает отношение приговора к тяжбе. Приговор суда в роли лизиса встречается и в трагедии — в «Эвменидах», например (ср. фабулу 119, «Орест», где лизисом также является приговор, но не в той тяжбе, которая описана в «Эвменидах»).

Фабулы, излагающие мифы о богах

Трагедия вращается в кругу героической мифологии; мифы о богах, титанах, сотворении людей и т. п. чужды ей[2], и в изложении подобных мифов у Гигина труднее, чем в героических, найти дезис и лизис. Наличие дезиса и лизиса придает фабуле законченность, и ради этой законченности мифограф выбирает иногда более редкую версию. Например, нигде, кроме как у Гигина, не сохранился миф о повторной титаномахии (которую он описывает вместо первой, общеизвестной — фаб. 150):

[1] *θ* 266.

[2] Исключение — эсхилов «Прометей», но и о нем не писал ни один трагик, кроме Эсхила. Аристотель выделяет такие трагедии в особый, самый редкий вид (место «Поэтики» испорчено, 1456a). История Крона и Зевса содержит в себе и узнавание, и *πάθος*, однако, по понятным причинам, не стала фабулой трагедии.

Дезис *Postquam Iuno uidit Epapho ex paelice nato tantam regni potestatem esse, curat in uenatu ut Epaphus necetur, Titanosque hortatur Iouem ut regno pellant et Saturno restituant. hi cum conarentur in caelum ascendere, eos Iouis cum Mineruа et Apolline et Diana praecipites in Tartarum deiecit. Atlanti autem, qui dux eorum fuit,*

Лизис *caeli fornicem super umeros imposuit, qui adhuc dicitur caelum sustinere*[1].

Фабула сбивчива: только в последней фразе выясняется, что вождем титанов был Атлант и что фабула, оказывается, призвана объяснить его наказание (подобно фабулам о Тантале, Иксионе, Сизифе, Алоадах и т. п.). Фабула и должна была бы называться «Атлант»; «Титаномахией» она названа потому, что в книге отсутствует рассказ о ней. Praesens historicum, дважды употребленное в начале фабулы и потом забытое ради обычного перфекта, не очень обычно для Гигина и заставляет вспомнить о подражавшей исторической прозе Schwindelliteratur вроде Дарета Фригийского. Возможно, к подобной прозе и восходит выдумка о ревности Геры как причине титаномахии[2].

---

[1] «(Дезис:) *Когда Юнона увидела, что Эпаф, рожденный от наложницы, владеет таким могущественным царством, она позаботилась, чтобы он был убит на охоте, и побудила титанов свергнуть Юпитера и вернуть царство Сатурну. Когда они попытались подняться на небо, Юпитер вместе с Минервой, Аполлоном и Дианой стремглав сбросил их в Тартар. Атланту же, который был их вождем,* (лизис:) *он бросил на плечи небесный свод и тот, как говорят, до сих пор поддерживает небо»*.

[2] Неизвестно, чему были посвящены комедии «Титаны» Эвбула (F 109 Kock) и Кратина Младшего (F 8 Kock).

Примером того, как плохо фабульная мифография сочетается с мифами о богах, может послужить, например, фабула «Куреты» (139)[1]:

Postquam Opis Iouem ex Saturno peperit, petit Iuno ut sibi eum concederet, quoniam Saturnus Orcum sub Tartara deiecerat et Neptunum sub undas, quod sciret † si quis ex eo natus esset, se regno priuaret. qui cum Opem rogaret, ut esset, quod illa peperisset, illa lapidem inuolutum ostendit; eum Saturnus deuorauit. quod cum sensisset, coepit Iouem quaerere per terras. Iuno autem Iouem in Cretensi insula detulit. at Amalthaea pueri nutrix eum in cunis in arbore suspendit, ut neque caelo neque terra neque mari inueniretur, et ne pueri uagitus exaudiretur, impuberes conuocauit eisque clipeola aenea et hastas dedit et iussit eos circum arborem euntes crepare. qui Graece Curetes sunt appellati; alii Corybantes dicunt, hi autem Lares appellantur.

В фабуле трудно найти лизис; не исключено, что называется она «Куреты» потому, что тот, кто дал ей это название, посмотрев в поисках лизиса[2] на последние

---

[1] «*Когда Опс родила от Сатурна Юпитера, Юнона попросила, чтобы она отдала его ей, потому что Сатурн сбросил Орка в Тартар, а Нептуна в море, зная, что тот, кто родится у него, лишит его царства. Когда он попросил у Опс съесть то, что она родила, она протянула ему завернутый камень. Его Сатурн и пожрал. Когда он понял это, он стал искать Юпитера по всей земле. Юнона же отнесла Юпитера на остров Крит, а Амалфея, кормилица мальчика, повесила его в колыбели на дерево, чтобы его нельзя было найти ни на небе, ни на земле, ни на море, а чтобы не был слышен плач мальчика, созвала юношей и, дав им медные щиты и копья, приказала ходить вокруг дерева и стучать. По-гречески они называются куреты, а другие говорят, что корибанты, которых называют также ларами*».

[2] Конечно, он не употреблял такого термина, но чувствовал, что логическое зерно содержания фабулы находится обычно в ее последних строках.

фразы, решил, что она посвящена этимологии слова «Куреты» и относится, говоря по-нашему, к фабулам с лизисом-айтией («причиной»). Неплохим выходом для средневекового редактора было бы дописать в конец что-нибудь вроде *postea Iuppiter Saturnum, patrem suum, in Tartarum deiecit*[1]; тогда фабула называлась бы «Юпитер» или «Сатурн». Возможно, аналогичная фраза была утрачена.

Однако можно и не предполагать лакун и ошибок: в фабуле все-таки есть дезис и лизис, только не событийные, а стоящие в отношениях загадки и разгадки. Дезис — вопрос: как спрятать ребенка от всевидящего отца, подкрепляемый фольклорной загадкой «ни на земле, ни на небе, ни на море»[2]; лизис — хитроумие Амалфеи: колыбель на дереве и пляска куретов. С такой точки зрения фабула обладает законченностью, хотя и уникальной для сборника Гигина[3].

Лизис-этимология, которого нет в фабуле о куретах, достаточно обычен для мифов с не-трагической мифопеей; им завершается, например, рассказ о потопе (фаб. 153):

Дезис *Cataclysmus, quod nos diluuium uel irrigationem dicimus, cum factum est, omne genus humanum interiit praeter Deucalionem et*

[1] *«Потом Юпитер сбросил Сатурна, своего отца, в Тартар».*

[2] Ср. Aristoph. Equit. 609. Роджер Бэкон, отмечает Роуз, договорившись с дьяволом, что тот может забрать его душу и в церкви, и вне церкви, умер в пробитой стене собора.

[3] Уникальны и многие детали изложения: участие Геры (по традиционной версии, проглоченной отцом), низвержение Аида и Посейдона вместо проглатывания. Упомянутые в конце неуместные «лары» — возможно, перевод греческого δαίμονες; плохо переведенная Гигином фраза греческого оригинала могла значить: «другие <ошибочно> говорят, что это были корибанты, которые <на самом деле> являются демонами».

Pyrrham, qui in montem Aetnam, qui altissimus in Sicilia esse dicitur, fugerunt. hi propter solitudinem cum uiuere non possent, petierunt ab Ioue ut aut homines daret aut eos pari calamitate afficeret. tum Iouis iussit eos lapides post se iactare; quos Deucalion iactauit, uiros esse iussit, quos Pyrrha, mulieres.

Лизис-этимология *ob eam rem* LAOS *dictus,* LAS *enim Graece lapis dicitur*[1].

Фабулы, пересказывающие Гомера

Уникальна для сборника фабула «Выкуп Гектора» (106), представляющая собой краткий и толковый пересказ содержания «Илиады», отличающийся от Гомера незначительными деталями; ее дезис и лизис совпадают с дезисом и лизисом гомеровской поэмы. Пересказ же «Одиссеи» мифограф разделяет на две части и оформляет первую как каталог мест, где побывал Одиссей, а вторую — как собственно фабулу с узнаванием и перипетией (она так и называется «Узнавание Одиссея») и с привычным лизисом — убийством женихов и возвратом власти (фаб. 124–125).

---

[1] «(Дезис:) *Когда случился* "катаклисмос", *который мы называем потопом или наводнением, погиб весь человеческий род, кроме Девкалиона и Пирры, которые бежали на гору Этну, которая, как говорят, в Сицилии самая высокая. Они не могли жить в одиночестве и попросили Юпитера или дать людей, или подвергнуть их самих такой же гибели. Тогда Юпитер велел им бросать за спину камни. Тем, которые бросал Девкалион, он повелел становиться мужчинами, а тем, которые Пирра, — женщинами.* (Лизис-этимология:) *Поэтому говорится "лаос", ведь "камень" по-гречески будет "лас"».*

Виды лизисов

Лизис является зерном фабулы; дезис можно расширять и сокращать, без лизиса же фабула сразу оказывается обезглавленной. Читатель уже заметил, что лизисы достаточно однообразны; основные их виды, встречающиеся у Гигина, уже неоднократно упоминались: лизис-смерть (*πάθος*), лизис-превращение, лизис-причина (айтия). Указывая эти три вида лизиса, мы не придумываем ничего нового: о *πάθος*'е говорил Аристотель, а Каллимах и Овидий назвали свои поэтические каталоги мифов соответственно «Айтиями» и «Метаморфозами».

Лизис-смерть (*πάθος*)

Лизис трагедий и фабул, происходящих из трагедий, обычно говорит о смерти — убийстве, самоубийстве, каре богов; это не что иное, как *πάθος*, одна из указанных Аристотелем «частей» трагического мифа. «Поэтика» определяет ее как: «*событие гибельное или мучительное, как смерти в ходе действия, страдания, раны и тому подобное*»[1], т. е. все то, чем трагедия и должна вызывать пресловутые «жалость и сострадание».

У Аристотеля в понятие *πάθος*'а включены не только смерть, но и другие беды. Относительно трагедии он, наверно, прав; однако при разборе мифографии оказывается, что громадное количество фабул оканчивается именно смертью (героя или его антагониста, в редких случаях счастливо избегнутой посредством перипетии); потому мы и будем говорить не о лизисе-*πάθος*'е, но просто о лизисе-смерти. Слова *interficit,*

[1] *Πρᾶξις φθαρτικὴ ἢ ὀδυνηρά, οἷον οἵ τε ἐν τῷ φανερῷ θάνατοι καὶ αἱ περιωδυνίαι καὶ τρώσεις καὶ ὅσα τοιαῦτα* — Aristot. Poet. 1452B.

occidit, occisus est и т. п. весьма часты в лизисах (и не только в лизисах) Гигина. Глагол *interficere* употреблен в сборнике 175 раз, *occidere* — 98[1]. Нет надобности приводить более подробную статистику самоубийств, матереубийств, детоубийств, братоубийств и прочих красот мифологии, прошедшей сквозь призму трагедии: эта работа уже сделана самим мифографом и запечатлена в серии каталогов, завершающих сборник. Если убитым является царь, то захват царской власти также оговаривается в лизисе; к числу лизисов-смертей и лизисов-престолонаследий относится большинство лизисов цитированных выше фабул.

Лизис-кара

Разновидность лизиса-смерти — смерть как кара богов; герой фабулы поражен молнией Зевса или стрелой Аполлона или Артемиды; такова, например, фабула «Салмоней» (61)[2]:

Дезис	*Salmoneus Aeoli filius, Sisyphi frater, cum tonitrua et fulmina imitaretur Iouis, sedens quadrigam faces ardentes in populum † mitteret et ciues †,*
Лизис	*ob id a Ioue fulmine est ictus*[3].

Налицо причинно-следственное соотношение дезиса и лизиса (*ob id*); в таких фабулах это уже не тяжба и приговор, но преступление и наказание.

---

[1] Статистика по PHI 5 (издание Роуза).

[2] У Софокла была сатировская драма «Салмоней» (F 537–541a Radt).

[3] «(Дезис:) *Салмоней, сын Эола, брат Сизифа, подражал грому и молниям Юпитера. Сидя на колеснице, он бросал в народ горящие факелы и наводил ужас на граждан.* (Лизис:) *За это Юпитер поразил его молнией*».

За смертью-карой часто следует кара в подземном царстве. Одни фабулы с лизисом-карой содержат мифы, излагавшиеся в трагедиях, другие нет. В качества примера первых приведем фабулу «Тантал» (82)[1]:

Дезис-преступление	*Tantalus Iouis et Plutonis filius procreauit ex Dione Pelopem. Iuppiter Tantalo concredere sua consilia solitus erat et ad epulum deorum admittere, quae Tantalus ad homines renuntiauit;*
Лизис-кара	*ob id dicitur ad inferos in aqua media fine corporis stare semperque sitire, et cum haustum aquae uult sumere aquam recedere. item poma ei super caput pendent, quae cum uult sumere, rami uento moti recedunt. item saxum super caput eius ingens pendet, quod semper timet ne super se ruat*[2].

Из числа фабул о наказанных в Аиде нечестивцах, мифы о которых никогда не фигурировали в трагедии, приведем фабулу (точнее, две соединенные фабулы) «Алоады» (28):

---

[1] Трагедии «Тантал» были у Фриниха (F 7 Snell), Пратина (F 2 Snell), Софокла (F 572–575 Radt) и Аристарха Тегейского (F 1b Snell). Ср. также l 582, Pind. Ol. I, 87 и др.

[2] «(Дезис-преступление:) *Тантал, сын Юпитера и Плуто, от Дионы произвел на свет Пелопса. Юпитер обычно поверял Танталу свои замыслы и допускал его на трапезы богов, а Тантал рассказывал это людям.* (Лизис-кара:) *За это, говорят, в подземном царстве он всегда стоит посреди воды и хочет пить, а когда пытается зачерпнуть, вода отступает. Также и яблоки висят у него над головой, а когда он хочет сорвать их, ветер относит ветви. Также у него над головой нависает огромный утес, и он всегда боится, как бы тот не рухнул на него*».

Дезис	*Otos et Ephialtes Aloei et Iphimedes [Neptuni] ... filiae filii mira magnitudine dicuntur fuisse; hi singuli singulis mensibus nouem digitis crescebant. itaque cum essent annorum nouem in caelum ascendere sunt conati. qui aditum sibi ita faciebant; montem enim Ossam super Pelion posuerunt unde etiam Pelion Ossa mons appellatur, aliosque montes construebant;*
Лизис-смерть	*qui ab Apolline nacti sunt interfecti.*
Дезис	*alii autem auctores dicunt Neptuni et Iphimedes filios fuisse atrotos; hi cum Dianam comprimere uoluissent, quae cum non posset uiribus eorum obsistere, Apollo inter eos ceruam misit, quam illi furore incensi dum uolunt iaculis interficere,*
Лизис-смерть	*alius alium interfecerunt.*
Лизис-кара	*qui ad inferos dicuntur hanc poenam pati; ad columnam auersi alter ab altero serpentibus sunt deligati; est styx inter, columnam sedens ad quam sunt deligati*[1].

[1] «(Дезис:) *От и Эфиальт, сыновья Алоэя и Ифимедеи, дочери Нептуна, были, говорят, удивительного роста. Каждый из них каждый месяц вырастал на девять пальцев. И вот когда им было девять лет, они попытались подняться на небо. Дорогу себе они строили так: положили Оссу сверху Пелиона (отчего гора Осса называется еще и Пелионом) и навалили другие горы.* (Лизис-смерть:) *Аполлон, встретив их, убил.* (Дезис:) *Другие же писавшие говорят, что они были сыновьями Нептуна и Ифимедеи и что они были неуязвимы. Когда они хотели изнасиловать Диану и она не могла сопротивляться их силе, Аполлон пустил между ними лань. Когда, загоревшись гневом, они пытались*

Кара в подземном царстве в некотором смысле аналогична айтии: вторая описывает то, что в результате дезиса происходит «до сих пор» на земле, а первая — то, что «до сих пор» совершается под нею.

Лизис-превращение

Куда более частый вид лизиса — превращение. Оно так же, как смерть, прекращает существование смертного (боги могут превращаться многократно) и является в этом смысле безусловным «лизисом». Превращения часто были классификатором мифов в поэмах и в прозаических сборниках[1]. В сохранившемся сборнике Антонина Либерала произошел тот же процесс резюмирования по лизисам сборника фабул, его превращения в каталог, что и в книге Гигина: «Метаморфозам» Антонина Либерала предпосланы два составленных по самому сборнику каталога: тех, кто превратился, и тех, в кого[2].

Лизисы-превращения часты и у Гигина: как говорилось, исключительно им посвящена часть сборника от фабулы 195 до 205 и многие из фабул, утраченных

убить ее копьями, (лизис-смерть:) *то убили друг друга.* (Лизис-кара:) *В подземном царстве они терпят такое наказание: они привязаны змеями к столбу лицом в противоположную сторону друг от друга; между ними сова, сидящая на столбе, к которому они привязаны».*

«*Singuli singulis mensibus nouem digitis crescebant*» — попытка объяснить гомеровского ἐννέωροι (λ 305); согласно Аполлодору (I, 7, 4), Алоады вырастали ежегодно на локоть в ширину и на сажень в высоту, так что девяти лет имели шестнадцать метров роста и четыре метра в плечах. «*unde etiam Pelion Ossa mons appellatur*» — нелепое добавление эпитоматора.

[1] Подробнее см. с. 249.

[2] *Antoninus Liberalis.* Les Métamorphoses / Texte établi, traduit et commenté par M. Papathomopoulos. P., Les Belles Lettres, 1968.

во Фрейзингском кодексе; они встречаются и в других местах книги. Вот список фабул Гигина, в которых есть превращения (почти всегда в роли лизиса или одной из его составляющих):

Кадм (6), Ниоба (9), Филомела (45), Эгина (52), Астерия (53), Смирна (58), Филлида (59), Алкиона (65), Икарий и Эригона (130), Аммон (133), Тиррены (134), Филира, которая превратилась в липу (138), Сирены (141), Ниоба или Ио (145), Фаэтон (152а), Девкалион и Пирра (153), Фаэтон гесиодов (154), Марсий (165), Ликаон (176), Каллисто (177), Феофана (188), Гиант (192), Орион (195), Пан (196), Венера (197), Нис (198), Сцилла, другая (199), Хиона (200), Автолик (201), Коронида (202), Дафна (203), Никтимена (204), Арга (205), Нарцисс (214), Гермафродит (215), Гиацинт (218), Линк (259), Сова (262).

Приведем в качестве примера фабулу, названную составителем или редактором «Филира, которая превратилась в липу» (138):

Дезис	*Saturnus Iouem cum quaereret per terras, in Thracia cum Philyra Oceani filia in equum conuersus concubuit, quae ex eo peperit Chironem centaurum, qui artem medicam primus inuenisse dicitur. Philyra postquam inusitatam speciem se peperisse uidit, petit ab Ioue ut se in aliquam speciem commutaret;*
Лизис	*quae in arborem* ΦΙΛΥΡΑΝ, *hoc est tiliam, commutata est*[1].

[1] «(Дезис:) *Когда Сатурн искал по всем странам Юпитера, во Фракии он, превратившись в коня, сочетался с Филирой, дочерью Океана, и она родила от него кентавра Хирона, который, как говорят, первым изобрел врачебное искусство. Когда Филира увидела небывалую внешность своего ребенка, она попросила у Юпитера, чтобы он превратил ее во что-нибудь,* (лизис:) *и превратилась в дерево «филиру», то есть липу».*

Еще один короткий пример — «Арга» (205), известная, помимо Гигина, только по изображениям на вазах:

Дезис	*Arge uenatrix cum ceruum sequeretur, ceruo dixisse fertur: «Tu licet solis cursum aequaris, tamen te consequar».*
Лизис	*Sol iratus in ceruam eam conuertit*[1].

Convertere или commutare — обычные глаголы лизисов-превращений.

Лизис-катастеризм

Катастеризм — одна из разновидностей превращения, рассматривавшаяся как обретение бессмертия (см. у Гигина каталог «Кто из смертного стал бессмертным», 224). Карта звездного неба — план классификации мифов для мифографа-астронома (греческого Лжеэратосфена и латинского «Гигина», автора «Поэтической Астрономии»). Каталог зодиакальных созвездий с краткими мифографическими аннотациями содержится в выписках Досифея Магистра; в версии Фрейзингского кодекса он отсутствует. Некоторые фабулы Гигина, вероятно, перенесены целиком из какого-то сборника катастеризмов; это касается фабул 195–197 и, в особенности, фабулы «Каллисто» (177) с ее необычным, не-фабульным строением:

Титул	*Callisto Lycaonis filia*
Лизис-превращение	*ursa dicitur facta esse*
Дезис	*ob iram Iunonis quod cum Ioue concubuit.*

[1] «(Дезис:) *Когда охотница Арга преследовала оленя, она, как говорят, сказала ему: "Хоть бы ты был быстр, как колесница Солнца, все равно я догоню тебя"*. (Лизис:) *Разгневанное Солнце превратило ее в лань*».

Лизис-катастеризм	*postea Iouis in stellarum numero rettulit, quae Septentrio appellatur,*
Поэтический комментарий	*quod signum loco non mouetur neque occidit. Tethys enim Oceani uxor nutrix Iunonis prohibet eam in oceanum occidere. hic ergo Septentrio maior, de qua in Creticis uersibus* *tuque Lycaoniae mutatae semine nymphae,* *quam gelido raptam de uertice Nonacrinae* *oceano prohibet semper se tinguere Tethys,* *ausa suae quia sit quondam succumbere alumnae.*
Астрономический комментарий	*haec igitur ursa a Graecis Helice appellatur. haec habet stellas in capite septem non claras, in utraque aure duas, in armo unam, in pectore claram unam, in pede priore unam, in extrema coxa claram unam, in femine posteriori duas, in pede extremo duas, in caude tres, omnis numero uiginti*[1].

[1] «(Титул:) *Каллисто, дочь Ликаона,* (лизис-превращение:) *как говорят, стала медведицей* (дезис:) *из-за гнева Юноны за то, что она возлегла с Юпитером.* (Лизис-катастеризм:) *Потом Юпитер причислил ее к звездам, и она называется Семизвездием.* (Поэтический комментарий:) *Это созвездие не двигается с места и не заходит — ведь Тефия, жена Океана, кормилица Юноны, запрещает ему заходить в Океан. Это большое Семизвездие, о котором в Критской поэме сказано:*

Также и ты, Ликаоновой девой рожденный, сменившей
Облик, которой, похищенной с хладных вершин Нонакрийских,
Тефис всегда запрещает омыться в волнах Океана,
Ибо на ложе питомицы дева дерзнула подняться.

(Астрономический комментарий:) *Эта Медведица у греков называется Геликой. У нее семь неярких звезд в голове, по две в каждом ухе, одна в лопатке, одна яркая в груди,*

Перевернутое (относительно обычного для фабулы) строение первой фразы (титул — лизис — дезис) характерно, как будет показано ниже, для пункта мифографического каталога; «Каллисто» — не фабула в собственном смысле слова, а пункт каталога «превратившихся в звезды», снабженный развернутыми комментариями, характерными для катастеризмов. Другое такое место у Гигина — аналогично построенная (цитата из поэта + число звезд) справка о созвездии Арго, приписанная в конец каталога аргонавтов (фаб. 14).

Лизис-причина (айтия)

Последний из основных видов лизиса — этиологический лизис, лизис-причина, айтия: этимологическая, хорографическая, ритуальная. Подвидом лизиса-причины является в определенном смысле и лизис-превращение — постольку, поскольку то, во что превратился герой, существует до сих пор. Катастеризм содержит в себе причину формы данного созвездия, рассказ о превратившемся в животное — причину повадок данного животного. Если это не так, айтия обнаруживается в области хорографии: например, превращение Гекубы в собаку ничего не говорит о собаках, а превращение Ниобы в камень — о камнях, но оба имеют хорографический смысл: превращение Гекубы дало название месту, где оно совершилось, камень-Ниоба стоит на определенной горе в Лидии и точит слезы по сей день.

одна в передней ноге, одна в конце бедра, две в заднем бедре, две в задней ноге, три в хвосте, всего получается двадцать».

«Критская поэма» — астрономическая поэма Эпименида (FGrHist IIIB 457 F 18–22, также F 20–25 Diels — Krantz, где, кстати, отсутствует данный фрагмент; ср. также Hyg. Poet. Astr. II, 5, sch. Germ. Arat. pp. 62, 120 Breysig).

Однако превращение является лизисом в несколько ином, более точном смысле слова, чем причина-айтия. Превращение — событие жизни героя фабулы, ее итог, в полном смысле «развязка» той «завязки», которой была это жизнь; айтия же, с точки зрения фабульной логики — скорей вообще комментарий к лизису, чем сам лизис. Однако стоит все-таки включить лизис-причину в число основных видов лизиса, потому что он, как и другие виды, служил классификатором мифов для поэтов и мифографов: у Гигина есть и «этиологические» каталоги.

Сбор мифов о «причинах», применение этиологии как принципа систематизации мифов связано с александрийской ученостью, со знаменитой поэмой Каллимаха, а также с каталогами Гераклида Понтийского[1]. У Гигина этиологические детали редки, что неудивительно. Во-первых, этиология всегда связана с реалиями — словами греческого языка, местностями Греции и других населенных греками земель, греческими праздниками и ритуалами; все это малоизвестно и малопонятно латинскому, тем более латинскому средневековому читателю и редактору. Во-вторых, фабульная мифография вообще сосредоточена на событиях и подобные детали являются для нее маловажными и легко отбрасываемыми — весьма немногие фабулы теряют целостность, теряя этиологическую деталь; в этих фабулах такие детали и сохранились. Почти наверняка в греческом оригинале было больше этиологии, чем в первой редакции латинского перевода, а в ней больше, чем во Фрейзингском кодексе.

Чаще всего лизис-причина — дополнение к лизису-смерти или лизису-превращению; все три следуют один за другим в цитированной выше фабуле «Гекуба» или в фабуле «Филлида» (59):

---

[1] См. о них с. 65.

Дезис	*Demophoon Thesei filius in Thraciam ad Phyllidem in hospitium dicitur uenisse et ab ea esse amatus; qui cum in patriam uellet redire, fidem ei dedit se ad eam rediturum.*
(хорографическая «причина»)	*qui die constituta cum non uenisset, illa eo die dicitur nouies ad litus cucurrisse, quod ex ea ΕΝΝΕΑ ΟΔΟΙ Graece appellatur.*
Лизис-смерть	*Phyllis autem ob desiderium Demophoontis spiritum emisit.*
Лизис-превращеиие	*cui parentes cum sepulchrum constituissent, arbores ibi sunt natae quae certo tempore Phyllidis mortem lugent,*
(этимологическая «причина»)	*quo folia arescunt et diffluunt;cuius ex nomine folia Graece ΦΥΛΛΑ sunt appellata*[1].

Только превращение предшествует айтии в фабуле «Эгина» (52):

[1] «(Дезис:) *Демофонт, сын Тезея, как говорят, был во Фракии гостем у Филлиды, и она полюбила его. Когда он собирался возвращаться на родину, он обещал Филлиде вернуться к ней. Когда же в назначенный день он не пришел, она, говорят, в этот самый день девять раз выбегала на берег моря.* (Хорографическая «причина»:) *Поэтому это место называется по-гречески "Девять Дорог".* (Лизис-смерть:) *Филлида же от тоски по Демофонту испустила дух.* (Лизис-превращение:) *Когда родители насыпали ей могилу, на ней выросли деревья, которые в определенное время оплакивают смерть Филлиды: в это время листья на них засыхают и облетают,* (этимологическая «причина»:) *поэтому листья по-гречески от имени Филлиды называются "филла"*».

«Девять дорог» — место, на котором позднее был построен Амфиполь (Suda s. v. Ζωΐλος); листья же до смерти Филлиды назывались πέταλα (Serv. Buc. V, 10, I).

Дезис	*Iuppiter cum Aeginam Asopi filiam uellet comprimere et Iunonem uereretur, detulit eam in insulam Delon et grauidam fecit, unde natus est Aeacus. hoc Iuno cum rescisset, serpentem in aquam misit qui eam uenenauit, ex qua qui biberet, debitum naturae soluebat. quod cum amissis sociis Aeacus prae paucitate hominum † morari non posset, formicas intuens petiit ab Ioue ut homines in praesidio sibi daret.*
Лизис-превращение (этимологическая «причина»)	*tunc Iuppiter formicas in homines transfigurauit,* *qui Myrmidones sunt appellati quod Graece formicae ΜΥΡΜΗΚΕΣ dicuntur.* *insula autem Aeginae nomen possedit*[1].

Другие виды лизисов

Существуют, конечно, и другие виды лизисов: уже упоминавшийся лизис-приговор (фаб. 39 «Дедал», 92 «Суд Париса», 119 «Орест», 146 «Персефона» и др.). Для фабул о скитаниях закономерен лизис-возвращение, *νόστος*; он возможен не только в фабулах, рассказывающих мифы, восходящие к одноименной поэме

[1] «(Дезис:) *Эгиной, дочерью Асопа, хотел овладеть Юпитер. Опасаясь Юноны, он перенес ее на остров Энону. Она забеременела и родила Эака. Когда Юнона узнала об этом, она послала в воду змея, который отравил ее, так что кто бы ни пил эту воду, сразу отдавал должное природе. Когда Эак, теряя товарищей, не мог больше сносить недостаток людей, то он, глядя на муравьев, попросил Юпитера дать людей ему в защиту.* (Лизис-превращение:) *Тогда Юпитер превратил муравьев в людей,* (этимологическая «причина»:) *которые стали называться мирмидонцами, потому что муравьи по-гречески называются “мирмекес”. Остров же стал называться именем Эгины*».

(фаб. 116 «Навплий», 118 «Протей»), но и в фабулах на сюжеты трагического цикла (фаб. 100 «Тевфрант»). Ему противоположен лизис-отбытие, точнее, согласие отправиться в путь, имеющийся в фабулах, говорящих о сборе героев на войну (95 «Улисс», 96 «Ахилл», 102 «Филоктет»)[1]. Все это — лизисы-события, более согласные с духом фабульной мифографии, чем превращения и причины-айтии.

ФАБУЛА И КАТАЛОГ

Во введении мы говорили, что мифография — это изложение и систематизация мифов в литературе. «Изложение» имеет дело с одним мифом: как его рассказать? Систематизация — со многими: как собрать их вместе? Генеалогия и хорография есть, строго говоря, стихийные способы систематизации, а не изложения; эпический кикл в равной степени нацелен и на то, и на другое; подчиненная единству действия фабула по определению есть способ изложения *одного* мифа, почти упускающий из виду связи между ними. Однако в фабулах все-таки заложена и тенденция их систематизации; предел развития этой тенденции — классификационный каталог.

Если мы возьмем генеалогическое изложение мифологии и будем все больше и больше сокращать его, не жалея ничего, кроме того, что необходимо для связности повествования, мы получим генеалогическую таблицу; если мы сделаем то же с хорографической книгой, получится перечень географических названий (к которым приписаны имена связанных с ними геро-

[1] Этот вид лизисов можно называть «кипрским»; он находится в таком же отношении к «Киприям», как предыдущий — к «Возвращениям».

ев) и расстояний, т. е. описание карты. Из сборника мифографических фабул в результате такой «усушки» получается разделенный на рубрики каталог. Тяга к схематизации, систематизации, каталогизации (в которой так и тянет упрекнуть и данную работу) — глубокое свойство самой фабульной мифографии; свидетельствуя об этом, книга Гигина на треть состоит из каталогов.

«Титул»

Еще одной частью фабулы, которую, как и лизис, нельзя устранить из нее полностью (в отличие от дезиса), является имя ее главного героя; это имя вместе с необходимыми мифографическими сведениями (генеалогией и родным городом) образует особый элемент строения фабулы — «титул». Титул говорит, о ком фабула, лизис — о чем, а дезис — почему это с ним случилось.

Имя героя фабулы и ее первое слово

Подавляющее большинство фабул у Гигина названо личными именами; в 107-ми случаях (т. е. более чем в половине сохранившихся фабул не-каталогического строения) это личное имя повторено первым словом фабулы и еще в нескольких десятках случаев отделено от начала одним-двумя словами (название города или места, союз cum, другое имя): тяготение имени героя к началу фабулы и к отождествлению с заглавием этой фабулы очевидно (вспомним о латинской привычке называть поэмы по первым словам, а не по заглавиям). Это тяготение приводит иногда к смысловым неурядицам: так, фабула 78, которую по смыслу можно было бы назвать «Женихи Елены» или «Елена», названа по первому слову «Тиндарей»;

8 Зак. 3209

фабула 181 об Актеоне, большую часть которой составляют два варианта каталога его собак, названа по первому слову «Диана».

Понятно, откуда происходит отождествление заглавия с именем героя: именем героя названы почти все трагедии, которые не названы по хору. Мифографическая фабула (а иногда и аргумент) добавляют к имени необходимые мифографические координаты, т. е. генеалогию и указание родного города[1]: не «Орест», но «Орест, сын Агамемнона и Клитемнестры, из Микен»: таким образом возникает та часть фабулы, которую мы условно называем «титулом» (см. примеры «титулов» на с. 196).

Титулы без сказуемого

Особенно яркие примеры титулов предоставляют те фабулы, в которых они отделились от последующей фразы, потеряв сказуемое и превратившись в назывное предложение; таких примеров девять:

Фаб. 10: *Хлорида, дочь Ниобы и Амфиона, которая одна из семи осталась*[2].

Фаб. 17: *Амик, сын Нептуна и Мелии, царь Бебрикии*[3].

Фаб. 58: *Смирна, дочь Кинира, царя ассирийцев, и Кенхреиды*[4].

Фаб. 63: *Даная, дочь Акрисия и Аганиппы*[5].

---

[1] Последние не так уж часты у Гигина; названия греческих городов мало говорили его латинским читателям, не исключено, что многие из них выпали.

[2] *Chloris Niobes et Amphionis filia quae ex septem superauerat.*

[3] *Amycus Neptuni et Melies filius, Bebryciae rex.*

[4] *Smyrna Cinyrae Assyriorum regis et Cenchreidis filia.*

[5] *Danae Acrisii et Aganippes filia.*

Фаб. 140: *Пифон, сын Земли, огромный дракон*[1].

Фаб. 178: *Европа, дочь Аргиопы и Агенора, сидонянка*[2].

Фаб. 182: *Дочери Океана Эйдотея, Амалфея и Адрастея (другие говорят, что они дочери Мелиссея), кормилицы Юпитера*[3].

Фаб. 188: *Теофана, дочь Бисальта, очень красивая девушка*[4].

Фаб. 189: *Прокрида, дочь Пандиона*[5].

Такими же «титулами» с именем отца и родным городом начинает некоторые биографии Корнелий Непот: «Хабрия», «Диона», «Эпаминонда», «Ганнибала» и др. Гигиновская фабула — тоже в своем роде «биография» — таково неожиданное совпадение мифографической и исторической литературы.

Каталог титулов — итог фабульной мифографии

Фабульная мифография начинается как пересказ трагедии, как ее сокращение, сжатие до размеров фабулы; каталоги, составляющие около трети сборника Гигина (82 «фабулы» из 277), являются закономерным результатом дальнейшего сжатия мифологической информации тем же самым путем.

Лизис и титул являются неустранимыми элементами фабулы; дезис же может сокращаться вплоть до полного исчезновения. При этом лизисы многих фабул

---

[1] *Python Terrae filius draco ingens.*

[2] *Europa Argiopes et Agenoris filia Sidonia.*

[3] *Oceani filiae Idothea Althaea Adrasta, alii dicunt Melissei filias esse, Iouis nutrices.*

[4] *Theophane Bisaltis filia formosissima uirgo.*

[5] *Procris Pandionis filia.*

идентичны и легко поддаются классификации; титул же каждой фабулы уникален.

Этим определен принцип составления из множества фабул с одинаковым лизисом каталога. Схематизируя, этот процесс можно представить следующим образом: совпадающий лизис (обычно лизис-смерть) нескольких фабул выносится в заглавие каталога, титулы фабул становятся его пунктами, а дезисы или устраняются вообще, или сжимаются до краткого комментария к титулу.

Ни в коем случае не нужно представлять дело так, будто подобные действия совершались мифографом постоянно, последовательно и механически; это всего лишь принцип, тенденция фабульного способа изложения мифа, а не механизм (ведь и сами титул, дезис и лизис — только тенденции, а не параграфы от точки до точки). Чтобы увидеть реальное многообразие ситуаций, приведем полностью, поясняя каждый пункт, один из больших содержащихся в книге каталогов — «Какие женщины покончили с собой» (243):

1) *Гекуба, дочь Киссея или Диманта, жена Приама, бросилась в море. От этого получил свое название Киней, потому что она превратилась в собаку*[1] — дословно взято из фабулы 111. Три лизиса этой фабулы, о которых говорилось выше, будучи перенесены в пункт каталога, создают некоторую путаницу. Дезис опущен.
2) *Ино, дочь Кадма, бросилась в море вместе со своим сыном Меликертом*[2] — взято близко к тексту из фаб. 2.

---

[1] *Hecuba Cissei filia, siue Dymantis, uxor Priami, in mare se praecipitauit, unde Cyneum mare est dictum, quoniam in canem fuerat conuersa.*

[2] *Ino Cadmi filia in mare se praecipitauit cum Melicerte filio.*

3) *Антиклея, дочь Автолика, мать Улисса, услышав ложное известие об Улиссе, убила себя*[1] — редкая версия, о которой сообщается также в sch. λ 202: Антиклея удавилась, когда Навплий сообщил ей о гибели Одиссея. Фабула, из которой информация могла попасть в каталог, во Фрейзингском кодексе отсутствует. Она могла называться «Антиклея»; дезис присутствует в виде краткого комментария.
4) *Сфенебея, дочь Иобата, жена Прета, из-за любви к Беллерофонту*[2] — резюме фабулы 57; дезис в виде краткого комментария.
5) *Эвадна, дочь Филака, из-за своего супруга Капанея, который погиб под Фивами, бросилась в его костер*[3] — ср. Eur. Suppl. 990 и др. Весьма распространенная информация, хотя во Фрейзингском кодексе отсутствует.
6) *Эфра, дочь Питфея, убила себя из-за смерти сыновей*[4] — трудно судить, по какой именно ошибке возник текст; у Эфры был только один сын — Тезей.
7) *Деянира, дочь Ойнея, из-за Геркулеса, потому что, обманутая Нессом, послала ему тунику, в которой он сгорел*[5] — резюме фабулы 36. Дезис достаточно подробен.
8) *Лаодамия, дочь Акаста, из-за разлуки со своим мужем Протесилаем*[6] — из фаб. 104, дезис краток.

---

[1] *Anticlia Autolyci filia mater Vlixis nuntio falso audito de Vlixe ipsa se interfecit.*

[2] *Stheneboea Iobatis filia, uxor Proeti, propter amorem Bellerophontis.*

[3] *Euadne Phylaci filia propter Capaneum coniugem qui apud Thebas perierat in eandem pyram se coniecit.*

[4] *Aethra Pitthei filia propter filiorum mortem ipsa se interfecit.*

[5] *Deianira Oenei filia propter Herculem decepta a Nesso quod ei tunicam miserat in qua conflagrauit.*

[6] *Laodamia Acasti filia propter desiderium Protesilai mariti.*

9) *Гипподамия, дочь Эномая, жена Пелопса, потому что по ее наущению был убит Хрисипп*[1] — фаб. 85, дезис сохранен довольно подробно.
10) *Неэра, дочь Автолика, из-за смерти своего сына Гиппофоя*[2] — малоизвестное предание, связанное с циклом Телефа. Согласно Павсанию (VIII, 4, 6), Неэра, дочь Перея, была супругой Автолика, но чаще считалась супругой Алея и матерью Авги, т. е. бабушкой Телефа, который и был изгнан за убийство братьев матери; этому были посвящена «Алеады» Софокла (F 77–91 Radt). Можно не сомневаться, что фабула об убийстве Телефом дядей имелась в составе сборника, так как ее упоминание есть и в следующем каталоге (244).
11) *Альцеста, дочь Пелия, ради своего супруга Адмета скончалась его смертью*[3] — из фабулы 51; поступок Альцесты не совсем подходит к теме каталога, не говоря о том, что она осталась в живых.
12) *Илиона, дочь Приама, из-за гибели своих родителей*[4] — из фабулы 109, с весьма правдоподобным дезисом; однако в самой фабуле о самоубийстве не говорится; нет и мест, позволяющих предположить лакуну.
13) *Фемисто, дочь Гипсея, потому что по наущению Ино убила своих сыновей*[5] — резюме фабулы 1, дезис достаточно подробен.
14) *Эригона, дочь Икария, из-за смерти отца повесилась*[6] — из фабулы 130.

---

[1] *Hippodamia Oenomai filia uxor Pelopis quod eius suasu Chrysippus occisus est*

[2] *Neaera Autolyci filia propter Hippothoi filii mortem.*

[3] *Alcestis Peliae filia propter Admetum coniugem uicaria morte obiit.*

[4] *Iliona Priami filia propter casus parentum suorum.*

[5] *Themisto Hypsei filia, impulsu Inus quod filios suos occidit.*

[6] *Erigone Icari filia propter interitum patris suspendio se necauit.*

15) *Федра, дочь Миноса, из-за своего пасынка Ипполита повесилась от любви*[1] — из фабулы 47.
16) *Филлида, из-за Демофонта, сына Тезея, повесилась*[2] — из фабулы 109.
17) *Канака, дочь Эола, убила себя из-за любви к своему брату Макарею*[3] — вероятно, из фабулы 207 (от которой дошло только заглавие).
18) *Библида, дочь Милета, убила себя из-за любви к своему брату Кавну*[4] — у Гигина история Кавна и Библиды не излагается (см. Ovid. Met. IX, 453; Conon. ap. Phot. p. 131a Bekker; Parth. 11; Nonn. XIII, 548). Овидиевский миф, вписанный латинским мифографом.
19) *Калипсо, дочь Атланта, убила себя из-за любви к Улиссу*[5] — единственное место, где говорится о самоубийстве бессмертной Калипсо.
20) *Дидона, дочь Бела, убила себя из-за любви к Энею*[6] — у Гигина не излагается; вергилиевский миф, вписанный латинским мифографом.
21) *Иокаста, дочь Менекея, из-за гибели своих сыновей и нечестия*[7] — так же у Еврипида (Phoen. 1455, ср. Sen. Phoen. 443; Stat. Theb. VII, 474, XI, 634); у Софокла (Oed. Tyr. 1235, ср. Sen. Oed. 1034) Иокаста кончает с собой сразу после раскрытия

---

[1] *Phaedra Minois filia propter Hippolytum priuignum suum suspendio se necauit ob amorem.*

[2] *Phyllis propter Demophoonta Thesei filium ipsa se suspendio necauit.*

[3] *Canace Aeoli filia propter amorem Macarei fratris ipsa se interfecit.*

[4] *Byblis Mileti filia propter amorem Cauni fratris ipsa se interfecit.*

[5] *Calypso Atlantis filia propter amorem Vlixis ipsa se interfecit.*

[6] *Dido Beli filia propter Aeneae amorem se occidit.*

[7] *Iocasta Menoecei filia propter interitum filiorum et nefas.*

Эдиповых преступлений; у самого же Гигина (по тексту Фрейзингского кодекса) самоубийство Иокасты в обоих случаях пропущено.

22) *Антигона, дочь Эдипа, из-за погребения Полиника*[1] — как в общеизвестной версии Софокла, но не как в фаб. 72 Фрейзингского кодекса.

23) *Пелопия, дочь Фиеста, из-за преступления отца*[2] — из фабулы 88.

24) *Фисба, вавилонянка, из-за Пирама, потому что он покончил с собой*[3] — овидиевский (Met. IV, 55) миф, вписанный латинским мифографом.

25) *Семирамида, в Вавилонии, потеряв коня, бросилась в погребальный костер*[4] — в других фабулах не упоминается и не совсем относится к мифологии. Ср. о нечестивой любви Семирамиды к коню: Juba Maur. ap. Plin. Hist. Nat. VIII, 155; о самоубийстве не говорится нигде, кроме данного места.

Виды каталогов

Если представить дело механически, то получится, что каталог есть результат своего рода арифметического переразложения (операции, подобной тем, которые совершают с пропорциями, например) группы фабул с одинаковым лизисом; следовательно, виды каталогов должны соответствовать видам лизисов. Конечно же, это верно лишь отчасти.

---

[1] *Antigona Oedipodis filia propter sepulturam Polynicis.*

[2] *Pelopia Thyestis filia propter scelus patris.*

[3] *Thisbe Babylonia propter Pyramum, quod ipse se interfecerat.*

[4] *Semiramis in Babylonia equo amisso in pyram se coniecit.*

Каталоги «по смертям» («по *πάθος*'ам»)

Каталоги, подобные приведенному выше, можно называть каталогами «по смертям», «по *πάθος*'ам». Таких каталогов у Гигина около двух десятков:

«Кто убил своего отца» (234),
«Кто убил свою мать» (235),
«Кто убил своих братьев» (236),
«Какие отцы убили своих сыновей» (237),
«Какие отцы убили своих дочерей» (238),
«Какие матери убили своих сыновей» (239),
«Кто убил своего мужа» (240),
«Кто убил свою жену» (241),
«Кто покончил с собой» (242),
«Какие женщины покончили с собой» (243),
«Кто убил своих родственников» (244),
«Кто убил тестя или зятя» (245),
«Кто съел своих сыновей» (246),
«Кого сожрали собаки» (247),
«Кто умер, раненный кабаном» (248),
«Кто был поражен молнией» (264),
«Кто погиб от руки Нептуна, или Меркурия, или Минервы» (265),
«Кто погиб от руки Аполлона» (266).

Конечно, совсем не каждый упоминаемый в каталогах *πάθος* является лизисом конкретной фабулы (хотя каждый потенциально является лизисом одной фабулы или трагедии, который одновременно может быть дезисом другой трагедии или следующей части трилогии); роль указателя однотипных фабул, классификационной рубрики подобные списки приобретают только в фабульной мифографии; их более традиционная роль — кладезь мифологических сравнений для поэтов; овидиев «Ибис» является шутливой попыткой найти для поэмы такой «аргумент» (точнее, такое его отсутствие), который позволил бы использовать в сравнениях любые каталоги *πάθος*'ов.

Каталоги «по характерам»

Мифология вообще была кладезем банальных сравнений для эллинистической и римской поэзии: когда требуется сказать о чьей-либо красоте или о верной дружбе, поэт часто прибегает не к одному, а к двум или трем примерам из мифологии, создавая своего рода «мини-каталог». Подобные мини-каталоги схожи с определенной группой каталогов Гигина:

«Какие женщины [и мужчины] были самыми благочестивыми по отношению к родным» (254),

«Какие женщины были нечестивы к родным» (255),

«Какие женщины были самыми чистыми» (256),

«Кто были самыми верными друзьями» (257),

«Какие женщины были самыми воинственными» (267),

«Какие герои были самыми храбрыми» (268),

«Кто был самым могущественным» (269),

«Кто был самым красивым» (270),

«Какие юноши были самыми красивыми» (271).

Если искать соответствие организующему принципу этой группы каталогов в аристотелевской теории фабулы, их условно можно назвать «каталогами характеров»: из тех требований, которые Аристотель в «Поэтике» предъявляет к характерам[1], они соответствуют прежде всего последнему, а именно требованию единства (ἦθος ὁμαλόν); перечисляемые в них качества не подлежат изменению и характеризуют героя целиком. Два первых требования — благородства и адекватности (ἤθη χρηστά, ἁρμόττοντα) — также важны для конструирования этой группы каталогов: их герои либо весьма благородны (самые верные, чистые, благочестивые), либо прямо наоборот (фаб. 255); тре-

---

[1] Aristot. Poet. 1454A.

бование адекватности также используется с обратным знаком — составляется каталог самых воинственных женщин, то есть именно того единственного примера неадекватности, который приводит Аристотель.

Этиологические и другие каталоги «по лизисам»

Как лизису-πάθος'у соответствуют каталоги πάθος'ов, так лизису-причине — этиологические каталоги. Их не так уж много у Гигина, и, возможно, число их сокращалось в процессе переработок книги:

«Кто первый построил храмы богов» (225),
«Кто что открыл» (274),
«Кто какие города основал» (275),
«Первые изобретатели вещей» (277).

Каталоги основателей храмов и изобретателей богаты редкими деталями мифографической учености и, без сомнения, восходят к греческим источникам (в отличие от каталогов πάθος'ов и характеров, составленных или отредактированных по самой книге, возможно, уже по латинской версии). О предыстории подобных каталогов, о возможной связи этих каталогов с «Айтиями» Каллимаха уже говорилось выше[1]. Каталог же городов отличается куда более низким уровнем образованности; вместе с еще более безграмотным перечнем островов он вставлен, вероятно, уже в Средние века, причем каталог изобретателей разорван из-за этого надвое (фаб. 274 и 277 Фрейзингского кодекса).

К этиологическим отчасти относится и каталог игр («Кто устраивал первые игры, кончая Энеем, пятнадцатым» — 273), в котором мифографом смешаны две вещи: учреждение периодических игр (Олимпийских,

[1] См. с. 65.

Пифийских, Немейских, Истмийских), имеющее этиологическое значение, и не имеющие такового разовые погребальные игры, описанные поэтами (хотя в отдельных случаях эти категории могут совпадать). Установление периодических игр в качестве этиологического лизиса встречается в некоторых фабулах («Пифон» — 140, «Ино» — 2, «Гипсипила» — 74).

Лизису-приговору соответствует недошедший каталог «Суды над убийцами, проводившиеся в Ареопаге» (272).

Каталогов метаморфоз нет среди каталогов Гигина; однако бо́льшая часть каталога «Кто из смертного стал бессмертным» (224) представляет из себя не что иное, как каталог катастеризмов.

Эпические каталоги

Все перечисленные выше каталоги «по лизисам», похоже, являются нововведением фабульной мифографии (хотя и предвосхищенным поэзией и риторикой); однако у Гигина сохраняются и традиционные каталоги, которые мы называем «эпическими», так как они возникли уже в раннем греческом эпосе, как героическом, так и генеалогическом. Таковы:

- *открывающие книгу и не имеющие порядкового номера генеалогии богов, восходящие к «Теогонии»*[1],
- *каталоги «Собравшиеся аргонавты» (14, восходящий к «Аргонавтике»),*
- *«Семеро царей, отправившихся на Фивы» (70, к «Фиваиде»),*
- *«Семеро Эпигонов, то есть их сыновей» (71, к «Эпигонам»),*
- *«Женихи Елены» (81; к «Киприям»; так же называли часть гесиодовского «Каталога женщин»*[2]*),*

[1] Их фрагмент скопирован во Фрейзингском кодексе в виде отдельной фабулы — «Дети Тифона и Ехидны» (151).

[2] См. с. 38.

– *«Сыновья и дочери Приама, числом 55» (90, к «Киприям»?),*
– *«Кто пошел воевать под Трою и на скольких кораблях» (97, к «Илиаде»),*
– *«Прорицатели» (128, к «Меламподии»?),*
– *«Дочери Даная, какая кого убила» (170, к «Данаиде»).*

Сюда относится и список участников Калидонской охоты (хотя отдельной эпической поэмы о ней не было, свидетельством того, что этот каталог воспринимался как один из традиционно-эпических, может служить его присутствие в «Метаморфозах»). Во Фрейзингском кодексе он разделен на два (географические комментарии вынесены в отдельный список) — «Кто пошел на калидонского вепря» (173) и «Какие города послали помощь Ойнею» (173а). К эпосу, и, частично, прямо к тому же Овидию, восходит и список собак Актеона в фабуле 181.

Все эти каталоги — неотъемлемая принадлежность «эпического кикла», и они размещены в книге не в конце, в отделе каталогов (где находятся все каталоги «по лизисам»), а на своих местах внутри кикла.

Зато в конец вынесены принадлежащие не героическому, но генеалогическому эпосу каталоги смертных возлюбленных богинь («Какие богини возлежали со смертными» — 233; аналогичный см. в конце «Теогонии») и каталогов женщин, которых полюбили боги[1]. Эти каталоги — наследники «Каталога женщин» Гесиода, излагавшего с их помощью чуть ли не всю мифологию; при этом почти наверняка он не был их непосредственным источником. Любопытно, что эти

---

[1] «Какие смертные женщины возлежали с Юпитером» (226), «Какие с Аполлоном» (227), «Какие с Нептуном» (228), «Какие с Меркурием» (229), «Какие с Либером» (230), «Какие с Марсом» (231), «Какие с Аквилоном» (232).

«каталоги женщин» в своем прямом виде, напоминающем о матрилинейной генеалогии, во Фрейзингском кодексе отсутствуют; зато они присутствуют в инвертированном виде — в виде восьми каталогов сыновей богов[1]. Матрилинейность гесиодовской генеалогии с течением времени становилась все более неуместной; каталоги же сыновей богов распространены в современной Гигину литературе[2].

Из эпического кикла происходят и каталоги подвигов героев старшего поколения: канон 12 подвигов Геракла, восходящий к поэмам Писандра и Паниасида, уже по своей природе является каталогом («Двенадцать подвигов Геркулеса, те, что по приказу Эврисфея» — 30), и аналогично ему, в виде каталога, мифограф изображает прочие многочисленные деяния героя («Другие деяния его же» — 31). Так же оформлены «Подвиги Тезея» (38) и странствия Одиссея в первой части фабулы 125.

Каталоги поединков и павших

Неизвестно время происхождения каталогов, суммирующих убийства на Троянской войне; у Гигина к таким относятся: «Вызывавшие друг друга на поединок, кто с кем сражался» (112), «Кого из знатных

---

[1] «Сыновья Юпитера» (155), «Сыновья Солнца» (156), «Сыновья Нептуна» (157), «Сыновья Вулкана» (158), «Сыновья Марса» (159), «Сыновья Меркурия» (160), «Сыновья Аполлона» (161), «Сыновья Геркулеса» (162).

[2] Много таких каталогов сохранилось в сочинениях христианских апологетов и отцов церкви, выписывавших их из книг языческих ученых с целью показать бесстыдство и развращенность эллинских богов (Tat. Oratio ad graecos, 10; Justin. Cohort. ad graec. 2; Paul. Nolan. XXXII, 59; Firm. Mat. De errore, 12; Tert. De execrandis gentium dis, 6; Clement. Recognit. X, 20, Homil. V, 13.

кто убил» (113), «Кто сколько убил, ахейцы» (114), «Кто сколько убил, троянцы» (115). Подобные списки характерны для позднелатинской и средневековой литературы; они имеются, например, в рукописях «Повести о разрушении Трои» Дарета Фригийского[1].

Царские списки

Особенно любопытно то, что происходит в фабульной мифографии с другим традиционным видом каталогов, а именно с царскими списками. Идея списка царей мифологического периода — едва не самое яркое проявление подхода к мифологии как к *будто бы истории*. В изложении хорографов они претендуют на хронологическую непротиворечивость, а у хронографов часто даже снабжаются датами.

У Гигина имеются три царских списка — «Афинские цари» (48), «Цари фиванцев» (76), «Цари ахейцев» (124) — и в них, во-первых, отнюдь не заметно стремления к хронологической последовательности (которая в изданиях все-таки по возможности восстанавливается, но во Фрейзингском кодексе почти полностью отсутствует). Во-вторых, в них включены либо герои, не бывшие царями, но являющиеся протагонистами одной из фабул книги (как Кефал в афинском царском списке), либо царствовавшие не там (как Тантал и Пелопс в аргосском), но связанные тем или иным образом (хорографическим или даже генеалогическим) с мифологическим циклом данной области. При этом,

[1] По воле некоего грамматика, решившего дополнить руководство по мифологии другими общеобразовательными сведениями, в сборник попали выписанные из Варрона каталоги «Семи мудрецов» (221), «Семи лириков» (222) и «Семи чудес света» (223), а также безграмотный список «Самых больших островов» (276).

с другой стороны, в них пропущены цари «хронологически» нужные, но не удостоившиеся отдельной фабулы[1].

Таким образом в сборнике фабул царский список едва не превращается из орудия хронологии в орудие классификации, в каталог типа «Кто славен из афинских героев», в оглавление фабул части сборника (ср. выше о композиционной функции царских списков — завершить один из циклов фабул — с. 162), в рубрику всеобщего каталога мифов.

Сборник фабул — распространенный каталог титулов

Метаморфоза, которую претерпевают под воздействием принципов фабульной мифографии царские списки, заставляет задуматься о роли каталога как оглавления части книги, одной из ее «глав»; вспомним, что всей книге во Фрейзингском кодексе предпослано оглавление — каталог всех фабул, — что нисколько не обычно для древней литературы: возникновение оглавления в данном случае — результат того же процесса сжатия, который превращает трагедию или поэму в фабулу, а фабулу — в пункт каталога.

При пункте же гигиновского каталога, как было показано выше, содержание фабулы сохраняется в более или менее сжатом виде, следуя в виде более или менее сжатого комментария за личным именем, со-

[1] В афинском — Пандион II и Кекроп II (служившие именно хронологической согласованности), Менесфей и все цари после Демофонта; в аргосском царском списке вообще после перечисления Форонидов, взятого из какой-то генеалогии, и Даная, мифограф забывает об Аргосе и переходит к Пелопидам.

ставляющим сам «пункт» и тождественным «титулу» в строении фабулы; иногда этот комментарий нисколько и не сжат, а равен по объему и по подробности изложения целой фабуле; таковы в составе каталогов рассказы о Клеобисе и Битоне (в фаб. 254), Гармодии и Аристогитоне (фаб. 257), Гагнодике (фаб. 274) и др. Хотя упомянутые истории, вероятно, вписаны в рукопись позже составления сборника и позже перевода на латинский, их включение не только не противоречит композиционной логике фабульно-каталогического сборника, но, напротив, проявляет некие ее существенные следствия: всякий каталог является не только оглавлением фабул, но и ни чем иным, как их потенциальным (а в указанных случаях и реальным) мини-сборником, выстроенным по определенной классификационной рубрике, указанной в его заглавии.

Но если каталог — это сборник, то верно и обратное; ведь многие фабулы Гигина начинаются, как уже говорилось, с лишенных сказуемого титулов[1], полностью подобных пунктам каталога-оглавления, и фабула следует за ними точно так же, как распространенный комментарий в случае с некоторыми каталогами; таким образом вся книга Гигина оказывается в потенции одним «сверхкаталогом» фабул; подражая языку редактировавших Гигина грамматиков, можно даже сформулировать вопрос, вынесенный в заглавие этого «макрокаталога»: «Кто действовал в мифические времена» или «Кто известен поэтам и мифографам». Таков логический предел фабульного подхода к мифографии, и, похоже, только инерция эпического кикла удержала мифографов от того, чтобы не расставить мифы внутри сборника-«макрокаталога» по классификационным рубрикам, рассказывая их, например,

[1] См. с. 226.

в порядке тяжести преступлений их героев: сначалах об убийцах отца или матери, потом мужа или жены, братьев и детей и т. д.

ЛОГИКА ФАБУЛЫ В ДРУГИХ МИФОГРАФИЧЕСКИХ СБОРНИКАХ

Помимо «Мифов» Гигина, существуют другие мифографические книги, внешне построенные как сборники кратких рассказов. Это «О любовных страстях» Парфения, «Рассказы» Конона, «Метаморфозы» Антонина Либерала, «Катастеризмы» Лжеэратосфена и вторая книга «Астрономии» Гигина. Можно сказать несколько слов о том, насколько они подобны Гигину внутренне, т. е. о том, имеется ли в них разбираемое нами строение фабулы, а если имеется, то какой вид принимает.

Narrationes: Парфений и Конон

Парфений

Сборник Парфения — самая ранняя из упомянутых книг, а сам Парфений — единственный из авторов, о жизни и творчестве которого что-то известно[1]. Он работал в Риме во второй половине I века до Р. Х., был поэтом и дружил с поэтами; одному из них, Корнелию Галлу, он и посвятил свою книжку «О любовных страстях» (36 коротких историй), являющуюся

[1] Подробные сведения см.: *Парфений*. О любовных страстях / Перевод, статья, комментарии В. Н. Ярхо // ВДИ. 1992. № 2–3. С. 253–254.

пересказом одних поэтических произведений, сделанным с вполне отчетливой целью — писать по этим фабулам новые поэмы. Поставленная Парфением задача — не собственно мифографическая, и он совсем не всегда излагает мифы; не менее трети его сюжетов взято из исторических времен (иногда невозможно определить, о каких временах идет речь).

На полях единственной рукописи, в которой сохранились Парфений и Антонин Либерал[1], приписаны авторы и названия произведений, которые они пересказывают. О происхождении и достоверности этих заметок существовали различные мнения. Рудольф Зелльхейм, посвятивший им диссертацию[2], полагал, что указания источников в книге Парфения восходят к нему самому и находились первоначально в основном тексте. Впоследствии они были вынесены в отдельный список, потом размещены на полях. Позднее, по аналогии с ними, такими же сносками был снабжен Антонин Либерал. Достоверность указаний на источники Парфения была частично подтверждена папирусными находками[3]. Однако многие из них все же вызывают сомнения. Например, достаточно трудно представить себе в хорографическом трактате Гегесиппа[4], указанном как источник для 6-й истории Парфения («О Паллене»), сцену рыданий Паллены и ее задушевного разговора со стариком-воспитателем (*τροφεύς*, традиционная трагическая «кормилица», только в мужском роде); старик и берет на себя ответственность за человекоубийственную и недостойную невинной Паллены (за которую потом заступятся боги) хитрость с колесницей,

[1] Palatinus Graecus № 398; в ней же находится и трактат «О реках» Лжеплутарха, о котором пойдет речь далее.

[2] *Sellheim R.* De Parthenii et Antonini Liberalis fontium indiculorum auctoribus. Diss., Halis Saxonum, 1930.

[3] «Фракиец» Эвфориона — Parth. 13; 26; Suppl. Hellenisticum, № 413–415.

[4] FGrHist III 391.

в которой зерно истории. У Конона, рассказывающего этот же миф[1], старик мог и отсутствовать (если его не выбросил Фотий при пересказе). Естественно предположить, что Парфений пересказывает не прозу Гегесиппа, но уже какое-то поэтическое произведение, или же сам вводит приличествующие поэзии детали[2]. О таких же переделках заставляет думать романтическая история Арганфоны[3], возведенная к хорографическому описанию Вифинии, составленному Асклепиадом из Мирлеи.

Если все же верить рукописным указаниям на источники, Парфений чаще всего пересказывает либо эллинистические эпиллии, либо выдержки из хорографических произведений. Только один раз он пересказывает трагедию («Эвриала» Софокла), и с этого отрывка естественно начать искать дезисы и лизисы:

Связка с предыдущей фабулой	*Οὐ μόνον δὲ Ὀδυσσεὺς περὶ Αἴολον ἐξήμαρτεν, ἀλλὰ καὶ μετὰ τὴν ἄλην, ὡς τοὺς μνηστῆρας ἐφόνευσεν,*
(Пролог)	*εἰς Ἤπειρον ἐλθὼν χρηστηρίων τινῶν ἕνεκα, τὴν Τυρίμμα θυγατέρα ἔφθειρεν Εὐίππην, ὃς αὐτὸν οἰκείως τε ὑπεδέξατο καὶ μετὰ πάσης προθυμίας ἐξένιζε· παῖς δὲ αὐτῷ γίνεται ἐξ ταύτης Εὐρύαλος. τοῦτον ἡ μήτηρ, ἐπεὶ εἰς ἥβην ἦλθεν,*
Дезис	*ἀποπέμπεται εἰς Ἰθάκην, συμβόλαιά τινα δοῦσα ἐν δέλτῳ κατεσφραγισμένα. τοῦ δὲ Ὀδυσσέως κατὰ τύχην τότε μὴ παρόντος, Πηνελόπη καταμαθοῦσα ταῦτα καὶ ἄλλως δὲ προπεπυσμένη τὸν τῆς Εὐίππης ἔρωτα, πείθει τὸν Ὀδυσσέα παραγενόμενον, πρὶν ἢ γνῶναί τι τούτων ὡς ἔχει, κατακτεῖναι τὸν Εὐρύαλον ὡς ἐπιβουλεύοντα αὐτῷ.*

---

[1] Conon, 10.

[2] Другой отрывок, приписанный Гегесиппу (16, «О Лаодике»), быть может, восходит скорей к Эвфориону, как многие другие рассказы Парфения (ср. Paus. X, 26, 8).

[3] Parth. 36.

Лизис	*καὶ Ὀδυσσεὺς μὲν διὰ τὸ μὴ ἐγκρατὴς φῦναι μηδὲ ἄλλως ἐπιεικής, αὐτόχειρ τοῦ παιδὸς ἐγένετο.*
Добавление мифографа	*καὶ οὐ μετὰ πολὺν χρόνον ἢ τόδε ἀπειργάσθαι πρὸς τῆς αὐτὸς αὑτοῦ γενεᾶς τρωθεὶς ἀκάνθῃ θαλασσίας τρυγόνος ἐτελεύτησεν*[1].

Трагедийная фабула (в которой узнавание совершается слишком поздно, после лизиса-*πάθος*'а) вполне сохранена в пересказе Парфения. Он только делает добавления спереди и сзади, связывающие этот малоизвестный эпизод жизни Одиссея с более известными. Последняя фраза служит также заменой традиционного *«узнав же, что он совершил, Одиссей, не снеся бед, положил конец своей жизни»;* возмездие, являющееся истинным лизисом, свершено не руками Одиссея, но руками Телегона, в ситуации, зеркально симметричной ситуации с Эвриалом.

---

[1] «(Связка с предыдущей фабулой:) *Одиссей провинился не только перед Эолом, но после того как завершились его скитания и он перебил женихов,* (пролог:) *он отправился в Эпир ради каких-то пророчеств и здесь совратил Евиппу, дочь Тиримма, который его дружески принял и со всей душой оказал ему гостеприимство. У Одиссея же от Евиппы родится сын Евриал. Когда он возмужал, мать отправляет Евриала на Итаку, снабдив его какими-то приметами, запечатленными на складне.* (Дезис:) *Так как Одиссея случайно не оказалось на месте, Пенелопа, поняв все, а в остальном еще ранее зная о его связи с Евиппой, убеждает вернувшегося Одиссея, прежде чем он узнает истинное положение дел, убить Евриала как-де злоумышляющего против него.* (Лизис:) *И Одиссей, за то что он не привык владеть собой и в остальном был необуздан, оказался убийцей собственного сына.* (Добавление мифографа:) *Вскоре же после того, как это совершилось, сам он нашел свой конец, будучи ранен другим сыном, вооруженным копьем с шипом морского ската вместо наконечника»* — Parth. 3, пер. В. Н. Ярхо.

Однако в целом рассказы Парфения все же не являются «фабулами» в том узком смысле слова, который придается ему в настоящей работе. Данное им традицией название Narrationes, подразумевающее бóльшую свободу изложения, больше им соответствует. Во-первых, как уже говорилось, у Парфения отсутствует мифографическая цель: он не стремится *изложить миф* даже тогда, когда делает это, желая лишь дать любопытную любовную интригу (почти всегда редкую и малоизвестную). А раз нет строго мифографического задания, то нет и того, что из него вытекает: строения фабулы, соответствующего ее цели — дать простую информацию о мифологическом герое. Так, у Парфения почти не чувствуется тенденция вынести имя героя в начало рассказа и в заголовок, т. е. отсутствует то, что мы называем «титулом». Озаглавлены рассказы, в соответствии с темой сборника, чаще всего именами действующих в них женщин. При этом вынесенная в заголовок героиня может быть много менее известна, чем другой действующий в рассказе герой. Так происходит, например, в рассказе «Об Аэро» (20):

Рассказывают, что у Ойнопиона и нимфы Гелики была на Хиосе дочь Аэро. Влюбившись в нее, Орион, сын Гириея, стал требовать ее у отца в жены; ради нее он опустошил весь остров, некогда богатый дикими зверями, и, собрав огромную добычу с местных жителей, дал за Аэро приданое. Однако Ойнопион из ненависти к такому зятю все время откладывал брак, и однажды, когда Орион, обезумев от вина, взломал дверь в спальню, где спала девушка, и изнасиловал ее, Ойнопион выжег ему глаза[1].

---

[1] Пер. В. Н. Ярхо. Оригинал: *Λέγεται δὲ καὶ Οἰνοπίωνος καὶ νύμφης Ἑλίκης Ἀερὼ κόρην γενέσθαι· ταύτης δὲ Ὠρίωνα τὸν Ὑριέως ἐρασθέντα παρ᾽ αὐτοῦ παραιτεῖσθαι τὴν κόρην, καὶ διὰ ταύτην τήν τε νῆσον ἐξημερῶσαι τότε θηρίων ἀνάπλεων οὖσαν, λείαν τε πολλὴν περιελαύνοντα τῶν προσχώρων ἕδνα διδόναι· τοῦ μέντοι Οἰνοπίωνος*

С обычной точки зрения миф говорит вовсе не об Аэро[1], а о том, как ослеп Орион; чтобы превратить парфениевскую narratio amatoria в фабулу, нужно назвать ее «Орион», а в самом тексте перевернуть первые две фразы, чтобы получилось что-то вроде *«Орион, сын Гириэя, как рассказывают, влюбился на Хиосе в Аэро, дочь Ойнопиона и нимфы Гелики...»;* так мы получим титул, а конец — *«Ойнопион выжег ему глаза»* — окажется вполне правильным лизисом, а в целом свободная narratio обернется жестко построенной фабулой.

Подобную процедуру можно провести и с другими главами Парфения, но иногда она не увенчивается успехом. Так, например, ничего не получится с первой историей («О Лирке») — столь прихотлив и далек от фабульной логики ее сюжет.

Конон

Современником Парфения был Конон, сочинение которого традиция также назвала *Narrationes* (*Διηγήσεις*)[2]. Как сообщает Фотий, составивший конспект его книги, Конон жил при каппадокийском царе Архелае Филопаторе (которому посвятил свою книгу, как Парфений — Корнелию Галлу), т. е. также во время Августа. В его книге было 50 историй; трудно судить, насколько они были длинны, то есть насколько подробно пересказывает их Фотий[3].

ἑκάστοτε ὑπερτιθεμένου τὸν γάμον διὰ τὸ ἀποστυγεῖν αὐτῷ γαμβρὸν τοιοῦτον γενέσθαι, ὑπὸ μέθης ἔκφρονα γενόμενον τὸν Ὠρίωνα καταξαι τὸν θάλαμον, ἔνθα ἡ παῖς ἐκοιμᾶτο, καὶ βιαζόμενον ἐκκαῆναι τοὺς ὀφθαλμοὺς ὑπὸ τοῦ Οἰνοπίωνος.

[1] Которую обычно называют Меропой — Apld. I, 4, 3; Erat. Cataster. 32; Hyg. Astr. II, 34.

[2] FGrHist IA 26.

[3] Переписав три рассказа довольно подробно, Фотий сообщает, что дальше, к сожалению исследователей мифографии, будет пересказывать короче — *κεφαλαιωδέστερον*.

Конон, по выражению А. Хенрикса, «единственный греческий мифограф, в книге которого нельзя найти ни тематического единства, ни распознаваемого принципа организации». Форма narrationes имеет в его книге наибольшую свободу; его рассказы не связаны ни друг с другом (генеалогически, тематически или географически), ни изнутри не ограничены единством действия. Он может начать с одного героя, например, с Кадма, перейти на другого (Протея) и закончить сведениями о его сыновьях[1]. Иногда он вообще ставит на место сюжетного единства рассказа генеалогическое (например, рассказ о потомстве Девкалиона — отрывок генеалогии, поданный как отдельная narratio[2]). Часто стержень рассказа — история переселений племени (например, дорийцев и пеласгов во главе с Алфеменом[3] или магнетов[4]).

Если доверять Фотию, то обычно (больше чем в половине случаев) Конон заканчивает рассказ этиологией — происхождением обряда или названия, либо основанием города и окончательным обоснованием поселенцев на новом месте (что тоже является этиологией). Иногда, как замечает Г. Ч. Гусейнов[5], посвятивший Конону остроумный очерк, на месте объясняемой реалии стоит пословица. В поисках аналогии книжке Конона хочется вспомнить не столько об «Айтиях» Калли-

---

[1] Conon, 32.

[2] Conon, 27.

[3] Conon, 47. Весьма странная история: зерном ее являются традиционные сведения о переселении Алфемена с Крита на Родос (Apld. III, 2, 1; Diod. Sic. V, 59), однако сам Алфемен теряет все связанные с ним мифы, оказывается спартанцем, а не критянином, а время его жизни переносится поколений на семь вперед.

[4] Conon, 29.

[5] *Гусейнов Г. Ч.* Типология античной мифографии // Античная поэтика. М., 1991. С. 251.

маха, сколько о «Греческих вопросах» Плутарха. Чтобы завершить перечисление многообразных мифографических тенденций, действующих у Конона, нужно отметить, что он отнюдь не чурается деталей, напоминающих об эвгемеризме и Schwindelliteratur (их можно найти примерно в половине историй).

Narrationes Конона имеют совершенно иной принцип сюжетного единства, чем фабульный; они весьма любопытны для понимания того, каким вообще может быть единство мифологического повествования.

Метаморфозы и катастеризмы

С куда большим успехом мы можем отыскать принципы мифографической фабулы в сборниках мифов о превращениях. Злоупотребляя принятой в данной работе терминологией, их вообще можно назвать «каталогами фабул по лизису».

Превращения несколько раз становились стержнем, на который нанизывались мифы в поэмах; эти поэмы — Никандра[1], Бея[2], Антигона из Кариста[3], Дидимарха[4] и Овидия.

Антонин Либерал

Сохранившийся[5] сборник кратких прозаических пересказов мифов, заканчивающихся превращением,

[1] *Ἑτεροιούμενα*; см.: *Nicander*. The poems and poetical fragments / Ed. A. S. F. Gow and A. F. Scholfield. Cambridge University Press, 1953. P. 142–144.

[2] *Ὀρνιθογονία*; См. Collectanea Alexandrina / Ed. J. U. Powell. Oxford, Clarendon Press, 1925, ²1970. P. 24–25.

[3] *Ἀλλοιώσεις*; см. Supplementum Hellenisticum / Ed. H. Lloyd-Jones and P. Parsons. Berlin, De Gruyter, 1983. P. 20, F 50.

[4] Ibid., F 378a.

[5] В той же рукописи Palatinus Gr. 398, что Парфений с Лжеплутархом.

подписан именем Антонина Либерала[1]. Его составление датируется вторым веком от Р. Х. (т. е. примерно одновременно с Гигином). В сборнике 41 глава, озаглавленная именем главного героя[2]; каждая сопровождается указанием на источник — чаще всего это упомянутые поэмы Бея и Никандра, реже другие эллинистические поэмы или хорографические сочинения; кроме этого, два раза Коринна и один раз Ферекид. Почти все отобранные мифы — редкие; вероятно, это результат стремления к занимательности.

Найти дезис и лизис (а часто и титул) в главках Антонина Либерала нетрудно. Приведем короткий пример (24):

Дезис	*Δημήτηρ ὅτε πλανῆτις ἐπῄει γῆν ἅπασαν κατὰ ζήτησιν τῆς θυγατρὸς ἀνεπαύσατο ἐν τῇ Ἀττικῇ. καὶ αὐτὴν ὑπὸ πολλοῦ καύματος ὑποδέχεται Μίσμη καὶ διδοῖ ποτὸν ὕδωρ ἐμβαλοῦσα γλήχωνα καὶ ἄλφιτον εἰς αὐτό. καὶ ἡ Δημήτηρ ἐξέπιε κατὰ τὸ δίψος τὸ ποτὸν ἀθροῦν. ὁ δὲ παῖς ὁ τῆς Μίσμης Ἀσκάλαβος ἰδὼν ἐποιήσατο γέλωτα καὶ αὖτις ἐκέλευεν ὀρέγειν αὐτῇ λέβητα βαθὺν ἢ πιθάκνην.*
Лизис-превращение	*Δημήτηρ δὲ κατ᾽ ὀργὴν ὡς εἶχε τὸ ποτὸν αὐτῷ τὸ καταλειπόμενον προσέχεεν. ὁ δὲ μεταβαλὼν ἐγένετο ποικίλος ἐκ τοῦ σώματος ἀσκάλαβος*
Лизис-причина	*καὶ ὑπὸ θεῶν καὶ ὑπὸ ἀνθρώπων μεμίσηται. καὶ ἔστιν αὐτῷ δίαιτα παρ᾽ ὀχετόν. ὁ δὲ ἀποκτείνας κεχαρισμένος γίνεται Δήμητρι*[3].

---

[1] См. *Антонин Либерал*. Метаморфозы / Перевод, статья, комментарии В. Н. Ярхо // ВДИ. 1997. № 3–4.

[2] Изредка — названием того, во что он превратился (Ant. Lib. 18).

[3] (Дезис:) *Когда Деметра блуждала по всей земле в поисках своей дочери, она остановилась в Аттике. Во рту у нее все пересохло от страшной жары, и здесь Мисма приняла ее к себе и дала ей напиться воды, смешанной*

Гигин, возможно, начал бы: *«Аскалаб, сын Мисмы, из Аттики, когда туда пришла Деметра, искавшая дочь, и...»* Но цель Антонина Либерала — рассказать не об Аскалабе, а о превращении (ведь есть некоторая разница), и «титул» ему более безразличен, чем Гигину. Зато этиологии в его книге на порядок больше, чем у Гигина; чаще всего это сведения о повадках животных, в которых превратились герои, но нередки и ритуальные айтии.

Еще один пример (18), более обширный (Антонин вообще не стремится к краткости в такой степени, как Гигин):

Титул	*Μούνιχος ὁ Δρύαντος ἐβασίλευσε Μολοσσῶν καὶ ἐγένετο μάντις ἀγαθὸς καὶ ἀνὴρ δίκαιος. ἔσχε δὲ παῖδας ἐκ Δηλάντης Ἄλκανδρον, ἀμείνονα μάντιν ἑαυτοῦ, καὶ Μεγαλήτορα καὶ Φιλαῖον καὶ θυγατέρα Ὑπερίππην.*
Дезис	*τούτους γενομένους πάντας ἀγαθοὺς καὶ δικαίους ἐφίλησαν οἱ θεοί. ἐπεὶ δὲ αὐτοὺς ἐπὶ τῶν ἀγρῶν νυκτὸς ἐπελθόντες λῃσταὶ συν ελάμβανον, οἳ δὲ ἐκ τῶν πύργων ἔβαλλον (οὐ γὰρ ἦσαν αὐτοῖς ἰσόμαχοι) καὶ πῦρ ἐνέβαλλον οἱ κλῶπες εἰς τὰ οἰκία. Ζεὺς δ' οὐ περιεῖδεν αὐτοὺς ὁσιότητος ἕνεκα τελευτή σαντας οἰκτίστῳ θανάτῳ,*
Лизис-превращение	*μετέβαλε δὲ πάντας εἰς ὄρνιθας. καὶ Ὑπερίππη μὲν ἐπεὶ φυγοῦσα τὸ πῦρ εἰς ὕδωρ κατέδυ γέγονεν αἴθυια, οἱ δ' ἄλλοι ἐκ τοῦ πυρὸς ἀνέπτησαν, Μούνιχος μὲν*

с мятой и мукой. Деметра от жажды выпила все одним глотком. Сын же Мисмы Аскалаб поднял ее на смех и приказал подать ей полный кувшин или бочку. (Лизис-превращение:) *Тогда Деметра в гневе вылила на него то, что оставалось от питья. И Аскалаб превратился в пятнистую ящерицу, предмет ненависти богов и людей.* (Лизис-«причина»:) *Живет она около канав с водой, и кто ее убивает, становится любезен Деметре* (Пер. В. Н. Ярхо).

τριόρχης γενόμενος, Ἄλκανδρος δὲ ὀρχίλος. Μεγαλήτωρ δὲ καὶ Φιλαῖος, ὅτι τὸ πῦρ φεύγοντες διὰ τοῦ τοίχου παρὰ τὴν γῆν ἔδυσαν, ἐγένοντο μικροὶ δύο ὄρνιθες καὶ ἔστιν ὁ μὲν αὐτῶν ἰχνεύμων, Φιλαῖος δ' ὀνομάζεται κύων. ἡ δὲ μήτηρ αὐτῶν ἐγένετο κνιπολόγος πιπώ.

Лизис-причина *πρὸς ταύτην ἀετῷ πόλεμός ἐστι καὶ ἐρῳδιῷ κατάγνυσι γὰρ αὐτῶν τὰ ᾠὰ κόπτουσα τὴν δρῦν διὰ τοὺς κνῖπας. καὶ εἰσὶν οἱ μὲν ἄλλοι σύννομοι ἐν ὕλῃ καὶ παρὰ κευθμῶνας, αἴθυια δὲ ἐγένετο πρὸς λίμνας τε καὶ θαλάσσῃ*[1].

Ни трагедии, ни ее пересказа не было среди источников Антонина Либерала; сходство его принципов изложения с Гигином проистекает из самого мифологи-

---

[1] (Титул:) *Муних, сын Дрианта, царствовал над молоссами и был хорошим прорицателем и справедливым человеком. От Леланты у него были сыновья Алкандр (еще лучший прорицатель, чем он сам), Мегалетор, Филей и дочь Гиперилпа.* (Дезис:) *Боги их возлюбили, так как были они все благородны и справедливы. Когда однажды ночью на них напали в поле разбойники и пытались их пленить, они стали бросать на них с высоты башен <что попало под руку> (ибо не могли равняться силами с нападавшими); тогда воры подожгли их дома.* (Лизис-превращение:) *Однако Зевс, ради их благочестия, не допустил такой плачевной смерти, а превратил всех в птиц. В частности, Гипериппа превратилась в гагару, так как, спасаясь от огня, бросилась в воду. Остальные же выпорхнули из огня, превратившись — Муних — в сарыча, Алкандр — в королька. А Мегалетор и Филей превратились в двух маленьких птиц, так как, спасаясь от огня, спустились по стене на землю. И первый из них — ихневмон, Филея же называют псом. Мать их превратилась в зеленого дятла.* (Лизис-причина:) *Орел и цапля ведут с ним войну, ибо он разбивает их яйца, стуча по дубу в поисках мошек. А живут они все вместе в лесу и кустарнике, кроме гагары, которая обитает в озерах и в море* (Пер. В. Н. Ярхо).

ческого материала и из фабульного подхода к нему. Результатом этого подхода неизбежно оказывается каталог или оглавление: списки тех, кто превратился, и тех, в кого, предпосланы сборнику в рукописи.

Катастеризмы

Катастеризм — это превращение в созвездие. Сохранилось два сборника мифов, привязанных к созвездиям: один латинский (вторая книга «Астрономии» Гигина[1]) и один греческий («Катастеризмы» Лжеэратосфена[2]), оба, вероятно, второго века от Р. Х.

Звездная мифография — своего рода хорография; эти сборники построены как комментарий к звездному глобусу; иногда, как отмечает А. А. Россиус, без взгляда на него даже нельзя понять, о чем идет речь[3]. В посвященной каждому созвездию главке автор прежде всего отвечает на вопрос «кто это?», причем иногда вариантов ответа несколько. Приводимые при этом мифы иногда рассказаны достаточно развернуто, чтобы в них можно было формально выделить дезис и лизис, но в этом нет надобности; организующий принцип катастеризмов не в фабульном строении, а в карте звездного неба. Довольно часто автор даже забывает

---

[1] *Hygine*. L'Astronomie / Ed. A. Le Boeuffle. Paris, Les Belles Lettres, 1983. Перевод: *Гигин*. Астрономия / Перевод и комм. А. И. Рубана. СПб, 1997.

[2] Pseudo-Eratosthenis catasterismi / Ed. A. Olivieri // Mythographi Graeci, III, 1. Leipzig, Teubner, 1897. Перевод: [Эратосфен]. Превращения в созвездия // Наука, небо, поэзия. Античные авторы о небесных светилах, об их именах, восходах, заходах и приметах погоды / Пер. А. А. Россиуса. М., 1992. С. 62–87.

[3] Хирону (т. е. созведию Кентавра), как пишет мифограф, не видна Меланиппа (т. е. созвездие Коня) — это справедливо только для глобуса (см. Наука, небо, поэзия..., с. 147).

сказать о том, что герой был «помещен среди звезд» (то есть, выражась по-нашему, пропускает лизис), ограничиваясь констатацией, что *«такое-то созвездие — это такой-то»*.

ФАБУЛА И БАСНЯ

Басня издревле соблюдала принцип единства действия. При этом именно она и называлась по-гречески *μῦθος*, а по-латински fabula.

Название книги Гигина «Fabulae», когда бы оно ни возникло, менее всего было характерно для сборника пересказов мифов; как уже говорилось, оно могло быть понято даже как «трагедии», но естественнее всего для позднелатинского или средневекового читателя было бы, взглянув на заголовок *«Hygini fabulae»*, решить, что перед ним один из сборников басен. Один из таких читателей и вставил в конец сборника, перед разделом каталогов, басню о Заботе (фаб. 220), латинское происхождение которой несомненно, так как в ней используется игра слов *humus — homo*[1].

---

[1] Среди действующих лиц греческих басен не встречаются ни Сатурн-Крон, ни Земля, ни главный персонаж данной фабулы, Забота (лат. Cura), имя которой затруднительно перевести на греческий; редок в греческой басне и этимологический мотив. Таким образом, фабула является редким образцом латинской прозаической басни (в отличие от стихотворных переложений с греческого Федра и Бабрия), вероятно, позднего происхождения (так как Юпитер является в ней подателем души и ее хозяином после смерти). Греческие, «эзоповские», басни о сотворении человека обычно куда более желчны и сатиричны (ср. басни 138, 148, 150, 155, 173, 383 Hausrath; на последнюю басню ссылается Гораций — Carm. I, 16).

«Фабула» по Исидору

Нетрудно укорять интерполятора, вставившего в Гигина «Заботу», в невежестве и невнимательности; сложнее уяснить причины, делающие его не совсем неправым. Латинские ученые раннего средневековья вообще не делали различия между мифом и басней; Исидор Севильский в главе «De fabula»[1] сначала разделяет фабулы на «эзоповы» и «либистийские» (причем «либистийские» — это тоже басни, только не такие, в которых животные говорят друг с другом, а такие, в которых животные с человеком[2]), а затем заново делит фабулы на вымышленные «delectandi causa» (такие, согласно Исидору, писали Плавт и Теренций), «ad naturam rerum» (это мифы; Исидоровы примеры — химера и кентавры) и «ad mores hominum» (это басни). Три значения латинского *fabula* — миф, басня, драма — прекрасно уживаются для Исидора внутри одного понятия, как его подвиды, при этом первое из них — это все-таки басня; такое понимание «фабулы» было, вероятно, свойственно и тому, кто вставил в книгу Гигина «Заботу»[3].

«Миф Эзопа»

Миф и басня всегда обозначались одним и тем же словом; мало того, именно за басней слова *μυθογράφος* и *μυθογραφία* были терминологически закреплены[4].

[1] Isid. Orig. I, 39.

[2] Это деление почерпнуто у греческих риторов — см. Aelius Theo, Progymn., p. 73, l. 2 Spengel.

[3] С латинской ученостью времен Исидора связано, вполне возможно, и появление самого названия сборника «Fabulae».

[4] Поэтому слово «мифология» переводилось (точнее, калькировалось) на русский язык XVIII века как «баснословие», «мифологический» — «баснословный» и т. п.

Иногда, чтобы отличить собственно басню, по-гречески добавляли имя легендарного классика этого жанра, говоря *μῦθος τοῦ Αἰσωποῦ*, букв. «миф Эзопа», и вполне сознавая возможность путаницы или каламбура: Сократ у Платона говорит, иронизируя над самим собой: *«я подумал, что поэт, если, конечно, он хочет быть поэтом, должен излагать в своих стихах мифы, а не рассуждения, а сам я чужд мифологии; вот потому-то из тех мифов, которые были у меня под рукой, то есть Эзоповых, — ведь я их помню, — я и переложил стихами первые попавшиеся»*[1].

Герои и темы мифов в басне

Миф и басню объединяло не только общее название, проистекающее из общности фольклорного происхождения, но иногда и содержание. Обычными действующими лицами басни являются, помимо животных и людей, боги олимпийского пантеона: это чаще всего Зевс[2] (в роли не всегда удачливого царя всех живых существ) и Гермес[3] (в роли его слуги и посыльного), но также и Афина[4], и Афродита[5], и Прометей[6], и Геракл[7], и Аполлон[8], и насмехающийся над всеми ними

---

[1] «...*ἐννοήσας ὅτι τὸν ποιητὴν δέοι εἴπερ μέλλοι ποιητὴς εἶναι ποιεῖν μύθους ἀλλ᾽ οὐ λόγους καὶ αὐτὸς οὐκ ἦ μυθολογικός διὰ ταῦτα δὴ οὓς προχείρους εἶχον μύθους καὶ ἠπιστάμην τοὺς Αἰσώπου τούτων ἐποίησα οἷς πρώτοις ἐνέτυχον*» — Phaedo 61B, ср. Diog. Laert. II, 42. Слова Сократа можно понять и так: «... поэт ... должен излагать стихами фабулы, я же чужд фабул...»

[2] Aesop. 3, 44, 102, 103, 105–111, 119, 172, 190, 213, 228, 248.

[3] Aesop. 89–91, 101, 104, 105, 110, 183, 188, 190.

[4] Aesop. 102.

[5] Aesop. 50.

[6] Aesop. 102.

[7] Aesop. 113.

[8] Aesop. 106.

Мом (деятельность которого вообще известна преимущественно из басен[1]), и прорицатель Тиресий[2], и сатиры[3] — не как спутники Диониса, а просто как лесные жители, разумные («говорящие», αὐδήεντες[4]), но нечеловеческой природы. Басня часто использует такие «мифологические» сюжеты, как творение богами людей (о нем говорится и в попавшей в сборник Гигина басне о Заботе), дары людям от богов, превращение богами людей в животных и пр.; особенно часто встречается басня с лизисом-причиной («поэтому пчелы теряют жало при укусе»[5] и т. п.), строение которой вполне подобно строению этиологического мифа. При всем этом «басенность» рассказа, т. е. юмористичность, нравоучительность и откровенное использование действующих лиц лишь как инструментов типизации определенного рода ситуаций обычно достаточно ощутима, чтобы спутать басню с мифом было невозможно, и примеры повествований, занимающих промежуточное между мифом и басней место, чрезвычайно редки (один из них сохранен у Гигина в фаб. 13[6]). Герои басни безымянны, не известны их генеалогия и родной город; в ней не бывает «титула».

---

[1] Aesop. 102; в собственно «мифологических» источниках имеется упоминание Гесиода о том, что Мома (μῶμος — «насмешка, брань, разнузданность», в переводе Гигина «Petulantia», см. <Введение>, 1) родила Ночь (Theog. 214); существовали также сатировские драмы Софокла и Ахея Эретрийского «Мом» (F 419–424 Radt, 29 Snell). Возможно, в несохранившихся баснях действовали и другие аллегорические фигуры из приводимого Гесиодом списка порождений Ночи.

[2] Aesop. 91.

[3] Aesop. 35.

[4] См. *Шталь И. В.* «Одиссея» — героическая поэма странствий. М., 1978. С. 34.

[5] Aesop. 172.

[6] О Гере, которая, «чтобы испытать нравы людей», приняла вид старухи, просившей перенести ее через реку; только Ясон был достаточно благороден, чтобы сделать это (ср. Sch. Ap. Rhod., arg.).

9 Зак. 3209

Дезис и лизис в басне

Важнее достаточно поверхностного сходства содержания мифов и басен сходство выражающего единство действия повествовательного механизма басни и мифографической фабулы. Суть басни, то, ради чего она рассказывается, заключается обычно в ее концовке: в конце персонаж совершает некое действие или, чаще, произносит некую реплику, приобретающую вес афоризма, а предшествующий рассказ вводит предпосылки и создает условия для того, чтобы концовка могла прозвучать должным образом. Это не что иное, как дезис и лизис: лизис-афоризм, лизис-айтия, часто и лизис-смерть. Попавшую к Гигину «Заботу» разрешает частый и в фабулах мифологического содержания лизис-приговор (а внутри него содержится и этимологическая *причина*): *quibus Saturnus † secus uidetur iudicasse: Tu Iouis quoniam spiritum dedisti ... corpus recipito. Cura quoniam prima eum finxit, quamdiu uixerit Cura eum possideat; sed quoniam de nomine eius controuersia est, homo uocetur quoniam ex humo uidetur esse factus*[1].

Басенной же «морали» в мифе соответствует аллегорическое истолкование, которое добавляли к фабуле Фульгенций и Ватиканские мифографы.

[1] *«Сатурн так рассудил их: «Ты, Юпитер, поскольку дал душу, <получишь душу, а ты, Земля, поскольку дала тело,> получишь тело. Поскольку Забота первым слепила его, она будет владеть им, пока он живет. А раз из-за его имени начался раздор, пусть он называется человек, потому что сделан из земли».*

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ФАБУЛЬНОЙ МИФОГРАФИИ

Аргумент трагедии отыскивает в ней события в их причинно-следственной связи; того же ищет в мифах мифографическая фабула. А когда события найдены, начинает производиться классификация мифов по этим событиям. Традиционные генеалогические и географические связи ослабляются или исчезают; вместо них появляются связи классификационно-типологические: рассыпавшуюся на фабулы мифологию нужно разложить по полочкам.

Тому, кто ищет *единства действия*, грозит, во-первых, потерять связь данного *единого* действия с прочими, а во-вторых — лишиться вообще всего, что не сводится к собственно *действию*. Поэтому многое в мифологии оказывается недоступным для выражающей единство действия фабулы: даже при изложении того, что наиболее подходит для нее, т. е. трагических мифопей, после разбивки на фабулы ускользает связующая отдельные несчастья Пелопидов или Лабдакидов тема родового проклятья[1]. Невозможно ни изложить фабулами бедную событиями теогонию (чем и вызвано отступление от формы во «Введении»), ни описать свойства и атрибуты богов (для чего больше всего подходит гимническая литература). Исчезает почти вся этиологическая сторона мифологии, ненужная собственно сюжету. С потерей этиологии и внутренней хронологии пропадает все значение мифологии как знания о предыстории теперешнего мира и человека.

Почти потеряв таким образом первую и простейшую трактовку мифов — как истории — фабула еще

[1] Не всегда совершенное разбиение циклов на фабулы заставляло даже Шмидта предполагать в оригинале Гигина сплошной текст.

хуже обращается со второй, иносказательной; она теряет всю их символическую сторону, раскрывавшуюся древними в этических, физических или метафизических истолкованиях.

Наследники Гигина хотели исправить некоторые их этих упущений: Фульгенций ввел в фабулы аллегорию, а Ватиканские мифографы посвящали специальные фабулы занятиям и атрибутам богов.

ФАБУЛЬНАЯ МИФОГРАФИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Возможно, только после Гигина, в «Мифологиях» Фабия Фульгенция Планциада[1] и у трех Ватиканских мифографов[2] мифография впервые приобретает достаточную степень повторяемости внешних признаков, чтобы можно было говорить о ней как о «жанре». Отсутствие в расположении фабул у Фульгенция и Ватиканских мифографов следов эпического кикла, остающегося для Гигина одним из важнейших композиционных принципов, также говорит об утвердившейся самодостаточности фабулы: лжехронологическое расположение фабул в порядке «кикла» больше не нужно: каждая из них для этих мифографов закончена сама по себе.

Самое важное, уже упоминавшееся нововведение Фульгенция состояло в том, что каждую из 50 коротких фабул своего сборника он снабдил ее аллегорическим толкованием (так же, как старательные баснопис-

[1] Fabii Planciadi Fulgentii opera / Ed. R. Helm. Leipz., Teubner, 1898; Fulgentius The Mythographer. Translated, with Introductions, by L. G. Whitebread. Ohio University Press, 1971.

[2] Scriptores rerum mythicarum latini tres Romae nuper reperti / Ed. G. H. Bode. Cellis, 1834.

цы снабжали моралью каждую басню). Христианин, живший в африканском королевстве вандалов уже после так называемого падения Западной империи, Фульгенций ищет в толковании мифов отнюдь не священную истину древних; при сравнении Фульгенция с Корнутом или Проклом бросается в глаза, что его подход — хладнокровный подход ученого; те стараются разгадать тайны мифов и оправдать их глубокую истину с точки зрения истины философской, Фульгенций же — просто понять, в чем их целесообразность.

Книга третьего Ватиканского мифографа (Альбериха Реймсского, вероятно, XII века) вообще начинается с любопытной истории о Сирофане и его умершем сыне; этот «миф» описывает происхождение мифов и веры в богов из почитания изображений умерших. История Сирофана — предтеча современных теорий возникновения мифологии.

Таким образом, путь фабульной мифографии после Гигина был путем от изложения мифов к их осмыслению; зачатки этого осмысления находились и в том классифицировании мифов, тенденция к которому присуща фабульной мифографии.

Альберих был авторитетным предшественником для Боккаччо[1], Боккаччо — для Лилия Гиральда и Наталиса Комеса, от которых остается несколько шагов до Вико, с которого обычно начинают историю современного осмысления мифологии[2]. Такова линия преемственности между античной мифографией и современной наукой о мифе; желание проследить судьбу фабульной мифографии приводит к осознанию этой преемственности.

---

[1] Ср. *Gruppe O.* Geschichte der klassischen Mythologie und Religionsgeschichte während des Mittelalters im Abendland und während der Neuzeit. Leipzig, Teubner, 1921. S. 23.

[2] См., например, *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976. С. 13.

ФАБУЛЬНАЯ «ЛЖЕМИФОГРАФИЯ»

СТОРИЯ такой формы изложения мифов, как фабула, была бы совсем неполной, если бы случайно не сохранилось одно странное произведение — трактат Лжеплутарха «О реках», в котором эта «форма» оторвалась от своего настоящего содержания. В школе начинают с «изложений» и кончают «сочинениями»; так же и мифографическая фабула, по природе своей будучи формой «изложения», однажды вдруг стала формой «сочинения»[1].

Это произошло только благодаря легкомыслию и шарлатанству, царившему в той ужасной (с точки зрения серьезных филологов) эвгемеристической Schwindelliteratur, для которой мы так и не нашли удачного русского названия. Эвгемеризм обладал способностью симулировать разнообразные виды греческой словесности: в своем месте говорилось о следах Schwindel-теогонии и Schwindel-хорографии; однажды возникла и Schwindel-фабула.

[1] Сделавший это Лжеплутарх проявил примерно столько же фантазии, сколько проявляется обычно в школьных сочинениях.

«О РЕКАХ» ЛЖЕПЛУТАРХА

Мифографическая фабула, хоть и обедняла свой предмет, весьма легко справлялась с изложением мифов; она столь удачно придавала материалу вид простоты и внутренней законченности, что, пожалуй, могла иногда восприниматься как идеальная, точнее — самая естественная форма для изложения мифа. Это, надо полагать, стало причиной того, что именно форма фабулы со всей совокупностью ее признаков (краткость, единство действия, наличие титула, дезиса и лизиса, тяготение к каталогизации) послужила редкому, возможно, уникальному в античности явлению: выдумыванию из головы новых «мифов» по аналогии со старыми.

Лжеплутарх, похоже, не чувствовал разницы между «мифом» и фабулой, и греческий язык, обозначающий их одним словом, не мог подсказать ему, что это все-таки не одно и то же. Желая придумать новые мифы, он просто сочинял фабулы.

Реальный материал всегда многообразен и причудлив; он не хочет укладываться в какую бы то ни было форму и следовать какой бы то ни было логике. Не связанная больше трудностями работы с ним, лишившаяся его богатства, мифографическая фабула достигает большего равенства себе — и большей стандартизации; она вольна теперь следовать заложенным в ней тенденциям и обнажать свою простую и безотказную логику.

Основные сведения о трактате

Небольшой трактат «О том, чьими именами названы реки и горы и что там родится»[1], обычно для краткости

---

[1] *Περὶ ποταμῶν καὶ ὀρῶν ἐπωνυμίας καὶ τῶν ἐν αὐτοῖς εὑρισκομένων.* Издан в: Geographi Graeci minores / Ed. C. Müller. Vol. 2. Paris, Didot, 1861 (переиздано: Hildesheim, Olms, 1965. P. 637–665).

называемый «О реках» (De fluviis), сохранился в одной рукописи (Палатинский[1] кодекс 398[2], листы 157–173) и надписан в ней именем Плутарха; однако то, что этот трактат ему не принадлежит, несомненно ввиду разительных отличий от сочинений херонейца, которые были ясны уже для неизвестного греческого филолога, приписавшего на полях Палатинского кодекса лаконичную заметку о подложности трактата. Его язык однообразен и несовершенен, а мысли столь же однообразны и удивительно наивны; если стиль и образ мыслей Гигина вызывал в воображении Роуза образ не закончившего образования провинциального юноши, то знакомство с Лжеплутархом, вполне возможно, заставило бы серьезного британца думать о десятилетнем мальчике, слишком рано начитавшемся дешевых книг.

Трактат состоит из двадцати пяти главок, озаглавленных названиями рек и построенных по единообразной схеме. В начале каждой главки сообщается, где находится река и как она называлась до того, как получила нынешнее имя; затем приводится миф (иногда несколько), объясняющий переименование; затем говорится, что в данной реке или на ее берегах находят некую траву или некий камень, обладающий такими-то и такими-то чудесными свойствами. Потом говорится, что рядом с данной рекой лежит такая-то гора, и все повторяется: название, миф, трава или камень с чудесными свойствами — география, мифография, парадоксография. При этом почти каждое при-

---

[1] Или Гейдельбергский (он хранится в Палатинской библиотеке в Гейдельберге).

[2] Тот же, в котором дошли Парфений и Антонин Либерал. Описание этого кодекса сделал Альфред фон Гутшмид в Neue Heidelberger Jahrbücher, I, 1891, p. 227 sqq. (= *Gutschmid A.* Kleine Schriften / Ed. Fr. Rühl. IV, p. 590 sqq.).

водимое мифографическое или парадоксографическое сведение сопровождается подробной, часто с указанием номера книги, ссылкой на сочинение, из которого оно почерпнуто — черта, которую Якоби[1] назвал «лженаучной аффектацией» Лжеплутарха.

Самым замечательным свойством трактата является то, что он выдуман из головы от начала до конца. Сообщаемая в нем информация не имеет параллелей в других источниках, а ее примитивность и единообразие заставляют предположить происхождение из единого источника — *«бедной фантазии сочинителя»*, словами Якоби[2], или *«из одного и того же умишка, словно из мастерской»*, словами Мюллера[3].

Не выдуманы только сами реки (хотя про некоторые сообщается фантастическая информация, например, что Тигр впадает в Аракс[4]). Зато около половины гор, «лежащих около рек», уже вымышлено. Вымышлены и все (за двумя исключениями) старые названия рек и гор и почти все объясняющие перемену древнего имени на современное мифологические сюжеты; всего их в трактате более семидесяти; лишь единицы — «подлинные», т. е. старые мифы (о Марсии — 10, 16 со ссылкой на подлинного автора, Александра Полигистора; об Эвене — 8, 1, без ссылки — редкостный для нашего эрудита случай). Иногда Лжеплутарх добавляет вариации к известным ситуациям (о Прометее — 5, 3, о Кадме — 2, 1, о Мидасе — 10, 1), иногда сочиняет новые мифы о героях с привычными именами (о Беоте — 2, 2, о Фестии и Ахелое — 22, 1, об Инахе — 18, 2, еще в нескольких случаях); но чаще

[1] FGrHist IIIA p. 164.

[2] Ibidem.

[3] «Ex eodem cerebello, tamquam ex fabrica» — GGM, II, p. LV.

[4] De fluv. 21, 1.

всего выдумывает имена и прибавляет к ним либо более-менее стандартные (иногда просто копирующие общеизвестные с заменой имен[1]), иногда менее тривиальные истории.

Вымышлены, за единичными исключениями, все чудодейственные камни и растения (выписки о которых делали из Лжеплутарха Стобей[2] и Лжеаристотель[3]). Вымышлены все ссылки на источники, присутствующие в трактате в чрезмерном, неправдоподобном количестве — первым об этом написал Фалькенэр[4].

Лжеплутарх вызывал у филологов исключительное возмущение. Авторитетный издатель Плутарха Виттенбах (много сделавший для восстановления текста и смысла трактата) назвал «О реках» *«грязной книжонкой обманщика, пустейшего, глупейшего и, самое главное, всех лживейшего»*[5]. Бернгарди: *«эта книжонка ... вся наполненная ложью и грязной похотью»*[6]. Карл Мюллер (последним вложивший труд в издание Пс.-Плутарха) начинает очерк о трактате лаконским афоризмом из Ксенофонта: *«ничем не хуже жила бы Спарта, если бы он погиб»* (а не сохранился, к несчастью филологов, в Палатинском кодексе)[7].

---

[1] Например, история «этолийского Ипполита» Миэна — De fluv. 8, 3.

[2] Ioannis Stobaei anthologium / Ed. C. Wachsmuth and O. Hense. 5 vols. Berlin, Weidmann, 1884–1912, repr. 1958.

[3] Mirabilium auscultationes / Ed. I. Bekker // Aristotelis opera, vol. 2. Berlin, Reimer, 1831, repr. De Gruyter, 1960.

[4] Praefat. ad Phalar. Epistolas, p. XIV.

[5] Libellus foetus falsarii et vanissimi et ineptissimi et unius omnium mendacissimi — Plut. Mor. 2, 235.

[6] «At libellus iste ... totus quantus ex mendaciis foedisque libidinibus conflatus» — Analecta in Geogr. min., p. 27. (цит. по GGM, II, p. LV)

[7] Xen. Hell. I, 6, 32; GGM, II, p. LII.

Датировка

Трактат «О реках» не написан Плутархом, но написан тем же человеком, который, вдохновленный, вероятно, творениями настоящего Плутарха, составил так называемые «Малые сравнительные жизнеописания». О том, что они написаны той же рукой, что и наш трактат, свидетельствует единство стиля и образа мыслей, ссылки на одних и тех же ложных авторов и атрибуция Плутарху. «Малые сравнительные жизнеописания» менее лживы, чем «О реках» — в них одна из историй, чаще греческая, чем римская, обычно традиционна, а параллельная грубо выдумана, — и более обширны. Они содержат (гл. 30) ссылку на Юбу Мавританского, реального ученого, жившего при Тиберии; это является terminus post quem для датировки Лжеплутарха. Terminus ante quem определяется выпиской из «Малых жизнеописаний» у Климента Александрийского[1], жившего в начале третьего века. Позже Климента из «О реках» делались многочисленные выписки (см. таблицу на с. 309–310)[2].

---

[1] Protr. III, 42.

[2] У Стобея и Лжеаристотеля выписки из «О реках» собраны вместе (изредка чередуясь со сведениями, отсутствующими в трактате, по крайней мере, в современной его версии), однако следуют отнюдь не в том порядке, что в источнике. Выписки Стобея объединяются в три группы, порядок сведений внутри которых совпадает с их порядком в «О реках»: 15–18, 12–14, 20–21 — как будто он сначала читал середину трактата, потом начало, а потом вернулся в конец. Во всяком случае, он, весьма вероятно, пользовался самим трактатом, тогда как хаос выписок у Лжеаристотеля свидетельствует, что взятые из «О реках» сведения неоднократно перетасовывались в парадоксографических компендиях, прежде чем попасть в тот, который дошел до нас.

Р. Герхер поставил «О реках» в контекст таких сочинений, как «Новая история» Птолемея Гефестиона[1] — наглой, развлекательной, по-своему остроумной Schwindelliteratur имперского периода. С тех пор «О реках» иногда упоминают в связи с Гефестионом[2]; с другой стороны, он полагал, что на Лжеплутарха могли оказать влияние «Переименования» Никанора Киренского, написанные при Траяне или Адриане.

Весьма вероятно также, что подражатель Плутарха жил после него самого; это сдвигает рамки датировки, приходящейся в таком случае на середину — конец второго века от Р. Х., т. е. одновременно или несколько позже того времени, когда мог быть составлен «Гигин»: фабульная форма в уже сложившемся, ставшем привычным виде была использована автором для его целей.

«Лженаучный аппарат»

Традиционным путем поиска terminus post quem для составления какого-либо сочинения является попытка установить время жизни самого позднего из цитируемых в нем авторов; применительно к Лжеплутарху этот метод невозможен, так как почти все ссылки в «О реках» — ложные.

Наличие «лженаучного аппарата» — многочисленных подробных ссылок на вымышленные сочинения — одна из любопытнейших черт трактата. Похоже, что

---

[1] Plutarchi libellus De Fluviis / Ed. P. Hercher, 1851; (переизд.: Jahrbuch für klass. Philologie, Suppl. 1, 1856. S. 269 ff.); *idem*. Über die Glaubwürdigkeit der *neuen Geschichte* des Ptolomaeus Chennus. Bonn, 1855.

[2] Например: *Chatzis A*. Der Philosoph und Grammatiker Ptolemaios Chennos // Drerup's Studien zur Geschichte und Kultur der Antike. Bd. VII, T. 2. Paderborn, 1914.

автором двигало не только и не столько стремление внушить доверие (чрезмерность аргументации как раз подрывает доверие), сколько своего рода вдохновение, происшедшее из чтения книг подлинных эрудитов, в том числе и самого Плутарха. Не связанный реальностью, автор строит идеальный (по его мнению) аппарат ссылок; такой аппарат должен быть:

– всеобъемлющим: в «О реках» *каждое* сведение подкреплено ссылкой;

– богатым: в трактате объемом около одного авторского листа Лжеплутарх 74 раза ссылается на разные сочинения 46 авторов;

– точным и подробным: почти всегда указаны родной город автора и название сочинения, в трех четвертях случаев указана книга (или песня, если речь идет о поэме) сочинения (16 раз — первая, 10 раз — вторая, 15 раз — третья, 3 раза — четвертая, по одному разу — десятая и одиннадцатая, 6 раз — тринадцатая, и один раз, возможно, по ошибке, восьмидесятая);

– запутанным: одному автору должны принадлежать несколько книг, книги с одинаковым названием должны принадлежать разным авторам, авторы с одинаковыми именами должны происходить из разных городов, а родина (и, следовательно, идентификация) некоторых должна быть неясной и т. п.;

– противоречивым: разные авторы иногда должны придерживаться одинакового мнения по вопросу, иногда — близких, иногда совсем различных (см. De fluv. 1, 4; 2, 2–3; 9, 1–2; 9, 5; 10, 2 и др.);

– отражающим состояние литературы по предмету.

Прежде чем посмотреть, как выполняется последнее требование, приведем полный перечень ссылок в «О реках»:

Имя автора	*Сочинение*	*Книга (песня)*	*место в «О реках»*
Агафархид	О Фригии		11, 5
Агафархид Самосский[1]	О камнях	4	9, 5
Агафокл Милетский			18, 3
Агафокл Самосский[2]	Пессинунт-ская полития		9, 1
Агафон Самосский[3]	О реках	2	18, 3
Агафон Самосский	О Скифии	2	14, 5
Агафоним	Персеида		18, 10
Антисфен	Мелеагрида	3	22, 3
Аретад[4]	О Фригии		12, 2
Аристобул[5]	О камнях	1	14, 3
Аристоним[6]		3	24, 1
Аристотель[7]	О реках	4	25, 4
Архелай[8]	О реках	1	8, 2
Архелай	О реках	13	1, 4

[1] FGrHist IIIA 284.

[2] FGrHist IIIC p. 836.

[3] FGrHist IIIC p. 929.

[4] FGrHist IIIA 285.

[5] FGrHist IIIC p. 900.

[6] Ср. FGrHist IIIB p. 487.

[7] У настоящего Аристотеля не было такого трактата.

[8] Ср. Paradoxographorum Graecorum reliquiae / Ed. A. Giannini. Milan, 1965. P. 24–27; также Supplementum Hellenisticum / Ed. H. Lloyd-Jones and P. Parsons. Berlin, 1983. P. 44–45, F 125–129; FGrHist IIB p. 629.

Имя автора	*Сочинение*	*Книга (песня)*	*место в «О реках»*
Гераклит Сикионский[1]	О камнях	3	13, 4
Гермесианакс Кипрский[2]	О Фригии	2	12, 4
Гермесианакс Кипрский			2, 3
Гермесианакс Кипрский			24, 1
Гермоген[3]			17, 4
Демарат	О Фригии	4	9, 5
Демарат[4]	О реках	3	9, 3
Демодок	Гераклия	1	18, 4
Демострат	О реках	2	13, 2
Демострат Апамейский			9, 2
Деркилл[5]	О горах	3	1, 5
Деркилл	О горах	3	8, 4
Деркилл	О камнях	1	19, 4
Деркилл	О сатирах	1	10, 3
Деркилл	Об Этолии	3	22, 5
Диокл Родосский[6]	Об Этолии		22, 3

[1] De incredibilibus / Ed. N. Festa // Mythographi Graeci 3. 2. Leipzig, 1902. P. 73–87. Гераклит Лесбосский: FGrHist IIB p. 893.

[2] FGrHist IIIC pp. 835–836.

[3] Ср. FGrHist IIIB p. 445, IIIC pp. 833–834.

[4] FGrHist IA 42 (возможно, подлинный автор).

[5] FGrHist IIIA 288.

[6] FGrHist IIIB p. 5.

Имя автора	*Сочинение*	*Книга (песня)*	*место в «О реках»*
Дорофей Халдейский[1]	О камнях	2	23, 3
Каллисфен[2]	Об охоте	3	4, 2
Каллисфен из Сибариса[3]	О Галлии	13	6, 2
Кемарон[4]	Об Индии	10	4, 3
Клеанф	О горах	1	17, 4
Клеанф	Теомахия	3	5, 3–4
Клитоним[5]	О Фракии	3	3, 4
Клитофон[6]	Основания городов	13	6, 4
Клитофон Родосский	Об Индии	1	25, 3
Клитофон			7, 6
Корнелий Александр[7]	О Фригии	3	10, 2
Ктесий	О реках	1	19, 2
Ктесий Книдский[8]	О горах	2	21, 5
Ктесий Эфесский	Персеида	1	18, 6
Ктесипп[9]	О Скифии	2	5, 2

[1] FGrHist IIIA 289.
[2] FGrHist IIIA 291.
[3] FGrHist IIIA 291.
[4] FGrHist IIIC p. 656–657.
[5] FGrHist IIIA 292
[6] FGrHist IIIA p. 176–177.
[7] Более известный как Александр Полигистор (FGrHist IIIA pp. 96–126).
[8] Подлинный автор (FGrHist IIIC p. 416–517; P. 36, F 66 bis Mette), но вряд ли подлинное сочинение.
[9] FGrHist IIIC p. 929–930.

Имя автора	*Сочинение*	*Книга (песня)*	*место в «О реках»*
Ктесифон[1]	О деревьях	1	18, 11
Ктесифон	О деревьях	13	23, 5
Ктесифон	О растениях	3	14, 3
Ктесифон	О Персии	1	23, 1
Леон Византийский[2]	О Беотии		2, 2
Леон Византийский	О реках	3	24, 2
Никанор Самосский[3]	О реках	2	17, 2
Никий Маллосский[4]	О камнях		22, 4
Плесимах	Возвраще-ния	2	18, 13
Сострат[5]	О реках	2	2, 1
Сострат[6]	Свод мифов	1	24, 4
Сосфен	Об Иберии	13	16, 3
Сосфен Книдский[7]			17, 4
Тимаген Сирийский[8]			6, 3
Тимагор[9]	О реках	1	21, 3
Тимолай[10]	О Фригии	1	9, 1
Тимофей[11]	О реках	11	3, 1

1 FGrHist IIIA 294.
2 FGrHist IIB p. 676–677.
3 Ср. FGrHist IIB p. 814–815.
4 FGrHist IA p. 298.
5 FGrHist IA 23 (возможно, подлинный автор).
6 FGrHist IA 23.
7 FGrHist IIIC p. 931–932.
8 Ср. FGrHist IIA p. 318–323.
9 FGrHist IIIB 250.
10 FGrHist IIIC p. 836.
11 FGrHist IIIB p. 22.

Имя автора	*Сочинение*	*Книга (песня)*	*место в «О реках»*
Тимофей	Об Арголиде		18, 3
Феофил	О камнях	1	24, 1
Фрасилл	О Египте		16, 2
Фрасилл из Мендеса	О Фракии		11, 4
Фрасилл из Мендеса[1]	О камнях	3	11, 4
Хриcерм	О реках	3	7, 4
Хрисерм Коринфский	О реках	13	20, 3
Хрисерм[2]	Об Индии	80	1, 4
Хрисерм Коринфский	О Пелопоннесе	1	18, 7
Эвгемерид Книдский			10, 2
Ясон Византийский[3]	О Фракии		11, 2

Из этих сочинений, судя по названиям, 6 должны восприниматься как эпические поэмы:

– «Возвращения» Плесимаха (быть может, имеется в виду и прозаический компендий вроде «Возвращений» Лисимаха Александрийского);

– «Гераклия» Демодока (не имеет ли Лжеплутарх в виду, что существовала приписанная гомеровскому аэду подложная поэма или ее пересказ?);

– «Мелеагрида» Антисфена;

– «Персеиды» Агафонима и Ктесия Эфесского (поэма, как явствует из пересказа фрагмента, именно о Персее, причем подлинных таких поэм неизвестно);

---

[1] FGrHist IIIC p. 156–157. Возможно, тождественен с астрологом Фрасиллом (см. Catalogus codicum astrologorum Graecorum. Codices Parisini // Ed. W. Kroll and A. Olivieri, 8, 3. Brussels, 1912. P. 99–101).

[2] FGrHist IIIA 287.

[3] FGrHist IA p. 10 addenda.

– «Теомахия» Клеанфа (заглавие смешивает «Теогонию» и «Титаномахию»; к этой поэме якобы восходят фантастические сказания о борьбе Зевса и Крона, превращении Крона в крокодила, гадании Прометея по внутренностям принесенного в жертву пастуха Кавказа).

Обильно представлена хорографическая литература: три сочинения об областях Греции («Об Арголиде», «О Беотии», «Об Этолии» — первые две области описывались часто, последняя — редко), один александрийский компендий («О Пелопоннесе»), одиннадцать сочинений о других, более или менее экзотических странах (три «О Фригии», родине милой Лжеплутарху таинственной Кибелы, по два о Фракии, Скифии и Индии, по одному об Иберии и Египте). Единственная представительница «политий» — «Пессинунтская полития» — посвящена опять-таки Фригии: автор не учел, что Аристотель и перипатетики политий не-греческих городов не писали. К лжехорографии, быть может, даже лжелогографии относятся «Основания городов» Клитофона.

Один из «лжеисточников» относится к «Handbuch'am» по мифологии: «Свод мифов» Сострата.

Эпос (в том числе подложный, в прозаических «пересказах»), хорография, «Handbuch» — «лжеисточники» мифографической составляющей «О реках»; Лжеплутарх не помнит о неактуальной в его время генеалогии.

Следующая большая группа сочинений — «источники» парадоксографической части трактата; к ней относятся прежде всего 12 «лжепредшественников» Лжеплутарха, т. е. сочинений «О реках»; восемь книг «О камнях», три — «О горах», по одной — «О растениях» и «О деревьях» (одного и того же автора; возможно, Лжеплутарх имел в виду одно и то же, но забыл, как в прошлый раз называл вымышленную книгу); один трактат «Об охоте».

Остроумной находкой Лжеплутарха является книга Деркилла «О сатирах»; сведений о настоящих трактатах такого рода нет. Не исключено, что Лжеплутарх представлял себе ее как сборник аргументов сатировских драм (хотя «дошедший» фрагмент Деркилла посвящен Марсию, сведений же о посвященных ему сатировских драмах не сохранилось).

Перечислив все черты правдоподобия лжеплутархового лжеаппарата, следует сказать, что он все же остается неправдоподобным одной своею фундаментальной чертой, связанной именно с использованием фабульной формы: каждой ссылкой у Лжеплутарха подписана целая фабула; так цитируют в антологиях цитат, например, так Стобей цитирует Демарата; в мифографической литературе, за исключением отдельных случаев в схолиях, ссылками на авторов подкрепляются детали (сюжетные или генеалогические), а не законченные (пусть и краткие) повествования. Иногда Лжеплутарх даже соединяет под одной ссылкой и миф, и парадоксографическое сведение и приписывает их источнику, в котором последнее вряд ли могло находиться (например, в эпической поэме Плесимаха — 18, 12–13).

Идея трактата: мифологическое прошлое в чудесном настоящем

У Лжеплутарха были и настоящие предшественники: книги «О реках» написали Асклепиад Аназарбенский, которого Стефан Византийский считает известным ученым[1], Зопир Милетский[2] и некий Дионисий

---

[1] St. Byz. s. v. Ἀναζαρβά.

[2] FHG IV, p. 531. Все трактаты подобного рода должны были, по плану Якоби, войти в четвертую, оставшуюся неосуществленной часть его труда.

Трезенский[1]; еще ближе к тематике Лжеплутарха стояли упоминавшийся Филостефан Киренский[2] и знаменитый периэгет Полемон Илионский[3], написавшие «О диковинах рек» (*Περὶ ποταμῶν παραδόξων*). Сколько-нибудь значительные фрагменты сохранились лишь от двух последних. Филостефановы «диковины» рек заключались, в отличие от лжеплутарховых растений и камней, в них самих: в чрезмерно холодной или горячей воде, в особенностях течения, в странных повадках рыб. Лжеплутарх только один раз говорит об особенностях течения (Меандр, по его фантастическому или неудачно высказанному мнению, течет назад, к своим истокам[4]) и только один раз о диковинной рыбе[5], но только для того, чтобы обнаружить в ее внутренностях очередной не менее диковинный камень. Трактат Полемона содержал, прежде всего, обширные списки одноименных рек в разных областях и странах; примером полемоновой парадоксографии может служить только фрагмент о Паликах[6], сицилийских богах бездонного озера, нарушение клятвы которыми влечет страшную кару: растений и камней у Полемона тоже нет.

Трактат Лжеплутарха относится сразу к двум областям греческой литературы: к мифографии и к парадоксографии. Обязательное сочетание их в каждой главке показывает принципиальную важность для автора этого обстоятельства; из последовательного сочетания этих двух компонентов вытекает и связывающая их друг с другом идея: особые чудесные свойства

---

[1] Sch. Eur. Hipp. 122.

[2] FHG III, p. 32; Paradoxographorum Graecorum reliquiae / Ed. A. Giannini. Milan, 1965. P. 21–23.

[3] FHG III, p. 139.

[4] De fluv. 9, 1.

[5] De fluv. 6, 2.

[6] F 83 Müller.

каждого растения или камня обусловлены мифом, разыгравшимся некогда в местности, где он родится, и запечатленным в ее названии.

Нехитрая сама по себе, эта идея имеет далеко идущие следствия: мифологическое прошлое сохраняется в диковинах настоящего; чудеса природы — законсервированная мифологическая эпоха. При этом в самих сочиняемых Лжеплутархом мифах никаких чудес обычно нет: изгнанное из мифологии многочисленными «Палефатами»[1], неправдоподобное вернулось в литературу в виде парадоксографии, относящейся к древнему естествознанию примерно так же, как мифографические романы — к истории. Соединяя мифографию с парадоксографией, Лжеплутарх будто бы возвращает мифологии чудесное; не следует забывать, что это делается на полностью лживом материале.

Важно уточнить, что связь, которую видит Лжеплутарх между древним мифом и современной диковиной, — не традиционная этиологическая; примеры мифов как айтий парадоксальных фактов иногда, хотя редко, встречаются (например, на одном берегу речки, разделяющей области Регия и Локров Эпизефирских цикады стрекочут, а на другом нет, потому что им запретил это желавший уснуть Геракл, а на Серифе лягушки не квакают — они мешали Персею[2]). Определить связь мифа и «парадокса» Лжеплутарха мы попробуем, перечислив случаи, когда она очевидна. В начале трактата этих соответствий мифа и «парадокса» нет, а к концу становится все больше: похоже, идея крепла в процессе работы.

---

[1] См. с. 121.

[2] Antigon. Caryst. 2, 4. История о цикадах достаточно популярна в греческой литературе (ср. Diod. Sic. IV, 22, 5; Conon, 5; в последнем месте информация о безголосых цикадах является не следствием мифа, а условием его развязки).

1) Фасис убил мать на месте прелюбодения; трава с реки, в которой он утопился, блюдет чистоту брака (5).

2) Хиос украл золото из сокровищницы; в реке, в которой он утопился, есть золотой песок и камень, сторожащий от воров (7).

3) Тмол изнасиловал спутницу Артемиды; камень с горы, с которой он бросился, бережет от изнасилования (7).

4) Миэн погиб из-за мачехи; цветок с горы, с которой он бросился, вянет, если произнести имя мачехи (8).

5) Меандр убил жену и сына в безумии, посланном Кибелой; камень из реки, в которой он утопился, ввергает в безумие, от которого исцеляют ритуалы Кибелы (9).

6) Сипил убил мать; камень с горы, на которой он повесился, делает сыновей почтительными (9).

7) Трава с реки, в которую превратился флейтист Марсий, издает на ветру звуки флейты (10).

8) Берекинф был жрецом Кибелы; камень с горы, названной его именем, ввергает в безумие во время ее мистерий (10).

9) Стримон утопился в реке, узнав о смерти сына; камень из этой реки избавляет от скорби по умершему (11).

10) Гем любил свою сестру Родопу; камни с гор, в которые их превратили, рассыпаются, если их разъединить (11).

11) Сагарис был наказан Кибелой; в реке, в которой он утопился, находят готовые геммы с ее изображением (12).

12) Скамандр утопился, когда ему явилась Кибела; трава с этой реки избавляет от страшных видений (13).

13) Ида исчезла в урочище Кибелы на горе; камень с этой горы показывается только во время мистерий Кибелы (13).

14) Танаис утопился, не желая поддаться нечестивой страсти к матери; сок растения с этой реки согревает (потому что он хотел погасить в ней любовный жар? — 14).

15) Фрикса преследовала мачеха; трава с горы, на которой он однажды побывал, оберегает от злоумышлений мачехи (14).

16) Нил сошел с ума и утопился, услышав лай Цербера; если собака увидит камень из Нила, то не будет лаять; он помогает также от безумия (16).

17) Эврот вступил в бой несмотря на знамения, был разбит и утопился; камень из Эврота выпрыгивает на берег при звуке воинского сигнала и прыгает обратно, если произнести имя врагов (17).

18) Трава с горы, на которой повесилась внушившая Зевсу страсть Тайгета, внушает мужчинам влечение (17).

19) Апесант умер от укуса змеи; трава с горы, на которой он умер, защищает от укусов (18).

20) Микены получили имя от страшного крика Горгон, и камень из Микен спасает от кошмарных видений (18).

21) Гера превращалась в кукушку, когда в нее был влюблен Зевс; к дереву, растущему на горе, на которой это было, приклеиваются все птицы, кроме кукушки (18).

22) Алфей утопился в безумии; трава с Алфея лечит от безумия (19).

23) Камень с горы, на которой Крон прятался от Зевса, скатывается, испуганный, от звука грома (19).

24) Евфрат лишил мать ребенка; камень с Евфрата помогает роженицам обрести детей (20).

25) Тевфрант был наказан лишаем; камень с горы, на которой он исцелился, помогает от лишая (21).

26) Камень из Ахелоя (постоянного символа воды, о чем не говорится у Лжеплутарха) делает вино водой (22).

27) Калидон увидел купавшуюся Артемиду; трава с горы, в которую он превратился, ослепляет; помогает умилостивление Артемиды (22).

28) Аракс принес в жертву двух девушек, а их отец убил его дочерей; трава с реки, в которой он утопился, кровоточит и засыхает, если ее находят девушки, а камень кровоточит во время жертвоприношения (23).

29) Диорф был убит Аресом; спелый плод с горы, в которую он превратился, становится зеленым, если произнести имя Ареса (23).

30) Дионис перенес возлюбленную через Тигр в виде тигра; камень с Тигра оберегает от диких зверей (24).

31) Гавран прожил здоровым триста лет; трава с горы, на которой он похоронен, предупреждает болезни (24).

32) Инд изнасиловал девушку; камень из реки, в которой он утопился, бережет от изнасилования (25).

33) Лилей почитал только Луну и справлял по ночам ее таинства; на горе, в которую он превратился, родится совершенно черный камень (25).

Свойства «естественно-научного» настоящего обычно не являются для Лжеплутарха прямым продолжением мифологического прошлого, как традиционный плач соловья-Прокны, по-прежнему зовущей своего сына, или как инициалы Аякса на цветке, выросшем из его крови; в качестве примеров таких отношений мифа и настоящего у Лжеплутарха можно привести звуки флейты, напоминающие о Марсии (пример 7); но и их у Лжеплутарха издает не подвешенная кожа Марсия[1] или сама река[2], а трава на берегу (ср. также

---

[1] Висевшая на стоявшем в Келенах платане или сосне — Nic. Alex. 301; Her. VII, 26; Xen. Anab. I, 2, 8; Plin. Hist. Nat. XVI, 240.

[2] Nonn. Dion. XIX, 326.

случаи, когда растения с определенных мест проявляют «память» о мифических врагах эпонимов этих мест (примеры 4, 29).

Однако гораздо чаще миф отражается у Лжеплутарха в свойствах камней или трав, становящихся благодаря этим свойством *φάρμακα* — снадобьями или амулетами, чаще с положительным действием (оберегать и лечить), но иногда и с отрицательным (ввергать в безумие и наводить другие болезни); при этом один и тот же сюжет, обуславливающий «фармацевтическое» действие растения или минерала, может сделать его и лекарством, и ядом в одинаковой степени; так, растение с реки, в которой утопился безумный Алфей, лечит от безумия, а с той, в которой утопился безумный Меандр — ввергает в него (примеры 5, 22).

Лжеплутарху важно лишь повторение одного и того же (в данном случае безумия) в мифе и в «парадоксе»; если в первом было прелюбодеяние, или мачеха, или лишай, или кошмарное видение, или крепкое здоровье — они будут и во втором. Этот принцип важней Лжеплутарху, чем даже «фармацевтическое» действие; последнее во многих примерах теряется, но первое обязательно присутствует во всех: если в мифе девушки и жертвоприношения, то они же и в «парадоксе» (пример 28); в мифе зрение и Артемида, в «парадоксе» они же (пр. 27); в мифе темная ночь, в «парадоксе» черный камень (пр. 33); в мифе кукушка, в «парадоксе» она же (пр. 21); в мифе мать и ребенок, в «парадоксе» они же (пр. 24); в мифе страх перед Зевсом, в «парадоксе» тоже (пр. 23). Иногда тождество смыслового зернышка мифа и «парадокса» становится наивным до анекдотичности (пр. 17).

Лжеплутарх будто бы изобрел некий доморощенный структурализм: смысл сам по себе не важен, важно лишь отражение смысловых элементов согласно неким принципам относительно некой оси; для Лже-

плутарха эта ось — граница между мифографией и парадоксографией, принципы же наивны, как и все его сочинение.

Логика фабулы у Лжеплутарха

Мифография, используемая для своих целей Лжеплутархом, — фабульная мифография; придумывая мифы, он сочиняет фабулы. Фабульный метод изложения привел мифографию к такой простоте, что это выдумывание фабул, похоже, не стоит автору никакого труда.

Принципы фабульной мифографии — всего лишь принципы, а не композиционные каноны; поэтому далеко не во всех фабулах Лжеплутарха присутствуют все выделенные в предыдущей главе элементы; все же иногда можно встретить и полный их комплект, например, в фабуле о Гимере (17, 1):

Титул	*Ἵμερος Ταϋγέτης νύμφης καὶ Λακεδαίμονος παῖς*
Дезис	*διὰ μῆνιν Ἀφροδίτης κατ᾽ ἄγνοιαν ἐν παννυχίδι τὴν ἀδελφὴν Κλεοδίκην βιασάμενος ἔφθειρεν·*
Узнавание	*τῇ δὲ ἐπιούσῃ τῶν ἡμερῶν κατηχηθεὶς περὶ τῶν συμβεβηκότων καὶ ἀθυμήσας*
Лизис	*διὰ λύπης ὑπερβολὴν ἔρριψεν ἑαυτὸν εἰς ποταμὸν Μαραθῶνα ὃς ἀπ᾽ αὐτοῦ Ἵμερος μετωνομάσθη*[1].

---

[1] «(Титул:) *На Гимера, сына нимфы Тайгеты и Лакедемона,* (дезис:) *гневалась Афродита, и поэтому он во время ночного празднества изнасиловал свою сестру Клеодику, не зная, что это она.* (Узнавание:) *Узнав на следующий день о случившемся, он пришел в отчаяние* (лизис:) *и, не снеся горя, бросился в реку Марафон, которая поэтому стала называться Гимером*».

Изнасилование неузнанной девушки во время ночного празднества — прием дезиса новой комедии, а не трагедии; но трагические корни фабулы уже не важны для Лжеплутарха. Абсолютно идентична фабуле о Гимере фабула об Астрее: только узнавание в ней происходит благодаря перстню с печаткой (21, 1); менее подробна фабула о Пактоле (7, 1).

Другой пример «полной» фабулы — рассказ о Евфрате (20, 1):

Титул	*Εὐφράτης Ἀρανδάκου παῖς*
Дезис	*τὸν υἱὸν Ἀξούρταν εὑρὼν μετὰ τῆς μητρὸς ἀναπαυόμενον καὶ ὑπολαβὼν ὑπάρχειν τῶν πολιτῶν τινα διὰ ζήλου μισοπονηρίαν σπασάμενος τὸ ξίφος ἐλαιμοτόμησεν αὐτόν.*
Узнавание	*τῆς δ᾽ ἀνελπίστου πράξεως γενόμενος αὐτόπτης*
Лизис	*διὰ λύπης ὑπερβολὴν ἑαυτὸν ἔβαλεν εἰς ποταμὸν Μῆδον ὃς ἀπ᾽ αὐτοῦ Εὐφράτης μετωνομάσθη*[1].

Нелепый дезис напоминает даже не о комедии, а о современном Лжеплутарху романе. Совершенно тождественна и тождественно изложена история Фестия (22, 1).

В ту сумму очевидных сюжетных ходов, из которой Лжеплутарх черпает свои фабулы, входят и приемы александрийского эпиллия, например, кровосмешение отца и дочери (Смирна, Никтимена, Гарпалика); такова фабула о Хрисиппе (1, 1):

---

[1] «(Титул:) *Евфрат, сын Арандака,* (дезис:) *застал своего сына Аксурта спящим с матерью и, приняв его за кого-то из граждан, охваченный ревностью, выхватил меч и перерубил ему горло.* (Узнавание:) *Увидев же своими глазами то, чего никак не ожидал,* (лизис:) *он, не снеся горя, бросился в реку Мед, которая поэтому стала называться Евфратом»*.

Титул	*Χρυσίππη*
Дезис	*διὰ μῆνιν Ἀφροδίτης εἰς ἐπιθυμίαν ἐμπεσοῦσα τοῦ γεννήσαντος Ὑδάσπου καὶ μὴ στέγουσα τοὺς παρὰ φύσιν ἔρωτας νυκτὸς βαθείας τῷ προειρημένῳ συνῆλθε τῆς τροφοῦ συνεργούσης.*
Узнавание	*Κατηχηθεὶς δὲ περὶ τῶν συμβεβηκότων*
Лизис	*ὁ βασιλεὺς τὴν μὲν ἐνεδρεύσασαν αὐτὸν γραῦν ζῶσαν κατέχωσεν· τὴν δὲ θυγατέρα σταυρώσας διὰ λύπης ὑπερβολὴν ἔῤῥιψεν ἑαυτὸν εἰς ποταμὸν Ἰνδὸν ὃς ἀπ᾽ αὐτοῦ Ὑδάσπης μετωνομάσθη*[1].

Варварские казни виновных не принадлежат к ужасам, допустимым в аттической трагедии. Аналогична, но менее подробна фабула об Ахелое (22, 1).

В качестве примеров фабул, максимально далеких от трагедийных способов сюжетосложения, приведем фабулу о Кроне (19, 3):

Дезис	*Μετὰ τὴν γιγαντομαχίαν Κρόνος τὰς Διὸς ἀπειλὰς ἐκκλίνων εἰς ὄρος παρεγένετο Κτοῦρον*
Лизис	*ὃ ἀπ᾽ αὐτοῦ Κρόνιον μετωνόμασε·*
Отсылка к другой фабуле (5, 3)	*λαθὼν δὲ πρὸς ὀλίγον καιρὸν καὶ ἀφορμῆς δραξάμενος διῆρεν εἰς Καύκασον τῆς Σκυθίας*[2].

---

[1] «(Титул:) *На Хрисиппу* (дезис:) *гневалась Афродита, и поэтому ее охватила страсть к ее родителю Гидаспу. Не сумев воспротивиться противоестественной любви, она сочеталась с ним, а кормилица помогла ей сделать это.* (Узнавание:) *Узнав о происшедшем,* (лизис:) *царь закопал живьем в землю коварную старуху, а дочь распял. Сам же он от безмерной печали бросился в реку Инд, которая поэтому стала называться Гидаспом. Это полноводная река в Индии, впадающая в Саронический Сирт».*

[2] «(Дезис:) *После гигантомахии Крон, скрываясь от угроз Зевса, пришел на гору Ктур,* (лизис:) *которая поэтому стала называться Кронием.* (Отсылка к другой фабуле:)

Другой пример — фабула о Гавране (24, 3):

Титул *...ἀπὸ Γαυράνου τοῦ Ρωξάνου σατράπου·*

Дезис *ὃς εὐσεβὴς ὢν πρὸς τοὺς θεοὺς τῆς ἀμοιβαίας ἔτυχε χάριτος. Μόνος [γὰρ] ἐκ πάντων τῶν Περσῶν τριακοσίοις ἔτεσι ζήσας καὶ ἄτερ νόσου τινὸς τελευτήσας ἐν ταῖς ἀκρωρείαις τοῦ Μαυσωροῦ ταφῆς ἠξιώθη πολυτελοῦς·*

Лизис *κατὰ δὲ πρόνοιαν θεῶν τὸ ὄρος ἀπ' αὐτοῦ Γαύρανον μετωνομάσθη*[1].

Подобные фабулы являются фабулами только благодаря наличию лизиса (этимологической айтии), превращающего весь предшествующий рассказ в дезис, в причину того, что данное место называется именно так. Смерть Гаврана в приведенной фабуле не относится к лизису: она не обусловлена предшествующими событиями; только погребение Гаврана на горе завершает дезис и является причиной лизиса — того, что гора получила его имя.

Любопытно, что первая фраза фабулы, начало которой мы заменили, цитируя, отточием, уже содержит в себе всю необходимую информацию лизиса: «*Около Тигра лежит гора, которая называется Гавран по имени сатрапа Гаврана, сына Роксана*»; в конце лизис можно было опустить или сократить: «*потому-то она* (гора) *так и называется*; но Лжеплутарх, влекомый инерцией фабульной формы, дает лизис

Он прятался там недолгое время, а потом отправился на Кавказ в Скифии».

[1] «(Титул:)... *по имени сатрапа Гаврана, сына Роксана.* (Дезис:) *Будучи благочестив, он получил за это дар богов: он один из всех персов прожил триста лет и, скончавшись без всякой болезни, удостоился роскошной усыпальницы на горе Мавсор,* (лизис:) *которая по воле богов стала называться Гавраном».*

полностью: *«по воле богов гора стала называться Гавраном»*. Это не единственный пример подобной «фабульной инерции» в трактате.

Виды лизисов у Лжеплутарха: «синтетический лизис»

Исходный пункт всякого лизиса в трактате Лжеплутарха предопределен темой трактата: он называется *Περὶ ... ἐπωνυμίας...* — «О том, чьими именами, об эпонимии»; всякий лизис входящих в него фабул — прежде всего лизис-эпонимия (*поэтому то-то называется именем такого-то*), подвид того вида лизисов, который в предыдущей главе мы назвали лизисом-причиной.

К лизису-эпонимии Лжеплутарх в подавляющем большинстве случаев присоединяет лизис-смерть — смерть героя, обычно самоубийство, чаще всего путем утопления (больше 30 случаев); грубо говоря, все реки, по Лжеплутарху, названы именами утопившихся в них; иногда (если в них часто топились видные — облеченные царской властью или прославившиеся небывалым злодеянием — люди) они меняли названия по нескольку раз. Встречаются также удавившиеся и прыгнувшие со скал; если бы мы стали перечислять их, то поддались бы инерции фабульной мифографии, в которой заложена тяга к составлению каталогов, и совершили бы над Лжеплутархом ту же самую работу, которую совершали над Гигином его читатели и переписчики, оставившие нам собрание каталогов в конце книги.

При помощи меча герои Лжеплутарха не сводят счеты с жизнью почти никогда; однажды случается любопытный казус: герой наносит себе смертельную

рану мечом, но, вспомнив, что должен утопиться, чтобы его именем была названа река, бежит к ней и топится[1].

Лизис-превращение также предваряет у Лжеплутарха лизис-эпонимию. Только шесть раз он присутствует в явной форме (Геликон и Киферон, голова Алфея, Гем и Родопа, Калидон, Диорф, Лилей[2]), часто совпадая с лизисом-карой (превращение как кара богов); зато почти всегда он присутствует имплицитно: ведь утверждение, что река названа именем утопившегося в ней, — не что иное, как эвгемеристическое истолкование утверждения, что река названа именем того, кто в нее превратился, того, из чьей крови потек источник; относительно же гор Лжеплутарх часто прямо говорит о превращении (5 из указанных выше шести случаев). Путаница в его сознании между превращением и эпонимией становится явной, например, в фабуле о Калидоне (22, 4):

Титул *... ἀπὸ Καλυδῶνος τοῦ Ἄρεως καὶ Ἀστυνόμης παιδός.*

Дезис *Οὗτος γὰρ κατ' ἄγνοιαν λουομένην ἰδὼν Ἄρτεμιν τὴν μορφὴν τοῦ σώματος*

Лизис *μετέβαλεν εἰς πέτραν· κατὰ δὲ πρόνοιαν θεῶν τὸ ὄρος καλούμενον Γυρὸν ἀπ' αὐτοῦ Καλυδὼν μετωνομάσθη*[3].

Калидон, изобретенный Лжеплутархом «этолийский Актеон», уже превратился в скалу, которая, естественно, и стала носить его имя; но, вспомнив об

---

[1] *...διὰ λύπης ὑπερβολὴν ἑαυτὸν καιρίως πλήξας ἔβαλεν εἰς τὸν ποταμὸν Βρίγουλον ὃς ἀπ' αὐτοῦ μετωνομάσθη Ἄραρ* — 6, 1.

[2] De fluv. 3, 3; 3, 4; 11, 3; 22, 4; 23, 4; 25, 4.

[3] «(Титул:) *...по имени Калидона, сына Ареса и Астиохи.* (Дезис:) *Нечаянно увидев купающуюся Артемиду,* (лизис:) *он превратился в скалу; тогда по воле богов гора, раньше называвшаяся Круглой, стала по его имени называться Калидоном»*.

излюбленной модели «переименований» (*μετωνομασίαι*, существовали книги с таким заглавием), Лжеплутарх придумывает старое название некой горы (которая до этого вообще не упоминалась) и оставляет читателю домысливать необходимое: что именно на этой горе Калидон встретил Артемиду и понес кару.

«Основная фабула»

Таким образом, три основных вида лизиса — смерть, превращение, причина, — выделенные в предыдущей главе, у Лжеплутарха обычно соединены вместе: лизис его фабул — «синтетический» лизис, и он одинаков для всех фабул: примененная к выдумыванию мифов, а не к обработке существующих, фабульная форма приводит их к еще большему единообразию. Это единообразие позволяет еще яснее увидеть лежащую в основе всякой фабулы схему и попробовать сформулировать эту «основную фабулу», *обычный миф*, каков он с точки зрения фабульной мифографии:

Некто (титул), *сын такого-то* (генеалогия) *оттуда-то* (хорография), *в результате неких обстоятельств* (дезис) *погиб* (лизис-смерть, *πάθος*) *и превратился в нечто* (лизис-превращение), *и поэтому до нашего времени то-то и то-то* (лизис-причина).

«Основная фабула» подобна периоду: титул — стоящее в начале подлежащее, лизис — стоящее в конце главное сказуемое, дезис — помещенные в середине всевозможные придаточные, которые могут и отсутствовать; в виде «аристофанова аргумента» фабула и имеет вид периода.

«Основная фабула» показывает нам нечто и в строении самой мифологии: герой мифа, обозначаемый именем, которое сопровождается именами его родителей

10 Зак. 3209

(показывающими его сверхъестественную породу, а также, потенциально, эпоху, в которую он действовал) и указанием родного города (связывающим его с конкретным настоящим), в результате многообразных событий погибает и превращается в нечто, наличествующее до сих пор. Эта «основная фабула» — результат испытания мифологии критерием «единства действия»; мифология — ее causa materialis, а единство действия — causa formalis.

Следует помнить, что сформулирована «основная фабула» на материале «всех лживейшего» *Лже*плутарха, взявшего из мифов эту схему, затем отбросившего сами настоящие мифы и придумавшего по схеме свои. Подражание, пародия, карикатура (сознательная или бессознательная) обычно резче очерчивают специфику пародируемого; насколько же они ее искажают?

Заключение

Настоящая работа, с одной стороны — очерк истории мифографии (весьма неполный), с другой — описание части ее принципов, отражающих, по нашему рискованному мнению, некоторые стороны строения мифологии. Поэтому сама *мифография* понимается в ней не столько как область литературы (т. е., например, «жанр»), сколько как *область знания* — знания древними собственных мифов — отразившаяся в весьма разнообразных книгах. Памятник мифографии для нас — любая книга, запечатлевшая занятия автора собиранием, упорядочиванием, пересказом, истолкованием мифов (пускай даже это занятие и не было для него единственным).

Это упорядочивание и изложение производилось различными способами (причем в каждой конкретной книге совсем не обязательно встречается только один способ). Мы называли эти способы «методами мифографии» или «принципами». Менандр Лаодикейский, говоря о сходных принципах построения гимнов к богам, называл их εἴδη — условно говоря, «видами», или просто «идеями», «эйдосами». Ведь и Аристотель, начиная свое знаменитое определение трагедии, говорит, что она есть «эйдос», и многочисленные употребляемые или избегаемые в данной работе слова — «жанр», «метод», «принцип», «строение», «структура», «внутренняя логика» — подразумевают одно и то же —

говоря по-аристотелевски, оформляющую, эйдетическую причину вещи.

Традиционные виды мифографии

Древнейшим принципом упорядочивания мифов был генеалогический; в генеалогическом порядке рассказывают Гесиоду обо всех богах и героях всеведущие Музы; генеалогия и остается в древности единственным принципом, призванным собирать и упорядочивать все мифы без исключения. Система генеалогий едина — ведь все родословия имеют общее начало, отражающее единство мировой природы.

Генеалогия показывает самое существенное в богах или героях — сверхъестественность их натуры. Она содержит в себе и ту идею, что родились они в глубокой древности. Затем — у логографов и хронографов — мифологическая генеалогия приобретает хронологическое значение, переделывается ради требований непротиворечивости и приводит, наконец, к идее всемирной хронологии.

Основа хорографического изложения мифов — это перечисление связанных с ними реалий (в самом широком смысле слова — от города до посвятительного дара в храме). Хорографическая мифография имеет дело с противоположной стороной мифологии: не с древностью и сверхъестественностью ее действующих лиц, а со следами, свидетельствами и результатами их действий в современности и повседневности.

Никакой собственно *системы* мифов, построенной географически, не было и нет; к единству и системе хорографическая мифография тяготеет лишь постольку, поскольку един населенный мир, а все его места сосуществуют и могут быть обозначены на одной карте.

У логографов генеалогия и хорография (точнее периэгеза) соотносятся как время, отсчитываемое поколениями богов и людей, и пространство ойкумены, из-

меряемое основанными богами и людьми городами. Эти оси пересекаются в фигуре героя-эпонима, давшего городу свое имя и обозначившего время его основания своей генеалогией.

Генеалогия и хорография на первых порах своего развития имели дело еще с вне-литературными источниками; в эллинистическое время начинается сбор мифов из памятников литературы: свод эпических поэм, «эпический кикл», превращается в краткий и полный обзор мифологической эпохи, «Handbuch» по мифологии. Рамки «эпического кикла» — от «Теогонии» до «Телегонии» — сочетаются у Лжеаполлодора с генеалогическим изложением мифов, у Гигина — с фабульным.

Эвгемеризм

В эллинистическое же время (или несколько раньше, если принять во внимание Геродора), начинают появляться те книги, из которых более ранние обычно называют «эвгемеризмом», а к последующим применяют обозначения «мифологические романы», Schwindelliteratur и пр. При изложении мифов у этих Schwindel-авторов появляется вполне новый организующий принцип, совершенно отсутствующий у других мифографов; его трудно назвать иначе, как *идеей произведения* (в современном смысле) или даже его *концепцией*. Такой *идеей* является у Дионисия Скитобрахиона и Эвгемера (имя последнего, вероятно, есть произведенный от этой самой *идеи* псевдоним) водворение культуры и благозакония во всей ойкумене, у Лжеплутарха — сохранение мифологического прошлого в диковинах настоящего. Сами по себе обе темы вовсе не чужды традиционной мифологии — достаточное количество мифов говорит о происхождении культурных установлений, о борьбе героев со зверями

и разбойниками или об отражении мифических событий в некоторых деталях современности; и все же эвгемерист беззастенчиво подгоняет под свою красивую *концепцию* любые традиционные мифы или даже отбрасывает их и придумывает свои (а потом столь же беззастенчиво приписывает свое произведение самой глубокой древности).

Генеалогия и хорография (по крайней мере, ранние), фиксируют мифы, какими они были до и вне книг; эпический кикл и фабула собирают их по книгам и упорядочивают — первый менее, вторая более жестко; эвгемеризм же выдумывает новую, уже чисто книжную мифологию, взяв из натуральной лишь какую-то одну тему, спрямив и нарочито заострив ее (так что она становится *идеей*), а потом подтасовав под нее традиционные мифы или даже заменив их новыми.

Фабульная мифография: мифы и единство действия

Подробно в работе говорится только об одном «виде» мифографии — о фабульном; «фабулами» традиция назвала разбираемый латинский сборник изложений мифов и подписала его именем Гигина. Фабульная мифография, как и эпический кикл, собирает мифы по памятникам литературы.

Мифографическая фабула есть результат применения к мифологии критерия единства действия (при этом применявшие его, скорей всего, вовсе не задавались целью следовать Аристотелю). Из единства действия вытекают объективные закономерности фабулы трагедии, названные Аристотелем в «Поэтике»: краткость, наличие «дезиса» (завязки) — сплетения обстоятельств, и «лизиса» (развязки) — разрешения и итога этих обстоятельств.

Все это свойственно фабуле вообще; «мифографической» же фабулу делает мифологическое содержание, а то, что содержание именно мифологическое, выясняется из «титула» (отсутствующего в «фабуле вообще», пример которой приводит Аристотель, пересказывая «Одиссею»). «Титул» — это первые слова фабулы, содержащие имя ее мифического протагониста и сведения о его родителях и родном городе, т. е. генеалогическую и хорографическую координаты (теоретически позволяющие расположить фабулы именно по ним — чего, однако, не делалось).

Первой приложила к мифологии принцип единства действия трагедия (и ее пересказ, «аргумент»); ею были определены десятки «мифопей» — единиц мифологического содержания — и множество трагических мифопей сохраняется в фабулах Гигина (которые при этом вовсе не обязательно являются пересказом конкретной трагедии).

Титул и лизис, т. е. имя героя и то, что же с ним произошло, — главные, неустранимые части фабулы, подобные подлежащему и сказуемому; без титула фабула будет ни о ком, а без лизиса — ни о чем; дезис же может расширяться и сокращаться вплоть до полного устранения. Титулы всех фабул по определению различны: иначе это будут варианты одной и той же фабулы. Лизисы же могут быть различны, а могут быть одинаковы; следовательно, их можно классифицировать: здесь мы переходим от общих характеристик фабулы к конкретному содержанию.

Чаще всего фабулы (особенно фабулы с трагической мифопеей) кончаются чьей-либо смертью; пользуясь аристотелевским обозначением одной из «частей фабулы», это можно назвать «лизисом-*πάθος*'ом» или просто лизисом-смертью. Часто лизисом бывает превращение; после смерти или превращения иногда добавляется причина-айтия — указание на следствие

мифических событий, сохраняющееся поныне. Можно определить и другие постоянные виды лизисов (кара, приговор, *νόστος* и др.). Частота этих событий всегда была видна невооруженным глазом: по «причинам» и по превращениям собирали мифы Каллимах и Овидий. *Πάθος*-смерть, превращение, причина-айтия могут соединяться в одном лизисе; но у Гигина это происходит не очень часто.

Если классифицировать фабулы по видам лизисов, появятся каталоги (многие из каталогов в книге Гигина, безусловно, составлялись по ней самой). Это будут каталоги различных несчастий-*πάθος*'ов, превращений или этиологических «причин»[1]. При составлении каталога общий элемент фабул выносится в заголовок, титулы превращаются в пункты списка. Титул — голова фабулы; частокол Эномая, усеянный головами женихов Гипподамии, — воплощенный «каталог по лизисам», первое на свете *оглавление*. Обстоятельства, заставившие их посвататься к Гипподамии, их «дезисы», были, надо полагать, различны; но после того, как все они подверглись одинаковому «лизису-смерти», от них остались лишь выстроенные в ряд головы и имена-«титулы», которые перечислял Гесиод.

В оглавление частей сборника превращаются у Гигина царские списки; оглавление, перечень фабул, предпослано и всей книге, что отнюдь не характерно для древней литературы: это требование взывающей к каталогу природы фабулы. Если вспомнить, что пункты каталогов у Гигина могут расширяться в целые фабулы (при которых титул становится как бы заголовком), а титулы отдельных фабул, теряя сказуемое и становясь назывными предложениями, превращаться в подобные пунктам каталога заголовки, становится

---

[1] Каталогов метаморфоз нет у Гигина; они есть у Антонина Либерала, где возникли аналогичным образом.

ясным логический предел фабульной мифографии — сборник фабул как распространенный каталог богов и героев.

Трактат Лжеплутарха «О реках», написанный, вероятно, позже греческого оригинала Гигина, использует форму фабулы не для изложения мифов, а для легкого сочинения новых «лжемифов». Выдумывая мифы, Лжеплутарх сочиняет фабулы: в них наличествует титул, дезис, лизис и виды лизиса, а весь сборник, построенный как каталог, с мифографической точки зрения является каталогом их «лжемифических» эпонимов. Как все эвгемеристы, Лжеплутарх свободен от шершавостей реального материала; он смотрит на него издалека, спрямляет его строение, и под спрямленную схему великолепно ложатся свежепридуманные примеры. Три вида лизиса — смерть, превращение, причина — почти обязательно соединены у него в каждой фабуле. Этот «синтетический лизис» Лжеплутарха помогает нам сформулировать «основную фабулу», в начале которой стоит генеалогия и хорография, а в конце — три «вида лизиса»: смерть, превращение, причина. Герой «основной фабулы», причисленный генеалогической сноской к древним и сверхъестественным существам, а хорографической привязанный к конкретности населенного мира, в результате хитросплетения судеб гибнет и превращается в одну из его составляющих.

* * *

Что же такое эта «основная фабула» и как ее квалифицировать? С точки зрения Аристотеля — а значительная часть настоящей работы построена как развитие нескольких его тезисов — она, наверно, есть эйдетическая причина конкретной мифографической фабулы. Перипатетический пафос вообще пронизывает работу с начала до конца: перечислить множество

наличествующих предметов, классифицировать их, найдя общее и различное и объединив таким образом разрозненное в целое, а в целом выделить разумно соотнесенные части; так и ищутся эйдетические причины. А к чему их искать? Рука Стагирита, которой он указывает перед собой, этот мужественный жест, приписанный ему Рафаэлем, не имел бы смысла, если бы рядом не стоял его противник и учитель, указывая на небо.

За советы и замечания автор благодарит:

Н. В. Брагинскую,
И. И. Ковалеву,
О. Л. Левинскую,
Е. В. Приходько,
Д. В. Джохадзе,
А. Е. Кузнецова,
А. И. Солопова,
В. Н. Ярхо

и, наконец, А. А. Тахо-Годи, без которой всей работы вообще бы не было.

В оформлении использованы буквицы из книг: Joannis Boccatii περὶ γενεαλογίας deorum libri quindecim cum adnotationibus Jacobi Micylli; ... Basileae apud Joannem Hervagium mense septembri anno MDXXXII (1532); C. Valerii Flacci Setini Balbi Argonauticon libri octo, cum eruditissimis Aegidii Maserii Parrhisiensis commentariis (1527).

Приложения

«АРИСТОФАНОВЫ» АРГУМЕНТЫ

Новейшее издание — Aristophanis Byzantii fragmenta / Ed. W. J. Slater, 1986 — к сожалению, осталось недоступным. Текст приводится по изданиям:

Scholia Graeca in Aeschylum quae exstant omnia / Ed. O. L. Smith. Leipzig, Teubner, 1976–1982. Vol. I, p. 42 (аргумент «Эвменид»);

The older scholia on the Prometheus bound / Ed. C. J. Herington. Leiden, Brill, 1972, p. 65 (аргумент «Прометея»);

Argumenta fabularum Aristophani tributa / Ed. A. Nauck // Aristophanis Byzantii grammatici Alexandrini fragmenta. Halle, 1848; repr. Hildesheim, 1963, p. 256–263 (аргументы «Антигоны», «Вакханок»);

Scholia in Euripidem / Ed. E. Schwartz. Berlin, 1887–1891, repr. De Gruyter, 1966. Vol. I, p. 93 (аргумент «Ореста»), 244 («Финикиянок»), vol. II, p. 139 («Медеи»), 214 («Альцесты»), 325 («Реса»).

«ЭВМЕНИДЫ»
Эсхила

ΡΙΣΤΟΦ(ΑΝΟΥΣ) γρ(αμματικοῦ) ἡ ὑπόθεσις. Ὀρέστης ἐν Δελφοῖς περιεχόμενος ὑπὸ τῶν Ἐρινύων βουλῆι Ἀπόλλωνος παρεγένετο εἰς Ἀθήνας εἰς τὸ ἱερὸν τῆς Ἀθηνᾶς· ἧς βουλῆι νικήσας κατῆλθεν εἰς Ἄργος. τὰς δὲ Ἐρινύας πραΰνασα προσηγόρευσεν Εὐμενίδας. παρ' οὐδετέρωι κεῖται ἡ μυθοποιία.

Аргумент грамматика Аристофана.

Орест, окруженный в Дельфах Эринниями, по воле Аполлона прибыл в Афины в храм Афины; победив (потому что она так замыслила), он ушел в Аргос, она же, сделав Эринний кроткими, назвала их Эвменидами.

Ни у того, ни у другого нет такой мифопеи.

«ПРОМЕТЕЙ»
Эсхила

Προμηθέως ἐν Σκυθίᾳ δεδεμένου διὰ τὸ κεκλοφέναι τὸ πῦρ πυνθάνεται Ἰὼ πλανωμένη κατ' Αἴγυπτον γενομένη, ὅτι ἐκ τῆς ἐπαφήσεως τοῦ Διὸς τέξεται τὸν Ἔπαφον. Ἑρμῆς τε παράγεται ἀπειλῶν αὐτῷ κεραυνωθήσεσθαι, ἐὰν μὴ εἴπῃ τὰ μέλλοντα ἔσεσθαι τῷ Διί. καὶ τέλος βροντῆς γενομένης ἀφανὴς γίνεται ὁ Προμηθεύς. κεῖται δὲ ἡ μυθοποιΐα ἐν παρεκβάσει παρὰ Σοφοκλεῖ ἐν Κόλχοις· παρὰ δ' Εὐριπίδῃ ὅλως οὐ κεῖται.

У Прометея, прикованного в Скифии за то, что он украл огонь, скитающаяся Ио узнает, что она окажется в Египте и от прикосновения Зевса родит Эпафа. Выводится Гермес, угрожающий Прометею, что он будет поражен громом, если не скажет Зевсу будущее. Наконец гремит гром и Прометей исчезает.

Такая же мифопея у Софокла в «Колхах», в отступлении; у Еврипида же ее совсем нет.

«АНТИГОНА» Софокла[1]

Ἀριστοφάνους γραμματικοῦ. Ἀντιγόνη παρὰ τὴν πρόσταξιν τῆς πόλεως θάψασα τὸν Πολυνείκην ἐφωράθη καὶ εἰς μνημεῖον κατάγειον ἐντεθεῖσα παρὰ τοῦ Κρέοντος ἀνῄρηται· ἐφ' ᾗ καὶ Αἵμων δυσπαθήσας διὰ τὸν εἰς αὐτὴν ἔρωτα ξίφει ἑαυτὸν διεχρήσατο. ἐπὶ δὲ τῷ τούτου θανάτῳ καὶ ἡ μήτηρ Εὐρυδίκη ἑαυτὴν ἀνεῖλε ... Κεῖται δὲ ἡ μυθοποιία καὶ παρ' Εὐριπίδῃ ἐν Ἀντιγόνῃ· πλὴν ἐκεῖ φωραθεῖσα μετὰ τοῦτο Αἵμονι δίδοται πρὸς γάμου κοινωνίαν καὶ τίκτει τὸν Μαίονα.

[Аргумент] грамматика Аристофана.

Антигона вопреки решению города похоронила Полиника, была схвачена, брошена Креонтом в подземный склеп и убита; тогда и Гемон, скорбя (потому что он любил ее), закололся мечом. После его смерти и его мать Эвридика убила себя.

...

Такая же мифопея у Еврипида в «Антигоне»: только у него схваченная [Антигона] потом отдана Гемону в жены и рождает Меона.

---

[1] Между аргументом и справкой о мифопее мифографическая справка: *στασιάζεται δὲ τὰ περὶ τὴν ἡρωίδα ἱστορούμενα καὶ τὴν ἀδελφὴν αὐτῆς Ἰσμήνην, ἃς ὁ μὲν Ἴων ἐν τοῖς διθυράμβοις καταπρησθῆναί φησιν ἀμφοτέρας ἐν τῷ ἱερῷ τῆς Ἥρας ὑπὸ Λαοδάμαντος τοῦ Ἐτεοκλέους· Μίμνερμος δέ φησι τὴν μὲν Ἰσμήνην προσομιλοῦσαν Θεοκλυμένῳ ὑπὸ Τυδέως κατὰ Ἀθηνᾶς ἐγκέλευσιν τελευτῆσαι* (сведения о героине и ее сестре Исмене противоречивы; Ион в дифирамбах говорит, что они обе были сожжены в храме Геры Лаодамантом, сыном Этеокла; Мимнерм же говорит, что Исмена, говорившая с Феоклименом, была убита Тидеем по велению Афродиты).

«ВАКХАНКИ»
Еврипида

Ἀριστοφάνους γραμματικοῦ. Διόνυσος ἀποθεωθεὶς μὴ βουλομένου Πενθέως τὰ ὄργια αὐτοῦ ἀναλαμβάνειν εἰς μανίαν ἀγαγὼν τὰς τῆς μητρὸς ἀδελφάς ἠνάγκασε Πενθέα διασπάσαι. ἡ μυθοποιία κεῖται παρ᾽ Αἰσχύλῳ ἐν Πενθεῖ.

[Аргумент] грамматика Аристофана.

Дионис, ставший богом, ввергнув в безумие не желавшего принять его обряды Пенфея, заставил сестер его матери разорвать его.

Такая же мифопея у Эсхила в «Пенфее».

«ОРЕСТ»
Еврипида

‹Ἀριστοφάνους›·

Ὀρέστης διὰ τὴν τῆς μητρὸς σφαγὴν ἅμα καὶ ὑπὸ τῶν Ἐρινύων δειματούμενος καὶ ὑπὸ τῶν Ἀργείων κατακριθεὶς θανάτῳ μέλλων φονεύειν Ἑλένην καὶ Ἑρμιόνην ἀνθ᾽ ὧν Μενέλαος παρὼν οὐκ ἐβοήθησε διεκωλύθη ὑπὸ Ἀπόλλωνος. παρ᾽ οὐδετέρῳ κεῖται ἡ μυθοποιία.

[Аргумент Аристофана.]

Оресту, когда он, за убийство матери преследуемый Эринниями и приговоренный аргосцами к смерти, собирался убить Елену и Гермиону и их не смог защитить прибывший Менелай, воспрепятствовал [сделать это] Аполлон.

Ни у того, ни у другого нет такой мифопеи.

«ФИНИКИЯНКИ» Еврипида

‹Ἀριστοφάνους›·

†ἐπιστρατεία τοῦ Πολυνείκους μετὰ τῶν Ἀργείων ἐπὶ Θήβας καὶ ἀπώλεια τῶν ἀδελφῶν Πολυνείκους καὶ Ἐτεοκλέους καὶ θάνατος Ἰοκάστης. ἡ μυθοποιία κεῖται παρ᾽ Αἰσχύλῳ ἐν Ἑπτὰ ἐπὶ Θήβας πλὴν τῆς Ἰοκάστης.

[Аргумент Аристофана.]

Поход Полиника с аргосцами на Фивы и гибель братьев Полиника и Этеокла и смерть Иокасты.

Мифопея у Эсхила в «Семерых против Фив», кроме Иокасты.

«МЕДЕЯ» Еврипида

Ἀριστοφάνους τοῦ γραμματικοῦ. Μήδεια διὰ τὴν πρὸς Ἰάσονα ἔχθραν τῷ ἐκεῖνον γεγαμηκέναι Γλαύκην τὴν Κρέοντος θυγατέρα ἀπέκτεινε μὲν Γλαύκην καὶ Κρέοντα καὶ τοὺς ἰδίους υἱούς ἐχωρίσθη δὲ Ἰάσονος Αἰγεῖ συνοικήσουσα. παρ᾽ οὐδετέρῳ κεῖται ἡ μυθοποιία.

[Аргумент] грамматика Аристофана.

Медея, возненавидев Ясона за то, что он женился на Главке, дочери Креонта, убила Главку и Креонта и своих сыновей и, уйдя от Ясона, вышла за Эгея.

Ни у того, ни у другого нет такой мифопеи.

«АЛКЕСТА» Еврипида

Ἄλκηστις ἡ Πελίου θυγάτηρ ὑπομείνασα ὑπὲρ τοῦ ἰδίου ἀνδρὸς τελευτῆσαι Ἡρακλέους ἐπιδημήσαντος ἐν τῇ Θετταλίᾳ διασῴζεται βιασαμένου τοὺς χθονίους θεοὺς καὶ ἀφελομένου τὴν γυναῖκα. παρ᾽ οὐδετέρῳ κεῖται ἡ μυθοποιία.

Альцеста, дочь Пелия, приняв смерть вместо своего мужа, спасена Гераклом, прибывшим тогда в Фессалию, сразившимся с подземными богами и отобравшим у них женщину.

Ни у того, ни у другого нет такой мифопеи.

«РЕС» [Еврипида]

‹Ἀριστοφάνους›·

Ῥῆσος παῖς μὲν ἦν Στρυμόνος τοῦ ποταμοῦ καὶ Τερψιχόρης Μουσῶν μιᾶς Θρᾳκῶν δὲ ἡγούμενος εἰς Ἴλιον παραγίνεται νυκτὸς στρατευομένων τῶν Τρώων παρὰ ταῖς ναυσὶ τῶν Ἑλλήνων. τοῦτον Ὀδυσσεὺς καὶ Διομήδης κατάσκοποι ὄντες ἀναιροῦσιν Ἀθηνᾶς αὐτοῖς ὑποθεμένης· μέγαν γὰρ ἔσεσθαι τοῖς Ἕλλησιν κίνδυνον ἐκ τούτου. Τερψιχόρη δὲ ἐπιφανεῖσα τὸ τοῦ παιδὸς σῶμα ἀνείλετο. ὡς ἐν παρόδῳ δὲ διαλαμβάνει καὶ περὶ τοῦ φόνου τοῦ Δόλωνος.

[Аргумент Аристофана.]

Рес, сын реки Стримона и Терпсихоры, одной из Муз, предводитель фракийцев, ночью прибывает в Илион во время сражения троянцев за корабли греков. Одиссей и Диомед, посланные в дозор, убивают его с помощью Афины: ведь он был бы очень опасен для греков. Явившаяся Терпсихора забирает тело сына. Мимоходом говорится и об убийстве Долона.

ΠΛΟΥΤΑΡΧΟΥ

ΠΕΡΙ ΠΟΤΑΜΩΝ

ΚΑΙ ΟΡΩΝ ΕΠΩΝΥΜΙΑΣ

ΚΑΙ ΤΩΝ ΕΝ ΑΥΤΟΙΣ ΕΥΡΙΣΚΟΜΕΝΩΝ

[ψευδεπίγραφον τοῦτο· πόρρω γὰρ τῆς Πλουτάρχου μεγαλοφυίας ἥ τε διάνοια καὶ ἡ φράσις· εἰ μή τις ἕτερος εἴη Πλούταρχος]

Плутарх

О ТОМ, ЧЬИМИ ИМЕНАМИ

НАЗВАНЫ РЕКИ И ГОРЫ

И ЧТО ТАМ РОДИТСЯ

[Это ложно приписано Плутарху — ведь и мысли, и выражения далеки от его дарований; если только это не какой-то другой Плутарх]

Текст воспроизводится по изданию: *Plutarchi* Libellus de fluviorum et montium nominibus et de iis, quae in illis reperiuntur // Geographi Graeci minores / Ed. K. Müller. Vol. 2. Paris, Didot, 1861 (переиздано: Hildesheim, Olms, 1965, pp. 637–665).

С сокращениями воспроизводится критический аппарат издания Мюллера. В тех местах, где перевод следует одной из конъектур, отмеченных в аппарате, это не оговаривается специально. Условные обозначения:

cod. Гейдельбергский кодекс (Codex Palatinus / Heidelbergensis 398, fol. 157–173)

Издатели:

G Гелений (Gelenius, Basileae, 1533);

M Моссак (Maussacus, Tolosae, 1618);

H Гудзон (Hudson, Geographi Minores, vol. II, 1712),

Dw Додвелл (Dodwell, критические заметки в издании Гудзона);

W Виттенбах (Wyttenbach, Plutarchi opera);

Hr Рудольф Герхер (Hercher, Lipsiae, 1851);

D Дюбнер (Dübner, Plutarchi opera);

Ml Мюллер (Müller).

ДРЕВНИЕ ВЫПИСКИ ИЗ ТРАКТАТА

«О реках»	*Лжеаристотель, «О чудесных слухах»*	*Стобей, IV, 36, ...*	*Схолии к Дионисию Периэгету*	*Другие*
1, 1–3			**1139**	
1, 2				J. Lyd. De mens. III, 11
2, 1			1165	
5, 2	158			
6, 1–3		15		ibid. III, 8
7, 4				Tzetz. Chil. IV, 412
7, 6	174			
8, 2	171	17		
9, 3	167			
9, 5	162			
10, 2			Eust. 321	
10, 5	173			
12, 3				Eust. Od. II, p. 188
13, 2	160			Zonara II, p. 1636
15, 1			Eust. 783	
16, 1		18	Eust. 222	Leo Allatius (Fabric. B. G. V,2, p. 2)
16, 2	166	18	Eust. 226	

«О реках»	*Лжеаристотель, «О чудесных слухах»*	*Стобей, IV, 36, ...*	*Схолии к Дионисию Периэгету*	*Другие*
17, 4	163			
18, 1		12		
20, 2–3		13		
20, 4		14		
21, 1–3		19–20		
21, 4–5	175	20		
24, 1			Eust. 976	
24, 2	159			
24, 4		21		
25, 3		22		

I. ΥΔΑΣΠΗΣ

1. *Χρυσίππη διὰ μῆνιν Ἀφροδίτης εἰς ἐπιθυμίαν ἐμπεσοῦσα τοῦ γεννήσαντος Ὑδάσπου καὶ μὴ στέγουσα τοὺς παρὰ φύσιν ἔρωτας, νυκτὸς βαθείας τῷ προειρημένῳ συνῆλθε, τῆς τροφοῦ συνεργούσης. Κατηχηθεὶς δὲ περὶ τῶν συμβεβηκότων ὁ βασιλεὺς τὴν μὲν ἐνεδρεύσασαν αὐτὸν γραῦν ζῶσαν κατέχωσεν· τὴν δὲ θυγατέρα σταυρώσας διὰ λύπης ὑπερβολὴν ἔρριψεν ἑαυτὸν εἰς ποταμὸν Ἰνδὸν, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Ὑδάσπης μετωνομάσθη· ἔστι δὲ τῆς Ἰνδίας νεανικῶς καταφερόμενος εἰς τὴν Σαρωνικὴν Σύρτιν.*

2. *Γεννᾶται δὲ ἐν αὐτῷ λίθος λύχνις καλούμενος. Ἐλαιώδης δέ ἐστιν τῇ χρόᾳ καὶ ζεστὸς πάνυ· σελήνης δὲ αὐξομένης εὑρίσκεται πρὸς μελῳδίαν αὐλῶν· χρῶνται δὲ αὐτῷ οἱ ἐν ἐξοχῇ τυγχάνοντες.*

3. *Εὑρίσκεται δὲ αὐτοῦ παρὰ τὰς καλουμένας Πύλας βοτάνη παρόμοιος ἡλιοτροπίῳ· ταύτην λειοτριβοῦντες τῷ χυλῷ τοῖς καύμασιν ἀλείφονται καὶ φέρουσιν ἀκινδύνως τῆς περισσοτέρας θερμασίας τὴν ἀναθυμίασιν.*

4. *Οἱ δὲ ἐγχώριοι τὰς ἀσεβῶς ἀναστρεφομένας παρθένους σταυροῖς προσηλώσαντες εἰς αὐτὸν βάλλουσιν, τῇ σφῶν διαλέκτῳ τὸν Ἀφροδίτης ὕμνον ᾄδοντες. Κατορύσσουσι δὲ κατ' ἐνιαυτὸν γραῦν κατάκριτον παρὰ τὸν ὀνομαζόμενον λόφον Θηρογόνον· ἅμα γὰρ τὴν πρεσβῦτιν κατορυχθῆναι ἑρπετῶν πλῆθος ἐκ τῆς ἀκρωρείας ἐξέρχεται καὶ τὰ περιιπτάμενα τῶν ἀλόγων ζώων κατεσθίει, καθὼς ἱστορεῖ Χρύσερμος ἐν π' Ἰνδικῶν. Μέμνηται δὲ τούτων ἀκριβέστερον Ἀρχέλαος ἐν ιγ' περὶ Ποταμῶν.*

---

1. *συνεργούσης*] Hemsterhusius, Observ. Misc. vol. IV, p. 284, *συνελθούσης* cod. et sch. Dion. Per. 1139 — *κατηχηθεὶς*] W, *οὐκ εὐτυχήσας* cod., *ἀτυχήσας* sch. — *νεανικῶς*] om. sch. — *Σαρωνικὴν*] Ml *Σαρωνιτικὴν* cod.

2. *ἐλαιώδης*] *ἡλιοειδής*? Dw — *ζεστὸς*] «splendore seu igne aestuans» Ml, *ξεστὸς* sch., Dw, *ναστός*? Hr

3. *ἀκινδύνως*] *ἀκινδύνως καὶ γεννῶσι* sch., *ἀκ. κ. γενναίως*? Ml

4. *παρθένους*] *πόρνας* sch. — *κατορυχθῆναι*] e sch. Ml — *π'*] an *η'* vel *β'*?

5. Ὑπόκειται δὲ αὐτῷ ὄρος Ἐλέφας καλούμενον δι' αἰτίαν τοιαύτην· Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνος μετὰ στρατεύματος εἰς Ἰνδίαν ἐλθόντος καὶ τῶν ἐγχωρίων κρίσιν ἐχόντων ἀντιπολεμεῖν αὐτῷ, Πώρου τοῦ βασιλέως τῶν τόπων ἐλέφας αἰφνιδίως οἰστροπλὴξ γενόμενος ἐπὶ τὸν Ἡλίου λόφον ἀνέβη καὶ ἀνθρωπίνῃ φωνῇ χρησάμενος εἶπεν· Δέσποτα βασιλεῦ, τὸ γένος ἀπὸ Γηγασίου κατάγων, μηδὲν ἐξ ἐναντίας Ἀλεξάνδρου ποιήσῃς· Διὸς γάρ ἐστιν †Γηγάσιος. Καὶ τελέσας τὸν λόγον ἔθανεν. Ἀκούσας δὲ τούτων ὁ Πῶρος ψοφοδεὴς τοῖς Ἀλεξάνδρου γόνασιν προσέπεσεν εἰρήνην αἰτούμενος· τυχὼν δὲ ὧν ἤθελεν, τὸ ὄρος Ἐλέφαντα μετωνόμασεν, καθὼς ἱστορεῖ Δέρκυλλος ἐν γ' περὶ Ὀρῶν.

1. ГИДАСП

1. На Хрисиппу гневалась Афродита, и поэтому ее охватила страсть к ее родителю Гидаспу. Не сумев воспротивиться противоестественной любви, она сочета-

---

1. *ὑπόκειται*] *παράκειται* Hr, Ml — *Γηγασίου*] prius *Γ* manu sec. additum — *Γηγάσιος*] eiiciendum censet Hr, *Διὸς γάρ* [*ἧττον* vel *χεῖρον*] *ἐστιν Γηγάσιος*? Ml — *ψοφοδεὴς*] G, *ψοφοδηεος* cod.

1. Начало главы о Гидаспе не совпадает с началом других глав, открывающихся географической справкой вроде: «*Гидасп — это река в Индии... раньше она называлась так-то, а Гидаспом была названа по следующей причине*»; Рудольф Герхер в своем издании трактата реконструировал для этой главы такое начало, одновременно удалив аналогичный текст в конце параграфа («*это полноводная река в Индии*» и т. д.). Также и во многих других местах Герхер исправлял текст «по аналогии», желая увидеть в скудости выражений Псевдо-Плутарха чуть ли не сознательное употребление лексических формул; однако, на наш взгляд, это не формулы, а всего лишь штампы неотделанной речи, от которых отнюдь не обязательно ожидать дословного повсеместного совпадения. Мюллер следовал за Герхером не во всем, а в настоящем издании еще некоторые его исправления удалены из текста в аппарат. В некоторых местах также введены в текст конъектуры Виттенбаха, данные Мюллером в аппарате.

лась с ним, а кормилица помогла ей сделать это. Узнав о происшедшем, царь закопал живьем в землю коварную старуху, а дочь распял. Сам же он от безмерной печали бросился в реку Инд, которая поэтому стала называться Гидаспом. Это полноводная река в Индии, впадающая в Саронический Сирт.

2. На берегах Гидаспа родится камень, называемый лихнид; он похож цветом на оливковое масло и очень ярок. Его находят, играя на флейтах при растущей луне, а пользуются им при опухолях.

3. Там же, в месте по названию Ворота, растет трава, похожая на гелиотроп; мелко растерев ее, отваром смазывают ожоги или безболезненно переносят действие сколь угодно горячего пара.

Гидасп: одна из рек Пенджаба (Пятиречья), совр. Джелам; часто упоминается в греческой литературе в связи с походами Диониса и Александра в Индию. У Нонна речной бог Гидасп является отцом Дериада, вождя противников Диониса, и принимает участие в ходе войны. В «Эфиопике» Гелиодора Гидаспом зовут одного из героев, царя эфиопов. Лжеплутарх очевидным образом путает Гидасп с Индом, в который впадают все реки Пенджаба. История **Хрисиппы** и **Гидаспа** — вариация известной истории Смирны и Кинира, отличающаяся от нее жестокими казнями, призванными придать рассказу «варварский» колорит. **Саронический Сирт**: попытки Мюллера разгадать истоки этой географической фантазии не слишком успешны.

2. **Цветом на оливковое масло**: по Плинию (Hist. Nat. XXXVII, 29, 103) лихниты (так у Плиния) бывают пурпурного (purpuram radiet) или алого цвета (coccum). **Находят, играя на флейтах**: выражение двусмысленно (ср. ниже, 5, 2); его можно понять и так, что лихнид при растущей луне сам издает звуки флейты, по которым его находят; так его понял Иоанн Лид.

3. **Ворота**: похожее описывается у Филострата (Vita Apoll. II, 42). **Гелиотроп**: цветок, также обладающий чудесными свойствами, обусловленными его мифологическим происхождением — он поворачивается, следуя за солнцем,

4. Местные жители бросают в Гидасп девушек, живущих в нечестии, пригвоздив к крестам, и поют при этом на своем языке гимн Афродите. Каждый год они приговаривают к смерти старуху и закапывают ее в землю около холма, который называется Родящим гадов; тогда с его вершины выползает множество змей и пожирает насекомых, досаждающих скоту.

Об этом рассказывает Хрисерм в 80-й книге сочинения «Об Индии», а более подробно об этом говорит Архелай в 13-й книге трактата «О реках».

5. Около Гидаспа есть гора, которая называется Слон по следующей причине.

Когда Александр Македонский пришел с войском в Индию и местные жители решили воевать с ним, то слон Пора, царя тех мест, неожиданно взбесился и, поднявшись на холм Солнца, человеческим голосом произнес предсказание: «О владыка царь, ведущий род от Гегасия! Не делай ничего против Александра; ведь он — сын Зевса». Закончив, слон умер. Услышав это, Пор испугался и припал к коленям Александра, прося мира. Заключив мир, он переименовал гору, назвав Слоном. Это рассказывает Деркилл в третьей книге трактата «О горах».

ибо в него превратилась влюбленная в Гелиоса Клития (см. Ovid. Met. IV, 270).

4. Нагромождение ужасов и экзотики (гимн **на своем языке**). **Хриcерм**: относительно всех авторов, на которых ссылается Псевдо-Плутарх, см. таблицу на с. 270–274. Далее комментируются только имена тех авторов, существование которых подтверждается другими источниками.

5. Другую историю о Поре, Александре и слоне см. Philostr. Vita Apoll. II, 12. **Гора... Слон**: вымышлена, как и большинство гор в трактате. **Ведущий род от Гегасия**: согласно Гелладию Византийскому, автору сборника любопытных сведений (Phot. Bibl., cod. 279, p. 530a Bekker), Пор был сыном цирюльника.

II. ΙΣΜΗΝΟΣ

1. Ἰσμηνὸς ποταμός ἐστι τῆς Βοιωτίας κατὰ πόλιν Θήβας· ἐκαλεῖτο δὲ τὸ πρότερον Κάδμου ποῦς ἀπ' αἰτίας τοιαύτης· Κάδμος τὸν κρηνοφύλακα δράκοντα τοξεύσας καὶ εὑρὼν ὥσπερ πεφαρμακευμένον φόνῳ τὸ ὕδωρ, περιήρχετο τὴν χώραν ζητῶν πηγήν· γενόμενος δὲ κατὰ τὸ Κωρύκιον ἄντρον κατὰ πρόνοιαν Ἀθηνᾶς τὸν δεξιὸν πόδα βαθύτερον εἰς πηλὸν ἤρεισεν· ποταμοῦ δ' ἀναδοθέντος ἐκ τοῦ τόπου, ὁ ἥρως βουθυτήσας Κάδμου πόδα προσηγόρευσεν αὐτόν. Μετὰ δέ τινα χρόνον Ἰσμηνὸς, Ἀμφίονος καὶ Νιόβης παῖς, ὑπὸ Ἀπόλλωνος τοξευθεὶς καὶ ἀλγηδόνι συνεχόμενος, ἑαυτὸν ἔβαλεν εἰς τὸν προειρημένον ποταμὸν, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Ἰσμηνὸς ὠνομάσθη, καθὼς ἱστορεῖ Σώστρατος ἐν β' περὶ Ποταμῶν.

2. Παράκειται δὲ αὐτῷ Κιθαιρὼν ὄρος, ὀνομαζόμενον δὲ πρότερον Ἀστέριον δι' αἰτίαν τοιαύτην. Βοιωτοῦ τοῦ Ποσειδῶνος ἐκ δυεῖν γυναικῶν τῶν ἐπισήμων θέλοντος γῆμαι τὴν ὠφελιμωτέραν καὶ ἐν ταῖς ἀκρωρείαις λόφου τινὸς ἀνωνύμου νυκτὸς περιμένοντος ἀμφοτέρας, αἰφνίδιος ἐξ οὐρανοῦ κατενεχθεὶς ἀστὴρ ἐνέπεσεν τοῖς Εὐρυθεμίστης ὤμοις καὶ ἀφανὴς ἐγένετο. Βοιωτὸς δὲ τὸ σημαινόμενον νοήσας τὴν μὲν κόρην ἔγημεν, τὸ δὲ ὄρος ὠνόμασεν Ἀστέριον ἀπὸ τοῦ συγκυρήματος. Ὕστερον δὲ ἐκλήθη Κιθαιρὼν δι' αἰτίαν τοιαύτην. Τισιφόνη μία τῶν Ἐρινύων εἰς ἐπιθυμίαν ἐμπεσοῦσα παιδὸς εὐπρεποῦς, Κιθαιρῶνος τοὔνομα, καὶ μὴ στέγουσα τὴν ἐπίτασιν τῶν ἐρώτων, λόγους αὐτῷ περὶ συνόδων ἀπέστειλεν· ὁ δὲ τὸ καταπληκτικὸν τῆς προειρημένης φοβηθεὶς οὐδὲ ἀποκρίσεως αὐτὴν ἠξίωσεν· ἡ δὲ ἀποτυχοῦσα τῆς προαιρέσεως ἐκ τῶν πλοκάμων ἕνα τῶν δρακόντων ἀπέσπασεν καὶ ἐπὶ τὸν ὑπερήφανον ἔβαλεν· ὁ δὲ ὄφις τοῖς κόλποις περισφίγξας αὐτὸν ἀνεῖλεν Ἀστερίου ποιμαίνοντα ἐν ταῖς ἀκρωρείαις. Κατὰ δὲ πρόνοιαν θεῶν τὸ ὄρος ἀπ' αὐτοῦ μετωνομάσθη Κιθαιρὼν, καθὼς ἱστορεῖ Λέων ὁ Βυζάντιος ἐν τοῖς Βοιωτιακοῖς.

---

1. ὥσπερ] tollendum censet W — τόπου] τύπου Bernard. ad Thom. Mag. p. 464, assentiente W

2. ἐνέπεσεν] W, ἔπεσεν cod. — ποιμαίνοντα] M, ποιμαίνοντος cod.

3. Ἑρμησιάναξ δὲ ὁ Κύπριος ἱστορίας μέμνηται τοιαύτης. Ἑλικὼν καὶ Κιθαιρὼν ἀδελφοὶ τυγχάνοντες διαφόρους ἔσχον τῶν τρόπων τὰς διαθέσεις· ὁ μὲν γὰρ Ἑλικὼν πρᾳότερος ὑπάρχων καὶ προσηνὴς, συμπαθῶς ἐγηροβόσκει τοὺς γονεῖς· ὁ δὲ Κιθαιρὼν πλεονέκτης τυγχάνων καὶ θέλων εἰς ἑαυτὸν μεταστῆσαι τὴν οὐσίαν, πρῶτον μὲν ἐφόνευσεν τὸν γεννήσαντα, τὸν δὲ ἀδελφὸν ἐξ ἐνέδρας κατακρημνίζων, καὶ αὐτὸς συγκατηνέχθη· κατὰ δὲ θεῶν πρόνοιαν εἰς ὁμώνυμα ὄρη μεταμορφωθέντες ἐγένοντο Κιθαιρὼν μὲν διὰ τὴν ἀσέβειαν Ἐρινύων μυχός, Ἑλικὼν δὲ διὰ φιλοστοργίαν Μουσῶν ἐνδιαίτημα.

2. ИСМЕН

1. Исмен это река в Беотии, в области Фив. Раньше она называлась «Стопа Кадма» по излагаемой ниже причине.

Застрелив из лука дракона, сторожившего источник, Кадм обнаружил, что вода <словно> отравлена кровью убитого, и стал обходить окрестности в поисках другого источника. Когда он был около Корикийской пещеры, его правая нога по воле Афины увязла глубоко в грязи. Из этого места забил источник, который герой, принеся в жертву быка, назвал «Стопой Кадма».

---

3. *ἐγηροβόσκει*] W, *γηροβοσκεῖ* cod. — *μυχός*] Barth. ad Stat. IX, p. 109 et W, *μῦθος* cod.

1. Исмен или Исмений — источник в Фивах. Ранее, согласно Павсанию (IX, 10, 5), назывался Ладоном (по имени дракона?), а Исмением стал называться по имени прорицателя, сына Аполлона. **Корикийская пещера** находится около Дельф, а не Фив (Paus. X, 6, 3 и др.). Источник, бьющий из следа героя, — наивная, но оригинальная идея Лжеплутарха; нелепо и то, чтобы один из сыновей Ниобы утопился отдельно от других; во-первых, утопиться в Исмене, небольшом источнике, невозможно; во-вторых, стрелы Аполлона убивают мгновенно.

А по прошествии времени Исмен, сын Амфиона и Ниобы, пораженный стрелой Аполлона, бросился, терзаемый болью, в эту реку, и она стала поэтому называться Исменом.

Об этом рассказывает Сострат во второй книге сочинения «О реках».

2. Около Исмена лежит гора Киферон, которая раньше называлась Звездной по следующей причине.

Беот, сын Посейдона, хотел из двух замечательных женщин выбрать себе в жены лучшую; и, когда он ожидал обеих ночью на вершине некой безымянной горы, внезапно сорвавшаяся с неба звезда упала на плечи Эврифемисты и исчезла. Поняв знамение, Беот взял девушку в жены, а гору назвал Звездной из-за того, что произошло на ней.

Позднее она стала называться Киферон по следующей причине.

Тисифону, одну из Эринний, охватила страсть к красивому мальчику по имени Киферон; не в силах скрывать обуревающей ее любви, она послала ему письмо с просьбой о встрече. Он же испугался ужасной Эриннии и даже не удостоил ее ответа. Отчаявшись в своих желаниях, она вырвала одну змею из своих волос и бросила ее на надменного. Упав за пазуху и обвившись вокруг него, змея задушила юношу, когда он пас скот на склонах Астерия. По воле богов гора стала называться Кифероном, как рассказывает Леон Византийский в книге сочинения «О Беотии».

3. У Гермесианакса же Кипрского рассказывается следующее.

---

2. **Беот, сын Посейдона**, известен мифографам, но история его женитьбы вымышлена Лжеплутархом. **Тисифона** — любимая Эринния Лжеплутарха (см. ниже, 18, 1); о том, что Эриннии способны испытывать нежные чувства, никому, кроме него, неизвестно.

3. **О Геликоне и Кифероне** ср. знаменитый папирус Коринны (F 1 Page). То, что Киферон является **жилищем Эрин-**

Геликон и Киферон были братьями, но нравы их были весьма различны. Геликон был кроток, мягок и нежно ухаживал за стариками-родителями. Киферон же был алчен и хотел заполучить отцовское добро. Убив сначала родителя, он напал из засады на брата и сбросил его в пропасть, но и сам упал вместе с ним. По воле богов они превратились в горы, носящие их имена, и Киферон за нечестие стал жилищем Эринний, а Геликон за благочестие — обителью Муз.

III. ΕΒΡΟΣ

1. *Ἕβρος ποταμός ἐστι τῆς Θρᾴκης. [Ἐκαλεῖτο δὲ πρότερον Ῥόμβος, τὴν] προσηγορίαν εἰληφὼς ἀπὸ τῆς συστροφῆς τῆς καταφορᾶς τοῦ ὕδατος. Κάσανδρος δέ, ὁ βασιλεὺς τῶν τόπων, γήμας Κροτονίκην ἐγέννησεν ἐξ αὐτῆς υἱὸν Ἕβρον· ἀποταξάμενος δὲ τῇ συμβιώσει τῆς προτέρας γυναικὸς ἐπέγημε τῷ τέκνῳ Δαμασίππην τὴν Ἄτρακος· ἥτις εἰς ἐπιθυμίαν ἐμπεσοῦσα τοῦ προγόνου λόγους αὐτῷ περὶ συνόδων ἀπέστειλεν. Ὁ δ' ὡς Ἐρινὺν φυγὼν τὴν μητρυιὰν προσηυκαίρει κυνηγίαις. Ἀποτυχοῦσα δὲ τῆς προαιρέσεως ἡ ἀσελγὴς κατεψεύσατο τοῦ σώφρονος, ὡς βιάσασθαι αὐτὴν θελήσαντος. Κάσανδρος δὲ τῷ ζήλῳ συμπεριενεχθεὶς μεθ' ὁρμῆς ἐπὶ τὴν ὕλην ἠνέχθη καὶ σπασάμενος τὸ ξίφος ἐδίωκε τὸν υἱόν, ὡς ἐπίβουλον τῶν πατρῴων γάμων. Ὁ δὲ υἱὸς περικατάληπτος γενόμενος ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς ποταμὸν Ῥόμβον, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Ἕβρος μετωνομάσθη, καθὼς ἱστορεῖ Τιμόθεος ἐν ια' περὶ Ποταμῶν.*

2. *Ὄρος δὲ αὐτῷ παράκειται Παγγαῖον τὴν προσηγορίαν ἔχον δι' αἰτίαν τοιαύτην. Ὁ Παγγαῖος, Ἄρεως καὶ Κριτοβούλης παῖς, τῇ θυγατρὶ κατ' ἄγνοιαν συγγενόμενος ἀθυμίᾳ συσχεθεὶς ἔδραμεν εἰς Καρμάνιον ὄρος, καὶ διὰ λύπης ὑπερβολὴν σπασάμενος τὸ ξίφος ἑαυτὸν ἀνεῖλεν· κατὰ δὲ πρόνοιαν θεῶν ὁ τόπος μετωνομάσθη Παγγαῖος.*

ний, — вымысел Лжеплутарха, связанный с предыдущей историей.

1. *ἐκαλεῖτο ... τὴν*] Dw — *Κροτονίκην*] (non *Κροτωνίκην*) Hr, *Κρατονίκην*? Ml — *κυνηγίαις*] M, *γυναικιαις* cod. — *ἠνέχθη*] Hr, *ἤχθη* cod.

3. *Γεννᾶται δὲ ἐν αὐτῷ τῷ προειρημένῳ ποταμῷ βοτάνη παρόμοιος ὀριγάνῳ, ἧς τὰ ἄκρα δρεψάμενοι Θρᾷκες, ἐπιτιθέασιν πυρὶ μετὰ τὸν κόρον τῆς δημητριακῆς τροφῆς, καὶ τὴν ἀναφερομένην ἀναθυμίασιν δεχόμενοι ταῖς ἀναπνοιαῖς καροῦνται καὶ εἰς βαθὺν ὕπνον καταφέρονται.*

4. *Γεννᾶται δὲ καὶ ἐν τῷ Παγγαίῳ ὄρει βοτάνη κιθάρα καλουμένη διὰ ταύτην τὴν αἰτίαν. [Αἱ] διασπαράξασαι τὸν Ὀρφέα τὰ μέλη τοῦ προειρημένου εἰς ποταμὸν ἔβαλον Ἕβρον· καὶ ἡ μὲν κεφαλὴ τοῦ θνητοῦ κατὰ πρόνοιαν θεῶν εἰς δράκοντα μετέβαλεν τὴν μορφὴν ‹τοῦ σώματος›· ἡ δὲ λύρα κατηστερίσθη κατὰ προαίρεσιν Ἀπόλλωνος· ἐκ δὲ τοῦ ῥεύσαντος αἵματος ἀνεφάνη βοτάνη κιθάρα καλουμένη. Τῶν δὲ Διονυσίων τελουμένων αὕτη κιθάρας ἀναδίδωσιν ἦχον· οἱ δ᾽ ἐγχώριοι νεβρίδας περιβεβλημένοι καὶ θύρσους κρατοῦντες ὕμνον ᾄδουσιν·*

Μὴ τότε φρονήσῃς, ὅταν ἔσῃ μάτην φρονῶν·

καθὼς ἱστορεῖ Κλειτώνυμος ἐν τῷ γ´ τῶν Θρᾳκικῶν.

3. ГЕБР

1. Гебр это река во Фракии. [Раньше она называлась Ромб] из-за стремительных водоворотов.

Касандр, царствовавший над этой страной, взял в жены Кротонику и произвел на свет сына Гебра. Он отказался от первой жены и взял мачехой для сына

4. *Αἱ*] W — *τοῦ σώματος*] vel delendum, vel *τοῦ σχήματος* W — *κρατοῦντες*] post *ᾄδουσιν* cod., transposuit M Salmasio jubente — *μὴ ... φρονήσῃς*] Hr ex Hauptii coniectura, *καὶ ... φρονήσῃς* cod. — *ἔσῃ μάτην*] *εσηματην* cod. — *Θρᾳκικῶν*] Reinesius, Var. Lect. p. 2, *Τραγικῶν* cod.

1. **Гебр** — большая река во Фракии, совр. Марица. Сквозь историю семейства Касандра просвечивает история Федры. Остроумное наблюдение Мюллера, что, если переставить составные части имени **Дамасиппы, дочери Атрака**, получится Гипподамия, дочь Атрака или Атракия, жена Пирифоя (I Myth. Vat. 170), что, быть может, показывает ход фантазии Лжеплутарха.

Дамасиппу, дочь Атрака, а она, охваченная страстью к пасынку, послала ему письмо с просьбой о встрече. Гебр же, бежав от мачехи, как от Эриннии, предавался охоте. Отчаявшись в своих желаниях, бесстыдная оклеветала целомудренного, будто он хотел совершить над ней насилие. Охваченный ревностью Касандр стремительно понесся в лес и, выхватив меч, погнался за своим сыном, посягнувшим, как он думал, на отцовское ложе. Сын же, не зная, куда скрыться, бросился в реку Ромб, которая поэтому стала называться Гебром. Это рассказывает Тимофей в одиннадцатой книге трактата «О реках».

2. Возле Гебра лежит гора Пангей, получившая такое имя по следующей причине.

Пангей, сын Ареса и Критобулы, сошелся по неведению со своей дочерью. Охваченный отчаянием, он убежал на гору Карманий и, не в силах терпеть боль, выхватил меч и убил себя. По воле богов это место стало называться Пангеем.

3. На Гебре растет трава, похожая на душицу. Фракийцы срезают ее верхушки и, насытившись деметриной пищей, бросают их в огонь, а потом, вдыхая поднимающийся дым, теряют сознание и впадают в глубокий сон.

4. На горе Пангей растет трава, которая называется «кифарой» по следующей причине. Женщины, разорвавшие Орфея, бросили его члены в реку Гебр. Голова смертного по воле богов превратилась в дракона, лира по желанию Аполлона стала созвездием, а из пролившейся крови появилась трава, которая называется «кифара». Когда справляются Дионисии, эта трава издает звуки кифары; местные же жители, одевшись в небриды и взяв тирсы, поют гимн:

---

3. **Трава, похожая на душицу**: Мюллер считает ее коноплей, по описанию Геродота (IV, 75, ср. sch. Luc. Calumniae non temere credendum, 23; Dio Chrysost. Or. XXXII, p. 378c).

Не размышляй, когда напрасны размышленья...
Об этом рассказывает Клитоним в третьей книге сочинения «О Фракии».

IV. ΓΑΓΓΗΣ

1. *Γάγγης ποταμός ἐστι τῆς Ἰνδίας, τὴν προσηγορίαν λαβὼν δι' αἰτίαν τοιαύτην. Ἰνδῷ τις Καλαυρία νύμφη ἐγέννησεν υἱὸν κάλλει περίβλεπτον, τοὔνομα Γάγγην. Οὗτος καρηβαρήσας τῇ μητρὶ κατ' ἄγνοιαν συνεγένετο. Τῇ δ' ἐπιούσῃ τῶν ἡμερῶν παρὰ τῆς τροφοῦ μαθὼν τὴν ἀλήθειαν διὰ λύπης ὑπερβολὴν ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς ποταμὸν Χλιαρὸν καλούμενον, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Γάγγης μετωνομάσθη.*

2. *Γεννᾶται δὲ παρ' αὐτῷ βοτάνη παραπλησία βουγλώσσῳ, ἣν λειοτριβοῦντες τὸν χυλὸν αὐτῆς τηροῦσιν, καὶ νυκτὸς βαθείας τοὺς φωλεοὺς τῶν τίγρεων περιρραίνουσιν· αἱ δὲ διὰ τὴν δύναμιν τῆς ἐκχυθείσης ὑγρασίας προχωρῆσαι μὴ δυνάμεναι θνήσκουσι, καθὼς ἱστορεῖ Καλλισθένης ἐν γ' τῶν Κυνηγετικῶν.*

3. *Παράκειται δὲ αὐτῷ ὄρος Ἀνατολὴ καλούμενον δι' αἰτίαν τοιαύτην. Ἀναξιβίαν νύμφην Ἥλιος θεασάμενος χορείαις προσευκαιροῦσαν εἰς ἐπιθυμίαν αὐτῆς ἐνέπεσεν καὶ μὴ στέγων ἴτῶν ἐρώτων, ἐπεδίωξε τὴν προειρημένην βιάσασθαι βουλόμενος· ἡ δὲ περικατάληπτος γενομένη κατέφυγεν ἐπὶ τὸ τῆς Ὀρθίας Ἀρτέμιδος τέμενος, ὅπερ ἦν ἐν ὄρει Κορύφῃ καλουμένῳ, καὶ ἀφανὴς ἐγένετο· κατόπιν δ' ἀκολουθήσας ὁ θεὸς καὶ μηδαμοῦ τὴν ἀγαπωμένην εὑρὼν διὰ λύπης ὑπερβολὴν ἐκεῖθεν ἀνέτειλεν· οἱ δὲ ἐγχώριοι τὴν ἀκρώρειαν Ἀνατολὴν μετωνόμασαν ἀπὸ τοῦ συγκυρήματος, καθὼς ἱστορεῖ Καιμάρων ἐν δεκάτῳ Ἰνδικῶν.*

---

2. *παρ' αὐτῷ*] *ἐν αὐτῷ* Hr — *λειοτριβοῦντες*] Ml, *ἀεὶ τριβοῦντες* cod. — *ὑγρασίας*] W, *πρασίας* cod.

3. *χορείαις*] W, *χωρίοις* cod. — *τῶν ἐρώτων*] *τοὺς ἔρωτας* vel addendum quidquam putat Ml — *ἐπεδίωξε*] W, *ἀπ-* cod., *ἐπεδίωκε* Hr — *Καιμάρων*] depravatum ex *Δαΐμαχος*? Ml

11 Зак. 3209

4. ГАНГ

1. Ганг это река в Индии, которая называется так по следующей причине.

Нимфа Калаврия родила Инду сына замечательной красоты, по имени Ганг. В опьянении он по неведению сошелся со своей матерью. Назавтра он узнал от кормилицы правду и, не силах сносить горя, бросился в реку Теплую, которая поэтому стала называться Гангом.

2. На его берегах растет трава, похожая на воловик; ее растирают и сок разбрызгивают глубокой ночью в логовах тигров, и они из-за действия разлитой жидкости не могут двинуться и умирают.

Об этом рассказывает Каллисфен в третьей книге трактата «Об охоте».

3. Около Ганга лежит гора Восход, названная так по следующей причине.

Гелиос, увидев нимфу Анаксибию, когда она танцевала, влюбился в нее и, не в силах скрывать любви, погнался за ней, желая изнасиловать. А она, не зная, как спастись, укрылась в святилище Артемиды Орфии на горе, которая называлась Вершиной, и исчезла. Преследовавший ее бог нигде не нашел ее и, не в силах переносить печали, взошел оттуда на небо. Местные же жители назвали гору Восходом из-за этого события.

Об этом рассказывает Кемарон в десятой книге сочинения «Об Индии».

V. ΦΑΣΙΣ

1. Φᾶσις ποταμός ἐστι τῆς Σκυθίας παραρρέων πόλιν· ἐκαλεῖτο δὲ τὸ πρότερον Ἀρκτοῦρος τὴν προσηγορίαν εἰληφὼς διὰ τὴν χωροθεσίαν τῶν κατεψυγμένων τόπων· μετωνομάσθη δὲ δι' αἰτίαν τοιαύτην. Φᾶσις Ἡλίου καὶ Ὀκυρρόης τῆς Ὠκεανοῦ παῖς τὴν μητέρα μοιχευομένην ἐπ' αὐτοφώρῳ καταλαβὼν ἀνεῖλεν· κατὰ δὲ ἐπιφάνειαν Ἐρινύων οἰστροπλὴξ γενόμενος ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς τὸν Ἀρκτοῦρον, ἀπ' αὐτοῦ δὲ Φᾶσιν μετωνομασμένον.

2. Γεννᾶται δ' ἐν τῷ ποταμῷ ῥάβδος ὀνομαζομένη λευκόφυλλος· εὑρίσκεται δὲ τοῖς μυστηρίοις τῆς Ἑκάτης περὶ τὸν ὄρθρον πρὸς παιανισμὸν ἔνθεον αὐτοῦ περὶ τὴν ἀρχὴν τοῦ ἔαρος· ἣν οἱ ζηλότυποι τῶν ἀνδρῶν δρεπόμενοι ῥίπτουσι περὶ τὸν παρθένιον θάλαμον καὶ ἀνόθευτον τηροῦσι τὸν γάμον. Ἐάν τις προπετέστερον ἐπιστραφῇ τῶν ἀσεβεστέρων διὰ μέθην καὶ εἰς τὸν τόπον εἰσέλθῃ, τῶν σωφρονούντων ἀφαρπάζεται λογισμῶν καὶ εὐθὺς ὁμολογεῖ πᾶσιν, ὅσα παρανόμως ἢ ἔπραξεν ἢ μέλλει πράττειν. Οἱ δὲ παρατυγχάνοντες συλλαμβάνοντες ῥίπτουσιν ἐμβεβυρσωμένον εἰς τὸ καλούμενον Στόμιον τῶν ἀσεβῶν. Ἔστι δὲ στρογγυλοειδές, φρέατι παραπλήσιον. Ἐκδίδωσι δὲ τὸ βληθὲν μετὰ λ' ἡμέρας εἰς τὴν Μαιῶτιν λίμνην σκωλήκων γέμον. Γῦπες δ' αἰφνιδίως ἐπιφανέντες ἀθρόοι τὸ ἐγκείμενον διαρπάζουσι, ὡς ἱστορεῖ Κτήσιππος ἐν β' Σκυθικῶν.

3. Παράκειται δὲ τὸ Καυκάσιον ὄρος· ἐκαλεῖτο δὲ τὸ πρότερον Βορέου κοίτη δι' αἰτίαν τοιαύτην. Βορέας δι' ἐρωτικὴν ἐπιθυμίαν Χιόνην ἁρπάσας τὴν Ἀρκτούρου θυγατέρα κατήνεγκεν εἴς τινα

---

1. πόλιν] an πόλιν ὁμώνυμον, Αἶαν πόλιν, Κυταίαν πόλιν? Ml

2. παιανισμὸν] Gaulminus ad Prodr. p. 543 et G. Dindorf in Thes. 6, p. 152c, πανισμόν cod. — ἐάν τις] G, ἐάν τι cod., ἐάν [γάρ] τις Ml — ἐπιστραφῇ] W, ἀποστραφῇ cod. et Ml, ἀναστραφῇ Hr — τῶν ἀσεβεστέρων] post τις W, τῶν εὐσεβεστάτων? Ml; tota tamen sententia corrupta videtur — ἀθρόοι] Hr, ἀόρατοι cod. — τὸ ἐγκείμενον] W, τὸ μὲν κείμενον cod., τὸν ἐγκείμενον D, Ml — ὡς] καθώς Hr.

3. Χιόνην] Hr, Χώνην cod., Χλῶριν G — ἔλαθεν ... Προμηθεὺς] suppl. Hemsterhusius ad. Lucian. Prometh. p. 202 — ἀναταμὼν] idem, ἀναπαύων cod. — μετονομάσας] G, μετονομασθείς cod.

λόφον Νιφάντην καλούμενον καὶ ἐγέννησεν ἐκ τῆς προειρημένης υἱὸν Ὕρπακα τὸν διαδεξάμενον Ἡνιόχου τὴν βασιλείαν. Μετωνομάσθη δὲ τὸ ὄρος Κοίτη Βορέου. Προσηγορεύθη δὲ Καύκασος διὰ περίστασιν τοιαύτην. Μετὰ τὴν γιγαντομαχίαν Κρόνος ἐκκλίνων τὰς Διὸς ἀπειλὰς ἔφυγεν εἰς τὴν ἀκρώρειαν Βορέου Κοίτης· καὶ εἰς κροκόδειλον μεταμορφωθεὶς [ἔλαθεν· ὁ δὲ Προμηθεὺς] ἕνα τῶν ἐγχωρίων ποιμένα Καύκασον ἀναταμὼν καὶ κατανοήσας αὐτοῦ τὴν διάθεσιν τῶν σπλάγχνων, εἶπεν οὐ μακρὰν εἶναι τοὺς πολεμίους. Ὁ δὲ Ζεὺς ἐπιφανεὶς τὸν μὲν πατέρα δήσας πλεκτῷ ἐρίῳ κατεταρτάρωσεν· τὸ δὲ ὄρος εἰς τιμὴν τοῦ ποιμένος Καύκασον μετονομάσας, προσέδησεν αὐτῷ τὸν Προμηθέα καὶ ἠνάγκασεν αὐτὸν ὑπὸ σπλαγχνοφάγου ἀετοῦ βασανίζεσθαι, ὅτι παρηνόμησεν εἰς τὰ σπλάγχνα, ὡς ἱστορεῖ Κλεάνθης ἐν γ' Θεομαχίας γεγραφώς.

4. *Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ βοτάνη Προμήθειος καλουμένη, ἣν Μήδεια συλλέγουσα καὶ λειοτριβοῦσα πρὸς ἀντιπαθείας τοῦ πατρὸς ἐχρήσατο, καθὼς ἱστορεῖ ὁ αὐτός.*

5. ФАСИС

1. Фасис это река в Скифии, протекающая через одноименный город. Раньше она называлась Арктуром из-за того, что протекает через холодные страны, переименована же была по следующей причине.

---

1. Фасис — совр. Риони, река отнюдь не в **Скифии**, которая появляется здесь из-за соседства с Кавказом и вызывает в воображении Лжеплутарха проникнутый «северным» колоритом миф **о Борее** и **Хионе** («Снежной»), дочери Арктура («Северного»). Традиционные мифографы называют Хионой дочь Борея. Однако Лжеплутарх все же помнит, что Фасис находится в Колхиде, и поэтому делает своего «колхидского Ореста» Фасиса сыном Гелиоса, сыном которого является и общеизвестный царь Колхиды Ээт. **Застиг ... на месте преступления**: Лжеплутарх, как обычно, заостряет ситуацию; традиция все же щадила известных ей матереубийц, не заставляя их заставать преступницу с поличным.

Фасис, сын Гелиоса и Окиррои, дочери Океана, застиг прелюбодействующую мать на месте преступления и убил ее. Явились Эриннии, и он впал в безумие, а потом бросился в Арктур, который поэтому стал называться Фасисом.

2. На этой реке растет так называемый «белолистый посох». Его находят во время мистерий Гекаты, на рассвете, при вдохновенном пении пеана, ранней весной. Ревнивые мужья, нарвав его, разбрасывают вокруг комнаты новобрачных и соблюдают таким образом чистоту брака.

Если кто-то опрометчиво обратится в опьянении к нечестивым делам и придет в это место, то, лишившись здравого рассудка, он тут же признаётся во всех беззакониях, которые он совершил или собирался совершить. Присутствующие же берут его и бросают, зашитого в кожаный мешок, в так называемое Горло нечестивых; оно круглое и похоже на колодец. Через тридцать дней брошенное тело, полное червей, бывает выброшено в Меотийское озеро. Внезапно появившиеся коршуны собираются вместе и разрывают его.

Об этом рассказывает Ктесипп во второй книге трактата «О Скифии».

3. Около Фасиса лежит гора Кавказ. Раньше она называлась «Ложе Борея» по следующей причине.

Охваченный страстью Борей похитил Хиону, дочь Арктура, и перенес ее на некую гору, называвшуюся тогда Снежной. Она родила от него сына Гирпака, унаследовавшего царство Гениоха, гора же стала называться «Ложе Борея».

---

2. Неясно, к чему привязан в тексте мрачный рассказ о **Горле нечестивых**; к тому же его первая фраза в рукописи испорчена и реконструирована ненадежно.

Кавказом же она была названа из-за следующих обстоятельств.

После гигантомахии, страшась угроз Зевса, Крон бежал на склоны «Ложа Борея» и, превратившись в крокодила, [скрылся там. Прометей же] разрубил одного их местных пастухов, которого звали Кавказ, и, гадая по расположению его внутренностей, сказал, что враги недалеко. Зевс явился и, связав отца шерстяной веревкой, низверг в Тартар. Гору же в честь пастуха он назвал Кавказом, привязал к ней Прометея и назначил ему терпеть муки от терзающего внутренности орла, потому что внутренностей касалось его преступление, как рассказывает Клеанф, написавший об этом в третьей песни «Теомахии».

4. На Кавказе растет трава, которая называется прометеевой. Медея собирала и растирала ее, чтобы лечить отца, как рассказывает тот же Клеанф.

---

3. Устрашающая история гадания, совершенного человеколюбцем Прометеем по внутренностям принесенного им в жертву пастуха, якобы объясняет возмутительную жестокость кары, постигшей его самого. Фантазии о **«Теомахии»** некого **Клеанфа**, которой она приписана, навеяны, как полагал Мюллер, тем, что у стоика Клеанфа на самом деле были сочинения *ἀρχαιολογία περὶ θεῶν* и *περὶ γιγάντων* («Разыскания древностей, касающихся богов» и «О гигантах»). Хотя «Ложе Борея» находится, по Лжеплутарху, на холодном Севере, Крон, прибыв туда, превращается в **крокодила**, который в греческой литературе всегда ассоциируется с Египтом.

4. **О прометеевой траве** подробней рассказывается у Аполлония Родосского, III, 845.

VI. ΑΡΑΡ

1. Ἄραρ ποταμός ἐστι τῆς Κελτικῆς, τὴν προσηγορίαν εἰληφὼς παρὰ τὸ ἡρμόσθαι τῷ Ῥοδανῷ· καταφέρεται γὰρ εἰς τοῦτον κατὰ τὴν χώραν τῶν Ἀλλοβρόγων. Ἐκαλεῖτο δὲ πρότερον Βρίγουλος· μετωνομάσθη δὲ δι' αἰτίαν τοιαύτην. Ἄραρ κυνηγεσίας χάριν εἰς ὕλην προχωρήσας καὶ εὑρὼν τὸν ἀδελφὸν Κελτίβηρον ὑπὸ θηρίων ἀνηλωμένον, διὰ λύπης ὑπερβολὴν ἑαυτὸν καιρίως πλήξας ἔβαλεν εἰς τὸν ποταμὸν Βρίγουλον, ὃς ἀπ' αὐτοῦ μετωνομάσθη Ἄραρ.

2. Γεννᾶται δὲ ἐν αὐτῷ μέγας ἰχθὺς, σκολοπίας προσαγορευόμενος ὑπὸ τῶν ἐγχωρίων· οὗτος αὐξανομένης τῆς σελήνης λευκός ἐστιν· μειουμένης δὲ μέλας γίνεται παντελῶς· ὑπεραυξήσας δὲ ἀναιρεῖται ὑπὸ τῶν ἰδίων ἀκανθῶν.

3. Εὑρίσκεται δ' ἐν τῇ κεφαλῇ αὐτοῦ λίθος χόνδρῳ παρόμοιος ἁλὸς, ὃς κάλλιστα ποιεῖ πρὸς τεταρταίας νόσους, τοῖς ἀριστεροῖς μέρεσι τοῦ σώματος προσδεδεμένος τῆς σελήνης μειουμένης, καθὼς ἱστορεῖ Καλλισθένης ὁ Συβαρίτης ἐν ιγ' Γαλατικῶν, παρ' οὗ τὴν ὑπόθεσιν εἴληφεν Τιμαγένης ὁ Σύρος.

4. Παράκειται δὲ αὐτῷ ὄρος Λούγδουνος καλούμενον· μετωνομάσθη δὲ δι' αἰτίαν τοιαύτην. Μώμορος καὶ Ἀτεπόμαρος, ὑπὸ Σεσηρονέως τῆς ἀρχῆς ἐκβληθέντες, εἰς τοῦτον κατὰ προσταγὴν [χρησμοῦ ἦλθον] τὸν λόφον πόλιν κτίσαι θέλοντες. Τῶν δὲ θεμελίων ὀρυσσομένων αἰφνιδίως κόρακες ἐπιφανέντες καὶ διαπτερυξάμενοι, τὰ πέριξ ἐπλήρωσαν δένδρα. Μώμορος δὲ οἰωνοσκοπίας ἔμπειρος

---

2. σκολοπίας] Ml, σκολόπιδος cod., κλουπαῖα Stob., κλοπίας Ioann. Lyd., qui habet: ἐν Ἀράρει ποταμῷ τῆς Κελτικῆς, μᾶλλον δὲ Αἰσάρῳ Συβάρεως γεννᾶται ἰχθύς, κλοπίαν δὲ αὐτὸν οἱ ἐπιχώριοι καλοῦσι; cf. Eust. ad Dion. Per. 369: ὁ δὲ περὶ Κρότωνα ποταμὸς Αἴσαρος ἐπὶ κυνηγῷ Αἰσάρῳ καλεῖται, ὃς ἐλάφῳ διωκομένῃ αὐτόθι συνεισπεσὼν ἀφῆκεν οὕτω καλεῖσθαι τὸν ποταμόν.

3. ἐν τῇ κεφαλῇ αὐτοῦ λίθος] Stob., ἐν αὐτῷ λ. ἐν τῇ κεφ. cod. — ἁλὸς] Stob., deest in cod. — τεταρταίας] Stob., -αίους cod.

4. Λούγδουνος] G, Λούσδουλος cod. — χρησμοῦ ἦλθον] suppl. W — δοῦνον] M, λούγδουλον cod. — τόπον] Henc. Leo (citante Hr), τὸν cod.

ὑπάρχων, τὴν πόλιν Λούγδουνον προσηγόρευσεν. Λοῦγον γὰρ τῇ σφῶν διαλέκτῳ τὸν κόρακα καλοῦσι, δοῦνον δὲ τόπον ἐξέχοντα, καθὼς ἱστορεῖ Κλειτοφῶν ἐν ιγʹ Κτίσεων.

6. АРАР

1. Арар это река в Галлии, получившая такое имя потому, что она «прилажена» к Родану: ведь она впадает в Родан в области аллоброгов. Раньше она называлась Бригул, а переименована была по следующей причине.

Во время охоты Арар зашел далеко в лес и нашел там своего брата Кельтибера, разорванного зверями. Не стерпев горя, он нанес себе смертельную рану и бросился в реку Бригул, которая поэтому стала называться Араром.

2. В Араре водится большая рыба, которую местные жители называют игольником. При растущей луне она белая, а при убывающей становится совершенно черной. Когда она вырастает слишком большой, ее убивают собственные шипы.

3. В ее голове находят камень, похожий на крупицу соли, который лучше всего помогает при четырехдневной лихорадке, если его привязать к левой части тела при убывающей луне.

Об этом рассказывает Каллисфен из Сибариса в тринадцатой книге сочинения «О Галлии», а у него это взял Тимаген Сирийский.

4. Около Арара лежит гора, которая называется Лугдун. Она была названа так по следующей причине.

---

1. **Арар** — совр. Сона. **«Прилажена»** — т. е. от ἀραρίσκω.

4. **Лугдун** — древнее название Лиона (а также Лейдена). **Атепомар** упоминается также в «Малых сравнительных жизнеописаниях», 30.

Сесероней лишил власти Момора и Атепомара, и они согласно указанию [оракула] пришли на эту гору, чтобы основать город. Когда они копали ямы под фундаменты, появились вóроны и, летая туда и сюда, заполнили окрестные деревья. Момор был опытен в птицегадании и назвал город Лугдуном. Ведь «лугом» на их языке называют ворона, а «дуном» — возвышенное место.

Это рассказывает Клитофон в тринадцатой книге «Оснований городов».

VII. ΠΑΚΤΩΛΟΣ

1. *Πακτωλὸς ποταμός ἐστι τῆς Λυδίας κατὰ πόλιν Σάρδεις. Ἐκαλεῖτο δὲ πρότερον Χρυσορρόας. Χίος ὁ Ἀπόλλωνος καὶ Ἀγαθίππης παῖς τὴν μηχανικὴν τέχνην ἀσκήσας καὶ σπάνει βίου συνεχόμενος, νυκτὸς βαθείας τοὺς θησαυροὺς Κροίσου τοῦ βασιλέως ἀνέῳξεν καὶ τὸν χρυσὸν ἐκκομίζων διεδίδου τοῖς οἰκείοις· καταδιωχθεὶς δὲ ὑπὸ τῶν φρουρῶν καὶ κατάληπτος γενόμενος, ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς ποταμὸν, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Χρυσορρόας μετωνομάσθη. Πακτωλὸς δὲ μετεκλήθη διὰ τήνδε τὴν περίστασιν. Πακτωλὸς, †οειολιος καὶ Λευκοθέης παῖς, ἐν τοῖς Ἀφροδίτης μυστηρίοις Δημοδίκην τὴν ἀδελφὴν κατ' ἄγνοιαν βιασάμενος καὶ περὶ τῶν συμβεβηκότων κατηχηθεὶς διὰ λύπης ὑπερβολὴν ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς ποταμὸν Χρυσορρόαν, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Πακτωλὸς προσηγορεύθη.*

2. *Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ ψῆγμα Δαρείου χρυσίου καταφερόμενον εἰς τὸν εὐδαίμονα κόλπον.*

---

1. *Ἀγαθίππης*] D e conj. H; *Ἀπαθίππης* cod., Ml; *Ἀγανίππης*? H, *Ἀνθίππης*? Ml — *καταδιωχθεὶς*] Ml e conj. Hr, *καταλειφθεὶς* cod., *καταληφθεὶς* edd. et W, qui *καὶ κατάληπτος γενόμενος* delevit — *οειολιος*] cod., *ὁ Εἰόλιος* G, *Διὸς*? H, *ὁ [Μ]ήονος*? Ml

2. *Δαρείου*] *δαρεικοῦ*? Ml, post *κόλπον*? Hr

3. *Γεννᾶται δέ ἐν αὐτῷ καὶ λίθος ἀρουραφύλαξ καλούμενος· ἔστι δὲ ἀργύρῳ παρόμοιος· εὑρίσκεται δὲ δυσχερῶς τῷ καταφερομένῳ ψήγματι συναναμιγνύμενος· ἔχει δὲ δύναμιν τοιαύτην. Οἱ ἐν ἐξοχῇ τυγχάνοντες τῶν Λυδῶν συναγοράζουσιν αὐτὸν καὶ πρὸ τῆς εἰσόδου τῶν θησαυρῶν τιθέασι, καὶ διαφυλάττουσιν ἀκινδύνως τὸν διατιθέμενον χρυσόν. Ὁσάκις γὰρ ἂν φῶρες ἐπέλθωσι, σάλπιγγος ἦχον ἀναδίδωσιν ὁ λίθος. Οἱ δὲ, ὡς ὑπὸ δορυφόρων διωκόμενοι, κατὰ κρημνῶν φέρονται. Καὶ καλεῖται ὁ τόπος τῶν βιαιοθανατησάντων Πακτωλοῦ φρουρά.*

4. *Γεννᾶται δὲ [ἐν αὐτῷ καὶ] βοτάνη πορφυράνθεμος, καλουμένη χρυσοπόλη· πρὸς αὐτὴν γὰρ αἱ ἀστυγείτονες πόλεις τὸν ἀκέραιον χρυσὸν δοκιμάζουσιν. Ἅμα γὰρ αὐτὸν χωνευθῆναι βάπτουσι τὴν βοτάνην· καὶ ἐὰν μὲν ἀνόθευτον τὸ χρυσίον ᾖ, τὰ φύλλα χρυσοῦται· ἐὰν δ᾽ ἐφθαρμένον ὑπάρχῃ, τὴν ἠλλαγμένην ὑγρασίαν ἀποπτύει, καὶ διατηρεῖ τῆς ὕλης τὴν οὐσίαν, καθὼς ἱστορεῖ Χρύσερμος ἐν γ᾽ περὶ Ποταμῶν.*

5. *Παράκειται δὲ αὐτῷ ὄρος Τμῶλος, παντοδαπῶν θηρίων πλῆρες· ἐκαλεῖτο δὲ πρότερον Καρμανόριον ἀπὸ Καρμάνορος τοῦ Διονύσου καὶ Ἀλεξιρροίας παιδὸς, ὃς κυνηγετῶν ἀπέθανεν ὑπὸ κάπρου πληγείς· ὕστερον δὲ μετωνομάσθη Τμῶλος διὰ τοιαύτην αἰτίαν. Τμῶλος Ἄρεως καὶ Θεογόνης υἱὸς, βασιλεὺς Λυδίας, ἐν Καρμανορίῳ κυνηγετῶν ὄρει καὶ θεασάμενος Ἀρσίππην παρθένον τῇ Ἀρτέμιδι συναναστρεφομένην, εἰς ἐπιθυμίαν αὐτῆς ἔπεσεν καὶ πλεονεκτούμενος ὑπὸ τοῦ ἔρωτος ἐπεδίωκεν αὐτὴν βιάσασθαι βουλόμενος· ἡ δὲ περικατάληπτος γενομένη ἀπέφυγεν εἰς τὸν ναὸν*

---

3. *ἀρουραφύλαξ*] cod., *αὐροφύλαξ* Reinesius V. Lect. 3, 13, *ἀργυροφύλαξ* Hr, D, *φρουρὰ [ἢ] φύλαξ*? Ml

4. *ἐν αὐτῷ καὶ*] suppl. Ml monente Hr — *χρυσοπόλη*] cod., *χρυσόπολις* Hr e Tzetz. Chil. IV, 412, Praefat. ad Hes. Opp. p. 11 Gaisf.; *χρυσοδόχη*? *χρυσοπώλη*? Ml — *βάπτουσι*] Kaltwasser, Plutarch. vers. germ., vol. VIII, p. 474 e Tzetz., *ἅπτουσι* cod. — *καὶ διατηρεῖ τῆς ὕλης τὴν οὐσίαν*] post *χρυσοῦται* cod., transp. D monente Hr

5. *πλῆρες*] Hr, *πλήρης* cod. — *Καρμανώριον*... *Κάρμωνος* ... *Καρμανίῳ*] cod. — *Ἀρσίππην*] Ml, *Ἀρρίπην* cod., *Ἀρρίππην* Hr — *ἔπεσεν*] cod., *[ἐν]έπεσεν* Hr, Ml — *περιέγραψεν*] W, *παρέτριψεν* cod.

τῆς Ἀρτέμιδος. Καταφρονήσας δὲ τῆς δεισιδαιμονίας ὁ τύραννος ἐν τῷ τεμένει τὴν κόρην ἔφθειρεν· ἡ δὲ ἀθυμίᾳ συσχεθεῖσα βρόχῳ τὸν βίον περιέγραψεν. Ἀναξιοπαθήσασα δὲ ἐπὶ τοῖς πραχθεῖσιν ἡ θεὸς, οἰστροπλῆγα τῷ προειρημένῳ ταῦρον ἐπέσκηψεν, ὑφ᾽ οὗ ῥιφεὶς εἰς ὕψος καὶ εἰς σκόλοπας κατενεχθεὶς, μετὰ βασάνων ἔθανεν. Θεοκλύμενος δὲ, τοῦ προειρημένου παῖς, τὸν γεννήσαντα θάψας τὸ ὄρος ἀπ᾽ αὐτοῦ μετωνόμασεν.

6. *Γεννᾶται δὲ ἐν αὐτῷ λίθος κισήρει παρόμοιος καὶ σπανίως εὑρίσκεται· τετράκις γὰρ τῆς ἡμέρας ἀλλάσσει τὴν χρόαν· βλέπεται δὲ ὑπὸ παρθένων τῶν μήπω χρόνον φρονήσεως ἐχουσῶν· αἱ δὲ ὥραν ἔχουσαι γάμου ἐὰν ὁρῶσιν αὐτὸν, οὐδὲν ἀδικοῦνται παρὰ τῶν ὑβρίζειν θελόντων· καθὼς ἱστορεῖ Κλειτοφῶν ... .*

7. ПАКТОЛ

1. Пактол это река в Лидии, в области Сард. Раньше она называлась Златотоком.

Хиос, сын Аполлона и Агафиппы, занимался искусством механики; однажды, теснимый скудостью средств, глубокой ночью он сумел отворить сокровищницу царя Креза, вынес из нее золото и раздал своим домашним. Его преследовали стражники и он, не имея возможности скрыться, бросился в реку, которая поэтому стала называться Златотоком.

Пактолом же она стала называться из-за следующих обстоятельств.

Пактол, сын [Меона] и Левкофеи, во время мистерий Афродиты изнасиловал свою сестру Демодику, не зная, что это она, а узнав об этом, не мог стерпеть горя и бросился в реку Златоток, которая поэтому стала называться Пактолом.

---

6. *μήπω χρόνον*] W, *μὴ τῷ χρόνῳ* cod.

1. Пактол — совр. Сарабат; наличие в Пактоле золотого песка связывают обычно с тем, что в нем искупался царь Мидас.

2. В Пактоле находят золотой песок, который река несет в Счастливый залив [Дария].

3. В Пактоле находят и камень, который называют «Стражем серебра». Он похож на серебро, а находят его с большим трудом среди золотого песка, который несет река. Действие его таково. Богатые лидийцы покупают его и кладут перед входом в сокровищницу, ограждая ее таким образом от опасностей на определенное время. Ведь каждый раз, когда приходят воры, камень издает звук трубы, и они, словно преследуемые стражей, бросаются с утесов. А место, где они гибнут, называется Стража Пактола.

4. На Пактоле растет трава с пурпурными цветами, которая называется хрисополой, потому что с ее помощью соседние города проверяют чистоту золота. Когда его плавят, туда же бросают и траву; и если золото без примесей, то листья становятся золотыми; а если золото испорчено, то они теряют влагу, сохраняя древесное вещество.

Об этом рассказывает Хриссерм в третьей книге трактата «О реках».

5. Около Пактола лежит гора Тмол, изобилующая всевозможными зверями. Раньше она называлась Карманорием по имени Карманора, сына Диониса и Алексирои, который погиб на охоте, раненый кабаном. Потом она стала называться Тмолом по следующей причине.

Тмол, сын Арея и Феогоны, царь Лидии, охотясь на горе Карманорий, увидел Арсиппу, одну из дев, сопровождавших Артемиду. Его охватила страсть, и он,

---

2. Пактол впадает в Герм (совр. Гедиз), а **«Счастливый залив»** — явная фантазия; согласно Мюллеру, *εὐδαίμονα κόλπον* следует понимать «по счастливой долине». Неясно, куда относится слово **«Дария»**; «дариком» называлась персидская золотая монета; по-гречески это слово иногда указывает на чистоту золота.

обезумев от любви, погнался за ней, желая изнасиловать. Она же, не имея возможности спастись, укрылась в храме Артемиды. Презрев почтение к богам, тиран овладел девой в святилище; она же, охваченная отчаянием, петлею положила конец своей жизни. Негодуя из-за случившегося, богиня наслала на Тмола быка, обезумевшего от укусов слепня; он сбросил царя со скалы, тот упал на колья и умер в муках. Феоклимен же, его сын, похоронил родителя и назвал гору его именем.

6. На этой горе родится камень, похожий на пемзу. Находят его редко; ведь он четыре раза в день меняет цвет. Его могут увидеть девочки, еще не достигшие разумных лет. Если же его увидит девушка брачного возраста, то ей никогда не придется терпеть обид от желающих оскорбить ее.

Об этом рассказывает Клитофон...

VIII. ΛΥΚΟΡΜΑΣ

1. *Λυκόρμας ποταμός ἐστιν Αἰτωλίας· μετωνομάσθη δ' Εὔηνος δι' αἰτίαν τοιαύτην. Ἴδας, ὁ Ἀφαρέως παῖς, δι' ἐρωτικὴν ἐπιθυμίαν Μάρπησσαν ἁρπάσας, ἀπήνεγκεν εἰς Πλεύρωνα. Κατηχηθεὶς δὲ περὶ τῶν συμβεβηκότων ὁ Εὔηνος, ἐπεδίωκεν τὸν ἐπίβουλον τῆς ἰδίας θυγατρός· γενόμενος δὲ κατὰ Λυκόρμαν καὶ τῆς συλλήψεως ἀπελπίσας, ἑαυτὸν εἰς ποταμὸν ἔβαλεν, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Εὔηνος μετωνομάσθη.*

2. *Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ βοτάνη [σάρισα προσαγορευομένη], λόγχῃ παρόμοιος, ποιοῦσα πρὸς ἀμβλυωπίας ἄριστα, [καθὼς ἱστορεῖ Ἀρχέλαος ἐν α' περὶ Ποταμῶν.]*

---

1. *Λυκόρμας*] *Λύκαρμας* cod., Ps.-Arstt. codd.

2. *σάρισα προσαγορευομένη*] Ml e Stobaeo, ubi *ζάρισα* legitur — *βοτάνη λόγχῃ*] cod., *βοτ. ἡ λόγχῃ* Ps.-Arstt. — *καθὼς ... Ποταμῶν*] e Stobaeo.

3. *Παράκειται δὲ αὐτῷ ὄρος Μύηνον καλούμενον ἀπὸ Μυήνου, τοῦ Τελέστορος καὶ Ἀλφεσιβοίας παιδός. Οὗτος γὰρ ὑπὸ τῆς μητρυιᾶς φιλούμενος καὶ μὴ θέλων μιαίνειν τὴν κοίτην τοῦ γεννήσαντος, εἰς Ἄλφιον ὄρος ἀνεχώρησεν. Τελέστωρ δὲ τῷ ζήλῳ τῆς γυναικὸς συσχηματισθεὶς, [εἰς] τὴν ἐρημίαν μετὰ τῶν δορυφόρων κατὰ τοῦ τέκνου ληψόμενος ἐδίωκεν. Μύηνος δὲ φθάσας τοῦ πατρὸς τὰς ἀπειλὰς κατεκρήμνισεν ἑαυτόν. Τὸ δ᾽ ὄρος κατὰ πρόνοιαν θεῶν ἀπ᾽ αὐτοῦ Μύηνον μετωνομάσθη.*

4. *Γεννᾶται δ᾽ ἐν αὐτῷ λευκόϊον ἄνθος, ὃ μητρυιᾶς ὀνομασθείσης μαραίνεται, καθὼς ἱστορεῖ Δέρκυλλος ἐν γ᾽ περὶ Ὀρῶν.*

8. ЛИКОРМ

1. Ликорм это река в Этолии. Она стала называться Эвен по следующей причине.

Идас, сын Афарея, охваченный любовью, похитил Марпессу из Плеврона. Узнав о случившемся, Эвен пустился в погоню за злодеем, похитившим его дочь. Оказавшись на берегу Ликорма и отчаявшись догнать его, он бросился в реку, которая поэтому стала называться Эвеном.

2. На Эвене растет трава, которая называется сарисса; она похожа на копье и лучше всего помогает при слабом зрении.

Об этом рассказывает Архелай в первой книге трактата «О реках».

---

3. *Ἄλφιον*] *Τάφιον*? Ml — *Μύηνον* etc.] *Μύνηον*? e *B* 692 Ml — post *ἀνεχώρησεν*] Hr *ἀποτυχοῦσα ... θελήσαντος* e 3, 1 inserenda censet — *τῷ ζήλῳ τῆς*] Dw, *ὁ ζηλώτης τῆς* cod. — *συσχηματισθεὶς*] cod., *συσχεθεὶς*? W, *συμπεριενεχθεὶς* Hr — *εἰς*] suppl. Ml

1. Редкий у Лжеплутарха случай изложения вполне традиционного мифа (см. Apld. I, 7, 8; sch. *I* 557; Str. VII, 7, 8, p. 327, X, 2, 5, p. 451; St. Byz. s. v. *Λυκόρμας*), рассказанного им также в «Малых сравнительных жизнеописаниях» (40).

3. Около Эвена лежит гора, которая называется Миэн по имени Миэна, сына Телестора и Алфесибеи. Когда его полюбила мачеха, он, не желая осквернить ложе родителя, удалился на гору Альфий. Телестор же, движимый ревностью, собрал стражу и отправился в горы, чтобы схватить сына; когда он преследовал его, Миэн, опередив отцовские угрозы, бросился со скал. Гора же по велению богов стала называться Миэном.

4. На Миэне растет цветок левкой, который вянет, если произнести имя мачехи.

Об этом рассказывает Деркилл в третьей книге трактата «О горах».

IX. ΜΑΙΑΝΔΡΟΣ

1. *Μαίανδρος ποταμὸς τῆς Ἀσίας· ἐκαλεῖτο δὲ πρότερον Ἀναβαίνων· μόνος γὰρ ἐκ πάντων τῶν ποταμῶν ἀπὸ τῶν ἰδίων ἀρχόμενος πηγῶν εἰς ἑαυτὸν παλινδρομεῖ. Προσηγορεύθη δὲ Μαίανδρος ἀπὸ Μαιάνδρου, τοῦ Κερκάφου καὶ Ἀναξιβίας παιδὸς, ὃς πρὸς Πεσσινουντίους πόλεμον ἔχων ηὔξατο τῇ μητρὶ τῶν θεῶν, ἐὰν ἐγκρατὴς γένηται τῆς νίκης, θύσειν τὸν πρῶτον αὐτῷ συγχαρέντα [ἐπὶ] ταῖς ἀνδραγαθίαις τρόπαια φέροντι. Ὑποστρέψαντι δὲ τῷ προειρημένῳ πρῶτος συνεχάρη συναντήσας ὁ παῖς Ἀρχέλαος μετὰ τῆς μητρὸς καὶ τῆς ἀδελφῆς. Ὁ δὲ τῆς προειρημένης δεισιδαιμονίας ἀναμνησθεὶς, κατ᾽ ἀνάγκην [τοῖς] βωμοῖς προσήγαγεν τοὺς προσήκοντας. Ἀθυμήσας δ᾽ ἐπὶ τοῖς πραχθεῖσιν ἔρριψεν ἑαυτὸν εἰς ποταμὸν Ἀναβαίνοντα, ὃς ἀπ᾽ αὐτοῦ Μαίανδρος προσηγορεύθη, καθὼς ἱστορεῖ Τιμόλαος ἐν α´ Φρυγιακῶν. Μέμνηται δὲ τούτων καὶ Ἀγαθοκλῆς ὁ Σάμιος ἐν τῇ Πεσσινουντίων πολιτείᾳ.*

---

1. *ἐπὶ*] ins. Hr — *φέροντι*] W, *φέρων* cod. — *τοῖς βωμοῖς προσήγαγεν*] W, Hr, *βωμοῖς κατήγαγεν* cod.

2. Δημόστρατος δὲ ὁ Ἀπαμεὺς ἱστορίας μέμνηται τοιαύτης. Μαίανδρος ἀκμὴν στρατηγὸς χειροτονηθεὶς ἐξ ἐναντίας Πεσσινουντίων καὶ παρ' ἐλπίδας τῆς νίκης ἐγκρατὴς γενόμενος, τὰ ἀναθήματα τῆς μητρὸς τῶν θεῶν διέδωκε τοῖς στρατιώταις· κατὰ δὲ πρόνοιαν τῆς θεᾶς τῶν σωφρονούντων λογισμῶν αἰφνιδίως ἀπαλλοτριωθείς, προσαπέκτεινεν τὴν γυναῖκα καὶ τὸν υἱόν· ὀλίγον δὲ σωφρονήσας καὶ εἰς μετάνοιαν ἐπὶ τοῖς πραχθεῖσι χωρήσας, ἑαυτὸν ἔβαλεν εἰς ποταμόν, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Μαίανδρος προσωνομάσθη.

3. Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ λίθος κατ' ἀντίφρασιν Σώφρων καλούμενος, ὃν ἐὰν βάλῃς τινὸς εἰς κόλπον, ἐμμανὴς γίνεται καὶ φονεύει τινὰ τῶν συγγενῶν· ἐξιλασάμενος δὲ τὴν μητέρα τῶν θεῶν, ἀπαλλάσσεται τοῦ πάθους, καθὼς ἱστορεῖ Δημάρατος ἐν γ' περὶ Ποταμῶν. Μέμνηται δὲ τούτων καὶ Ἀρχέλαος ἐν α' περὶ Λίθων.

4. Παράκειται δ' αὐτῷ ὄρος Σίπυλον τὴν προσηγορίαν ἔχον ἀπὸ Σιπύλου τοῦ Ἀγήνορος καὶ Διωξίππης παιδός. Οὗτος γὰρ μητροκτονήσας κατ' ἄγνοιαν καὶ ὑπ' Ἐρινύων οἰστρηλατηθείς, εἰς τὸ Κεραύνιον ὄρος ἦλθεν καὶ διὰ λύπης ὑπερβολὴν βρόχῳ τὸν βίον περιέγραψεν. Τὸ δὲ ὄρος κατὰ πρόνοιαν θεῶν ἀπ' αὐτοῦ Σίπυλον ὠνομάσθη.

5. Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ λίθος παρόμοιος κυλίνδρῳ, ὃν οἱ εὐσεβεῖς υἱοὶ ὅταν εὕρωσιν, ἐν τῷ τεμένει τῆς μητρὸς τῶν θεῶν τιθέασι καὶ οὐδέποτε χάριν ἀσεβείας ἁμαρτάνουσιν, ἀλλὰ φιλοπάτορες ὑπάρχουσι καὶ πρὸς τοὺς προσήκοντας συμπαθοῦσιν, ὡς ἱστορεῖ Ἀγαθαρχίδης ὁ Σάμιος ἐν δ' περὶ Λίθων. Μέμνηται δὲ τούτων ἀκριβέστερον Δημάρατος ἐν δ' Φρυγίας.

---

2. ἀκμὴν στρατηγὸς] Rutgersius, Var. Lect. III, 12, probantibus W, Hr, D, vituperante Ml; ἀκμηστρατηγὸς cod., ἀρχιστρατηγὸς? Ml

3. Σώφρων] G, τέφρων cod., Ps.-Arstt.

5. υἱοὶ ὅταν] G, υἱὸν ὅτ' ἂν cod. — ἁμαρτάνουσιν] Ps.-Arstt., ἁμαρτοῦσιν cod.

9. МЕАНДР

1. Меандр это река в Азии; раньше она называлась Поднимающейся, потому что она одна из всех рек, начинаясь от своих истоков, течет туда же обратно.

Меандром же она была названа из-за Меандра, сына Керкафа и Анаксибии. Воюя с жителями Пессинунта, он принес обет Матери Богов, что если он одержит победу, то принесет в жертву первого, кто приветствует его, возвращающегося с трофеями. Когда он возвращался, первым его приветствовали его сын Архелай с матерью и сестрой. Вспомнив об обете, Меандр был вынужден привести родных к алтарям. Впав из-за совершённого в отчаяние, он бросился в реку Поднимающуюся, которая поэтому стала называться Меандром, как рассказывает Тимолай в первой книге сочинения «О Фригии». Упоминает об этом и Агафокл Самосский в «Пессинунтской политии».

2. Демострат же Апамейский рассказывает следующее.

Как только Меандр был избран стратегом в войне против пессинунтян, он против ожиданий одержал победу и роздал солдатам приношения, посвященные Матери Богов. По воле богини нежданно лишившись здравого рассудка, он убил свою жену и сына, а как только к нему вернулся рассудок, раскаялся в содеянном и бросился в реку, которая по его имени стала называться Меандром.

3. В Меандре родится камень, по противоположению названный «Благоразумным». Если бросить его

---

1. **Меандр** — совр. Большой Мендерес. **Течет туда же обратно**: так неудачно выражена мысль о прихотливых излучинах Меандра, напоминающих называющийся тем же словом греческий орнамент (и прочие варианты).

3. **По противоположению**: риторическая фигура антифразы. **Демарат**: возможно, подлинный автор, см. о нем с. 145.

кому-нибудь за пазуху, тот обезумеет и убьет кого-нибудь из своих родных, а если умилостивит Мать Богов, освободится от болезни. Об этом рассказывает Демарат в третьей книге трактата «О реках».

4. Около Меандра лежит гора Сипил, названная по имени Сипила, сына Агенора и Диоксиппы. Убивший по неведению мать и гонимый за это Эринниями, Сипил пришел на гору Керавний и, не снеся горя, петлею положил конец своей жизни. Гора же по воле богов стала называться Сипилом.

5. На Сипиле родится камень, похожий на катун, который благочестивые сыновья находят и кладут в святилище Матери Богов; тогда они никогда больше не бывают непочтительны, но остаются чтущими родителей и благосклонными к родным. Об этом рассказывает Агафархид Самосский в четвертой книге трактата «О камнях». Более подробно упоминает об этом Демарат в четвертой книге сочинения «О Фригии».

X. ΜΑΡΣΥΑΣ

1. *Μαρσύας ποταμός ἐστι τῆς Φρυγίας κατὰ πόλιν Κελαινὰς κείμενος· προσηγορεύετο δὲ πρότερον πηγὴ Μίδα δι᾽ αἰτίαν τοιαύτην. Μίδας βασιλεὺς Φρυγῶν [περι]ερχόμενος τὰ ἐρημότερα τῆς χώρας καὶ ἀνυδρίᾳ συνεχόμενος, ἥψατο τῆς γῆς καὶ χρυσῆν ἀνέδωκε πηγὴν, τοῦ ὕδατος χρυσοῦ γενομένου· καὶ ὑπόδιψος ὢν καὶ τῶν ὑποτεταγμένων θλιβομένων, ἀνεκαλέσατο τὸν Διόνυσον. Γενόμενος δ᾽ ἐπήκοος ὁ θεὸς, δαψιλὲς ὕδωρ ἀνέτειλε. Κορεσθέντων δὲ τῶν Φρυγῶν, Μίδας τὸν ἐκ τῆς κρήνης καταρρέοντα ποταμὸν Μίδα πηγὴν ἐκάλεσε. Μετωνομάσθη δὲ Μαρσύας διὰ τοιαύτην αἰτίαν. Νικηθέντος ὑπ᾽ Ἀπόλλωνος Μαρσύου καὶ ἐκδαρέντος, ἐκ τοῦ*

---

5. Катун: камень, описываемый ниже, 19, 4.

1. *περιερχόμενος*] W

ῥεύσαντος αἵματος ἐγεννήθησαν Σάτυροί τε καὶ ποταμὸς ὁμώνυμος, Μαρσύας καλούμενος, καθὼς ἱστορεῖ Ἀλέξανδρος Κορνήλιος ἐν γ' Φρυγιακῶν.

2. *Εὐημερίδας δὲ ὁ Κνίδιος ἱστορίας μέμνηται τοιαύτης. Ὁ ἀσκὸς Μαρσύου τῷ χρόνῳ δαπανηθεὶς καὶ κατενεχθεὶς ἔπεσεν ἀπὸ τῆς γῆς εἰς τὴν Μίδα κρήνην· καὶ κατ' ὀλίγον καταφερόμενος ἁλιεῖ τινι προσηνέχθη· κατὰ δὲ χρησμοῦ προσταγὴν Πεισίστρατος ὁ Λακεδαιμόνιος παρὰ [τὰ] λείψανα τοῦ Σατύρου πόλιν κτίσας, Νόρικον αὐτὴν προσηγόρευσεν ἀπὸ τοῦ συγκυρήματος. Νόρικον δὲ οἱ Φρύγες τῇ σφῶν διαλέκτῳ τὸν ἀσκὸν καλοῦσιν.*

3. *Γεννᾶται δὲ ἐν τῷ ποταμῷ τούτῳ βοτάνη αὐλὸς ὀνομαζομένη, ἣν ἐὰν πρὸς ἄνεμον σείσῃ τις, μουσικὴν ἔχει μελῳδίαν, καθὼς ἱστορεῖ Δέρκυλλος ἐν α' Σατυρικῶν.*

4. *Παράκειται δὲ αὐτῷ ὄρος Βερεκύνθιον καλούμενον, τὴν προσηγορίαν ἔχον ἀπὸ Βερεκύνθου τοῦ πρώτου ἱερέως γενομένου τῆς μητρὸς τῶν θεῶν.*

5. *Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ λίθος καλούμενος μάχαιρα· ἔστι γὰρ σιδήρῳ παραπλήσιος· ὃν ἐὰν εὕρῃ τις τῶν μυστηρίων ἐπιτελουμένων τῆς θεᾶς, ἐμμανὴς γίνεται, καθὼς ἱστορεῖ Ἀγαθαρχίδης ἐν τοῖς Φρυγιακοῖς.*

10. МАРСИЙ

1. Марсий это река во Фригии в области Келен. Раньше она называлась «Источник Мидаса» по следующей причине.

Мидас, царь Фригии, обходил пустынные и безводные области; в одном месте он коснулся земли и там забил золотой источник, потому что вода стала золотом.

---

2. *ἁλιεῖ*] *αἰγιαλῷ*? W — *ἀπὸ τοῦ συγκυρήματος*] post *πόλιν* cod., transp. W — *Νόρικον*] cod., *Νώρικον* Eust., M, *Δορικόν*? Ml

4. decurtatum est? Hr, Ml

5. *σιδήρῳ παραπλήσιος*] M, *σιδήρου παραπλήσιον* cod. — *θεᾶς*] *Ἑκάτης* Ps.-Arstt. — *καθὼς ἱστορεῖ Ἀγαθαρχίδης ἐν τοῖς Φρυγιακοῖς*] *ὡς Εὔδοξός φησιν* Ps.-Arstt.

Так как его и его людей мучила жажда, он воззвал к Дионису. Бог услышал, явился и сделал источник полноводным. Когда фригийцы насытились, Мидас назвал вытекающую из источника реку «Источником Мидаса».

Марсием[1] же она была названа по следующей причине.

Когда Аполлон победил Марсия и содрал с него кожу, то из растекавшейся крови родились сатиры и потекла река, которая стала называться Марсий. Об этом рассказывает Корнелий Александр в третьей книге сочинения «О Фригии».

2. Эвгемерид же Книдский приводит следующее.

Кожу Марсия, высохшую от времени, унес ветер, и она упала в Источник Мидаса. Проплыв немного по реке, она попала к некому рыбаку. Писистрат Лаконский согласно велению оракула основал город возле останков сатира и поэтому назвал его Нориком: ведь «нориком» фригийцы называют на своем языке кожаный мех.

3. На этой реке растет трава, которую называют «флейтой». Если кто-нибудь потрясет ее на ветру, то она издает музыкальные звуки, как рассказывает Деркилл в первой книге трактата «О сатирах».

4. Около Марсия лежит гора, которая называется Берекинф. Она была названа так по имени Берекинфа, который был первым жрецом Матери Богов.

---

1. Корнелий Александр — реальный автор, более известный как Александр Полигистор (FGrHist IIIA p. 96–126). Рождение сатиров из крови Марсия — оригинальная деталь; вообще о происхождении сатиров говорится редко; согласно Гесиоду (FF 10a, 123 Merkelbach — West), они родились от дочери Форонея вместе с нимфами и куретами. Если текст находится в сохранности, получается, что река Марсий возникала дважды.

5. На Берекинфе родится камень, который называют «меч», потому что он похож на железо. Если его найдет кто-нибудь из свершающих мистерии [Гекаты], он впадает в безумие. Об этом рассказывает Агафархид в книге «О Фригии».

XI. ΣΤΡΥΜΩΝ

1. *Στρυμὼν ποταμός ἐστι τῆς Θρᾴκης κατὰ πόλιν Ἠδωνίδα· προσηγορεύετο δὲ πρότερον Παλαιστῖνος ἀπὸ Παλαιστίνου τοῦ Ποσειδῶνος. Οὗτος γὰρ πρὸς τοὺς ἀστυγείτονας ἔχων πόλεμον καὶ εἰς ἀσθένειαν ἐμπεσὼν τὸν υἱὸν Ἁλιάκμονα στρατηγὸν ἔπεμψεν· ὁ δὲ προπετέστερον μαχόμενος ἀνῃρέθη. Περὶ δὲ τῶν συμβεβηκότων ἀκούσας Παλαιστῖνος καὶ λαθὼν τοὺς δορυφόρους, διὰ λύπης ὑπερβολὴν ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς ποταμὸν Κόνοζον, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Παλαιστῖνος ὠνομάσθη. Στρυμὼν δέ, Ἄρεως παῖς καὶ Ἡλίκης, ἀκούσας περὶ τῆς Ῥήσου τελευτῆς καὶ ἀθυμίᾳ συσχεθεὶς ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς ποταμὸν Παλαιστῖνον, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Στρυμὼν μετωνομάσθη.*

2. *Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ λίθος παυσίλυπος καλούμενος· ὃν ἐὰν εὕρῃ τις πενθῶν, παύεται παραχρῆμα τῆς κατεχούσης αὐτὸν συμφορᾶς, καθὼς ἱστορεῖ Ἰάσων Βυζάντιος ἐν τοῖς Θρᾳκικοῖς.*

3. *Παράκεινται δ' αὐτῷ ὄρη Ῥοδόπη καὶ Αἷμος. Οὗτοι ἀδελφοὶ τυγχάνοντες καὶ εἰς ἐπιθυμίαν ἀλλήλων ἐμπεσόντες, ὁ μὲν αὐτὴν Ἥραν προσηγόρευσεν, ἡ δὲ τὸν ἀγαπώμενον Δία. Οἱ δ' ἀτιμούμενοι θεοὶ τὴν πρᾶξιν μισοπονήρως ἐνεγκόντες, εἰς ὁμώνυμα ὄρη μετέβαλον ἀμφοτέρους.*

---

1. *πόλιν*] *γαῖαν* M — *Ἠδωνίδα*] *Ἠδονίδα* cod., *Ἠϊόνα?* Ml cf. Conon, Narr. 4 — *λαθὼν*] manu sec. in margine, *θαλων* cod. pr. manu.

2. *Θρᾳκικοῖς*] Reinesius, *Τραγικοῖς* hic et § 4 cod.

3. *μισοπονήρως*] *βαρέως* cod. hoc loco, sed *μισοπονήρως* ante *οἱ δ' ἀτιμούμενοι.*

4. *Γεννῶνται δ' ἐν αὐτοῖς λίθοι Φιλάδελφοι λεγόμενοι, κοραξοὶ τὴν χρόαν, ἀνθρωπόμιμοι. Οὗτοι τεθέντες χωρὶς ἀλλήλων καὶ ὀνομασθέντες, διαλύονται παραχρῆμα καὶ ιδιας†, καθὼς ἱστορεῖ Θράσυλλος Μενδήσιος ἐν γ' περὶ Λίθων· μέμνηται δὲ τούτων ἀκριβέστερον ἐν τοῖς Θρᾳκικοῖς.*

11. СТРИМОН

1. Стримон это река во Фракии, в области <города> Эдониды. Раньше она называлась Палестином по имени Палестина, сына Посейдона. Он воевал с соседями и, когда ослабел, назначил стратегом своего сына Галиакмона. Ревностно сражаясь, тот был убит. Услышав о случившемся, Палестин скрылся от своих воинов и бросился, не в силах переносить горе, в реку Коноз, которая поэтому стала называться Палестином.

---

4. *κοραξοὶ*] Dindorf, Thes. gr. s. v., *κορακοὶ* cod., *κόρακος* M, *κορακινοὶ* W — *διαλύονται παραχρῆμα καὶ ιδιας*] *διαλύουσι παραχρῆμα τὴν ἰδίασιν* vel *διάλλονται τὸ διάστημα καὶ ἰδίᾳ μένειν οὐκ ἐθέλουσιν*? Hr; *διαλύονται τὸ χρῶμα [αἰ]φνιδίως* conj. Ml, sed malit *διάλλονται παραχρῆμα [τὸ διάστημα]*; idem *καὶ ιδιας* deleri vult, sed *καὶ ἰδιασθέντες* pro *καὶ ὀνομασθέντες* poni.

1. Дискуссия издателей о том, существовал ли город **Эдонида** или нужно исправлять текст, вряд ли уместна, когда речь идет о таком легкомысленном авторе, как Лжеплутарх. Появление имени **Палестина** во Фракии связано, возможно, с тем, что живших на Стримоне одомантов иногда считали иудеями, так как они практиковали обрезание (Aristoph. Ach. 155 cum sch.); Иоанн Лид (De mag. III, 46), ссылаясь на комментарий Полемона к Лукану (V, 460, где пески Эпира названы «палестинскими»), сообщает, что жители Эпира — иудеи из Сирии и что в древности он назывался Палестиной.

Стримон же, сын Ареса и Гелики, услышав о кончине Реса, охваченный отчаянием, бросился в реку Палестин, которая поэтому стала называться Стримоном.

2. В Стримоне родится камень, который называют «прекращающим горести». Если кто-нибудь найдет его, то сразу перестает оплакивать случившуюся с ним беду. Об этом рассказывает Ясон Византийский в книге «О Фракии».

3. Около Стримона лежат горы Родопа и Гем. Они были братом и сестрой и полюбили друг друга. Гем называл Родопу Герой, а она своего возлюбленного Зевсом. Оскорбленные боги были разгневаны этим и превратили обоих в горы, названные их именами.

4. В этих горах родятся камни, которые называют братолюбами. Они черные и похожи на людей. Если [разлучить] их и положить отдельно друг от друга, то они тотчас [прыгают через разделяющее их расстояние]. Об этом рассказывает Фрасилл из Мендеса в третьей книге трактата «О камнях»; подробнее он говорит об этом в сочинении «О Фракии».

Галиакмона: по всей вероятности, он, тяжело раненый, как Арар из 6-й главки, бросился в реку в Македонии, которая стала называться его именем (это весьма известная река в Македонии). **Услышав о кончине Реса**: подразумевается ли, что Стримон был его братом или возлюбленным? Вряд ли Лжеплутарх задумывался о том, что самого Реса называют сыном Стримона от музы Терпсихоры или Эвтерпы (Sch. [Eur.] Rhes. arg.; sch. *K* 435 — хотя у Гомера в этом стихе он сын Эионея).

3. О любви **Гема и Родопы** см. Ovid. Met. VI, 87; Serv. Aen. I, 321.

4. Хотя сам миф традиционен, камни **братолюбы**, наверно, придуманы Лжеплутархом. **Фрасилл из Мендеса** в Египте (FGrHist IIIC p. 156–157), возможно, тождественен с астрологом **Фрасиллом** (см. Catalogus codicum astrologorum Graecorum, Codices Parisini / Ed. W. Kroll and A. Olivieri. VIII, 3. Brussels, 1912. P. 99–101). **Он**: возможно, пропущено еще одно имя.

XII. ΣΑΓΑΡΙΣ

1. *Σάγαρις ποταμός ἐστι τῆς Φρυγίας· προσηγορεύετο δὲ πρότερον Ξηροβάτης ἀπὸ τοῦ συγκυρήματος· τῷ γὰρ θερινῷ καταστήματι ξηρὸς ὁρᾶται πολλάκις· ἐκλήθη δὲ Σάγαρις δι' αἰτίαν τοιαύτην. Σάγαρις, Μύγδονος καὶ Ἀλεξιρρόης παῖς, τὰ μυστήρια τῆς μητρὸς τῶν θεῶν ἐξουθενίζων, τοὺς ἱερεῖς καὶ Γάλλους αὐτῆς ὕβρισεν. Ἡδὲ μισοπονήρως ἐνεγκοῦσα τὴν πρᾶξιν τῷ προειρημένῳ μανίαν ἐνέσκηψεν. Ὁ δὲ τῶν φρονίμων λογισμῶν ἐκστὰς ἑαυτὸν ἔβαλεν εἰς ποταμὸν Ξηροβάτην, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Σάγαρις μετωνομάσθη.*

2. *Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ λίθος αὐτόγλυφος καλούμενος· εὑρίσκεται γὰρ τετυπωμένην ἔχων τὴν μητέρα τῶν θεῶν. Τοῦτον τὸν λίθον σπανίως εὑρισκόμενον ἐὰν εὕρῃ τις [τῶν] ἀποτεμνομένων, οὐ ξενίζεται, ἀλλ' εὐψύχως φέρει τῆς παρὰ φύσιν πράξεως τὴν ὄψιν, καθὼς ἱστορεῖ Ἀρετάδης ἐν τοῖς Φρυγιακοῖς.*

3. *Παράκειται δὲ αὐτῷ ὄρος Βαλληναῖον καλούμενον ὅπερ ἐστὶ μεθερμηνευόμενον βασιλικόν, τὴν προσηγορίαν ἔχον ἀπὸ Βαλληναίου τοῦ Γανυμήδους καὶ Μηδησιγίστης παιδός. Οὗτος γὰρ τὸν γεννήσαντα θεασάμενος ἀποτηκόμενον, τοῖς ἐγχωρίοις † καὶ Βαλληναῖον ἑορτὴν κατέδειξε μέχρι νῦν καλούμενον.*

4. *Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ λίθος καλούμενος ἀστήρ. Οὗτος εἴωθεν νυκτὸς βαθείας πυρὸς δίκην λάμπειν τοῦ φθινοπώρου τὴν ἀρχὴν λαμβάνοντος· προσαγορεύεται δὲ τῇ διαλέκτῳ τῶν ἐγχωρίων βαλλήν, ὅπερ μεθερμηνευόμενόν ἐστι βασιλεύς, καθὼς ἱστορεῖ Ἑρμησιάναξ Κύπριος ἐν β' Φρυγιακῶν.*

---

1. *παῖς, τὰ*] W, *πλεῖστα* cod. — *καὶ Γάλλους*] delendum Hr, *ἢ Γάλλους* vel sim. Ml

2. *σπανίως*] post *εὕρῃ τις* cod., transp. Hr — *[τῶν] ἀποτεμνομένων*] suppl. Hr, D; *ἀποτεμνόμενος*? W —

3. *Μηδησιγίστης*] *Μηδησικάστης*? Hr — *Βαλληναῖον*] cf. Eust. ad Od. II, p. 188: *λέγει δὲ καὶ Αἰσχύλος ἐθνικώτερον καὶ οὐ κατὰ Ἀττικοὺς βαλῆνα τὸν βασιλέα ἐν τῷ «βαλὴν ἀρχαῖος βαλήν». ὅθεν καὶ βαληνναῖον ὄρος παρὰ Πλουτάρχῳ ἐν τῷ περὶ ποταμῶν ἀντὶ τοῦ βασιλικόν.*

12. САГАРИС

1. Сагарис это река во Фригии. Раньше она называлась Сухоходом из-за того, что в летнюю жару часто случается видеть ее сухой. Сагарисом же она стала называться по следующей причине.

Сагарис, сын Мигдона и Алексирои, презирал таинства Матери Богов и оскорбил ее жрецов (или галлов). Разгневанная этим богиня наслала на него безумие. Лишившись здравого рассудка, он бросился в реку Сухоход, которая поэтому стала называться Сагарисом.

2. В Сагарисе родится камень, который называют саморезом; ведь его находят с уже вырезанным на нем изображением Матери Богов. Найти его трудно, и если его найдет кто-нибудь из резчиков, то он не удивляется, но с радостью смотрит на чудесную находку.

Об этом рассказывает Аретад в книге «О Фригии».

3. Около Сагариса лежит гора, которая называется Балленей, что переводится «Царская». Она названа так из-за Балленея, сына Ганимеда и Медесигисты. Ведь он, видя, что его родитель ослабел от старости ... местным жителям ... и установил праздник Балленей, который еще и теперь так называется.

---

1. Сагарис — обычно Сангарий; совр. Сакарья.

3. Балленей: ср. приведенную выше цитату из Евстафия: «*Эсхил также употребляет выражение варварское и неаттическое, называя царя “баленом”* (sic) *в стихах “бален, древний бален”* (Pers. 659)*; поэтому и гора Баленней* (sic) *у Плутарха в трактате о реках, т. е. “Царская”*. Схолии к этому месту Эсхила: *Βαλὴν ὁ βασιλεὺς λέγεται. Εὐφορίων δέ φησι Θουρίων (Φρυγῶν?) εἶναι τὴν διάλεκτον· ὅθεν καὶ Βαληναῖον ὄρος, ὅ ἐστι βασιλικόν*, т. е. *“Бален” — это царь. Эвфорион же говорит, что это фригийский (?) язык; от этого слова и гора Баленей* (sic), *т. е. Царская*».

4. На Балленее родится камень, который называется звездой. В начале осени глубокими ночами он светится как огонь. На языке местных жителей он называется баллен, что в переводе значит «царь».

Об этом рассказывает Гермесианакс Кипрский во второй книге трактата «О Фригии».

XIII. ΣΚΑΜΑΝΔΡΟΣ

1. *Σκάμανδρος ποταμός ἐστι τῆς Τρωάδος. Ἐκαλεῖτο δὲ πρότερον Ξάνθος, μετωνομάσθη δὲ δι' αἰτίαν τοιαύτην. Σκάμανδρος, Κορύβαντος καὶ Δημοδίκης παῖς, τῶν τῆς Ῥέας μυστηρίων τελουμένων αἰφνιδίως [τὴν θεὰν] θεασάμενος, ἐμμανὴς ἐγένετο καὶ μεθ' ὁρμῆς ἐπὶ Ξάνθον τὸν ποταμὸν ἐνεχθεὶς, ἑαυτὸν εἰς τοῦτον ἔβαλεν, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Σκάμανδρος μετωνομάσθη.*

2. *Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ βοτάνη σεῖστρος καλουμένη, παραπλήσιος ἐρεβίνθῳ, κόκκους δὲ ἔχει σειομένους, ὅθεν τὴν προσηγορίαν ἔλαβεν· ταύτην οἱ κατέχοντες οὔτε φαντασίαν οὔτε θεὸν ὀφθέντα φοβοῦνται, καθὼς ἱστορεῖ Δημόστρατος ἐν β' περὶ Ποταμῶν.*

3. *Παράκειται δ' αὐτῷ ὄρος Ἴδη, τὸ πρότερον δὲ ἐκαλεῖτο Γάργαρον, ὅπου Διὸς καὶ Μητρὸς θεῶν βωμοὶ τυγχάνουσιν. Ἴδη δὲ μετωνομάσθη δι' αἰτίαν τοιαύτην. Αἰγέσθιος, ὁ γεννηθεὶς ἐκ τοῦ Διὸς †φορου κόρης Ἴδης ἐρασθεὶς συνῆλθε τῇ προειρημένῃ καὶ ἐγέννησεν ἐξ αὐτῆς τοὺς εἰρημένους Ἰδαίους Δακτύλους. Γενομένης δ' αὐτῆς ἄφρονος ἐν τῷ τῆς Ῥέας ἀδύτῳ Αἰγέσθιος εἰς τιμὴν τῆς προειρημένης τὸ ὄρος Ἴδην μετωνόμασεν.*

4. *Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ λίθος κρύφιος, ὃς μόνοις τοῖς μυστηρίοις τῶν θεῶν φαίνεται, καθὼς ἱστορεῖ Ἡράκλειτος Σικυώνιος ἐν β' περὶ Λίθων.*

---

1. *τὴν θεὰν*] Ml e conj. Hr

2. *σεῖστρος*] M, *σίστρος* cod.

3. *Γάργαρον*] G, *Τάρταρον* cod. — *Διὸς φορου*] *διοσφορου* cod., *Διὸς, κανηφόρου κόρης ἐρασθείς*? (cf. 25, 1) W, *Διὸς σπόρου* vel *Διὸς, [κάλλει δια]φόρου*? Ml — *ἄφρονος*] *ἀφανοῦς* W

4. *μόνοις*] Hr, *μόνος* cod.

13. СКАМАНДР

1. Скамандр это река в Троаде. Раньше она называлась Ксанф, а переименована была по следующей причине.

Скамандр, сын Корибанта и Демодики, во время таинств Реи неожиданно увидел богиню и, впав в безумие, стремительно помчался к реке Ксанф и бросился в нее. Поэтому она стала называться Скамандром.

2. На Скамандре растет трава, которая называется трясунком. Она похожа на овечий горошек, но имеет трясущиеся плоды, от которых она и получила свое название. Те, у кого она есть, не боятся видений и явлений богов.

Об этом рассказывает Демострат во второй книге сочинения «О реках».

3. Около Скамандра лежит гора Ида, которая раньше называлась Гаргар. На ней находятся жертвенники Зевса и Матери Богов. Идой она стала называться по следующей причине.

Эгесфий, родившийся от Зевса ... влюбился в девушку Иду, сошелся с ней и произвел на свет Идейских дактилей. Когда Ида исчезла в запретном святилище Реи, Эгесфий назвал гору в ее честь Идой.

4. На Иде родится камень «скрытый», который показывается только во время таинств богини.

---

1. **Скамандр** — совр. Малый Мендерес.

3. **Гаргар**: в рукописи «Тартар»; Гаргар — название одной из вершин Иды, широко известное из Гомера. Чьими детьми были Идейские дактили (букв. «пальцы»), сообщается редко; согласно Аполлонию Родосскому (I, 1129), их родила нимфа Анхиала на критской, а не фригийской Иде; зато, согласно Ферекиду (sch. ad loc. = FGrHist IA 3 F 47), их было двадцать правых и тридцать два левых (или шесть и пять, правые мужского пола, а левые женского).

Об этом рассказывает Гераклит Сикионский в третьей книге трактата «О камнях».

XIV. ΤΑΝΑΙΣ

1. *Τάναϊς ποταμός ἐστιν τῆς Σκυθίας· ἐκαλεῖτο δὲ πρότερον Ἀμαζόνιος διὰ τὸ τὰς Ἀμαζόνας λούεσθαι ἐν αὐτῷ· μετωνομάσθη δὲ δι᾿ αἰτίαν τοιαύτην. Τάναϊς, Βηρωσσοῦ καὶ Λυσίππης μιᾶς τῶν Ἀμαζόνων παῖς, σωφρονέστατος ὑπάρχων, τὸ γυναικεῖον γένος ἐμίσει, μόνον Ἄρη σεβόμενος, ἐν ἀτιμίᾳ δὲ εἶχεν καὶ τὸ γαμεῖν. Ἡ δ᾿ Ἀφροδίτη ἐπιθυμίαν αὐτῷ τῆς μητρὸς ἐνέσκηψεν. Ὁ δὲ κατ᾿ ἀρχὰς μὲν ἀντεμάχετο τῷ πάθει· νικώμενος δὲ ὑπὸ τῆς ἀνάγκης τῶν οἴστρων καὶ εὐσεβὴς διαμεῖναι βουλόμενος, ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς τὸν Ἀμαζόνιον ποταμὸν, ὃς ἀπ᾿ αὐτοῦ Τάναϊς μετωνομάσθη.*

2. *Γεννᾶται δὲ ἐν αὐτῷ φυτὸν ἁλίνδα καλούμενον· παρόμοια δὲ ἔχει τὰ φύλλα κράμβης. Τοῦτο λειοτριβοῦντες οἱ τὴν χώραν κατοικοῦντες ἀλείφονται τῷ χυλῷ καὶ θερμαινόμενοι τὸ ψῦχος εὐρώστως καρτεροῦσιν. Καλοῦσι δὲ τῇ σφῶν διαλέκτῳ Βηρωσσοῦ ἔλαιον.*

3. *Γεννᾶται δ᾿ ἐν αὐτῷ καὶ λίθος κρυστάλλῳ παραπλήσιος, ὢν ἀνθρωπόμιμος, ἐστεμμένος. Ὅταν δὲ ἀποθάνῃ βασιλεὺς, ἀρχαιρεσίας παρὰ τὸν ποταμὸν τελοῦσι· καὶ ὃς ἂν εὑρεθῇ τὸν λίθον ἐκεῖνον ἔχων, παραχρῆμα βασιλεὺς γίνεται, καὶ τὰ σκῆπτρα παραλαμβάνει τοῦ τελευτήσαντος, καθὼς ἱστορεῖ Κτησιφῶν ἐν γ′ περὶ Φυτῶν· μέμνηται δὲ τούτων καὶ Ἀριστόβουλος ἐν α′ περὶ Λίθων.*

4. *Παράκειται δ᾿ αὐτῷ ὄρος, τῇ διαλέκτῳ τῶν ἐνοικούντων προσαγορευόμενον Βριξάβα, ὅπερ μεθερμηνευόμενον Κριοῦ μέτωπον· ὠνομάσθη δὲ διὰ τοιαύτην αἰτίαν. Φρίξος ἀποβαλὼν παρὰ τὸν Εὔξεινον πόντον Ἕλλην, τὴν ἀδελφὴν, καὶ διὰ τὰ δίκαια τῆς φύσεως συγκεχυμένος, ἐν ταῖς ἀκρωρείαις λόφου τινὸς κατέλυσεν. Βαρβάρων δέ τινων θεασαμένων αὐτὸν καὶ μεθ᾿ ὅπλων ἀναβαινόντων,*

---

1. *Ἡ δ᾿ Ἀφροδίτη*] manu sec. in margine.
3. *εὑρεθῇ*] G, *εὕρῃ* cod., *εὕρῃ*, deleto *ἔχων*? Hr

ὁ χρυσόμαλλος κριὸς προκύψας καὶ ἰδὼν τὸ πλῆθος τῶν ἐπερχομένων, ἀνθρωπίνῃ φωνῇ χρησάμενος διεγείρει τὸν Φρίξον ἀναπαυόμενον, καὶ ἀναλαβὼν τὸν προειρημένον μέχρι Κόλχων εἰσήνεγκεν. Ὁ δὲ λόφος ἀπὸ τοῦ συγκυρήματος Κριοῦ μέτωπον προσηγορεύθη.

5. *Γεννᾶται δ᾽ ἐν αὐτῷ βοτάνη, τῇ διαλέκτῳ τῶν βαρβάρων φρίξα καλουμένη, ὅπερ μεθερμηνευόμενόν ἐστιν μισοπόνηρος· πηγάνῳ δέ ἐστι παρόμοιος, ἣν οἱ πρόγονοι κρατοῦντες, οὐδὲν ὑπὸ μητρυιῶν ἀδικοῦνται· μάλιστα δὲ φύεται παρὰ [τὸ] Βορέου προσαγορευόμενον ἄντρον. Συλλεγομένη δ᾽ ἐστὶ ψυχροτέρα χιόνος· ὅταν δέ τινι ἐκ μητρυιᾶς ἐπιβουλὴ γένηται, φλόγας ἀναδίδωσι· καὶ τοῦτο σύσσημον ἔχοντες οἱ φοβούμενοι τὰς ἐπιγεγαμημένας, ἐκκλίνουσι τῶν ἐπικειμένων φόβων τὰς ἀνάγκας, καθὼς ἱστορεῖ Ἀγάθων ὁ Σάμιος ἐν β′ Σκυθικῶν.*

14. ТАНАИС

1. Танаис это река в Скифии. Раньше она называлась Амазонием, потому что в ней купались амазонки. Переименована же она была по следующей причине.

Танаис, сын Бероса и Лисиппы, одной из амазонок, был весьма целомудрен и ненавидел женский род; он почитал одного Ареса и презирал брак. Афродита же наслала на него вожделение к матери. Поначалу он боролся со страстью, но необоримая любовь одолевала его, и, желая остаться благочестивым, он бросился в реку Амазоний, которая поэтому стала называться Танаисом.

2. На Танаисе находят растение, которое называется галиндой. Листьями оно похоже на капусту. Натерев

---

5. *σύσσημον*] M, *σύσημον* cod.

1. **Танаис** — совр. Дон.

2. **На своем языке они называют его «масло Бероса»:** поддаваясь инерции поиска последовательности у Лжеплутарха, Мюллер полагает, что пропущено варварское название растения.

его, жители той страны умащают тела соком и согреваются, легко перенося холод. На своем языке они называют его «масло Бероса».

3. В Танаисе родится и напоминающий горный хрусталь камень, похожий на увенчанного человека. Когда умирает царь, выборы нового происходят на берегу реки: того, кто найдет этот камень, тотчас делают царем и вручают ему скипетр умершего.

Об этом рассказывает Ктесифон в третьей книге трактата «О растениях»; упоминает об этом и Аристобул в первой книге трактата «О камнях».

4. Около Танаиса лежит гора, которая на языке местных жителей называется Бриксаба, что переводится «Бараний лоб». Она названа так по следующей причине.

Фрикс, потеряв в Понте Эвксинском свою сестру Геллу, теснимый необходимостью природы, остановился на склоне некой горы. Когда какие-то варвары увидели его и стали с оружием в руках подниматься в гору, вперед вышел златорунный баран и увидел множество нападающих; тогда, воспользовавшись человеческим голосом, он разбудил спавшего Фрикса, поднял его в воздух и отнес в Колхиду. А гору из-за случившегося стали называть Бараньим лбом.

5. На ней растет трава, которая на языке варваров называется фриксой, что переводится «злая». Она похожа на руту; тем пасынкам, у которых она есть, никак не могут навредить мачехи. Особенно много ее растет у пещеры, которая называется «Пещерой Борея». Когда ее собирают, она холодней снега, а когда мачеха злоумышляет против кого-нибудь, из нее бьет пламя; тогда те, кто боится своих мачех, получив это знамение, избавляются от мучений страха.

Об этом рассказывает Агафон Самосский во второй книге сочинения «О Скифии».

XV. ΘΕΡΜΩΔΩΝ

1. *Θερμώδων ποταμός ἐστι [τῆς] Σκυθίας, τὴν προσηγορίαν εἰληφὼς ἀπὸ τοῦ συγκυρήματος· ἐκαλεῖτο δὲ πρότερον Κρύσταλλος· ἐκεῖνος γὰρ καὶ θέρους πήσσεται, τῆς τοποθεσίας τὴν τοιαύτην ἰδέαν διεξαγούσης· μετωνομάσθη δὲ δι᾽ αἰτίαν τοιαύτην. ...*

15. ФЕРМОДОНТ

1. Фермодонт это река в Скифии, получившая это имя из-за описанных ниже событий. Раньше она называлась Льдом: ведь она замерзает даже летом, поскольку ее местоположение приводит к этому. Переименована же она была по следующей причине.

....

XVI. ΝΕΙΛΟΣ

1. *Νεῖλος ποταμός ἐστι τῆς Αἰγύπτου κατὰ πόλιν Ἀλεξάνδρειαν. Ἐκαλεῖτο δὲ τὸ πρότερον Μέλας ἀπὸ Μέλανος τοῦ Ποσειδῶνος· ὕστερον δὲ Αἴγυπτος ἐπεκλήθη δι᾽ αἰτίαν τοιαύτην. Αἴγυπτος,*

---

1. *θέρους*] Eust., *θέρει* cod. — *τοιαύτην ἰδέαν διεξαγούσης*] Eust., *ἰδίαν διαγούσης* cod.

1. Фермодонт, реку, на которой стоит столица амазонок Фемискира, обычно помещают не в Скифии, а на западе Малой Азии; однако Лжеплутарх, как явствует из 14, 1, помещает амазонок на снежном севере, поэтому туда попадает и Фермодонт и начинает **«замерзать даже летом»**, хотя само его имя говорит о чем-то теплом (*θερμός*). После слов **«по следующей причине»** в рукописи отсутствуют тридцать две строки.

1. *Γαρμαθώνη*] *Μενθώνη* Leo Allatius, *Ἁρμαθοή* vel *Ἀργανθώνη*? Hr, *Γαραμανθώνη*? Ml — *ἀποβαλοῦσα*] Leo Allatius, *ἀποβάλλουσα* cod. — *ἐν ἀκμῇ*] sic vel *ἀκμὴν* W, *ἀκμῇ* cod., *ἀκμὴν* Hr, D — *χαρὰν σκηψαμένη*] *χάριν σκεψαμένη* cod., sed punctis supra *ι* et *ε* positis corrupta significantur — *δ᾽ ὅ*] Hr, *δὲ* cod.

῾Ηφαίστου καὶ Λευκίππης παῖς, βασιλεὺς ὑπῆρχεν τῶν τόπων· δι᾽ ἐμφύλιον δὲ πόλεμον μὴ ἀναβαίνοντος τοῦ Νείλου καὶ λιμῷ συνεχομένων τῶν ἐγχωρίων, ἔχρησεν ὁ Πύθιος τὴν εὐφορίαν, ἐὰν ὁ βασιλεὺς ἀποτρόπαιον θεοῖς τὴν θυγατέρα θύσῃ. Θλιβόμενος δὲ ὑπὸ τῶν κακῶν ὁ τύραννος τοῖς βωμοῖς ᾽Αγανίππην προσήγαγε. Τῆς δὲ διασπασθείσης ὁ Αἴγυπτος δι᾽ ὑπερβολὴν τῆς λύπης ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς ποταμὸν Μέλανα, ὃς ἀπ᾽ αὐτοῦ Αἴγυπτος μετωνομάσθη. Προσηγορεύθη δὲ Νεῖλος δι᾽ αἰτίαν τοιαύτην. Γαρμαθώνη, τῶν κατ᾽ Αἴγυπτον βασίλισσα <τῶν> τόπων, ἀποβαλοῦσα τὸν υἱὸν αὐτῆς Χρυσοχόαν, [ἐν] ἀκμῇ ἔφηβον, μετὰ τῶν οἰκετῶν ἐθρήνει συμπαθῶς τὸν προειρημένον. ῎Ισιδος δὲ αἰφνιδίως ἐπιφανείσης, τὴν λύπην πρὸς καιρὸν ὑπερέθετο, καὶ προσποιητὴν χαρὰν σκηψαμένη τὴν θεὸν ὑπεδέξατο φιλανθρώπως. ῾Η δὲ τὴν διάθεσιν τούτων ἀμείψασθαι βουλομένη τῆς εὐσεβείας ᾽Οσίριδι παρεκέλευσεν, ὅπως ἀναγάγῃ τὸν υἱὸν αὐτῆς ἐκ τῶν καταχθονίων τόπων. Τούτου δὲ ταῖς δεήσεσι τῆς γυναικὸς συμπεριενεχθέντος, Κέρβερος, ὃν ἔνιοι καλοῦσιν Φοβερὸν, ὑλάκτησεν· Νεῖλος δ᾽ ὁ τῆς Γαρμαθώνης ἀνὴρ αἰφνιδίως ἔνθεος γενόμενος, ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς ποταμὸν καλούμενον Αἴγυπτον, ὃς ἀπ᾽ αὐτοῦ Νεῖλος μετωνομάσθη.

2. *Γεννᾶται δ᾽ ἐν αὐτῷ λίθος κυάμῳ παρόμοιος, ὃν ἐὰν κύνες ἴδωσιν, οὐχ ὑλακτοῦσι· ποιεῖ δὲ [ἄριστα] πρὸς τοὺς δαιμονιζομένους· ἅμα γὰρ [αὐτὸν] προστεθῆναι ταῖς ῥισὶν, ἀπέρχεται τὸ δαιμόνιον. Γεννῶνται δὲ καὶ ἄλλοι λίθοι, κόλλωτες καλούμενοι· τούτους κατὰ τὴν ἀνάβασιν τοῦ Νείλου συλλέγουσαι χελιδόνες κατασκευάζουσι τὸ προσαγορευόμενον Χελιδόνιον τεῖχος, ὅπερ ἐπέχει τοῦ ὕδατος τὸν ῥοῖζον καὶ οὐκ ἐᾷ κατακλυσμῷ φθείρεσθαι τὴν χώραν, καθὼς ἱστορεῖ Θράσυλλος ἐν τοῖς Αἰγυπτιακοῖς.*

3. *Παράκειται δὲ αὐτῷ ὄρος, ῎Αργιλλον καλούμενον ἀπ᾽ αἰτίας τοιαύτης. Ζεὺς δι᾽ ἐρωτικὴν ἐπιθυμίαν ἐκ Λύκτου πόλεως Κρητικῆς ῎Αργην νύμφην ἁρπάσας ἀπήνεγκεν εἰς ὄρος τῆς Αἰγύπτου, ῎Αρ-*

---

2. *ὃν ἐὰν*] Eust., *ὃν ἂν* cod. — *ἄριστα*] et *αὐτὸν*] e Stobaeo — *ἀπέρχεται*] cod., Ps.-Arstt., *ἐξέρχεται* Stob. — *ἀνάβασιν*] Hr, De conj. W, *ἀσέβειαν* cod., Ml cum †, *ἀσθένειαν* Gaulminus.

3. *῎Αργιλλον*] *῎Αργεννον* vel *῎Αργιννον*? Ml, si nymphae nomen rectum est. — *τοῖς*] Ml e conj. Hr

γιλλον καλούμενον· καὶ ἐγέννησεν ἐξ αὐτῆς υἱὸν, καλούμενον Διόνυσον· ὃς ἀκμάσας εἰς τιμὴν τῆς μητρὸς τὸν λόφον Ἄργιλλον μετωνόμασεν· στρατολογήσας δὲ Πᾶνας καὶ Σατύρους [τοῖς] ἰδίοις σκήπτροις Ἰνδοὺς ὑπέταξεν· νικήσας δὲ καὶ Ἰβηρίαν, Πᾶνα κατέλιπεν ἐπιμελητὴν τῶν τόπων, ὃς τὴν χώραν ἀπ᾽ αὐτοῦ Πανίαν μετωνόμασεν· ἣν οἱ μεταγενέστεροι παραγώγως Σπανίαν προσηγόρευσαν, καθὼς ἱστορεῖ Σωσθένης ἐν ιγ´ Ἰβηρικῶν.

16. НИЛ

1. Нил это река в Египте, в области Александрии. Раньше она называлась Меланом по имени Мелана, сына Посейдона, потом стала называться Египтом по следующей причине.

Египет, сын Гефеста и Левкиппы, был царем этой страны. Из-за гражданской войны Нил перестал разливаться и среди жителей начался голод. Тогда пифия изрекла, что изобилие наступит, если царь отвратит зло, принеся в жертву свою дочь. Теснимый бедами, царь привел Аганиппу к алтарям. Когда ее разрубили на части, Египет, не снеся горя, бросился в реку Мелан, которая поэтому стала называться Египтом.

Нилом же она стала называться по следующей причине.

Гармафона, царица страны, лежавшей по берегам Египта, потеряла своего сына Хрисохоя, юношу в расцвете красоты. Вместе с домашними она горько оплакивала его, но, когда неожиданно явилась Исида, она на время преодолела скорбь, притворилась радостной

---

1. Древние названия **Нила** — Египт и Мелан — единственные не выдуманные во всем трактате (кроме Ликорма, см. выше, 8). Придуманный Лжеплутархом (?) **Мелан, сын Посейдона**, совпал с хиосцем Меланом, сыном Посейдона, известным Павсанию (VII, 4, 8).

12 Зак. 3209

и гостеприимно приняла богиню. Та же [за] благочестие царицы пожелала изменить обстоятельства и велела Осирису отпустить ее сына из подземного царства. Он повиновался просьбам супруги, но Цербер, которого некоторые называют Ужасным, стал лаять, и Нила, мужа Гармафоны, внезапно охватило божественное безумие. Он бросился в реку Египет, которая поэтому стала называться Нилом.

2. В Ниле родится камень, похожий на боб, увидев который собаки перестают лаять. Он лучше всего помогает одержимым демонами; как только его приложат к носу, демон выходит.

Родятся там и другие камни, которые называются коллоты. Ласточки собирают их во время подъема Нила и строят так называемую Ласточкину стену, которая сдерживает бурлящую воду и не дает наводнению погубить страну. Об этом рассказывает Фрасилл в книге «О Египте».

3. Около Нила лежит гора Аргилл, которая называется так по следующей причине.

Зевс, охваченный страстью, похитил нимфу Аргу из критского города Ликта и унес ее на гору в Египте, которая [теперь] называется Аргиллом. Она родила сына, которого звали Дионисом. Когда он возмужал, то назвал гору в честь матери Аргиллом. Отправившись в поход во главе войска панов и сатиров, он подчинил своей власти Индию. Он завоевал и Иберию и оставил Пана наместником этой страны, а тот по свое-

---

2. Не является выдумкой Лжеплутарха **Ласточкина стена**; похожее сообщает Плиний (Hist. Nat. X, 33, 49). **Фрасилл**: см. выше, прим. к 11, 4.

3. История **Диониса**, сына **Арги**, явно имитирует романы Скитобрахиона; Дионис рождается от неизвестной матери, в Египте, а не Греции, совершает всемирный поход от края до края ойкумены (от Индии до Иберии).

му имени назвал ее Панией. Потомки же ошибочно стали называть ее Спанией. Об этом рассказывает Сосфен в тринадцатой книге трактата «Об Иберии».

XVII. ΕΥΡΩΤΑΣ

1. *Εὐρώτας. ** Ἵμερος, Ταϋγέτης νύμφης καὶ Λακεδαίμονος παῖς, διὰ μῆνιν Ἀφροδίτης κατ' ἄγνοιαν ἐν παννυχίδι τὴν ἀδελφὴν Κλεοδίκην βιασάμενος ἔφθειρεν· τῇ δὲ ἐπιούσῃ τῶν ἡμερῶν κατηχηθεὶς περὶ τῶν συμβεβηκότων καὶ ἀθυμήσας, διὰ λύπης ὑπερβολὴν ἔρριψεν ἑαυτὸν εἰς ποταμὸν Μαραθῶνα, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Ἵμερος μετωνομάσθη. Ὕστερον δὲ Εὐρώτας ἐκλήθη δι' αἰτίαν τοιαύτην. Λακεδαιμονίων πρὸς Ἀθηναίους πόλεμον ἐχόντων καὶ τὴν πανσέληνον περιμενόντων, Εὐρώτας, ὁ τῶν προειρημένων στρατηγὸς, καταφρονήσας πάσης δεισιδαιμονίας συνέβαλε τὴν παράταξιν, καίπερ ὑπὸ ἀστραπῶν τε καὶ κεραυνῶν κωλυόμενος· ἀποβαλὼν δὲ τὸ στράτευμα, καὶ λύπῃ συσχεθεὶς, ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς τὸν ποταμὸν (τὸν Ἵμερον), ὃς ἀπ' αὐτοῦ Εὐρώτας μετωνομάσθη.*

2. *Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ λίθος περικεφαλαίᾳ παρόμοιος, θρασύδειλος προσαγορευόμενος· ἅμα γὰρ σάλπιγγος ἀκούειν ἐπὶ τὴν ὄχθαν προχωρεῖ· τῶν δ' Ἀθηναίων ὀνομασθέντων, (καὶ) εἰς τὸν βυθὸν ἅλλεται. Κεῖνται δὲ πολλοὶ καθιερωθέντες ἐν τῷ ναῷ τῆς Χαλκιοίκου Ἀθηνᾶς, καθὼς ἱστορεῖ Νικάνωρ ὁ Σάμιος ἐν β' περὶ Ποταμῶν.*

3. *Παράκειται δ' αὐτῷ ὄρος Ταΰγετον προσονομαζόμενον, τὴν προσηγορίαν εἰληφὸς ἀπὸ Ταϋγέτης νύμφης, ὁ Ζεὺς βιασάμενος ἔφθειρεν· ἡ δὲ λύπῃ συσχεθεῖσα βρόχῳ τὸν βίον περιέγραψεν ἐν ἀκρωρείαις ὄρους Ἀμυκλαίου, ὅπερ ἀπ' αὐτῆς Ταΰγετον προσωνομάσθη.*

4. *Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ βοτάνη, καλουμένη χαρισία, ἣν [αἱ] γυναῖκες ἔαρος ἀρχομένου τοῖς τραχήλοις περιάπτουσι καὶ ὑπὸ τῶν ἀνδρῶν συμπαθέστερον ἀγαπῶνται, καθὼς ἱστορεῖ Κλεάνθης ἐν α' περὶ Ὀρῶν. Μέμνηται δὲ τούτων ἀκριβέστερον Σωσθένης ὁ Κνίδιος, παρ' οὗ τὴν ὑπόθεσιν εἴληφεν Ἑρμογένης.*

---

2. *ἀκούειν*] Hr, *ἀκούει* cod.
3. *Ταϋγέτης νύμφης*] G, *Ταϋγέτης τῆς νύμφης* cod.
4. *χαρισία*] Ps.-Arstt., *χαρίσιον* cod., in margine prima manu scriptum: *βοτάνη ἐν τῷ ὄρει χαρίσιος — ἀγαπῶνται*] *ἐρῶνται* Ps.-Arstt.

17. ЭВРОТ

1. Эврот ... .

На Гимера, сына нимфы Тайгеты и Лакедемона, гневалась Афродита, и поэтому он во время ночного празднества изнасиловал свою сестру Клеодику, не зная, что это она. Узнав на следующий день о случившемся, он пришел в отчаяние, и, не снеся горя, бросился в реку Марафон, которая поэтому стала называться Гимером.

Позднее она стала называться Эвротом по следующей причине.

Когда лакедемоняне воевали с афинянами и ждали полнолуния, Эврот, их стратег, презрев всякое почтение к богам, вступил в бой, хотя ему и препятствовали молнии и гром. Потеряв войско, он, охваченный горем, бросился в реку Гимер, которая поэтому стала называться Эвротом.

2. В Эвроте родится камень, похожий на шлем, который называют храбротрусом. Услышав звук военной трубы, он выходит на берег. А когда произне-

---

1. Плеяду **Тайгету** обычно называют матерью, а не супругой **Лакедемона** (Apld. III, 10, 3; Hyg. Fab. 155; Paus. III, 1, 2); далее Лжеплутарх, противореча сам себе, вспоминает о том, что Тайгету любил Зевс, и добавляет историю о ее самоубийстве. **Ждали полнолуния**: манера спартанцев не начинать военных действий из-за фаз луны хорошо известна из Геродота (VI, 106–107): перед высадкой персов на Марафоне они поэтому отказали в помощи афинянам.

2. Камень **храбротрус** — достойное завершение бесконечных рассказов греческих историков о войнах Афин и Спарты. **Множество таких камней лежит среди посвящений**: и никто не попробовал произнести «афиняне» и полюбоваться, как все они будут прыгать в Эврот? Спартанский храм **Афины Меднодомной**, или Градодержицы, построенный Тиндареем и Диоскурами (Paus. III, 17, 2), широко известен.

сут имя афинян, он прыгает в глубь реки. Множество таких камней лежит среди посвящений в храме Афины Меднодомной. Об этом рассказывает Никанор Самосский во второй книге трактата «О реках».

3. Около Эврота лежит гора, которая называется Тайгетом. Она получила свое название от нимфы Тайгеты, которую изнасиловал Зевс, и она, охваченная горем, петлею положила конец своей жизни на вершине горы Амиклея, которая поэтому стала называться Тайгетом.

4. На Тайгете растет трава, которая называется харисией. Женщины собирают ее в начале весны и обвязывают вокруг шеи; так их больше любят мужчины. Об этом рассказывает Клеанф в первой книге трактата «О горах». Подробнее об этом говорит Сосфен Книдский, а у него это взял Гермоген.

XVIII. ΙΝΑΧΟΣ

1. *Ἴναχος ποταμός ἐστι τῆς Ἀργείας χώρας· ἐκαλεῖτο δὲ τὸ πρότερον Καρμάνωρ. Ἁλιάκμων δὲ τῷ γένει Τιρύνθιος ἐν τῷ Κοκκυγίῳ ποιμαίνων ὄρει καὶ κατ᾽ ἄγνοιαν τῇ Ἥρᾳ συγγινόμενον τὸν Δία θεασάμενος ἐμμανὴς ἐγένετο καὶ μεθ᾽ ὁρμῆς ἐνεχθεὶς ἔβαλεν ἑαυτὸν εἰς ποταμὸν Καρμάνορα, ὃς ἀπ᾽ αὐτοῦ Ἁλιάκμων μετωνομάσθη· προσηγορεύθη δὲ Ἴναχος δι᾽ αἰτίαν τοιαύτην. Ἴναχος, Ὠκεανοῦ παῖς, φθαρείσης τῆς θυγατρὸς αὐτοῦ Ἰοῦς ὑπὸ Διός, τὸν θεὸν βλασφήμοις λοιδορίαις ἐπέπληττεν κατόπιν ἀκολουθῶν· ὁ δὲ ἀναξιοπαθήσας ἔπεμψεν αὐτῷ Τισιφόνην, μίαν τῶν Ἐρινύων· ὑφ᾽ ἧς ἐξοιστρηλατούμενος ἔβαλεν ἑαυτὸν εἰς ποταμὸν Ἁλιάκμονα, ὃς ἀπ᾽ αὐτοῦ Ἴναχος μετωνομάσθη.*

---

1. *Καρμάνωρ*] e margine insertum — *ἐν τῷ Κοκκυγίῳ*] G, *ὃς ἐν τῷ Κ.* cod. — *Ἥρᾳ*] Hemsterhusius ad Luc. vol. I, p. 251; *Ῥέᾳ* cod. — *συγγινόμενον*] G, *-νος* cod.

2. *Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ βοτάνη κύνουρα καλουμένη, πηγάνῳ προσόμοιος· ἣν αἱ γυναῖκες, ὅταν ἀκινδύνως ἐκτρῶσαι θελήσωσιν, ἐν οἴνῳ βεβρεγμένην τοῖς ὀμφαλοῖς ἐπιτιθέασιν.*

3. *Εὑρίσκεται δ' ἐν αὐτῷ καὶ λίθος βηρύλλῳ παρόμοιος· ὃν ἐὰν κρατήσωσιν οἱ ψευδομαρτυρεῖν ἐθέλοντες, μέλας γίνεται. Κεῖνται δὲ πολλοὶ ἐν τῷ τεμένει τῆς Προσυμναίας Ἥρας, καθὼς ἱστορεῖ Τιμόθεος ἐν Ἀργολικοῖς· μέμνηται δὲ τούτων καὶ Ἀγάθων ὁ Σάμιος ἐν β' περὶ Ποταμῶν. Ἀγαθοκλῆς δ' ὁ Μιλήσιος ἐν τοῖς περὶ Ποταμῶν φησὶ, τὸν Ἴναχον διὰ πανουργίαν ὑπὸ τοῦ Διὸς κεραυνωθέντα, ξηρὸν γενέσθαι.*

4. *Παράκεινται δ' αὐτῷ ὄρη Μυκῆναί τε καὶ Ἀπέσαντος καὶ Κοκκύγιον καὶ Ἀθηναῖον, τὰς προσηγορίας εἰληφότα διὰ τοιαύτην αἰτίαν. Τὸ μὲν Ἀπέσαντον ἐκαλεῖτο πρότερον Σεληναῖον. Ἥρα γὰρ παρ' Ἡρακλέους δίκας βουλομένη λαβεῖν συνεργὸν παρέλαβε τὴν Σελήνην· ἡ δὲ ἐπῳδαῖς χρησαμένη μάγοις ἀφροῦ κίστην ἐπλήρωσεν, ἐξ ἧς γεννηθέντα λέοντα μέγιστον ταῖς ἰδίαις ζώναις ἐπισφίγξασα κατήνεγκεν εἰς ὄρος Ὀφέλτιον· ὁ δὲ ποιμένα τινὰ τῶν ἐγχωρίων Ἀπέσαντον σπαράξας ἀνεῖλεν κατὰ δὲ θεῶν πρόνοιαν ὁ τόπος Ἀπέσαντος ἀπ' αὐτοῦ μετωνομάσθη, καθὼς ἱστορεῖ Δημόδοκος ἐν α' Ἡρακλείας.*

5. *Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ βοτάνη Σελήνη καλουμένη· τὸν δὲ καταφερόμενον ἀπ' αὐτῆς ἀφρὸν περὶ τὴν ἀρχὴν τοῦ θέρους οἱ ποιμένες αἴροντες ἀλείφουσι τοὺς πόδας, καὶ οὐδὲν ὑπὸ τῶν ἑρπετῶν ἀδικοῦνται.*

6. *Μυκῆναι δὲ ἐκαλοῦντο τὸ πρότερον Ἄργιον ἀπὸ Ἄργου τοῦ πανόπτου· μετωνομάσθη δὲ Μυκῆναι δι' αἰτίαν τοιαύτην. Περσέως Μέδουσαν ἀποκτείναντος, Σθενὼ καὶ Εὐρυάλη ὡς τῆς προειρημένης ἀδελφαὶ τῆς πεφονευμένης τὸν ἐπίβουλον ἐπεδίωκον· γενόμεναι δὲ κατὰ τοῦτον τὸν λόφον καὶ ἀπελπίσασαι τῆς συλλήψεως, διὰ τὴν συμπάθειαν μυκηθμὸν ἀνέδωκαν· οἱ δ' ἐγχώριοι τὴν ἀκρώρειαν ἀπὸ τοῦ συγκυρήματος Μυκήνας μετωνόμασαν, καθὼς ἱστορεῖ Κτησίας Ἐφέσιος ἐν α' Περσηίδος.*

---

2. *προσόμοιος*] *παρόμοιος* Stob. — *θελήσωσιν*] *θέλωσιν* Stob.
4. *Ἀπέσαντος*] Hr, *Ἀπαί-* cod. — *Κοκκύγιον*] *Κοκκύκιον* cod.
6. *Σθενὼ*] G, *θεννὼ* cod.

7. *Χρύσερμος δὲ ὁ Κορίνθιος ἐν α' Πελοποννησιακῶν ἱστορίας μέμνηται τοιαύτης. Περσέως φερομένου μετεώρου καὶ κατὰ τὸν λόφον γενομένου τοῦτον ἐξέπεσεν αὐτοῦ τῆς λαβῆς τοῦ ξίφους ὁ μύκης. Γοργοφόνος δέ, ὁ βασιλεὺς Ἐπιδαυρίων, ἐκπεσὼν τῆς ἀρχῆς ἔλαβε χρησμὸν, ἐμπεριελθεῖν τὰς Ἀργολικὰς πόλεις καὶ ὅπου ἂν εὕρῃ ξίφους μύκητα, ἐκεῖ κτίσαι πόλιν. Γενόμενος δὲ κατὰ τὸ Ἄργιον ὄρος καὶ εὑρὼν τὴν ἐλεφαντίνην λαβὴν πόλιν ἔκτισεν, ἣν ἀπὸ τοῦ συγκυρήματος προσηγόρευσε Μυκήνας.*

8. *Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ λίθος κορύβας καλούμενος, τῇ χρόᾳ κοραξός· ὃν ἐὰν εὕρῃς καὶ ἔχῃς ἐν τῷ σώματι περικείμενον, κατ' οὐδὲν φοβῇ τὰς τερατώδεις ὄψεις.*

9. *Τὸ δ' ὄρος ... Ἀπέσαντος τοῦ Ἀκρισίου. Κυνηγετῶν γὰρ κατ' ἐκεῖνον τὸν τόπον καὶ πατήσας ἑρπετὸν δηλητήριον ἐτελεύτησεν· ὁ δὲ βασιλεὺς τὸν υἱὸν θάψας [τὸν] λόφον Ἀπέσαντον μετωνόμασεν, καλούμενον Σελινούντιον.*

10. *Ὄρος δὲ Κοκκύγιον διωνομάσθη δι' αἰτίαν τοιαύτην. Ζεὺς Ἥρας τῆς ἀδελφῆς ἐρασθεὶς καὶ δυσωπούμενος τὴν ἀγαπωμένην ἐγέννησεν ἐξ αὐτῆς Ἄρη· τό γ' οὖν καλούμενον ὄρος Λυρκήιον ἀπὸ τοῦ συγκυρήματος Κοκκύγιον ὠνομάσθη, καθὼς ἱστορεῖ Ἀγαθώνυμος ἐν Περσηίδι.*

11. *Φύεται δὲ ἐν αὐτῷ δένδρον, παλίνουρος καλούμενον· ἐφ' ᾧ ἄν τι καθίσῃ τῶν ἀλόγων ζώων, ὡς ὑπὸ ἰξοῦ κατέχεται, πάρεξ κόκκυγος· τούτου γὰρ φείδεται· καθὼς [ἱστορεῖ] Κτησιφῶν ἐν α' περὶ Δένδρων.*

---

7. *μύκητα*] *μύκηνα* cod., *τὸν μυκῆν* Hecataeus loco parallelo.

8. *τερατώδεις*] *τετρατώδεις* Ml, qui ipse «horrendas» latine dedit.

9. *Τὸ δ' ὄρος [Ἀπέσαντον ὠνομάσθη ἀπὸ] Ἀπεσάντου τοῦ Ἀκρισίου*] supplendum monuit W allique; sed si totum capitulum post 4 transponendum est (ut **M** monuit), restituendum censet Hr similia: *ὁ δεῖνα δὲ ἱστορίας μέμνηται τοιαύτης. Ἀπέσαντος τοῦ Ἀκρισίου κυνηγετῶν κατ' ἐκεῖνον...*

10. *Ἄρη* vel *Ἄρην*] Ml, *ἄρρεν* cod. et edd. — *Λυρκήιον*] Hr, *Λυκήιον* cod. — *Περσηίδι*] Hr, *Περσίδι* cod.

11. *παλίνουρος*] an *παλίνουρος*? Hr — *ἱστορεῖ*] suppl. **H**

12. *Ἀθηναῖον δὲ ὄρος ἔλαβε τὴν προσηγορίαν ἀπὸ Ἀθηνᾶς· μετὰ γὰρ τὴν τοῦ Ἰλίου πόρθησιν Διομήδης εἰς Ἄργος ὑποστρέψας, εἰς τὸν Κεραύνιον ἀνέβη λόφον καὶ τέμενος Ἀθηνᾶς κατασκευάσας τὸ ὄρος ἀπὸ τῆς θεᾶς Ἀθηναῖον μετωνόμασεν.*

13. *Γεννᾶται δ᾽ ἐν τῇ ἀκρωρείᾳ ῥίζα παρόμοιος πηγάνῳ· ἣν ἐὰν γυνὴ φάγῃ τις κατ᾽ ἄγνοιαν, ἐμμανὴς γίνεται· καλεῖται δὲ Ἀδράστεια, καθὼς ἱστορεῖ Πλησίμαχος ἐν β′ Νόστων.*

18. ИНАХ

1. Инах это река в Арголиде. Раньше она называлась Карманор.

Галиакмон, родом тиринфянин, пас скот на Кукушкиной горе, нечаянно увидел свидание Зевса и Геры и впал в безумие. Стремительно помчавшись к реке Карманору, он бросился в нее, и поэтому она стала называться Галиакмоном.

Инахом же она стала называться по следующей причине.

Ио, дочерью Инаха, сына Океана, овладел Зевс, и Инах следовал за богом и поносил его кощунственной бранью. Тот же, разгневавшись, наслал на него

---

13. *Πλησίμαχος*] *Λυσίμαχος*? M

1. Брак Зевса и Геры на **Кукушкиной горе** известен многим (Paus. II, 36, 2; sch. Theocr. XV, 64), но никому, кроме Лжеплутарха, не удавалось его подсмотреть. **Галиакмон** — это река в Македонии; в связи с Инахом это имя появляется, как полагал Спангемий (in Callimachi hymn. in Pallad. 50, p. 586), из-за горы Лакм, на которой берет исток эпирский Инах (Hecat. FGrHist IA 1 F 102b), относительно которого, как показывает фрагмент софоклова «Инаха» (F 271* Radt), иногда считали, что он возобновляет свое течение как аргосский Инах. На эпирском Инахе стоял Аргос Амфилохийский, а на истоках Галиакмона — Аргос Орестийский.

Тисифону, одну из Эринний. Гонимый ею, Инах в безумии бросился в реку Галиакмон, которая поэтому стала называться Инахом.

2. На Инахе растет трава, которую называют песьехвосткой; она похожа на руту. Когда женщины хотят избежать выкидыша, они размачивают ее в вине и прикладывают к пупку.

3. В Инахе находят и камень, похожий на берилл. Если он будет у того, кто собирается принести лжесвидетельство, то почернеет. Много таких камней лежит в храме Геры Просимнейской.

Об этом рассказывает Тимофей в книге «Об Арголиде», подробнее же об этом упоминает Агафон Самосский во второй книге трактата «О реках».

Агафокл же Милетский в своем трактате «О реках» говорит, что Инаха за его хитрость поразил молнией Зевс, и поэтому он пересох.

4. Около Инаха лежат горы Микены, Апесант, Афиней и Кукушкина гора, получившие такие названия по следующей причине.

Апесант раньше назывался Селенеем, потому что Гера, желая отомстить Гераклу, взяла себе в помощницы Селену. Она же при помощи колдовского пения наполнила ларец пеной, и из него родился огромный лев, которого Ирида связала своим поясом и принесла

---

3. Храм **Геры в Просимне**, городке в Арголиде, известен Страбону (VIII, 6, 11). Под **хитростью Инаха**, как полагает Герхер, Лжеплутарх имеет в виду его поведение во время суда за Арголиду между Герой и Посейдоном (Paus. II, 15, 5).

4. История Немейского льва, который, если расшифровать стилизованные иносказания Лжеплутарха, спустился с луны по радуге, приписана им некому **Демодоку** (не гомеровскому ли аэду?); в первой песне его **«Гераклии»**, как намекает Лжеплутарх, должно было говориться о первом подвиге героя.

на гору Офельтий. Лев разорвал и убил некого пастуха по имени Апесант, и поэтому по воле богов это место стало называться Апесантом. Об этом рассказывает Демодок в первой песни «Гераклии».

9. [... же рассказывает следующее.]

Апесант, сын Акрисия, охотясь в этих местах, умер, наступив на ядовитую змею. Царь же, похоронив сына, назвал Апесантом гору, которая до этого называлась Селинунтием.

5. На Апесанте растет трава, которая называется селеной. Пеной, которая течет из нее, пастухи намазывают летом ноги и нисколько не страдают от укусов змей.

6. Гора Микены раньше называлась Аргием по имени Всевидящего Аргуса. Микенами же она стала называться по следующей причине. Когда Персей убил Медузу, ее сестры Сфено[2] и Эвриала пустились в погоню за убийцей. Оказавшись на этой горе и отчаявшись догнать его, они от горя издали стон. Местные же жители из-за этого назвали гору Микенами. Об этом рассказывает Ктесий Эфесский в первой песни «Персеиды».

---

9. В рукописи главка стоит после 8-й, однако место ее безусловно здесь; так полагали Моссак и Герхер.

6. Издали стон: *μυκηθμός*; схожая этимология, но менее нелепая история у Стефана Византийского (s. v. *Μυκῆναι*): на месте Микен превратившаяся в корову Ио впервые замычала (*μυκήσασθαι*). **Ктесий**, хоть и не **Эфесский**, а Книдский (FGrHist IIIC p. 416–517; Mette, p. 36; ср. ниже, 21, 5), — подлинный и достаточно известный автор, написавший прозаическое сочинение о *Персии*; Лжеплутарх же, надо полагать, приписывает ему эпическую поэму о *Персее*, компенсируя отсутствие таковой в реальной греческой литературе («Персеиды» Херила и, вероятно, Мусея Эфесского были посвящены персидской войне).

7. Хрисерм же Коринфский в первой книге сочинения «О Пелопоннесе» рассказывает следующее. Когда Персей летел по воздуху и оказался над этой горой, у него упало навершие рукоятки меча. Горгофон, царь Эпидавра, свергнутый с престола, получил веление оракула обойти города Арголиды и основать город там, где он найдет рукоятку меча. Оказавшись на горе Аргий и найдя рукоятку из слоновой кости, он основал город, который поэтому назвал Микенами.

8. На горе Микены родится камень, который называется корибантом, черного цвета. Тот, кто найдет его и будет носить на теле, никогда не будет бояться страшных видений.

10. Кукушкина же гора называется так по следующей причине.

Зевс, полюбив свою сестру Геру и умолив возлюбленную ... произвел с нею на свет Ареса. Гора же, называвшаяся Лиркеем, поэтому стала называться Кукушкиной. Об этом рассказывает Агафоним в «Персеиде».

11. На этой горе растет дерево, которое называется перехвостом. Если на него сядет любое животное, кроме кукушки, то будто приклеится клеем; кукушку же оно щадит. Об этом рассказывает Ктесифон в первой книге трактата «О деревьях».

---

7. **Навершие рукоятки меча** — *μύκης*; распространенная версия (Paus. II, 16, 3; Hecat. F 22; St. Byz. loc. cit. etc.), только полет Персея добавлен живым воображением Лжеплутарха. **Горгофоной** (т. е. «Горгоубийцей») обычно называют дочь Персея, первую из женщин, вышедшую замуж второй раз (Paus. II, 21, 7; Apld. I, IX, 5), бабушку повторившей ее свершение Клитемнестры, Елены, имевшей пять мужей (Lyc. 143 cum sch.) и Пенелопы, сохранившей верность первому супругу.

10. О браке Зевса и Геры см. выше. **Лиркей** — другая гора в Арголиде. **Агафоним в «Персеиде»** — еще один вымышленный эпос.

12. Гора же Афиней получила свое название от имени Афины. После взятия Илиона Диомед, вернувшись в Аргос, поднялся на Керавнийский холм и, основав святилище Афины, назвал гору по имени богини Афинеем.

13. На этой горе растет корень, похожий на руту. Если какая-нибудь женщина случайно съест его, то станет безумной. Называется же он «неизбежностью», как рассказывает Плесимах во второй песни «Возвращений».

XIX. ΑΛΦΕΙΟΣ

1. *Ἀλφειὸς ποταμός ἐστι τῆς Ἀρκαδίας κατὰ Πίσαν τῆς Ὀλυμπίας· ἐκαλεῖτο δὲ τὸ πρότερον Στύμφηλος ἀπὸ Στυμφήλου τοῦ Ἄρεως καὶ Δορμοθέας παιδός. Οὗτος γὰρ τὸν υἱὸν Ἀλκμαίωνα τὸν φίλιππον ἀποβαλὼν καὶ ἀθυμίᾳ συσχεθεὶς ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς ποταμὸν Νύκτιμον· ὃς (καὶ) ἀπ᾽ αὐτοῦ Στύμφηλος μετωνομάσθη. Ἀλφειὸς δὲ ἐκλήθη δι᾽ αἰτίαν τοιαύτην. Ἀλφειὸς εἷς τῶν τὸ γένος ἀφ᾽ Ἡλίου καταγαγόντων ἁμιλληθεὶς Κερκάφῳ τῷ ἀδελφῷ περὶ ἀρχῆς, ἀνεῖλε τὸν προειρημένον καὶ ὑπὸ Ποινῶν ἐλαυνόμενος ἔβαλεν ἑαυτὸν εἰς ποταμὸν Νύκτιμον, ὃς (καὶ) ἀπ᾽ αὐτοῦ Ἀλφειὸς μετωνομάσθη.*

---

12. Гора **Афиней** вымышлена. История о **Диомеде** подразумевает, что он посвятил в новое святилище похищенный в Трое палладий, о судьбе которого существовали различные мнения (например, что он вернул его Энею в Италии — Serv. Aen. 166).

13. Плесимах ... «Возвращений»: Моссак и Мюллер полагали, что следует восстановить в тексте имя Лисимаха Александрийского, известного автора прозаических «Возвращений» (см. о нем с. 89); однако вполне вероятно, что Лжеплутарх снова, как уже четырежды в этой главе, имеет в виду вымышленную эпическую поэму.

1. *Δορμοθέας*] *Δωροθέας*? Hr, *Δερκοθέας*? *Δορκοθόης*? Ml — *τὸν φίλιππον τὸν υἱὸν Ἀλκμαίωνα*] cod., transp. W — *Ποινῶν*] W, *ποιμένων* cod.

2. *Γεννᾶται δ' ἐν τῷ ποταμῷ τούτῳ βοτάνη κεγχρῖτις προσαγορευομένη, μελικήρῳ παρόμοιος· ἣν οἱ ἰατροὶ καθέψοντες πιεῖν διδόασι τοῖς ἀπηλλοτριωμένας ἔχουσι τὰς φρένας καὶ ἀπαλλάττουσιν αὐτοὺς τῆς μανίας, καθὼς ἱστορεῖ Κτησίας ἐν α' περὶ Ποταμῶν.*

3. *Παράκειται δὲ ὄρος καλούμενον ἀπὸ αἰτίας τοιαύτης. Μετὰ τὴν γιγαντομαχίαν Κρόνος τὰς Διὸς ἀπειλὰς ἐκκλίνων εἰς ὄρος παρεγένετο Κτοῦρον, ὃ ἀπ' αὐτοῦ Κρόνιον μετωνόμασε· λαθὼν δὲ πρὸς ὀλίγον καιρὸν καὶ ἀφορμῆς δραξάμενος διῆρεν εἰς Καύκασον τῆς Σκυθίας.*

4. *Γεννᾶται δ' ἐν τῷ ὄρει τούτῳ κύλινδρος καλούμενος λίθος ἀπὸ τοῦ συγκυρήματος· ὁσάκις γὰρ ἂν ἀστράψῃ Ζεὺς ἢ βροντήσῃ, τοσαυτάκις ἀπὸ τῆς ἀκρωρείας διὰ φόβον κυλίεται, καθὼς ἱστορεῖ Δέρκυλλος ἐν α' περὶ Λίθων.*

19. АЛФЕЙ

1. Алфей это река в Аркадии в области олимпийской Писы. Раньше она называлась Стимфелом по имени Стимфела, сына Ареса и Дорофеи. Он, потеряв своего сына Алкмеона, предававшегося конским скачкам, охваченный отчаянием, бросился в реку Никтим, которая поэтому стала называться Стимфелом.

Алфеем же она стала называться по следующей причине.

---

3. *Κτοῦρον*] *'Αρκτοῦρον*? Hr, *Κύτωρον*? Ml

1. **В Аркадии в области олимпийской Писы:** Алфей начинается в Аркадии, а потом течет по Элиде, мимо Олимпии, находящейся в области города Писы. **Стимфел** или Стимфал — город в Аркадии, весьма далеко от Алфея, и его эпоним, сын Элата, сына Аркада, сына Каллисто, сестры **Никтима**; Никтимом («Ночным»), как замечает Мюллер, удачно назвать те места на Алфее, где он течет под землей (Paus. VIII, 54, 1).

Алфей, один из потомков Гелиоса, боролся со своим братом Керкафом за власть и убил его. Преследуемый Карами, он бросился в реку Никтим, которая поэтому стала называться Алфей.

2. На Алфее растет трава, которая называется кенхритидой; она похожа на мелицер. Врачи дают ее отвар потерявшим рассудок и прекращают их безумие. Об этом рассказывает Ктесий в первой книге сочинения «О реках».

3. Около Алфея лежит гора [Кроний], которая получила это название по следующей причине.

После гигантомахии Крон[2], скрываясь от угроз Зевса, пришел на гору Ктур, которая поэтому стала называться Кронием. Он прятался там недолгое время, а потом отправился на Кавказ в Скифии.

4. На этой горе родится камень, который называется катуном по следующей причине. Каждый раз, когда Зевс бросает молнию или гремит гром, он от страха скатывается с вершины. Об этом рассказывает Деркилл в первой книге сочинения «О камнях».

XX. ΕΥΦΡΑΤΗΣ

1. *Εὐφράτης ποταμός ἐστι τῆς Παρθίας κατὰ Βαβυλῶνα πόλιν· ἐκαλεῖτο δὲ τὸ πρότερον Μῆδος ἀπὸ Μήδου τοῦ Ἀρταξέρξου παιδός. Οὗτος γὰρ δι' ἐπιθυμίαν τὴν Κορδύου θυγατέρα Ῥωξάνην*

---

2. **Кенхритидой:** *κεγχρίς* — просо.

3. **Ктур:** Герхер предлагал читать «Арктур» — так назывался Фасис в той 5-й главке, куда Крон, согласно Лжеплутарху, отправился из этой; «*вполне может статься,* — соглашается с ним Мюллер, — *что чем нелепей, тем для нашего писателя вероятней*» (fieri sane potest, ut quo quid ineptius, tanto sit in Nostro credibilius).

1. *Ξαράνδαν*] Quatremère, ap. Bast. Epist. crit., p. 13; *Ξαραύδαν* cod. — *αὐτόπτης*] W, cf. 22, 1; *αἴτιος* cod.

βιασάμενος διέφθειρεν· τῇ δ᾽ ἐπιούσῃ τῶν ἡμερῶν ζητούμενος ὑπὸ τοῦ βασιλέως πρὸς κόλασιν, φόβῳ συσχεθεὶς ἑαυτὸν ἔβαλεν εἰς ποταμὸν Ξαράνδαν, ὃς ἀπ᾽ αὐτοῦ Μῆδος ὠνομάσθη. Προσηγορεύθη δὲ Εὐφράτης δι᾽ αἰτίαν τοιαύτην. Εὐφράτης, Ἀρανδάκου παῖς, τὸν υἱὸν Ἀξούρταν εὑρὼν μετὰ τῆς μητρὸς ἀναπαυόμενον καὶ ὑπολαβὼν ὑπάρχειν τῶν πολιτῶν τινα, διὰ ζήλου μισοπονηρίαν σπασάμενος τὸ ξίφος ἐλαιμοτόμησεν αὐτόν. τῆς δ᾽ ἀνελπίστου πράξεως γενόμενος αὐτόπτης διὰ λύπης ὑπερβολὴν ἑαυτὸν ἔβαλεν εἰς ποταμὸν Μῆδον, ὃς ἀπ᾽ αὐτοῦ Εὐφράτης μετωνομάσθη.

2. *Γεννᾶται δ᾽ ἐν αὐτῷ λίθος ἀετίτης καλούμενος· ὃν αἱ μαῖαι ταῖς δυστοκούσαις ἐπὶ τὰς γαστέρας ἐπιτιθέασι καὶ παραχρῆμα τίκτουσιν ἄτερ ἀλγηδόνος.*

3. *Γεννᾶται δ᾽ ἐν αὐτῷ καὶ βοτάνη ἄξαλλα καλουμένη, μεθερμηνευομένη θερμόν· ταύτην οἱ τεταρταΐζοντες, ὅταν ἐπὶ τοῦ στήθους θῶσιν, ἀπαλλάττονται παραχρῆμα τῆς ἐπισημασίας, καθὼς ἱστορεῖ Χρύσερμος Κορίνθιος ἐν ιγ´ περὶ Ποταμῶν.*

4. *Παράκειται δ᾽ αὐτῷ ὄρος Δριμύλον καλούμενον, ἐν ᾧ γεννᾶται λίθος σαρδόνυχι παρόμοιος, ᾧ οἱ βασιλεῖς ἐν ταῖς βασιλείαις χρῶνται· ποιεῖ δὲ ἄριστα πρὸς ἀμβλυωπίας εἰς ὕδωρ θερμὸν βαλλόμενος, καθὼς ἱστορεῖ Νικίας ὁ Μαλλώτης ἐν τοῖς περὶ Λίθων.*

20. ЕВФРАТ

1. Евфрат это река в Парфии, около города Вавилона. Раньше она называлась Медом по имени Меда, сына Артаксеркса. Влюбившись в Роксану, дочь Кордия,

---

2. *ἀετίτης*] Stob., *ἀστιγὴς* cod.

3. *ἄξαλλα*] Stob., *ἔξαλλα* cod., *ἀζαλέα*? Hr — *θῶσιν*] *τίθωσιν* Stob. — *τῆς ἐπισημασίας*] om. Stob.

4. *Δριμύλον*] Stob., *Δριμύλλον* cod. — *ἀμβλυωπίας*] Stob., ut 8, 2 cod.; ibi *ἀμβλυωπίαν* cod. — *Μαλλώτης*] *Μαλιώτης* cod.

1. В Парфии: парфяне владели Междуречьем во времена Лжеплутарха. Далее Лжеплутарх старательно выбирает или придумывает персидские имена.

он изнасиловал ее. На следующий день, охваченный страхом, что царь накажет его, он бросился в реку Ксаранд, которая поэтому стала называться Медом.

Евфратом же она стала называться по следующей причине.

Евфрат, сын Арандака, застал своего сына Аксурта спящим с матерью и, приняв его за кого-то из граждан, охваченный ревностью, выхватил меч и перерубил ему горло. Увидев же своими глазами то, чего никак не ожидал, он, не снеся горя, бросился в реку Мед, которая поэтому стала называться Евфратом.

2. В Евфрате родится камень, который называется орловиком; повитухи при трудных родах прикладывают его к животу рожениц и те сразу рожают без боли.

3. На Евфрате растет и трава, которая называется аксаллой, что переводится «теплая». Больные четырехдневной лихорадкой, приложив ее к груди, тотчас избавляются от проявлений болезни. Об этом рассказывает Хриcерм Коринфский в тринадцатой книге трактата «О реках».

4. Около Евфрата лежит гора, которая называется Дримил. На ней родится камень, похожий на сардоникс, который цари вставляют в свои венцы. Он лучше

---

2. Камень **орловик**, помогающий при родах, известен многим греческим медикам и натуралистам (Ael. Hist. Anim. I, 35; Oribas. ad Eunap. IV, 112, 13; Aet. Amid. Iatr. XVI, 21; Philostr. Vita Apoll. II, 14 etc.); для столь известных сведений Лжеплутарх даже не считает нужным придумывать источник.

3. **Аксаллой, что переводится «теплая»**: Герхер, следуя, по видимому, принципу *quo ineptius, tanto credibilius* (см. прим. к 19, 3), предполагает, что вместо «варварского» слова *аксалла* первоначально могло стоять нисколько не требующее перевода греческое ἀζαλέα, *жаркая*.

4. В употреблении τὰ βασίλεια в смысле «венцы, царские диадемы» Бернгарди (Analecta in Geogr. Min., p. 29) видел доказательство того, что Лжеплутарх был из Египта (так

всего помогает от слабого зрения, брошенный в теплую воду. Об этом рассказывает Никий Маллосский в книге «О камнях».

XXI. ΚΑΙΚΟΣ

1. *Κάϊκος ποταμός ἐστι τῆς Μυσίας· ἐκαλεῖτο δὲ τὸ πρότερον Ἀστραῖος ἀπὸ Ἀστραίου τοῦ Ποσειδῶνος. Οὗτος γὰρ παννυχίδος Ἀθηνᾶ τελουμένης Ἀλκίππην τὴν ἀδελφὴν κατὰ ἄγνοιαν βιασάμενος ἔφθειρεν καὶ ἀφείλετο τῆς προειρημένης τὸν δακτύλιον· τῇ δ' ἐπιούσῃ τῶν ἡμερῶν ἐπιγνοὺς τὴν σφραγῖδα τῆς ὁμαίμου, διὰ λύπης ὑπερβολὴν ἔβαλεν ἑαυτὸν εἰς ποταμὸν Ἄδουρον, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Ἀστραῖος μετωνομάσθη· προσηγορεύθη δὲ Κάϊκος δι' αἰτίαν τοιαύτην. Κάϊκος, Ἑρμοῦ καὶ Ὠκυρρόης παῖς νύμφης, Τίμανδρον ἕνα τῶν εὐγενῶν φονεύσας καὶ τοὺς προσήκοντας αὐτῷ φοβούμενος, ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς τὸν Ἀστραῖον, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Κάϊκος μετωνομάσθη.*

2. *Γεννᾶται δ' ἐν τῷ ποταμῷ μήκων, ἔχων ἀντὶ καρποῦ [πλῆθος] λιθαρίων· ἐκ τούτων μέλανά τινα τυγχάνει παρόμοια πυροῖς, ἅπερ οἱ Μυσοὶ ῥίπτουσιν εἰς ἠροτριωμένην χώραν· κἂν μὲν ἀφορία μέλλῃ γίνεσθαι, [ἐμ]μένει τῷ τόπῳ τὸ βληθέν· ἐὰν δ' εὐκαρπίαν σημαίνῃ, τὰ λιθάρια δίκην ἀκρίδων ἅλλεται.*

3. *Φύεται δὲ ἐν αὐτῷ καὶ βοτάνη ἡλιφάρμακος καλουμένη, ἣν οἱ ἰατροὶ τοῖς αἱμορραγοῦσιν ἐπιτιθέασι καὶ τῶν φλεβῶν μεσολαβοῦσιν τὴν ἔκρυσιν, καθὼς ἱστορεῖ Τιμαγόρας ἐν α' περὶ Ποταμῶν.*

как в этом же редком значении слово употребляется в Розеттской надписи); однако, возражает Мюллер, так же употребляет его точно не бывший египтянином Диодор (I, 47) и Аристотель, цитируемый в схолиях к Аристофану (Plut. 926).

1. *ἐστι*] e Stob. — *εἰς τὸν Ἀστραῖον*] M, *εἰς τὸν παυραῖον* cod.

2. *ἀντὶ καρποῦ πλῆθος λιθαρίων*] Ml, *ἀντὶ καρποῦ λιθων* cod., *ἀντὶ καρποῦ σπέρματα ὅμοια λιθάριων*? W, *ἀντὶ καρποῦ λίθον· ἐν τούτῳ μέλανά τινα λιθάρια τυγχάνει*? Hr — *πυροῖς*] Hr, *λύραις* cod. — *οἱ Μυσοὶ*] G, *ἡμίσυ* cod. — *ἐμμένει*] Hr, *μένει* cod., *μένει ἐν τόπῳ*? W

3. *ἐν αὐτῷ*] e Stob. — *ἡλιφάρμακος*] Stob., *φάρμακος* cod. — *αἱμορραγοῦσιν*] Stob., *αἱμορροούσαις*] cod. — *ἐπιτιθέασιν*] Stob., *τιθέασιν* cod. — *ἔκρυσιν*] Stob., *ἔκκρισιν* cod.

4. *Παράκειται δὲ αὐτῷ ὄρος Τεύθρας καλούμενον ἀπὸ Τεύθραντος, τοῦ Μυσῶν βασιλέως, ὃς κυνηγεσίας χάριν εἰς Θράσυλλον ὄρος ἀναβὰς καὶ θεασάμενος ὑπερμεγέθη κάπρον, ἐδίωκεν αὐτὸν μετὰ τῶν δορυφόρων· ὁ δὲ φθάσας κατέφυγεν ὡς ἱκέτης εἰς τὸ τῆς Ὀρθωσίας Ἀρτέμιδος ἱερόν· βιαζομένων δὲ πάντων εἰς τὸν ναὸν εἰσελθεῖν, ὁ σῦς ἀνθρωπίνῃ φωνῇ χρησάμενος ἐξάκουστον ἀνέκραγεν· Φεῖσαι, βασιλεῦ, τοῦ θρέμματος τῆς θεᾶς· μετεωρισθεὶς δὲ Τεύθρας ἀνεῖλεν τὸ ζῶον. Ἄρτεμις δὲ μισοπονήρως ἐνεγκοῦσα τὴν πρᾶξιν, τὸν μὲν κάπρον ἀνεζωπύρησεν· τῷ δὲ παραιτίῳ τοῦ συγκυρήματος ἀλφὸν μετὰ μανίας ἔπεμψε. Δυσωπούμενος δὲ τὸ πάθος ἐν ταῖς ἀκρωρείαις διέτριβεν. Λυσίππη δὲ, [ἡ] τοῦ προειρημένου μήτηρ, κατηχηθεῖσα περὶ τῶν συμβεβηκότων, εἰς τὴν ὕλην ἔδραμε, συνεπισπωμένη μάντιν τὸν Κοιράνου Πολύιδον· παρ᾽ οὗ πᾶσαν πολυπραγμονήσασα τὴν ἀλήθειαν, βουθυσίαις τῆς θεᾶς ἐξιλάσατο τὴν μισοπονηρίαν· καὶ ἀπολαβοῦσα τὸν υἱὸν σωφρονοῦντα, βωμὸν ἱδρύσατο Ἀρτέμιδος Ὀρθωσίας· κατεσκεύασε δὲ καὶ κάπρον χρύσεον, [εἰς] προτομὴν ἀνθρώπου ἠσκημένον. Οὗτος μέχρι νῦν [ὥσπερ] διωκόμενος, κυνηγῶν εἰσελθόντων εἰς τὸν ναὸν, φωνὴν ἀναδίδωσι φείδεσθε. Τεύθρας δὲ παρ᾽ ἐλπίδα τὴν ἀρχέτυπον μορφὴν ἀναλαβὼν, τὸ ὄρος μετωνόμασε Τεύθραντα.*

5. *Γεννᾶται δ᾽ ἐν αὐτῷ λίθος ἀντιπαθὴς καλούμενος, ὃς κάλλιστα ποιεῖ πρὸς ἀλφοὺς καὶ λέπρας δι᾽ οἴνου τριβόμενος καὶ τοῖς πάσχουσιν ἐπιτιθέμενος, καθὼς ἱστορεῖ Κτησίας Κνίδιος ἐν β′ περὶ Ὀρῶν.*

---

4. *καλούμενον*] e Stob. — *φεῖσαι*] ed. Lips. 1778, *φεῖσε* cod. — *κάπρον*] *ταῦρον* Ps.-Arstt. — *εἰς*] ante *προτομὴν* W — deinde *οὗτος μέχρι νῦν διωκόμενος ὑπὸ κυνηγῶν, εἰσελθὼν εἰς τὸν ναὸν* cod., ad sensum eorum quae ap. Ps.-Arstt. leguntur mutant Hr, Ml — *φείδεσθε*] W, *ἴδεσθε* cod.

5. *καλούμενος*] *προσονομαζόμενος* Stob. — *λέπρας*] G, *λεπροὺς* cod. — *καὶ τοῖς πάσχουσιν ἐπιτιθέμενος*] e Stob. Hr

21. КАИК

1. Каик это река в Мизии. Раньше она называлась Астрей по имени Астрея, сына Посейдона. Во время ночного празднества Афины он изнасиловал свою сестру Алкиппу, не зная, что это она, и стащил у нее с пальца колечко. Узнав на следующий день печатку родной сестры, он, не снеся горя, бросился в реку Адур, которая стала поэтому называться Астреем.

Каиком же она стала называться по следующей причине.

Каик, сын Гермеса и Окиррои, убил одного из знатных людей, Тимандра, и, боясь его родственников, бросился в реку Астрей, которая поэтому стала называться Каиком.

2. На Каике растет мак, у которого вместо плодов множество камешков. Мизийцы собирают эти черные семечки, похожие на пшеницу, и бросают во вспаханную землю. Если будет неурожай, то брошенное остается на месте; если же год будет изобильным, камешки прыгают наподобие саранчи.

3. Растет на Каике и трава, которая называется гелифармаком. Врачи прикладывают ее страдающим кровотечением и останавливают вытекающую из вен кровь.

Об этом рассказывает Тимагор в первой книге сочинения «О реках».

---

1. **Каик** — совр. Баркирчай.

2. Цветок с камешками вместо семян (или с семенами, твердыми, как камешки) известен древним врачам и натуралистам — *λιθόσπερμον* (или «Зевсова пшеница», или «гераклия», русск. воробейник — Plin. Hist. Nat. XXVII, 98; Dioscor. III, 141 etc.); однако Плутарх явно имеет в виду не его, придумывая уже третий прыгающий камень (после «братолюбов» и «храбротруса»).

4. Около Каика лежит гора Тевфрант, названная по имени Тевфранта, царя Мизии. Поднявшись во время охоты на гору Фрасилл и увидев огромного кабана, он со своими воинами стал преследовать его. Кабан же, опередив их, прибежал, словно проситель, в храм Артемиды Орфосии. Когда все пытались вломиться в святилище, свинья закричала человеческим голосом так, что все слышали: «Пощади, царь, вскормленного богиней!» Надменный же Тевфрант убил животное. Артемида же, разгневанная этим поступком, кабана воскресила, а виновного поразила лишаем и безумием. Терзаемый болезнью, он удалился в горы. Лисиппа же, его мать, узнав о случившемся, устремилась в лес; ее сопровождал прорицатель Полиид, сын Койрана. Узнав у него всю правду, она принесла в жертву быка и умилостивила гнев богини. Вернув себе выздоровевшего сына, она поставила жертвенник Артемиды Орфосии и поставила там и золотого кабана с человеческим лицом. Еще и сейчас, когда в храм входят охотники, он испускает крик «Пощадите», словно его преследуют. Тевфрант же, который вернул себе здоровье, хоть и вовсе не надеялся на это, назвал гору Тевфрантом.

5. На Тевфранте родится камень, который называется антипатом. Он лучше всего помогает против лишая и проказы, растертый в вине и приложенный к телу больного.

Об этом рассказывает Ктесий Книдский во второй книге трактата «О горах».

---

4. Кабана: у Лжеаристотеля, пересказывающего это место, говорится о быке.

5. Об **антипате** говорится у Диоскорида, V, 139.

XXII. ΑΧΕΛΩΟΣ

1. *Ἀχελῷος ποταμός ἐστι τῆς Αἰτωλίας· ἐκαλεῖτο δὲ πρότερον Θέστιος δι' αἰτίαν τοιαύτην. Θέστιος, Ἄρεως καὶ Πεισιδίκης παῖς, διά τινα περίστασιν οὐκιακὴν ἀποδημήσας εἰς Σικυῶνα καὶ ἱκανὸν χρόνον διατρίψας, ὑπέστρεψεν εἰς τὸ πατρῷον ἔδαφος· εὑρὼν δὲ τὸν υἱὸν Καλυδῶνα μετὰ τῆς μητρὸς ἀναπαυόμενον καὶ μοιχὸν εἶναι δόξας, κατ' ἄγνοιαν ἐγονοκτόνησε· τῆς δὲ ἀνελπίστου πράξεως αὐτόπτης γενόμενος, ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς ποταμὸν Ἄξενον, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Θέστιος μετωνομάσθη. Προσηγορεύθη δὲ Ἀχελῷος ἀπὸ τοιαύτης αἰτίας. Ἀχελῷος, Ὠκεανοῦ καὶ Ναΐδος νύμφης παῖς, τῇ θυγατρὶ Κλητορίᾳ κατ' ἄγνοιαν συνερχόμενος καὶ ἀθυμίᾳ συσχεθεὶς, ἑαυτὸν ἔβαλεν εἰς ποταμὸν Θέστιον, ὃς ἀπ' αὐτοῦ Ἀχελῷος μετωνομάσθη.*

2. *Γεννᾶται δ' ἐν τῷ ποταμῷ τούτῳ βοτάνη ζάκλον καλουμένη, παρόμοιος ἐρίῳ. Ταύτην τρίψας ἂν εἰς οἶνον βάλῃς, ὕδωρ γίνεται καὶ τὴν μὲν ὀσμὴν ἔχει, τὴν δὲ δύναμιν οὐκ ἔχει.*

3. *Εὑρίσκεται δὲ [ἐν αὐτῷ] καὶ λίθος πελιδνὸς τῷ χρώματι, λινουργὸς καλούμενος ἀπὸ τοῦ συγκυρήματος· ἐὰν γὰρ βάλῃς αὐτὸν εἰς ὀθόνιον, δι' ἔρωτος ἕνωσιν τὸ σχῆμα λαμβάνει καὶ †ἄργιον γίνεται, καθὼς ἱστορεῖ Ἀντισθένης ἐν γ' Μελεαγρίδος. Μέμνηται δὲ τούτων ἀκριβέστερον Διοκλῆς ὁ Ῥόδιος ἐν τοῖς Αἰτωλικοῖς.*

4. *Παράκειται δὲ αὐτῷ ὄρος Καλυδὼν καλούμενον, τὴν προσηγορίαν εἰληφὸς ἀπὸ Καλυδῶνος, τοῦ Ἄρεως καὶ Ἀστυνόμης παιδός. Οὗτος γὰρ κατ' ἄγνοιαν λουομένην ἰδὼν Ἄρτεμιν, τὴν μορφὴν τοῦ σώματος μετέβαλεν εἰς πέτραν· κατὰ δὲ πρόνοιαν θεῶν τὸ ὄρος καλούμενον Γυρὸν ἀπ' αὐτοῦ Καλυδὼν μετωνομάσθη.*

5. *Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ βοτάνη μύωψ προσαγορευομένη· ἣν ἐάν τις εἰς ὕδωρ βαλὼν νίψηται τὸ πρόσωπον, ἀποβάλλει τὴν ὅρασιν, Ἄρτεμιν δὲ ἐξιλασάμενος ἀνακτᾶται τὸ φῶς, καθὼς ἱστορεῖ Δέρκυλλος ἐν γ' Αἰτωλικῶν.*

---

1. *Κλητορίᾳ*] vel *Κλειτορίᾳ*? Hr, *Κλῃστορίᾳ* cod.
2. *ζάκλον*] «legendum forte *ζάγκλον*; sed nihil pertendo» M
3. *ἄργιον*] *ἀράχνιον*? W, *ὀθόνιον ἀραιὸν*? Hr (cf. Dioscor. V, 26), *[λιν]άριον*? Ml; totum locum sine suspicione citavit Hemsterhusius in Thes. Didot., vol. III, p. 1202.

22. АХЕЛОЙ

1. Ахелой это река в Этолии. Раньше она называлась Фестием по следующей причине.

Фестий, сын Ареса и Пейсидики, удалился из-за неблагоприятных обстоятельств в Сикион и, пробыв там долгое время, вернулся в отчий дом. Застав там своего сына Калидона спящим с матерью, он счел его прелюбодеем и по неведению совершил детоубийство. Увидев же то, чего никак не ждал, он бросился в реку Аксен, которая поэтому стала называться Фестием.

Ахелоем же она стала называться по следующей причине.

Ахелой, сын Океана и нимфы Наиды, по неведению сошелся со своей дочерью Клейторией. Охваченный отчаянием, он бросился в реку Фестий, которая поэтому стала называться Ахелоем.

2. На Ахелое растет трава, которая называется «закл», похожая на шерсть. Если ее растереть и бросить в вино, то оно станет водой, потеряв и вкус, и действие.

3. Там находят и камень черно-синего цвета, который называется «льноделом» из-за следующих обсто-

---

1. Лжеплутарх берет имена из генеалогии этолийских царей и расставляет их в произвольном порядке; **Фестия** обычно называют сыном Ареса, но от Демодики, а **Калидона** считают его прадедом (Apld. I, 7, 7). **Ахелой**, согласно Лжеплутарху, уже был сыном Океана, то есть речным богом, однако все равно должен был пройти обычную процедуру трагического злодеяния и утопления. Другая (кроме **Клейтории**) дочь Ахелоя, Эвримедуза (Clem. Rom. Hom. V, 13), у Климента Александрийского (Protr. II, 39, 6) названа дочерью Клейтора.

2. Описание действия травы **закл** подразумевает осведомленность о том, что Ахелой, самая полноводная река Греции, часто выступал как символ пресной воды вообще.

ятельств: если положить его на льняное полотно, он из стремления к подражанию изменит вид и станет белым (?).

Об этом рассказывает Антисфен в третьей песни «Мелеагриды». Подробнее об этом говорит Диокл Родосский в книге «Об Этолии».

4. Около Ахелоя лежит гора, которая называется Калидон по имени Калидона, сына Ареса и Астиохи. Нечаянно увидев купающуюся Артемиду, он превратился в скалу; тогда по воле богов гора, раньше называвшаяся Круглой, стала по его имени называться Калидоном.

5. На Калидоне растет трава, которая называется близорукой. Если кто-либо бросит ее в воду и умоется этой водой, то потеряет зрение, а если умилостивит Артемиду, то к нему вернется свет. Об этом рассказывает Деркилл в третьей книге трактата «Об Этолии».

XXIII. ΑΡΑΞΗΣ

1. *Ἀράξης ποταμός ἐστι τῆς Ἀρμενίας, τὴν προσηγορίαν εἰληφὼς ἀπὸ Ἀράξου τοῦ Πύλου. Οὗτος γὰρ πρὸς Ἄρβηλον τὸν πάππον ὑπὲρ σκήπτρων ἁμιλλώμενος, αὐτὸν κατετόξευσε· ποινηλατούμενος δὲ ὑπὸ Ἐρινύων, ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς ποταμὸν Βάκτρον, ὃς ἀπ᾽ αὐτοῦ Ἀράξης μετωνομάσθη, καθὼς ἱστορεῖ Κτησιφῶν ἐν α΄ Περσικῶν. Ἀράξης, Ἀρμενίων βασιλεὺς, πρὸς τοὺς πλησιοχώρους*

---

3. **«Мелеагрида»**: еще одна (ср. прим. к 18, 6) компенсация пробела в эпической традиции (настоящей «Мелеагриды» не было); при этом, в отличие от других придуманных Лжеплутархом поэм, неочевидно, в какой связи в «Мелеагриде» могли рассказываться приведенные выше истории.

1. *αὐτὸν*] G, *αὐτῷ* cod. — *Περσικῶν. Ἀράξης*] inter has voces excidit «... *(nomen auctoris) δὲ ἱστορίας μέμνηται τοιαύτης*» W — *προσαγαγὼν*] Hr, *προσάγων* cod.

Πέρσας πόλεμον ἔχων, καὶ τῆς παρατάξεως παρελκομένης, χρησμὸν ἔλαβεν, αὐτὸν ἔσεσθαι τῆς νίκης ἐγκρατῆ, ἐὰν θεοῖς ἀποτροπαίοις θύσῃ δύο τὰς εὐγενεστάτας παρθένους. Ὁ δὲ διὰ φιλότεκνον εὔνοιαν τῶν ἰδίων θυγατέρων φεισάμενος, ἑνὸς τῶν ὑποτεταγμένων κόρας περιβλέπτους τοῖς βωμοῖς προσαγαγὼν ἀνεῖλεν. Μνησάλκης δὲ, ὁ τῶν φονευθεισῶν πατὴρ, βαρέως ἤνεγκεν τὴν πρᾶξιν, πρὸς καιρὸν στέξας τὴν ὕβριν· ἀφορμῆς δὲ δραξάμενος ἐξ ἐνέδρας τὰς τοῦ τυράννου θυγατέρας ἀπέκτεινε, καὶ καταλιπὼν τὸ πατρῷον ἔδαφος εἰς Σκυθίαν ἔπλευσεν. Ἀράξης δὲ περὶ τῶν συμβεβηκότων κατηχηθεὶς καὶ ἀθυμίᾳ συσχεθεὶς, ἑαυτὸν ἔρριψεν εἰς ποταμὸν Ἅλμον, ὃς ἀπ᾽ αὐτοῦ Ἀράξης μετωνομάσθη.

2. Γεννᾶται δ᾽ ἐν αὐτῷ βοτάνη ἀράξα καλουμένη τῇ διαλέκτῳ τῶν ἐγχωρίων, ἥτις μεθερμηνευομένη λέγεται μισοπάρθενος· ἅμα γὰρ εὑρεθῆναι τὴν προειρημένην ὑπὸ παρθένων, αἵματος ποιησαμένη καταφορὰν μαραίνεται.

3. Καὶ λίθος δὲ [ἐν αὐτῷ] γεννᾶται σικύωνος καλούμενος μελάγχρους. Οὗτος ὅταν τις χρησμὸς ἀνθρωποκτόνος ἐκπέσῃ, τοῖς βωμοῖς τῶν ἀποτροπαίων θεῶν ὑπὸ δυεῖν ἐπιτίθεται παρθένων. Τοῦ δὲ ἱερέως αὐτοῦ τῇ μαχαίρᾳ θιγόντος, αἵματος ἔκρυσις γίνεται δαψιλής. Καὶ τούτῳ τῷ τρόπῳ τὴν δεισιδαιμονίαν τελέσαντες μετ᾽ ὀλολυγμῶν ἀναχωροῦσι, τὸν λίθον πρὸς τὸν ναὸν προσενέγκαντες, καθὼς ἱστορεῖ Δωρόθεος ὁ Χαλδαῖος ἐν β′ περὶ Λίθων.

4. Παράκειται δὲ αὐτῷ ὄρος Δίορφον καλούμενον ἀπὸ Διόρφου τοῦ γηγενοῦς, περὶ οὗ φέρεται ἱστορία τοιαύτη. Μίθρας υἱὸν ἔχειν βουλόμενος καὶ τὸ τῶν γυναικῶν γένος μισῶν πέτρᾳ τινὶ προσεξέθορεν. Ἔγκυος δὲ ὁ λίθος γενόμενος μετὰ τοὺς ὡρισμένους χρόνους ἀνέδωκε νέον τοὔνομα Δίορφον· ὃς ἀκμάσας καὶ εἰς ἅμιλλαν ἀρετῆς τὸν Ἄρη προκαλεσάμενος ἀνῃρέθη· οὗτος κατὰ πρόνοιαν θεῶν εἰς ὁμώνυμον ὄρος μετεμορφώθη.

5. Γεννᾶται δ᾽ ἐν αὐτῷ δένδρον ῥοιᾷ παραπλήσιον, καρπὸν δ᾽ ἄφθονον τρέφει μήλων τὴν γεῦσιν ἔχοντα, σταφυλῇ παρόμοιον.

---

3. δυεῖν] δυοῖν G — ἔκρυσις] Reinesius, cl. 21, 3; ἔκλυσις cod., ἔκχυσις? W

4. Δίορφον] Δίμορφον? Hr, Δικόρυφον? Ml — προσεξέθορεν] Dw, W, προσεξέθερεν cod.

Ἐκ ταύτης τῆς ὀπώρας πέπειρον ἐάν τις καθελὼν ὀνομάσῃ τὸν Ἄρη, γίνεται κρατούμενος χλωρός, καθὼς ἱστορεῖ Κτησιφῶν ἐν ιγʹ περὶ Δένδρων.

23. АРАКС

1. Аракс это река в Армении, получившая такое название из-за Аракса, сына Пила. Он боролся за царскую власть со своим дедом Арбелом и убил его выстрелом из лука. Когда в наказание за ним погнались Эриннии, он бросился в реку Бактр, которая стала называться Араксом.

Об этом рассказывает Ктесифон в первой книге сочинения «О Персии».

[... же рассказывает следующее.]

Аракс, царь Армении, воевал с соседними персами и перед началом битвы получил предсказание, что одержит победу, если отвратит гнев богов, принеся в жертву двух самых знатных девушек. Пощадив из отцовской любви собственных дочерей, он велел привести к алтарям самых красивых девушек из его подданных и убить. Мнесалк же, отец убитых, удрученный этим, скрыл свой гнев. Коварно напав на дочерей тирана, он убил их и, оставив отчий дом, отплыл в Скифию. Аракс же, услышав о случившемся, предался отчаянию и бросился в реку Соленую, которая поэтому стала называться Араксом.

2. На Араксе растет трава, которая на языке местных жителей называется араксой, что переводится «ненавидящая девушек»; ведь когда ее находят девушки, из нее начинает течь кровь, и она засыхает.

3. На Араксе родится и камень, который называется сикионом, черного цвета. Когда оракул требует человеческого жертвоприношения, две девушки кладут его на алтарь бога, которого нужно умилостивить.

Жрец касается его мечом, и из него обильно течет кровь. Почтив таким образом бога, камень с причитаниями несут к храму. Об этом рассказывает Дорофей Халдейский во второй книге трактата «О камнях».

4. Около Аракса лежит гора Диорф, названная так по имени землерожденного Диорфа, о котором рассказывают следующее.

Митра желал иметь сына, но ненавидел женский род и сошелся поэтому с некой скалой. Забеременев, камень через положенное время произвел на свет сына по имени Диорф. Когда он возмужал, то поспорил с Аресом, кто из них доблестнее, был убит и по воле богов превратился в гору, получившую его имя.

5. На Диорфе растет дерево, похожее на гранат; оно приносит обильный урожай плодов, вкусом похожих на виноград. Если кто-либо выберет из этих плодов спелый и назовет имя Ареса, то плод прямо у него в руках станет зеленым.

Об этом рассказывает Ктесифон в тринадцатой книге трактата «О деревьях».

XXIV. ΤΙΓΡΙΣ

1. *Τίγρις ποταμός ἐστι τῆς Ἀρμενίας, τὸν ῥοῦν καταφέρων εἴς τε τὸν Ἀράξην καὶ τὴν Ἀρσακίδα λίμνην· ἐκαλεῖτο δὲ τὸ πρότερον Σόλλαξ, ὅπερ μεθερμηνευόμενόν ἐστι κατωφερής· ὠνομάσθη δὲ Τίγρις δι' αἰτίαν τοιαύτην. Διόνυσος κατὰ πρόνοιαν Ἥρας ἐμμανὴς γενόμενος, περιήρχετο γῆν τε καὶ θάλατταν, ἀπαλλαγῆναι τοῦ πάθους θέλων· γενόμενος δὲ ἐν τοῖς κατ' Ἀρμενίαν τόποις καὶ*

---

4. **Диорф ... Диорфа**: по догадке Герхера, «Диморф», т. е. «двувидный», обычный эпитет «землерожденных» гигантов, указывающий на их змеиный хвост.

1. *Σόλλαξ*] *Σύλαξ* Eust. — *διελθεῖν*] *εἰς τὸ πέραν διαβῆναι* Eust. — *προσενεχθεὶς*] *πρόσω ἐνεχθεὶς*? W, *εἰς τὸ πέραν ἐνεχθεὶς*? Hr, Ml

τὸν προειρημένον ποταμὸν διελθεῖν μὴ δυνάμενος, ἐπεκαλέσατο τὸν Δία· γενόμενος δὲ ἐπήκοος ὁ θεὸς, ἔπεμψεν αὐτῷ τίγριν, ἐφ' ἧς ἀκινδύνως †προσενεχθεὶς, εἰς τιμὴν τῶν συμβεβηκότων τὸν ποταμὸν Τίγριν μετωνόμασεν, καθὼς ἱστορεῖ Θεόφιλος ἐν α' περὶ Λίθων. Ἑρμησιάναξ δὲ ὁ Κύπριος ἱστορίας μέμνηται τοιαύτης. Διόνυσος ἐρασθεὶς Ἀλφεσιβοίας νύμφης καὶ μήτε δώροις μήτε δεήσεσι πεῖσαι δυνάμενος, εἰς (τὴν προειρημένην) τίγριν μετέβαλε τὴν μορφὴν τοῦ σώματος· καὶ φόβῳ πείσας τὴν ἀγαπωμένην, ἀνέλαβεν αὐτήν· καὶ διὰ τοῦ ποταμοῦ κομίσας ἐγέννησεν υἱὸν Μῆδον· ὃς ἀκμάσας εἰς τιμὴν τοῦ συγκυρήματος τὸν ποταμὸν Τίγριν μετωνόμασεν, καθὼς ἱστορεῖ Ἀριστώνυμος ἐν γ' **.

2. Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ λίθος μυνδὰν καλούμενος, πάνυ λευκός· ὃν ἐὰν κατέχῃ τις, οὐδὲν ὑπὸ θηρίων ἀδικεῖται, καθὼς ἱστορεῖ Λέων ὁ Βυζάντιος ἐν γ' περὶ Ποταμῶν.

3. Παράκειται δὲ αὐτῷ ὄρος Γαύρανον καλούμενον ἀπὸ Γαυράνου τοῦ Ῥωξάνου σατράπου· ὃς εὐσεβὴς ὢν πρὸς τοὺς θεοὺς, τῆς ἀμοιβαίας ἔτυχε χάριτος. Μόνος [γὰρ] ἐκ πάντων τῶν Περσῶν τριακοσίοις ἔτεσι ζήσας καὶ ἄτερ νόσου τινὸς τελευτήσας, ἐν ταῖς ἀκρωρείαις τοῦ Μαυσωροῦ ταφῆς ἠξιώθη πολυτελοῦς· κατὰ δὲ πρόνοιαν θεῶν τὸ ὄρος ἀπ' αὐτοῦ Γαύρανον μετωνομάσθη.

4. Γεννᾶται δ' ἐν αὐτῷ βοτάνη κριθῇ παρόμοιος ἀγρίᾳ· ταύτην οἱ ἐγχώριοι θερμαίνοντες ἐν ἐλαίῳ καὶ ἀλειφόμενοι οὐδέποτε νοσοῦσι μέχρι τῆς ἀνάγκης τοῦ θανάτου, καθὼς ἱστορεῖ Σώστρατος ἐν α' Μυθικῶν ἱστοριῶν συναγωγῆς.

---

2. μυνδὰν] λιθὸν μωθῶν (μωδᾶν cod. L ap. Westerm.) κεκλημένων βαρβαρικῶς Ps.-Arstt.

3. Γαύρανον] Γαυρὰν cod. — τοῦ Μαυσωροῦ ... Γαύρανον] M, τοῦ Γαυράνου ... Μαύσορον cod.

4. κριθῇ παρόμοιος] Stob., ἢ κριθῇ ἐστι παρόμοιος cod. — ἐλαίῳ καὶ ἀλ.] Stob., ἐλέῳ καταλ. cod. — τῆς ἀνάγκης] τῆς e Stob. — μυθικῶν ἱστοριῶν συναγωγῆς] Bernhardy, Anal. p. 29; μυθικῆς ἱστορίας ἀγωγῆς cod.

24. ТИГР

1. Тигр это река в Армении, впадающая в Аракс и в Арсакидское озеро. Раньше она называлась Соллаксом, что переводится «несущийся». Тигром же она была названа по следующей причине.

Дионис, впав по воле Геры в безумие, скитался по морям и землям, ища исцеления. Очутившись в Армении, он не мог перейти эту реку и воззвал к Зевсу. Услышав его, бог послал ему тигрицу, на которой бог благополучно переправился через реку и в память о случившемся назвал ее Тигром. Об этом рассказывает Феофил в первой книге трактата «О камнях».

Гермесианакс же Кипрский рассказывает следующее.

Когда Дионис, полюбив нимфу Алфесибею, не мог склонить ее ни дарами, ни просьбами, он превратился в тигра и овладел возлюбленною, склонив ее страхом. Потом он переправил ее на другой берег реки, и там она родила сына Меда. Возмужав, Мед в память о происшедшем назвал реку Тигром. Об этом рассказывает Аристоним в третьей книге ...

2. На Тигре родится камень, который называется минданом, совершенно белый. Тому, у кого он есть, не причиняют никакого вреда дикие звери. Об этом рассказывает Леон Византийский в третьей книге трактата «О реках».

3. Около Тигра лежит гора, которая называется Гавран по имени сатрапа Гаврана, сына Роксана. Будучи благочестив, он получил за это дар богов: он один

---

1. **Тигр,** впадающий в Аракс — ошибка. **Арсакидское озеро:** Мюллер отыскивает ученые истоки этой географической фантазии, вызванной, скорее всего, просто тем, что Арсак — самое известное парфянское имя, а Двуречье ассоциировалось для Лжеплутарха с парфянами (ср. 20, 1).

из всех персов прожил триста лет и, скончавшись без всякой болезни, удостоился роскошной усыпальницы на горе Мавсор, которая по воле богов стала называться Гавраном.

4. На Гавране растет трава, похожая на дикий ячмень. Разогревая ее в горячем масле и умащаясь, местные жители никогда не болеют, пока не придет сужденная кончина.

Об этом рассказывает Сострат в первой книге «Свода мифов».

XXV. ΙΝΔΟΣ

1. *Ἰνδὸς ποταμός ἐστι τῆς Ἰνδίας, ῥοίζῳ μεγάλῳ καταφερόμενος εἰς τὴν τῶν Ἰχθυοφάγων γῆν· ἐκαλεῖτο δὲ πρότερον Μαυσωλὸς ἀπὸ Μαυσωλοῦ τοῦ Ἡλίου· μετωνομάσθη δὲ δι᾽ αἰτίαν τοιαύτην. Τῶν τοῦ Διονύσου μυστηρίων τελουμένων καὶ τῶν ἐγχωρίων τῇ δεισιδαιμονίᾳ προσευκαιρούντων, Ἰνδὸς, τῶν ἐπισήμων νέος, τὴν Ὀξυάλκου τοῦ βασιλέως θυγατέρα Δαμασαλκίδαν κανηφοροῦσαν βιασάμενος ἔφθειρεν· ζητούμενος δὲ ὑπὸ τοῦ τυράννου πρὸς κόλασιν, διὰ φόβον ἑαυτὸν ἔβαλεν εἰς ποταμὸν Μαυσωλὸν, ὃς ἀπ᾽ αὐτοῦ Ἰνδὸς μετωνομάσθη.*

2. *Γεννᾶται δ᾽ ἐν αὐτῷ λίθος [...] προσαγορευόμενος, ὃν ὅταν φορῶσιν αἱ παρθένοι, κατ᾽ οὐδένα τρόπον τοὺς φθορέας φοβοῦνται.*

3. *Φύεται δὲ ἐν αὐτῷ καὶ βοτάνη καρπύλη καλουμένη, βουγλώσσῳ παρόμοιος· ποιεῖ δ᾽ ἄριστα πρὸς ἰκτέρους διὰ ὕδατος χλιαροῦ διδομένη τοῖς πάσχουσιν, καθὼς ἱστορεῖ Κλειτοφῶν ὁ Ῥόδιος ἐν α′ Ἰνδικῶν.*

---

1. *Ὀξυάλκου*] *Ὀξυάρτου?* Ml — *κανηφοροῦσαν*] G, *κανηφουροῦσαν* cod. — *ἔβαλεν*] G, *ἔβαλλεν* cod.

3. *ἐν αὐτῷ* et *καρπύλη* (v. l. *καρπύκη*) *καλουμένη*] e Stob. — *ἰκτέρους*] Stob., *ἰκτερικοὺς* cod. — *τοῖς πάσχουσι*] e Stob. — *ἐν α′*] Stob., *ἐν ι′*] cod.

4. *Παράκειται δ᾽ αὐτῷ ὄρος, Λίλαιον προσαγορευόμενον ἀπὸ Λιλαίου ποιμένος. Οὗτος γὰρ δεισιδαίμων ὑπάρχων καὶ μόνην σεβόμενος τὴν Σελήνην, νυκτὸς βαθείας ἐξετέλει τὰ μυστήρια τῆς προειρημένης. Βαρέως δὲ οἱ λοιποὶ θεοὶ [τὴν] ἀτιμίαν φέροντες, ἔπεμψαν αὐτῷ δύο λέοντας ὑπερμεγέθεις· ὑφ᾽ ὧν διασπαραχθεὶς τὸν βίον ἐξέλιπε. Σελήνη δὲ τὸν εὐεργέτην μετέβαλεν εἰς ὁμώνυμον ὄρος.*

5. *Γεννᾶται δὲ ἐν αὐτῷ λίθος κλειτορὶς ὀνομαζόμενος· ἔστι δὲ λίαν μελάγχρους· ὃν κόσμου χάριν οἱ ἐγχώριοι φοροῦσιν ἐν τοῖς ὠταρίοις, καθὼς ἱστορεῖ ᾽Αριστοτέλης ἐν δ′ περὶ Ποταμῶν.*

25. ИНД

1. Инд это река в Индии, с большим шумом несущаяся в землю ихтиофагов. Раньше она называлась Мавсолом по имени Мавсола, сына Гелиоса. Переименована же она была по следующей причине.

Когда справлялись мистерии Диониса и местные жители совершали обряды, Инд, знатный юноша, изнасиловал Дамасалкиду, дочь царя Оксиалка, участвовавшую в шествии канефор. Царь стал искать его, чтобы наказать, и он от страха бросился в реку Мавсол, которая поэтому стала называться Индом.

2. В Инде родится камень, который называется ..., и девушкам, которые носят его, не могут причинить вреда насильники.

3. На Инде растет и трава, которая называется плодянкой, похожая на воловик. Она лучше всего помогает от желтухи, если дать ее больному в теплой воде.

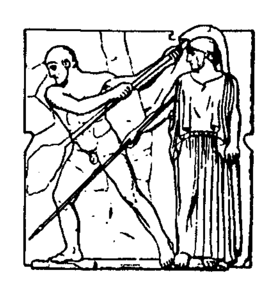
Об этом рассказывает Клитофон Родосский в первой книге трактата «Об Индии».

4–5. *μόνην*] Hr, *μόνος* cod. — *ἐξετέλει*] W, *ἐκτελεῖ* cod. — *τὴν*] suppl. W — *«mox ἐξέλειπεν et κλιτορὶς et τοῖς σωταρίοις, quae em. editt»*. Ml denique fatigatus.

4. Около Инда лежит гора Лилей, названная так по имени пастуха Лилея. Он был очень благочестив, но почитал одну только луну и глубокой ночью справлял ее таинства. Остальные боги, разгневанные бесчестьем, наслали на него двух огромных львов. Разорванный ими, он окончил жизнь. Селена же превратила почитавшего ее в гору, названную его именем.

5. На Лилее родится камень, который называется клиторидом, совершенно черный. Местные жители ради красоты носят его в ушах.

Об этом рассказывает Аристотель в четвертой книге трактата «О реках».

---

5. Если бы мы принимали гипотезу, что Лжеплутарх написал все это как сознательную пародию на античную науку, нам следовало бы, наверно, утверждать, что неожиданным упоминанием **Аристотеля** в последней строке трактата, после десятков вымышленных авторов, и нелепым приписыванием ему собственного сочинения «О реках» Лжеплутарх намекает не на что иное, как на осмеянное им учение Стагирита о *фабуле* и *единстве действия*.

НЕКОТОРЫЕ ДАТЫ[1]

. . . .

1206 (1184) до Р. Х. — падение Трои.

1126 (1104) — возвращение Гераклидов; конец мифологической эпохи.

(XI–IX вв. — «темные века»)

«Историческая» эпоха:

776	«Первая Олимпиада»
753	«Основание Рима»
ок. **750**	«Илиада» Гомера?
732	Основание Сиракуз; Эвмел Коринфский
ок. **725**	«Одиссея» Гомера?
ок. **700**	Гесиод?
VII–VI вв.	Поэмы эпического кикла;
ок. **648**	Писандр Камирейский (по «Суде») и канон 12-ти подвигов Геракла?
ок. **620**	Херсий Орхоменский? (хорографический эпос)
632? 604?	Эпименид?

---

[1] Почти все даты приблизительны. Большинство (в том числе самые сомнительные, например, время создания гомеровских поэм) приводится по The Oxford Classical Dictionnary ([3]1996). Если при имени датируемого лица не стоит ни *р.* (т. е. «родился»), ни † («умер»), имеется в виду дата «расцвета».

585	Затмение, предсказанное Фалесом
566	«Телегония» Эвгаммона, по Евсевию (последняя киклическая поэма);
546	† Анаксимандр
544	Ферекид Сиросский
ок. **535**	Анаксимен?
ок. **530**	Пифагор приезжает в Кротон
525	Феаген из Регия (начало аллегорического толкования?)
516	Эпихарм? Аристей Проконнесский (по «Суде»); *р.* Парменид
501	первая из известных од Пиндара
500	Ономакрит и орфические поэмы?
480	битва при Саламине; † Гекатей?; *р.* Гелланик?
472	† Ксенофан; «Персы», самая ранняя из датированных трагедий Эсхила
464	*р.* Паниасид?
456	Ферекид Афинский (по Евсевию)
450	† Эсхил
442	«Антигона» Софокла?
438	«Алкеста» Еврипида
432	† Эмпедокл
ок. **425**	† Геродот? Его современник (по «Суде») — Дамаст Сигейский
406	† Еврипид
404	† Софокл
ок. **400**	Геродор Гераклейский
ок. **395**	† Гелланик?
388	аттидограф Клидем?

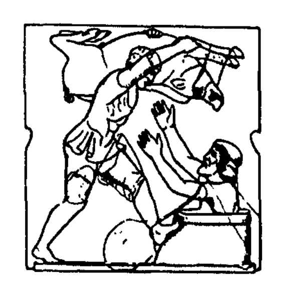
ок. 350	Асклепиад из Трагила?
347	† Платон
ок. 341–340	*р.* Филохор и Эпикур
330	† Эфор
323	† Александр Македонский; начало «эллинизма»
322	† Аристотель
312	Дикеарх (первая книга ипотес?)
280	Эвгемер?
276	† Дурис Самосский
270	† Эпикур
268	Каллимах — глава Александрийской библиотеки?
264	Паросский мрамор
ок. 260	† Тимей и Филохор
ок. 250	Дионисий Скитобрахион? Аполлоний Родосский?
232	† Клеанф
ок. 220	Истр и Филостефан
ок. 214	*р.* Деметрий из Скепсиса?
ок. 200	Неанф Кизикский; Гегесианакс Александрийский
после 197/6	«Александра» [Ликофрона]?
194	Аристофан Византийский возглавил Александрийскую библиотеку (?)
ок. 190	Полемон Илионский; Мнасея из Патр?
146	конец «Хроники» Аполлодора Афинского (?); разрушение Коринфа Муммием («конец греческой свободы»)
ок. 70	Александр Полигистор; Лисимах Александрийский?

31	начало «империи»
ок. 30	«Историческая библиотека» Диодора Сицилийского
27	† Варрон
19	† Вергилий
кон. I века	Гай Юлий Гигин
ок. 8	«Римские древности» Дионисия Галикарнасского?
кон. I в. до Р. Х. — нач. I в. от Р. Х.	*Διηγήσεις* Конона

от Р. Х.:

ок. 5	«Метаморфозы» Овидия
21	† Страбон?
сер. I века	Корнут
91	«Фиваида» Стация
ок. 95	«Аргонавтика» Валерия Флакка?
I—II века	Птолемей Гефестион?
нач. II века	«Библиотека» Лжеаполлодора?
121	† Плутарх?
сер. II века	(«эпоха Антонинов»: «Мифы» и «Астрономия» Гигина, «Превращения» Антонина Либерала)
ок. 149	«Описание Эллады» Павсания?
ок. 185	† Элий Аристид
кон. II века	«О реках» Лжеплутарха?
нач. III века	«О героях» Филострата; греческий оригинал «Диктиса Критского» (?)
207	перевод Гигина на греческий
ок. 215	† Климент Александрийский?

ок. 270	† Плотин
ок. 275	Менандр Лаодикейский?
383/4	действие «Сатурналий» Макробия (в беседе участвует Сервий)
391	«Миланский эдикт» Феодосия: закрытие языческих храмов.

INDEX LOCORUM

Трагедии трех трагиков

ЕВРИПИД

ЭСХИЛ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

14 Зак. 3209

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указатель не включены имена героев мифов, но только имена древних и новых поэтов, писателей и ученых, излагавших мифы или писавших о них. Из них в указатель не включены имена из больших списков и таблиц: списка хорографов (с. 78), мнимых источников Лжеплутарха (с. 269), имена малых трагиков из таблицы мифопей (с. 166).

НЕКОТОРЫЕ ИЗДАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

«Мифы» и «Астрономия» Гигина, Гай Юлий Гигин

Julii Hygini Augusti liberti fabularum liber ad omnium poetarum lectionem mire necessarius et antehac numquam excusus / Ed. J. Micyllus. Basileae, 1535.

Hygini Fabulae / Ed. Bernhardus Bunte. Lips., 1856.

Hygini Fabulae / Ed. M. Schmidt. Jenae, 1872.

Hygini Fabulae / Ed. H. I. Rose. Leiden, 1933, 1963, 1967.

Hygini Fabulae / Ed. P. K. Marshall. Stutgardiae — Lipsiae, 1993.

Dosithei Magistri interpretamenta / Ed. Böcking, Bonn, 1832.

Hygine. L'Astronomie Poétique / Par A. Le Beuffle. Paris, Les Belles Lettres, 1983.

C. Julii Hygini fragmenta // Grammaticae Romanae Fragmenta / Ed. G. Funaioli, 1907.

C. Julii Hygini fragmenta // Historicorum Romanorum Reliquiae / Ed. H. Peter. Vol. 2.

Фульгенций и Ватиканские мифографы

Fabii Planciadi Fulgentii opera / Ed. R. Helm. Leipz., Teubner, 1898.

Fulgentius The Mythographer. Translated, with Introductions, by L. G. Whitebread. Ohio University Press, 1971.

Scriptores rerum mythicarum latini tres Romae nuper reperti / Ed. G. H. Bode. Cellis, 1834.

Le Premier Mythographe de Vatican / Texte établi par Nevio Zorzetti ... et traduit par Jacques Berlioz... P., Les Belles Lettres, 1995.

Другие мифографы

Antoninus Liberalis. Les Métamorphoses / Texte établi, traduit et commenté par M. Papathomopoulos. P., Les Belles Lettres, 1968.

Apollodorus. The Library. With an engl. transl. by sir J. G. Frazer, 1921.

Demetrii Scepsii quae supersunt / Ed. R. Gäde. Diss., Greifswald, 1880.

Eratosthenica / Ed. G. Bernhardy. Berlin, Reimer, 1822; repr. Osnabrück, Biblio Verlag, 1968.

Pseudo–Eratosthenis catasterismi / Ed. A. Olivieri // Mythographi Graeci, III, 1. Leipzig, Teubner, 1897.

Euhemerus. Testimonianze e frammenti / A cura di G. Vallauri, 1956.

Fragmenta Hesiodea / Ed. R. Merkelbach and M. L. West. Oxford, Clarendon Press, 1967.

Hecataei Milesii Fragmente. Testo, Introduzione, Appendici e Indici / A cura di Giuseppe Nenci // Biblioteca di Studi Superiori, XXII. Firenze, 1954.

Joannis Boccatii *περὶ γενεαλογίας* deorum libri quindecim cum adnotationibus Jacobi Micylli; ejusdem de montium, sylvarum, fontium, lacuum, fluviorum, stagnorum et marium nominibus liber. Huc accessit rerum et fabularum scitu dignarum copiosus index. Basileae apud Joannem Hervagium mense septembri anno MDXXXII (1532).

Palaephati De incredibilibus / Ed. N. Festa // Mythographi Graeci 3. 2. Leipzig, 1902.

Фрагменты историков

Historicorum Graecorum antiquissimorum fragmenta / Ed. F. Creuzer. Heidelberg, 1806.

Fragmenta historicorum Graecorum / Ed. C. et Th. Mulleri. Parisiis, Didot, 1848. Vol. I–V.

Die Fragmente der Griechischer Historiker / Von F. Jacoby. Leiden, Brill, 1934–1957. T. IA–IIIC.

Die «Kleinen» griechischen Historiker heute / Ed. H. J. Mette // Lustrum, 21, 1978.

Фрагменты эпиков, трагиков, комедиографов

Epicorum Graecorum Fragmenta / Ed. M. Davies. Göttingen, Vandenhöck & Ruprecht, 1988.

Tragicorum Graecorum Fragmenta / Ed. A. Nauck. Lipsiae, Teubner, ²1889.

Tragicorum Graecorum Fragmenta: vol. 1 — Fragmenta Tragicorum Minorum / Ed. B. Snell, 1986; vol. 2 — Fragmenta Adespota / Ed. R. Kannicht et B. Snell, 1981; vol. 3 — Aeschylus / Ed. S. Radt, 1985; vol. 4 — Sophocles / Ed. S. Radt, 1977. Göttingen, Vandenhöck & Ruprecht.

Die Griechische Tragödien mit Rücksicht auf den epischen Cyclus geordnet von F. G. Welcker // Rheinishes Museum, Suppl. 2, 1–3. Bonn, 1839–1841.

Tragicorum Graecorum Fragmenta, Supplementum / Ed. B. Snell, Hildesheim, 1964, F 360a; ср. F 360 Nauck).

Nova fragmenta Euripidea in papyris reperta / Ed. C. Austin. Berlin, De Gruyter, 1968.

Supplementum Euripideum / Ed. J. von Arnim. Bonn, 1913.

Euripides Alexandros und andere Strassburger Papyri mit Fragmenten griechischer Dichter / Ed. B. Snell // Hermes Einzelschriften, 5, 1937.

L' Antiope d' Euripide / Par J. Kambitzis. Athènes, 1972.

Scholia in Euripidem / Ed. E. Schwartz. Berlin, 1887–1891, repr. De Gruyter, 1966.

Argumenta fabularum Aristophani tributa / Ed. A. Nauck // Aristophanis Byzantii grammatici Alexandrini fragmenta. Halle, 1848; repr. Hildesheim, 1963.

Comicorum Atticorum fragmenta / Ed. T. Kock. Leipzig, Teubner, 1880. Vol. I–II.

The Fragments of Attic Comedy / By J. M. Edmonds. Leiden, 1957–1961. Vol. I–III.

Comicorum Graecorum Fragmenta / Ed. G. Kaibel. Berlin, 1899.

Хронография

Hippolytus Werke / Ed. R. Helm post A. Bauer, vol. 4 // Die griechischen christlichen Schriftsteller 46. Berlin, Akademie-Verlag, 1955

Julii Africani chronographiae fragmenta / Ed. M. J. Routh // Reliquiae sacrae, vol. 2. Oxford University Press, 1846; repr. Hildesheim, Olms, 1974.

Les «Cestes» de Julius Africanus / Ed. J. R. Vieillefond. Florence, Sansoni, 1970.

Eusebi chronicorum canonum quae supersunt / Ed. A. Schöne. 2 vols. Berlin, Weidmann, 1866–1875; repr. 1967.

Ioannis Malalae chronographia / Ed. L. Dindorf // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonn, Weber, 1831,

Georgii monachi chronicon lib. 1–4 / Ed. C. de Boor. 2 vols. Leipzig, Teubner, 1904; repr. Stuttgart, 1978.

Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope / Ed. I. Bekker // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. 2 vols. Bonn, Weber, 1838–1839.

Georgius Syncellus. Ecloga chronographica / Ed. A. A. Mosshammer. Leipzig, Teubner, 1984.

Парадоксография

Paradoxographorum Graecorum reliquiae / Ed. A. Giannini. Milan, Istituto Editoriale Italiano, 1965, pp. 21–23.

Mirabilium auscultationes / Ed. I. Bekker // Aristotelis opera, vol. 2. Berlin, Reimer, 1831, repr. De Gruyter, 1960.

Другие памятники

Die Schule des Aristoteles / Ed. F. Wehrli. Vol. 7, Basel, Schwabe, 1969.

Collectanea Alexandrina / Ed. J. U. Powell. Oxford, Clarendon Press, 1925. repr. 1970.

Supplementum Hellenisticum / Ed. H. Lloyd-Jones & P. Parsons. Berlin, De Gruyter, 1983.

Catalogus codicum astrologorum Graecorum. Codices Parisini // Ed. W. Kroll and A. Olivieri, 8, 3. Brussels, 1912.

Geographi Graeci minores / Ed. K. Müller. Vol. 2. Paris, Didot, 1861; repr.: Hildesheim, Olms, 1965.

Ioannis Stobaei anthologium / Ed. C. Wachsmuth and O. Hense. 5 vols. Berlin, Weidmann, 1884–1912, repr. 1958.

Переводы мифографов

Антонин Либерал. Метаморфозы / Перевод, статья, комментарии В. Н. Ярхо // ВДИ. 1997. № 3–4.

Аполлодор. Мифологическая библиотека / Пер., статья, комментарии В. Г. Боруховича. Л., 1972.

Гигин. Астрономия / Перевод и комм. А. И. Рубана. СПб, 1997.

Гигин. Мифы / Перевод, статья, комментарии Д. О. Торшилова. СПб, 1997.

Дарет Фригийский. История о разрушении Трои / Перевод, статья, комментарии А. В. Захаровой. СПб, 1997.

Палефат. О невероятном / Перевод, статья, комментарии В. Н. Ярхо // ВДИ. 1988. № 3–4.

Парфений. О любовных страстях / Перевод, статья, комментарии В. Н. Ярхо // ВДИ. 1992. № 2–3.

[*Эратосфен*]. Превращения в созвездия // Наука, небо, поэзия. Античные авторы о небесных светилах, об их именах, восходах, заходах и приметах погоды / Пер. А. А. Россиуса. М., 1992.

Ярхо В. Н. Euripides non satis notus. Трагедии интриги и случая // ВДИ. 1995. № 3–4; 1996. № 1.

СОКРАЩЕНИЯ

FGrHist — Die Fragmente der Griechischer Historiker / Von F. Jacoby. Leiden, Brill, 1934–1957. T. IA–IIIC.

Jac. — то же самое.

Mette — Die «Kleinen» griechischen Historiker heute / Ed. H. J. Mette // Lustrum, 21, 1978.

MW — Fragmenta Hesiodea / Ed. R. Merkelbach and M. L. West. Oxford, Clarendon Press, 1967.

Песни «Илиады» (большие буквы) и «Одиссеи» (маленькие):

Α α	I	*Η η*	VII	*Ν ν*	XIII	*Τ τ*	XIX
Β β	II	*Θ θ*	VIII	*Ξ ξ*	XIV	*Υ υ*	XX
Γ γ	III	*Ι ι*	IX	*Ο ο*	XV	*Φ φ*	XXI
Δ δ	IV	*Κ κ*	X	*Π π*	XVI	*Χ χ*	XXII
Ε ε	V	*Λ λ*	XI	*Ρ ρ*	XVII	*Ψ ψ*	XXIII
Ζ ζ	VI	*Μ μ*	XII	*Σ σ*	XVIII	*Ω ω*	XXIV

СОДЕРЖАНИЕ

Директор издательства:
О. Л. Абышко
Главный редактор:
И. А. Савкин

Художественный редактор:
Н. И. Пашковская

Редактор:
Л. А. Абышко

Корректор:
Н. М. Баталова

Оригинал-макет:
Ж. О. Григорьева

Дмитрий Олегович Торшилов «Античная мифография: миф и единство действия». *Серия «Античная библиотека», раздел «Исследования».*

ИЛ № 064366 от 26.12.1995 г.

Издательство «Алетейя»:
193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 13
Телефон издательства: (812) 567–2239
Факс: (812) 567–2253

Сдано в набор 20.09.1998 г. Подписано в печать 10.03.1999 г.
Формат $70\times100^1/_{32}$. 13,5 п. л. Тираж 1500 экз. Заказ № 3209.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в Санкт-Петербургской типографии
«Наука» РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, д. 12

Printed in Russia